

НИНА БЛАЗОН

ВРЕМЯ
ВОЛКА

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

Их любовь меркнет под бременем тёмных теней: Томас и Изабелла следят за убийцей, который бродит по лесам Франции. Кто прячется за жестокими убийствами, которые потрясли маленький городок Гефаудан? Означает ли это, что в округе бесчинствует чудовище в образе волка. Королевское войско отправляется в путь, чтобы убить тварь. Среди них художник Томас, которому уже вскоре становится очевидной тёмная тайна: за убийствами стоит ни демон, и ни волк-одиночка. Против своего неслыханного подозрения Томас ставит на кон свою большую любовь и свою жизнь.

Оригинальное Название: *Nina Blazon — Wolfszeit*

Нина Блазон — «Время волка»

Автор перевода: *Алёна Дьяченко*

Редактор: *Алёна Дьяченко, Настя Зайцева*

Вычитка: *Настя Зайцева, Алёна Дьяченко*

Оформление: *Алёна Дьяченко*

Обложка: *Ира Белинская*

Часть 1

ХИЩНЫЙ ЗВЕРЬ

«В наших краях объявился неизвестный дикий зверь, и никто не знает, откуда он родом. Везде, где он появляется, остаётся жестокий кровавый след.

Всё же, Бог справедлив, так говорит святой Аугустинус, он никогда не допустит, чтобы невиновный выносил мучения. Только тот, кто провинился, должен страдать. Этот принцип не оставляет вам сомнение: ваша беда может приходиться только из ваших прегрешений».

Габриель-Флорент де Шуазель-Бопре, епископ Менде

Из «Пастырского послания», декабрь 1764

Глава 1

КРАСНЫЙ НАРЦИСС

Анне пыталась как можно тише ухватить оружие. Всё же, от её бабушки не ускользнул тихий звон металла, который царапнул по каменной стене крестьянской хижины.

— Дитя, ты снова хочешь уйти?

Застигнутая врасплох, Анне вздрогнула, и крепче схватилась руками за копьё. Собственно, сейчас это было не копьё, а только палка для защиты, к острию которой прикреплялся короткий нож.

— Я только посмотрю на скот, *меме (прим. пер.: бабуля)*.

Старуха оставила деревянное веретено, к которому она как раз привязывала ажурную

ленту, и опустила его на колени.

— Ещё раз? Что только сегодня с тобой, Анне? Ты же всё-таки не хочешь пойти на поле?

— Нет, только в хлев.

— Где твой отец? Почему он не идёт? — хриплый голос набирал высоту. — Жако!

— Пс-с-с! Он ещё спит! Ты только разбудишь малыша, — незамедлительная грубая интонация вызвала у неё сожаление. Конечно, старуха забыла, где сегодня был её сын, в последнее время она быстро всё снова забывала. Это было какое-то чудо, что она пока ещё помнила сложные узоры коклюшечного кружева. И, разумеется, сама о себе заботилась; в эти дни все жили в страхе от того, что ожидало их в лесах.

— Папа на собрании в деревне по поводу большой облавы, но ты ведь знаешь, — любезно добавила Анне. — Этот капитан-драгун хочет стянуть вместе свой полк и всех мужчин из деревни, — одной рукой она торопливо накидывала на плечи шерстяной платок и затем положила его на волосы.

— Ты останешься здесь, девочка! Я не разрешаю тебе...

— Я же немедленно приду.

Её бабушка уже собиралась начать браниться, но от волнения была вынуждена закашлять.

— Осторожно! — крикнула Анне, только было уже поздно. Веретено выскользнуло у старухи с колен вместе с мотком нежной кружевной ткани, который вначале был только образцом.

Анне положила копье на землю и бросилась к очагу, пытаясь поймать катившееся веретено, пока оно не попало в пламя. Бабуля так легко замерзала и поэтому вместе со своим стулом постоянно приближалась к пылающему пламени огромной печки.

— Чуть было не загорелись хорошие нитки. Почему только ты всегда обязательно должна волноваться?

— Почему? — прохрипела старуха. — Ты только не воображай, что я бы не заметила, как ты постоянно пытаешься незаметно пробраться из дома. Согласись, ты опять-таки хочешь улизнуть к этому парню из чужестранцев, который строит тебе глазки.

Ругаясь, она склонилась вперёд и ощупывала руками земляной пол в поисках веретена. Прошло уже двадцать лет, как женщина потеряла своё зрение. Однако для своего творчества она в нём не нуждалась. Её узловатые пальцы совершали маленькое чудо из тонкого кружева — чудо, которое приносило крестьянской семье Танафелле дополнительные деньги.

— Оставь! — бормотала Анне. — Я подберу.

Она торопливо собирала эти рассыпавшиеся предметы: нитки спутались, кружевная лента отделилась от булавок, пушинки пепла висели над распавшейся тканью. Анне осторожно сдунула их прочь, но на кружеве всё-таки остались серые грязные следы. Прежде чем снова натянуть кружевную ленту, она рассмотрела рисунок. Это были лилии — цветы Девы Марии. Уже около месяца *меме* плела только эти цветочные образы и при этом непрерывно молилась, как будто пыталась вплести в этот узор защитное колдовство для семьи.

— Что ты опять хочешь в хлеву? — только щёлкнула языком старуха. — Жако сказал, что корова ещё не отелилась.

— А если папа ошибся? Может, за беременностью коровы не достаточно просто часто смотреть, — так спокойно отвечать дорого ей стоило. Всё в ней хотело вскочить и бежать к

воротам и, наверное, в десятый раз за этот вечер продолжить наблюдение в ожидании двух мужчин. Она знала, что если они придут, то всё будет хорошо.

— Корова уже однажды ускользнула из хлева, — говорила девушка дальше непринуждённым тоном. — В последние дни она ведёт себя как помешанная. Держу пари, что если бы корова могла, то вылезла бы в окно, и спокойно ушла.

— Да, какие господа, такое и животное, — *меме* неодобрительно щёлкнула языком. — Жако такой же. И ты ещё хуже, чем твой отец. Вы оба легкомысленные и не можете спокойно сидеть. В любое время вон из дома! Всегда туда, где играет музыка, — она пренебрежительно плюнула в огонь. — Кто-то при этом думает о моём старом сердце? Когда ты вчера так надолго ушла, я почти умерла от страха. Я уже думала...

— Всё же это вымысел, *меме*, перестань! — но её взгляд упал на копьё. «*Она получила его недавно и была вне опасности, пока нет двух крепких вооружённых мужчин, с пиками и палками*».

Всё же она поёжилась и быстро отвернулась, потому что не хотела думать об этом, не сегодня, не вчера вечером. Всем, что она хотела увидеть — была улыбка Адриена. Девушка думала о шёпоте, который щекотал её ухо, и немедленно почувствовала это маленькое пылающее счастье в своём животе, которое согревало её и делало задыхающейся.

— Что я должна прекращать? — упрямо настаивала старуха. — Со страхом или молитвой? Ты же слышала, что сказал священник. Он сказал, что нас настигла Божья кара, наказание за грехи людей. Итак, оставайся здесь! Чудовище охотится на этих грешников, и оно их всех найдёт и разорвёт.

— Но я не грешница, и также определённо ими не были несчастные дети, которых съела эта bestия. Ты точно знаешь, что четыре голодных рта ждут молоко. Я вернусь прежде, чем ты распутаешь нитки.

Она снова толкнула моток, на который наполовину была приколота крохотными иголками законченная вышивка, на колени старой женщины.

Всё же прежде, чем она смогла умчаться, бабушка схватила её за запястье и потащила вниз. Анне не оставалось ничего другого, как встать перед ней на колени. Её бабушка была похожа на засохший корень, но когда она была такой яростной как сейчас, то могла бы удержать на верёвке и упрямого мула.

— Что ты думаешь, ты, спесивое дитя? Дети каются за грехи своих родителей! И ты не хочешь быть грешницей, Анне? Все люди грешники с рождения, запомни это, и молодые девушки особенно. Смотри на меня!

Она приложила к её лицу сухие, сильные руки, заставляя поднять взгляд вверх. Это было зловеще — смотреть в слепые глаза, в два серых шершавых диска.

— О, я также знаю молодых людей. У вас у всех больше нет приличия, и яблоко падает недалеко от яблони. Твоя мать была беременна тобой ещё до того как Жако узнал, что происходит. Только ты всё-таки не воображай, что я не знаю, почему ты тут в комнате носишься как кошка в течке. Ты хочешь к парню, за которым увиваешься уже с лета. Он ждёт тебя внизу?

— Что ты только думаешь! — выдавила Анне. Очень близко к ней потрескивал огонь и обжигал левое плечо, но ей было так неожиданно горячо, что она вспотела, по другой причине. «*Я не грешница. Так как мы были обручены, это не предосудительно перед Богом*». Тем не менее, ей было стыдно, что она здесь, лицом к лицу со своей старой бабушкой, снова вынуждена думать о часах с Адриеном. Его горячей коже на её прохладной, и его губах...

У неё было чувство, что слепые глаза могут заглядывать прямо в душу.

— Я же только плясала, ну и что? — упрямо утверждала она.

— Плясала? — насмехалась *меме*. — Если бы он был приличным парнем, то бы давно женился на тебе. В твоём возрасте я уже имела шестерых детей. Если мужчина хочет женщину, он не медлит.

Анне грубо высвободилась. Плохо было то, что её бабушка всегда раздувала сомнения из слов, выражений или только ехидно смеялась. Теперь она видела других девушек и себя среди них, свои невзрачные каштановые волосы и кожу, которая даже зимой была очень смуглой. И она, в самом деле, спрашивала себя, почему Адриен, который мог иметь всех девушек, как назло хотел жениться на ней.

— Кроме того, ты всё же едва его знаешь. Парень всегда в дороге и всего несколько недель назад явился, как снег на голову, совсем как из небытия, и действует так, как будто никогда не отсутствовал. Откуда ты знаешь, что он не отсиживается в каждой деревне?

— Это неверно, он...

Меме махнула.

— Он даёт тебе только надежду, чтобы получить тебя на сене. После этого не каждый порядочный мужчина, как твой отец приводил свою девушку к пастору прежде, чем увидят толстый живот. И ты не такая особенно красивая...

— Откуда ты знаешь? — спросила Анне.

Хриплый смех *меме* перешёл в кашель.

— Я всё ещё имею уши. Я могу напомнить тебе, что юноши не свистят тебе вслед. И я также никогда не слышала пения песен о твоей красоте.

Хватит! Анне вскочила.

— Адриен женится на мне. Сегодня на собрании он спросит отца.

Слова сами вырвались наружу — и довольная улыбка *меме* ещё раз показала ей, что хотя бабушка и была забывчивая, но пока ещё хитрая как лисица. Сейчас Анне была расвирепешей не только на старуху, но прежде всего на себя.

— Ах, туда пробежал заяц, — установила *меме* с хитрой ухмылкой. — Ну, даже если парень смазал мёдом не только возле пасти, чтобы тебя уговорить. Ты действительно веришь, что отец отдаст тебя в жёны странствующему бедняку?

На этот раз Анне была достаточно благоразумной, чтобы взять себя в руки.

— Он работает! — ответила она, подчёркнуто спокойно. — У графа де Морангиес, он вчера мне это говорил.

— Почему он сделал тебе предложение только сейчас?

«Потому что я, наконец, была такой умной, чтобы танцевать с другим», — подумала Анне. — «Потому что он вчера понял, что я не буду ждать вечно и, что другие лисицы также крадутся вокруг курятника».

— Ну, потому что он хотел быть уверен, что у него достаточно денег на свадьбу и дом. Ты ещё это заметишь. Адриен порядочный парень. Кроме того, он щедрый и сильный, и приветлив со всеми детьми. Он честный, он думает об этом серьёзно и...

— ... ты потеряла своё сердце, — с глубоким вздохом *меме* покачала головой. — Ах, моя милая, ты думаешь, что жизнь только для танцев и поцелуев, но ты ещё удивишься. Только кто ещё слушает старую ведьму как я, а? Ты ведь думаешь, что твоя *меме* совсем не права?

Анне не ответила и несколько мгновений тишина была тяжёлой и плотной, и только

треск огня наполнял помещение. Потом *меме* снова вздохнула, её плечи опустились вниз. Задумчиво она повернула своё лицо к огню, как будто рассматривала пламя. «*Или вспоминала о лучшем времени*», — думала Анне. — «*Когда она сама была ещё молодой и самой красивой девушкой в Гефаудане*». Как ни странно от этих мыслей её злость улетучилась. Вместо этого её охватила нежность к маленькой сухой фигуре у огня.

— Ах, её мальчики давно делают то, что они хотят! — сказала старуха через некоторое время. И к удивлению Анне в этот раз её голос звучал неожиданно нежно. — Если это действительно так, как ты сказала, я сделаю тебе к свадьбе кружевную ленту. Но если ты не станешь счастливой со своим Адриеном — тогда подумай о моих словах!

Анне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что бабушка хотела сказать ей своим скорчившимся видом. Если *меме* не будет против свадьбы, тогда её отец тоже согласится!

— Кружевную ленту? — закричала она и засмеялась. — О, да, но с нарциссами вместо лилий, *меме*! И ты посмотришь — уже к следующей зиме у тебя будет внук!

Меме засопела и махнула рукой.

— Ах, не говори вздор, в следующую зиму я давно уже буду у Господа Бога.

От Анне не ускользнуло, что улыбка осветила морщинистое лицо старухи.

Она подняла копьё и пошла к двери, прежде чем *меме* вспомнит о настоящей причине спора. Её деревянные ботинки громыхали по лестнице, которая вела от жилых помещений к конюшне в нижней части дома. Она остановилась и закрыла глаза, когда ей в нос ударил тёплый пар воловьей кожи и колючий козий запах. Её рука скользнула к шее и погладила кожу, также как вчера делал Адриен. *Адриен*.

Внутри шевельнулось тихое сомнение, которое разбудил в ней спор с *меме*, и она улыбнулась воспоминаниям о музыке и танцах.

Перед ней появлялись мужские лица: юноша с симпатичной улыбкой, солдат, который крутился вокруг, и мужчина-путешественник в дорогом пальто. Всё же их лица угасли, и назад возвратилось только лицо Адриена — его глаза, карие как дикие каштаны, серповидный шрам, который заставлял левый уголок его рта постоянно улыбаться, и кудрявые тёмные волосы, которые он усмирлял на затылке кожаной лентой. Она прижалась щекой к палке.

— ... *que Ricdin-Ricdon je t'appelle* (прим. пер.: что меня зовут Рикдин-Рикдон), — тихо пела она песню, которой он так часто её смешил, и которая принадлежала только им двоим. Девушка едва смогла снова почувствовать этот шёпот в своём ухе, когда он грубо вытащил её из рук солдата. Она была напугана его яростью, парень казался ей почти немного чужим, и его рука болезненно твёрдо сжала её руку. Но в то же время она наслаждалась его гневом и ревностью. «*Ты хочешь меня, Анне? Я поговорю с твоим отцом. Завтра же. Если только ты меня хочешь!*»

— Адриен Бартанд, — шептала она, — и Анне — его жена.

«*Но только если согласится отец*».

Стук двери заставил её развернуться. Отец всегда сначала смотрел на скот, прежде чем шёл в спальню. Но надежда, что он вернётся с Адриеном, чтобы скрепить водкой обещание вступить в брак, обманывала её ожидания.

Холодный ветер свистел через дверную щель в тёмном хлеву, которая сверкала белизной как острый разрез. И беременная корова исчезла! Анне твёрже ухватила копьё и бросилась через дверь хлева во двор.

Её лицо ещё пылало теплом огня и казалось, что ветер дул вдвое сильнее. Это был дребезжащий холодный январь. Снег падал с неба большими, сухими снежинками и покрыл уже все следы. Сумасшедшее животное открыло дворовые ворота. Этого ещё не хватало! Анне побежала к воротам. Когда она была здесь, чтобы высматривать мужчин, ещё можно было рассмотреть дорогу, которая вела с горы в деревню. Теперь больше не было видно домов, она могла различать в тумане только звук колокола церкви внизу в долине. Горы, которые можно было видеть вдали в ясные дни, совершенно исчезли. Анне медлила только одно мгновение, прежде чем распахнула ворота. Её сердце билось у самой шеи, когда она покинула двор и перешагнула рубеж между безопасностью и дикой местностью. Но тогда девушка решительно подняла подбородок. Она не была бы Анне Танавелле, если бы оставила корову снаружи на холоде!

Уже после нескольких шагов Анне окружила молочная белизна. Казалось, её хватали снежные щупальца. Замерзая, она быстро шла в гору и пыталась не потерять свои деревянные башмаки; потом увидела животное — светло-коричневая шкура и два рога с чёрными вершинами. От охватившего облегчения задрожали колени. Корова ушла ещё недалеко, и как раз плелась к нескольким обтрёпаным букам на возвышенности.

— Ну, подожди! — пробормотала Анне и снова побежала. Снег скользил ей в ботинки, холод кусал пальцы. Слишком глупо было оставлять дома рукавицы! Запыхавшись, она достигла возвышенности и тихо свистнула. Маленькая корова-обрак (*прим. пер.: название породы*) остановилась на месте и лениво посматривала в сторону своей хозяйки. Верёвка болталась на её шее, шерстяное ухо подрагивало, белая шкура вокруг глаз и рта, и чёрный нос окаймляла лицо животного как маска фокусника.

Анне подобрала юбку и тяжело ступала дальше, пользуясь копьём как палкой. Под снежным покровом древесина упиралась в скалистый грунт. Стуча зубами, она дотянулась до животного и ухватила за верёвку, но сделала это без расчёта на сумасшедшую корову. Та резко повернулась вокруг себя, прыгнула и медленно от неё побежала. Анне должна была взять себя в руки, чтобы не заорать.

— Джоли! — тихо позвала она вслед корове. — Иди сюда, Джоли, моя милая! — подманивала она скотину. И действительно, корова снова остановилась и повернула голову. Анне в несколько шагов была возле неё, поймала верёвку и слегка ударила копьём по крупу. — Глупое животное! — ругалась она. — Что ты ищешь здесь на улице? Если волки съедят тебя и твоего телёнка, у нас не будет зимой молока.

Внезапно она осознала, что далеко удалилась от дома. Ветер громко шумел в кронах деревьев как раньше, снег потрескивал, когда внезапно какой-то порыв ветра дунул с вершины горы. Какой-то шум вокруг заставил их испуганно развернуться. Это был только ворон, который упорхнул, но Анне поймала себя на том, что прижалась к корове, судорожно сжимая своей рукой шерстяную шкурку.

«*Держу пари — это чудовище, которого все боятся, только обычный волк*». Это говорил Адриен. Мысль о нём была как надежное убежище.

— Не будь трусихой, Джоли! — шепнула она корове. — Бегом, назад в хлев!

Это было успокаивающим — видеть, как с каждым шагом под гору приближается маленький двор. Меме, конечно, остановила свою работу и озабоченно подслушивает шаги своей внучки.

— Я уже добралась, — шептала Анне и нетерпеливо тянула за верёвку.

Грубый удар в плечо прервал дыхание, и она споткнулась; успев подумать, что это

корова споткнулась и ударила её, но в тот же самый момент верёвка с болезненным рывком затянулась через девичий кулак и поранила руку. Она потеряла равновесие, упала и крепко ударилась своим коленом о камни, заметив краем глаза разбушевавшуюся корову, её дыхание, мех и тепло рядом пока ещё были настоящими. Анне с пыхтением перевернулась, её ботинок застрял в снегу. Какие-то силуэты мелькали вокруг в поле её зрения, что-то кружило вокруг них.

Но только тогда, когда она услышала рычание, то поняла, что это было. Без размышлений Анне вскинула копьё вверх, и древко с глухим звуком на что-то натолкнулась. Запах дикого животного щекотал ей нос. Клыки щёлкнули слишком близко от шеи, и схватили как раз в тот момент, когда она вскинула руку и махнула от себя в сторону. Клыки поймали руку, и её пронзила яркая боль. Со всей силы Анне ударила куда-то кулаком и попала; укус ослабел, чудовище освободило её и отступило назад. И пока она отчаянно пыталась подняться с колен, то поняла с абсолютной уверенностью, что это был не волк, не мог быть никаким волком.

«*Дикая bestия*», — Анне слышала, как шепчет *меме. La Bête Féroce!* (*прим. пер.: Свирепая bestия!*) Это было странно, что она не ощущала никакого ужаса, ни страха, только знала, что не может умереть — не сегодня, не здесь, не без гипюровой ленты с нарциссами и поцелуя Адриена в свадебный день. Крик, который сейчас вырвался из её горла, был прерывистый и глухой, и давал силы, чтобы вскинуть древко и ударить чудовище. Нож на острие получил отпор. Со всей силы Анне ударила ещё раз, попала ему в ногу, и увидела, как нож отвязался и упал в снег; развязались ленты, которые привязывали нож к копьё. Девушку охватил ужас.

Её второй ботинок соскользнул с ноги. Сохраняя присутствие духа, она скинула его, швырнула в широкий череп хищника и бросилась бежать. Анне бежала босиком, крепко держа копьё в руке, ледяной ветер дул в глаза и закрывал видимость. Снежинки таяли на лбу, она чувствовала холод в своём плече и что-то мокрое, тёплое, потом прохладу от ветра. Девушка была ранена, но не было никакой боли, только тяжесть, которая тянула её ноги, как будто она тяжело ступала через болото. «*Я должна дойти до хлева!*»

Снег взметнулся, когда чудовище снова сбilo её с ног, палка выпала из рук. Но девушка боролась и кричала со всей силы, когда пинала голыми ногами, била, царапалась и кусалась. Один раз Анне почувствовала вкус жёсткой шкуры между зубами, один раз скользнула по кlyккам тыльной стороной руки и снова упала. Она подняла руки вверх, чтобы выцарапать зверю глаза и испугалась, когда их увидела. Её руки выглядели так, будто она носила алые перчатки из крови.

На какое-то мгновение она замешкалась. Когти царапнули по её ключице, тяжесть хищника передала воздух из лёгких. В этот момент Анне уже знала, что пропала. Огненно-красные глаза пристально смотрели на неё, и рычание звучало как слово «*Грех*». Она сжала веки, чтобы не смотреть в эти глаза. Но даже за сомкнутыми веками казалось, что они пылали как два солнца. «*Святая Богоматерь, спаси меня!*» — умоляла она в мыслях. — «*Я не хотела, я никогда не хотела...*»

Анне пыталась кричать, когда что-то твёрдое ударило по горлу и овладело её голосом и дыханием. Голова упала на бок, на её подбородке и шее стало тепло. Она ощупывала себя руками и нашла рану, однако как ни странно, боль не чувствовалась. Анне ошеломлённо мигала. Переворощенный от борьбы снег громоздился рядом с ней. Ей казалось, что она видит нарциссы из кружева и кристаллов льда; одновременно перед ней проходило будущее,

которого никогда не будет: Адриен и она в воскресной одежде тёплым весенним утром вступают в деревенскую церковь.

Её первый ребёнок, которого она держит на руках, в снежный день как сегодня. *Меме*, которая благословляет своего внука в колыбели. Анне видела второго ребёнка и третьего. Она видела Рождество и летние урожаи, танцы огня Йоханнеса и часы под луной с Адриеном за затянутыми пологам. День за днём безвозвратно струился в снег и просачивался туда навсегда. Новые нарциссы распускались на этом месте как могильные цветы для похищенных лет. Они были прекрасны и девственны — и такого же красного цвета как глаза смерти.

Глава 2 МАСКАРАД

Дом на улице Жусинне, был не самым большим дворцом в Версале, но, определённо, самым излюбленным. На улице перед ним, с красными носами, замерзали извозчики, однако здесь, внутри, было удушливо тепло; все оконные стёкла внутри были забиты гвоздями. За масками в свете хрустальных люстр прятались развлекающиеся дворяне, личности полусвета и, вероятно, также несколько личностей, пользующихся дурной славой развратников. Большинство гостей праздновали ещё задорней потому, что они, наконец, спаслись бегством от плохого настроения и снова могли свободно хохотать. Раскрашенные веера перемещали воздух туда-сюда, и дамы в платьях с вышитым цветным узором даже приносили в зал лёгкое дыхание весны.

Жан-Батист дю Барри пользовался дурной славой во всём Париже за свою необузданность. На своих праздниках он не экономил на роскоши и соревновался с королевским двором: на стенах висели написанные маслом картины старых мастеров, дорогие зеркала отбрасывали свет от свечей. Служители спешили с полными лимонадом подносами и вином через залы, и на столах стояли фарфоровые чаши с марципановыми конфетами. Смех смешивался со звуками скрипок и музыкой клавесина.

Томас, который стоял рядом с дверью игровой комнаты и держал свой бокал с вином, наблюдал, как танцоры в двух рядах делали расстановку для менуэта. При этом не все сохраняли осанку, у одного аристократа даже белый напудренный парик съехал на бок.

Томас не особенно мог терпеть такие праздники, но он любил это настроение, которое называл «синий час» — время строгих вежливостей миновало, скандалы уже носились в воздухе. Праздничное общество было ещё не совсем пьяным, но оно уже воспринимало всё как поездку на карете, которая ехала быстрее и быстрее, до тех пор, пока не начинала рано или поздно раскачиваться. Косметика стиралась, смех становился громче, и вскоре за напудренным фасадом обнаруживались некоторые истинные лица.

Томас сконцентрировался на тех деталях, которые, конечно, не бросались в глаза никому из других гостей: парик флейтиста съехал назад и наружу торчал рыжий локон. Подол одной дамы слишком сильно осел на землю, значит, она тайком выскользнула под кринолином из высоких ботинок, чтобы охладить свои гудящие ноги на паркетном полу. Другая женщина сделала тайный знак своему молодому любовнику, ударяя веером, и незаметно покинула помещение, пока её ничего неподозревающий муж болтал с хозяином.

Где-нибудь в суматохе также находился и отец Томаса. Парень вытянул шею и наконец, обнаружил его поблизости от двери. Шарль Ауврай не был большим мужчиной, но там, где

он стоял, вибрировал воздух. Мужчина увлечённо рассказывал историю и жестикулировал, дамы визжали и смеялись над смыслом. Томас знал, что снова должен был присоединиться к нему, но вместо этого отступил в сторону, и незаметно скользнул в смежную комнату. «*Ещё несколько минут*», — думал он. — «*Ночь впереди достаточно длинная*». Так как его отец уже неделю как страстно желал попасть на этот бал-маскарад, следовательно, он определённо планировал сегодня ещё какой-то шахматный ход на общественной игровой доске.

Он оглянулся назад к двери, натолкнулся на что-то мягкое и упёрся в упругий кринолин. В последний момент Томас смог удержать стакан, чтобы красное вино не разлилось в волосы, обрамляющие верх декольте. Ему бросились в глаза детали внешности этой женщины: белокурые волосы, которые падали на её открытые плечи, и узор кружевной ткани — крохотные лилии из белых ниток. Странный контраст к духам из роз, который ударил ему в нос.

— Ищите в моём декольте что-то конкретное, месье?

Томас поспешил провести дистанцию между собой и дамой. Она была самое большее на два года старше него, и высокого роста, как и он сам, и производила впечатление милым лицом с мягкими чертами и косым разрезом кошачьих глаз. Шёлковый цветок в её волосах отражал их синий цвет.

Вероятно, он и мадемуазель были единственными людьми на этом празднике, которые не носили маску. Красотка кокетливо улыбалась и пыталась направить его взгляд на свою грудь, пока одёргивала кружевные оборки на платье.

— О, я не ищу чего-то особенного, мадемуазель. Но лилии существуют для того, чтобы ими любоваться. Французское кружево, я полагаю?

Как и ожидалось, красотка рассчитывала на сокрушённые извинения. Она озадаченно подняла брови, потом поразила его смехом, который был очень громким и гортанным для дамы.

— Так-так, профессионал моды с чисто профессиональным интересом к лилиям. Ну, раз так, будьте внимательны, раз вы не занимаетесь браконьерством на лугах других людей, — она покусывала острыми зубами свой веер. — И по мере сил вы пьёте и танцуете. На мой вкус у вас бледный цвет лица, и определённо, вы — трезвый и серьёзный, — хотя она ставила его на место, её улыбка показывала, что он ей нравился. — Прекрасный вечер, месье! — девушка бесцеремонно ему подмигнула и направилась к одному из игровых столов. Мужчина в маске волка поставил сто лир на единственную карту и проиграл. Белокурая девушка очаровательно привела его в расположение духа, и он попытался во второй раз.

Итак, она была какой-то *гризеткой* дю Барри, какой-то маленькой продавщицей или театральной статисткой, которую тот держал при себе, красиво одевал и обучал манерам, чтобы сосватать потом герцогу как фаворитку. Это была не скрываемая тайна, что большинство доходов дю Барри, кроме азартных игр, составляло посредничество таких девушек. Сейчас блондинка смеялась, откинув голову, и при этом положила кончики пальцев на свою грудь. Этот жест был такой грациозный, и при этом такой отрепетированный, что Томас сразу был очарован.

Вскоре он вытянул из рукава носовой платок, через ткань которого мог ощутить угольный карандаш, и по нему немедленно заструилось чувство радости, которое охватывало его каждый раз, когда он обнаруживал особенный образ. В поисках бумаги, меню или театральной программки Томас осмотрелся вокруг, но ничего такого не лежало на столах.

Итак, он достал газетную полосу, которую носил при себе и сел за столом в угловой нише. Здесь он никому не бросался в глаза, никто не смотрел на него, а за игровым столом давно начался следующий раунд.

Томас размотал угольный карандаш из носового платка и разгладил бумагу на своём колене. Это был лист газеты «*Gazette de France*» (прим. пер.: французская), он уже знал наизусть это издание, ей было несколько недель. Взгляд остановился на старой титульной странице с эскизом гиены, который Томас небрежно там набросал несколько дней назад, но на обратной стороне, с краю было ещё достаточно места для следующего рисунка.

За игровым столом зазвучали аплодисменты, мужчина-волк сдвинул свою маску, чтобы вытереть пот на лбу. Блондинка наклонила голову набок и теребила шёлковый цветок в своих волосах. Томас забыл своего отца и все обязательства этого вечера, и видел только лишь этот жест, лёгкое расположение головы, линии плеч и рук. Уголь скользил по листу сам, её нежные черты находили место рядом с чёткими, плавными изгибами. Указательным пальцем он растушёвывал линии от чёрного к серому в мягкую тень, которая была лицом, к локонам и стройной шее. Когда художник запечатлел телодвижение девушки на бумаге, оно уже прошло. Блондинка как раз склонилась над игровым столом и вытягивала карту.

— Ах, я думал, что это мне! — его отец появился рядом с ним и подмигнул. — Боже мой, как будто бы у тебя в течение дня было недостаточно времени, чтобы рисовать! Брось, идём! — он просто схватил Томаса за рукав и поднял со стула. Уголь выскользнул у него из пальцев, но отец этого вовсе не заметил. Томас поспешно сложил газету, и двинулся в направлении салона. Только у двери Шарль Ауврай остановился, затаив дыхание, и позволил своему взгляду оценивающе блуждать по праздничной одежде Томаса. Сюртук, жилет и брюки до колен были новые и стоили состояния. В светло-зелёный шелк были вплетены тёмно-зелёные полосы, кнопки были покрыты материалом, украшенным вышивкой. Он носил подходящий к этому парик из конского волоса, хотя тот был темнее, чем светло-русые пряди Томаса, но, тем не менее, хорошо ему подходил. Отец гордо кивнул.

— Намного лучше, чем это унылое студенческое пальто, в которое ты нынче был одет.

Прежде чем отец смог ещё завязать ему галстук, Томас любезно, но уверенно отстранился.

— Хватит. Всё-таки я не лошадь, которую вы должны принарядить для парада.

— Ах, нет? — его отец засмеялся. — Ну, несмотря на это, ты напрягаешься и бьёшь копытом! Дю Барри стремится нам кого-то представить. Держись крепко, сын, это граф де Треминс!

— И я предполагаю, у него есть дочь, — сухо заметил Томас.

Его отец насторожился. Кажется, он обдумывал интонацию Томаса, но потом выражение его лица просветлело.

— Не дочь, но племянница, которая прибыла из провинции — откуда-то из Нормандии, но настоящая де Треминс, как её дядя. Она только несколько дней в Париже. И кто знает, может быть, ты ей понравишься?

— Как часто я должен вам говорить, что я не имею никакого интереса в наследнике...

— Ах, не веди себя так, мальчик! Флирт всё же ничего не стоит. Столько тебе? Уже семнадцать! В твоём возрасте мои родители уже давно меня женили, и я могу сказать: это было действительно скверно.

«Да, совершенно определённно», — думал Томас. — «Я мог бы тоже подхватить холеру».

Но и без этого он едва ли мог себе представить, что девушкой такого старого дворянства вообще принимается в расчёт простой человек как он. С другой стороны, у его отца никогда невозможно ничего узнать. За последнее время он слишком часто говорил, что Томас должен сделать хорошую партию.

В большом салоне с широкой улыбкой их уже ожидал дю Барри. Кажется, граф Треминс был обрадован меньше, он нетерпеливо играл с табакеркой из фарфора. Вышитый серебром сюртук и много колец не могли ввести в заблуждение, что он был старым, выдавшим виды мужчиной. Вздутые губы и мясистый круглый подбородок делали его похожим на обезьяну. Строгий пробор в белом парике, который сидел слишком глубоко на его лбу, ещё усиливал это впечатление. Рядом с ним стояла молодая девушка в маске из зелёных перьев и сверкающем ожерелье. Томасу она показалась принцессой павлинов. Миниатюрная чёрная ручная собачка лежала, прижавшись к её локтю, и трусливо моргала на свет.

— Ах, вот, наконец, наш молодой натуралист! — бурно провозгласил Жан-Батист дю Барри. — Могу представить — Томас Ауврай. К сожалению, его видят слишком редко на наших праздниках. Он лучше чувствует себя в рабочем кабинете. Но разве это не чудо, юноша — начинающий ботаник и зоолог, с видами на блестящую карьеру в академии.

Это было чрезмерно преувеличено, однако Томас постарался вежливо улыбнуться и низко поклонился.

— Очень рад, мадемуазель... — сказал он и завершил приветствие девушки показным поцелуем руки, после которого она раздражённо на что-то уставилась. Томас прикусил нижнюю губу. Там, где большой палец коснулся пальцев при целовании руки, блестело размазанное угольное пятно.

Принцесса павлинов искоса бросила взгляд своему дяде, потом незаметно вытерла пятно, пока гладила собаку. Томас тайком вздохнул. «*Вероятно, она любезна, или сохранит историю, чтобы позднее надо мной посмеяться*».

— Томас работает даже для короля, — нить разговора подхватил его отец.

— Ах, действительно? — брови графа одобрительно вздёрнулись вверх.

Томас чувствовал, как его улыбка грозила ускользнуть, пример с королём был ложью.

— Ну, в первую очередь, я работал с монсеньором де Буффоном, который...

— ... который, как мы все знаем, находится к сердцу короля ближе, чем друг, — сразу прервал его отец. — И, кроме того, де Буффон не более чем директор королевского ботанического сада в Париже, кроме того, казначей Академии Наук и член французской Академии.

— Да, да, вы не всегда так скромны, юный друг, — Дю Барри наклонился к графу, как будто хотел доверить ему тайну. — Томас — даже научный сотрудник *Histoire Naturelle* (прим. пер.: *естествознание*) — большой естественной истории монсеньора де Буффона, и заказчик — это король, естественно.

— У вас симпатичная собака, мадемуазель Клер, — снова с волнением сказал отец. — Томас может всё вам рассказать о её родословной и породе.

Этим он умело пасовал Томасу мяч. Это был бы разговор о болонках. Ну, по крайней мере, он не должен был говорить об итальянском театре.

— Ну, вы кажетесь мне интересным молодым человеком, — проговорил покровительственно граф и почесал средним пальцем под краем парика, что перед интеллектуальными глазами Томаса немедленно ещё раз вызвало картину обезьяны. — Что всё же вы делаете при *Histoire Naturelle*?

— В числе прочего, я изображаю анатомические исследования для этого справочного пособия. Моя область науки — это животные Нового Света, прежде всего, Мексики. Я надеюсь, что однажды поеду туда и изучу их на воле.

— Н-да, горе, что мы потеряли в войне многие из наших тамошних колоний. Однако, однажды вы говорили, будто де Буффон утверждал, что обезьяна и человек когда-то принадлежали к единственной семье, так же как осёл и лошадь? Этого я не могу представляться при всем желании!

«Тогда не смотри лучше в зеркало», — мелькнуло в голове у Томаса. Его уголки рта вздрогнули, но он смог подавить смех.

— Да, удивительно, насколько разными могут быть живые существа, хотя они принадлежат одной и той же семье, — ответил он. — Посмотрите на собаку мадемуазель Клер. Её вид происходит из России, царица Катерина очень ценит своих *болонок*. Они остаются крохотными и выглядят со своей мохнатой шерстью как маленькие львы и, тем не менее, они родственны с большими датскими догами.

Щенок чихал и смущённо обнюхивал пальцы Клер. У Томаса животное вызывало сожаление. Лучше всего он взял бы его у неё из рук, но принцесса павлинов цеплялась за свою маленькую собаку, как будто бы хотела её задушить. Жест был немного отчаянный.

— Впрочем, Томас рисует такие замечательные портреты, — ввёл в игру следующую реплику его отец. — Он мог бы соперничать с остальными придворными художниками как монсеньор Друэ. Конечно, мадемуазель Клер была бы заинтересована получить когда-нибудь однажды свой портрет.

— Почему только когда-нибудь однажды? — дерзко заметила Клер. — У него, конечно, есть *набор ремесленных инструментов*.

Она говорила слова «набор ремесленных инструментов» с такой надменностью, что Томас чувствовал себя поражённым. И именно в середину своей гордости. Ну, всё-таки, теперь он знал, что она смотрела на него с высоты своей платформы дворянства — на него, простого человека, который должен заработать самое необходимое.

— Боюсь, я вас разочарую. Я принципиально не рисую на праздниках и уж вовсе не за содержание, — и хотя он заметил предостерегающий взгляд своего отца, добавил, — кроме того, я работаю не как придворный художник, а рисую строго природу.

— Может быть, я имею причины для того, чтобы беспокоиться? — возразила Клер.

— Конечно, нет, в конце концов, *вы* безупречны, — невозмутимо вернул Томас.

Её глаза стали узкими.

— Но недооценивайте молодого Ауврая, — сказал монсеньор дю Барри с заговорщицкой улыбкой. — У него холодная голова, но держу пари, в его груди горит горячий огонь.

Граф Треминс насмешливо засмеялся.

— У меня нет сомнений по поводу горячего огня. Там, где появляется моя красивая племянница, остаются воодушевлённые сердца.

Клер вздрогнула, её рука судорожно сжала собачью шкурку.

— О, может быть, это один из ваших рисунков? — дю Барри указал на бумагу в руке Томаса.

Ну, чудесно! Томас полностью забыл про лист.

— Это... только статья из *французской газеты*.

— Из нового издания?

— Нет, она уже старая.

— Не делайте из этого тайну, дайте посмотреть! — напирал на него дю Барри.

Теперь он окончательно потерял. Он мог лишь попытаться скрыть обратную сторону с портретом этой белокурой девушки. Итак, он быстро развернул этот листок так, чтобы никто не смог бросить взгляд на портрет. Резкие складки на листе подняли гигантскую морду так объёмно вперёд, как будто животное хотело воплотиться и выпрыгнуть.

— Но это ведь один из ваших рисунков, не так ли? — стремился узнать дю Барри.

— Только эскиз, — пробормотал Томас. — Я пытался набросать портрет зверя при помощи описания в газетной статье.

— Ах, да, эта страшилка, — сказал граф пренебрежительно. — Чудовище, которое где-то в провинции нападает на пастушек. Волк или нет?

— Это вопрос, над которым как раз многие ломают свою голову, — отвечал Томас. — Одни говорят, что это был волк. Другие думают, это было животное, которое абсолютно неизвестно в наших широтах. Епископ Менде считает зверя карой Бога для прегрешений людей Гефаудана.

— Гефаудан, — граф наморщил лоб.

— В Лангедоке, ниже к югу, — объяснил дю Барри. — Там моё земельное владение, я оттуда родом.

— Ах, верно, — сказал граф. — Там где протестантские *Kamisarden* (*прим. пер.: камизары — гугеноты-крестьянине, участники восстания на юге Франции в начале XVIII в*) когда-то возмутились католическим королевским домом? Кажется, из-за этого местность всё ещё опасна.

Дю Барри махнул рукой.

— Ни в коей мере. После восстания сельские жители больше не имеют право носить настоящее оружие. Насколько я знаю, крестьяне должны защищаться от зверя перочинными ножами.

— И это только волк? — едва слышно спросила Клер.

— Описание подходит скорее гиене, — объяснял Томас. — Вполне возможно, что она убежала из зверинца. Передние лапы якобы длиннее, чем задние ноги. И как вы можете увидеть на моём рисунке, у неё есть необычно большая пасть в сравнении с остальным телом, что также типично для гиены. У хищника есть зубы, которые, как сообщается, остры как бритва. Вместе с тем она отделяет головы своих жертв от тела...

Отец тактично пнул его ногой, но даже без этого парень понял, что зашёл слишком далеко.

Клер рассматривала его, объятая ужасом.

— А если чудовище — это действительно кара Бога? — спросил де Треминс, искоса поглядывая на свою племянницу.

— Это объяснило бы, по меньшей мере, почему оно бросается предпочтительно на женщин. Наши дамы в Версале, к счастью, могут чувствовать себя здесь в безопасности. Там они определённо будут найдены съеденными грешниками чёртового зверя, да?

Дю Барри и отец Томаса разразились смехом. Только Клер было не до смеха, её глаза подозрительно блестели, она глубоко дышала и судорожно сглатывала, и на мгновение за фасадом надменности Клер, Томас поймал её взгляд. Девушку ранили слова дяди, очевидно, он намекал на «прегрешение», которое она совершила. Разумеется, неподходящая любовная связь — общественный грех? Была ли она, поэтому отправлена из дома?

Внезапно у него вызвала сожаление не только собачка, но и Клер, которая, несмотря на свою маску из перьев так плохо могла скрывать свои чувства. Версаль не был местом, в котором кто-то действительно может вести себя хоть немного открыто.

Как всегда, это был дю Барри, который спас ситуацию.

— Никаких причин пугаться, мадемуазель. Это продолжится не долго, до тех пор, пока мы не сможем любоваться набитым чучелом зверя здесь, в Версале. И теперь мы попытаемся перейти к другим мыслям! — он хлопнул в ладоши и дал знак музыкантам. Рыжий флейтист поспешно поправил свой парик, и тогда зазвучал *англез* (прим. пер.: *бальный танец*).

Томас ненавидел танцы, но сейчас, пожалуй, не оставалось ничего другого, как пригласить Клер. Однако, к его облегчению, она покачала головой.

— Давай, иди уже танцевать, Клер! — рычал её дядя, и когда хотел забрать у нее собаку, та отступила назад.

— Извините меня, — вытолкнула она из себя приглушённым голосом. Потом просто повернулась и выбежала из зала, развевая юбками. Несколько кавалеров смотрели ей вслед, дамы шептались. Прежде чем Томас смог последовать за Клер, его удержал отец.

— Оставайся здесь! — шепнул он. — А то ты делаешь для неё только хуже.

Томас медлил, но потом понял, что отец прав.

— Очевидно, моя племянница ещё должна учиться, что такие провинциальные манеры не более как занимательны в *Comédie Italienne* (прим. пер.: *итальянской комедии*), — это было всё, что заметил об этом граф. — Кстати, вы уже видели новую пьесу?

Возникла одна их ситуаций, которую Томас называл «театр марионеток»: каждый утверждал, что не заметил неловкость. Все передвигались дальше, как управляемые невидимыми нитями, улыбались и болтали.

Внезапно воздух в зале показался Томасу ещё удушливее, чем до сих пор. Только когда отец ударил его в бок, он заметил, что граф снова с ним разговаривал.

— ... я был бы рад, если бы мы вскоре могли продолжить разговор.

— С удовольствием, — невыразительно ответил Томас.

Его отец с трудом дождался, пока граф и дю Барри перестали быть в пределах слышимости, и потом потащил Томаса за гардину.

— Гиены? — прошипел он. — Отделяют голову? Боже мой! Ты смог смертельно напугать бедную девочку! — он вырвал у Томаса лист из руки, скомкал его как мяч и отправил в пустую декоративную вазу. — Это было специально, не так ли? Ты хотел запугать её!

— Что? Нет, конечно, нет! Я...

— Но если ты думаешь, что я целыми неделями дёргаю двумя ногами, чтобы вести переговоры с де Треминсом только для того, чтобы ты всё испортил, тогда ты ошибаешься, мой мальчик!

— Вести переговоры? — Томас должен был собраться с силами, чтобы не перейти на крик. — Что это значит? Что вы уже вели переговоры — не спросив меня и ничего не сказав?

— Я должен дождаться твоего позволения? — вскрикнул его отец. — Да, дю Барри установил контакт со мной и полагаю, что это будет недёшево. Семья Клер стоит немного, она почти что несостоятельна, но у них всё ещё есть её хорошее имя. Старое наследственное дворянство! Они не прочь получить наши деньги, даже если речь идёт только о наследстве вашей матери и нашей перчаточной фабрики. И самый важный пункт: у её родственников из

Парижа есть контакты с несколькими министерствами и с королевским двором. Связь с её семьей дала бы нам преимущества, которые наше родословное дерево не может нам предложить. Ты мог бы получить даже должность в военном министерстве, нам ...

— Отец!

Несколько секунд они только пристально смотрели друг на друга, оба со сжатыми губами, судорожно стараясь не потерять самообладание. Под толстым слоем пудры на лбу его отца пульсировала артерия. Но, естественно, он не забывал, где он был.

— Ты можешь подумать *один раз* обо мне и нашей семье? — шептал он. — Только один раз?

— Возможно, *вы* подумаете о том, что я не буду шахматной фигурой на вашей шахматной доске? — также едва слышно ответил Томас.

— Нет, и ты знаешь, почему нет? Так как мир, в котором мы живем — это шахматная доска. Мы должны хорошо выбирать наши стратегии, чтобы продвигаться вперед. И если мы не имеем никакой страны и никакого титула, в конце концов, мы нуждаемся в хорошей женьбе. Как вообще ты представляешь себе свою жизнь? Твоя стипендия для отличников в академии это, конечно, прекрасно и хорошо. Всё-таки этот контракт тебе подарил дю Буффон. Но вечно убивать время с науками? Почему ты мечтаешь о том, чтобы прыгать с дикарями и людоедами вокруг огня, если сможешь однажды танцевать в Версале в королевском дворе?

Томас молчал, потому что теперь, когда он немного возразил отцу, вместе с яростью в сердце, он не мог дальше владеть собой.

— Я предостерегаю тебя, сын! Ты можешь вести себя как распутник, и читать тайком так много сочинений этого Вольтера и других бумагомарателей, которые пытаются встряхнуть оплоты нашей веры и королевский дом, но ты забываешь одно: кто-то может не делать ставку на естественный порядок вещей, кроме силы. Ты так горд, что понимаешь природу вещей, и при этом не хочешь допускать, что мы — люди, тоже подчиняемся естественному порядку вещей. Церковь, король, дворяне, местные граждане, крестьяне — мир делится как раз на эти категории. Невозможно это также немного встряхивать, как ты мог бы женить птицу и рыбу. Итак, прекращай желать чего-то иного, а живи по этим законам: единственное, чем ты можешь продвинуться в жизни, подняться по общественной лестнице, которая приведёт тебя ко двору. Тебе необходимы правильные связи, которые появятся у нас при женьбе.

— Это ваше мнение, отец. И я совершенно его уважаю, даже если не могу разделить его во всех пунктах.

Шарль Ауврай вздыхал и вытирал лоб носовым платком.

— Я тебя не понимаю, — бормотал он, покачивая головой. — Иногда я верю, что ты бы продал свою душу, только бы отсюда уйти. Твой...

Он внезапно умолк, всё же Томас чувствовал колющую боль, как будто отец закончил предложение.

— Мой брат сделал бы это правильно, — сказал он очень отчётливо. — Арман поддержал бы ваши планы без Если и Однако. Вы это хотели сказать.

Каждый раз, когда Томас упоминал умершего брата, казалось, что отец старел на глазах. Его плечи опускались, будто он одевал горе, как пальто из свинца. Томас выиграл, но сегодняшний триумф имел горький вкус.

— Иногда я спрашиваю себя, упрям ли ты или просто глуп, — сказал его отец

охрипшим голосом. — Это должно быть твоя проклятая бретонская башка.

Томас смотрел ему вслед, пока тот, подняв высоко голову, смешивался с гостями. «Почему это всегда должно заканчиваться так», — подавленно подумал он.

Юноша отвернулся и вытащил смятую бумагу из вазы. Этим вечером ему, в самом деле, изменила удача — комок бумаги выпал из руки и покатился под гардину. Когда он нагнулся за ним, его коснулся синий шёлк.

— Не досчитались этого, месье?

Аромат роз ударил ему в нос. Томас вскочил и оказался напротив белокурой *гризетки*. В этот раз она не кокетничала, а серьёзно его разглядывала. Потом подняла вверх угольный карандаш, который он уронил в игровой комнате.

Томас откашлялся.

— Спасибо.

С неприятным чувством он подумал, что она, наверное, уже долгое время должна была стоять за гардиной.

— Ваш отец страстный мужчина. Но с черепом бретонца он был не любезен. И вы не глупы. Если вы меня спросите, то вы были очень даже умны, что не бросились на шею молодой даме.

На этом празднике вежливых масок её прямолинейность была потрясением.

Это было нелепо, объяснять что-то постороннему, но у него было чувство, что нужно извиниться за своего отца.

— Череп бретонца не был высказан как оскорбление. Моя мать родилась в этом регионе.

Она только улыбнулась и указала веером на комок бумаги в его руке.

— Вы только что изобразили меня, не так ли? Если вы уж крадёте у меня портрет, я хочу хотя бы бросить на него взгляд.

— Боюсь, вам это не понравится, мадемуазель. Если только вы хотите увидеться со складками своего лица.

— Ох, что было бы определённо не вполнину так много, как имеют некоторые дамы, когда только наносят косметику.

Казалось, что среди всех носителей масок она была единственным живым человеком. Томас знал, что должен был самое позднее сейчас проститься с ней с каким-нибудь галантным замечанием. Вместо этого он подал ей скомканный лист и смотрел, как девушка разворачивала его тонкими пальцами.

— Это действительно хорошо! И вы действительно вор! Вы воруете у меня даже промахи, которые я охотнее бы скрыла, — она указала на маленькую неравномерность своей улыбки, которую как раз изобразил Томас. — Не особенно лестно. Но ваша честность мне нравится. Я могу сохранить портрет?

Прежде чем он смог кивнуть, она сложила рисунок и спрятала в корсаж. Потом забрала стакан красного вина с подноса спешащего слуги и бросила Томасу полный надежды взгляд.

Томас откашлялся.

— Я даже не представился.

— О, я знаю кто вы. Ассистент де Буффона. Скажите, вам действительно доставляет удовольствие проводить дни в зверинцах и оранжереях?

— Вы думаете как раз так, как будто салон здесь никакой не зверинец.

Она как раз пригубила вино и поперхнулась смехом. Но умудрилась не фыркнуть

красным вином ему на жилет.

— Вы живёте с риском, Томас!

— И вы всё ещё не сказали мне кто вы.

— Называйте меня просто Жанна. И если здесь действительно зверинец, в котором выставляются животные — в качестве кого находится тут эта женщина?

Она указала на даму с длинным утончённым лицом, которая проходила через салон, высоко подняв голову и покачивая париком — и ответ появился сам собой:

— Однозначно — лошадь, но такую капризную клячу я бы не стал запрягать перед экипажем.

Только что он ещё был полностью подавлен, но теперь поймал себя на том, что улыбается. *Гризетка* или нет, она ему нравилась.

— Монсеньор дю Барри во всяком случае — лев.

Она махнула рукой.

— Ах, вздор. Он — петух, который гордо выступает между всеми курицами и кукарекает после большого количества выпитого вина. И кем буду я?

— Момент... Кошка, я бы сказал.

— Я надеюсь, так как я прекрасна и грациозна?

— Потому что вы хорошо прячете свои когти в мягких лапах.

Её звонкий смех заставил некоторых господ посмотреть в их сторону, Жанну это не заботило.

— А вы, Томас?

Этот вопрос сразу его отрезвил. *Шахматная фигура?* Внезапно вернулось его плохое настроение. Он не ответил на вопрос Жанны, а поменял тему.

— Что вы под этим подразумеваете: было разумным для меня, Клер де Треминс — как вы сказали? Броситься на шею?

— Мой дорогой, вы работаете в Париже и совсем ничего не получаете от сплетен? Или вы запикиваете в уши воск как Одиссей, чтобы не разрушиться от пения сирен? Однако было даже не глупо. Н-да, посмотрите-ка: украшения Клер только одолжила, всё остальное оплатил её дядя. Но отсутствие денег — это не причина, почему никто из парижских господ не хочет обжечься об эту молодую незамужнюю женщину, — Жанна склонилась к нему. — Она влюбилась в руки, — нащёптывала она ему за веером. — И, к сожалению, в фальшивку, то есть в своего учителя музыки — итальянца. Когда афёра открылась, он исчез на другой день. Вероятно, помчался назад в Италию, но, возможно, мужчина никогда там и не был. Во всяком случае, Клер полгода пряталась в каком-то монастыре. Конечно, эту историю хотели замять, что, естественно, не получилось. Ребёнка отдали сразу после рождения и её немедленно отправили к дяде. Вероятно, семья думает, что здесь, в Париже, господствуют и без того свободные нравы, что в дальнейшем падшая женщина больше не допустит скандала. Да уж, как только можно себя обмануть.

Теперь у него складывалось впечатление, к чему был точный едкий портрет: то, как Клер вцепилась в маленькую собаку, потому что боялась, что у неё отнимут последнее, что она любила; и она будет вынуждена отдать свою маску высокомерия и отказа, за которой искала убежище. Только это не давало никакой защиты, не в этом городе королей, где хорошо оберегаемые тайны были ещё реже, чем единороги.

«Отец это знал и не говорил мне». Теперь Томас насквозь видел торговое предприятие от начала до конца, в его полном значении: граф де Треминс хотел избавиться от

племянницы и оплачивал в пользу этого связи с некоторыми министерствами. Ответный подарок Шарля Ауврая был материнским наследством, которое Томас получит выплаченным в день своего бракосочетания, и деньги снова смочет в фамильную кассу норманнских де Треминсов. И Клер искупит вину за свой неверный шаг в ссылке, в которой потеряет свой дворянский титул через брак, с каким-то преуспевшим человеком из буржуазии, без любой возможности когда-либо сыграть хорошую партию в своём собственном кругу.

— Она не первая и не последняя, кто проходил что-то подобное в этом роде. Но вы, конечно, найдёте женщину лучше, Томас. Помимо того, что она обедневшая: по большей части это счастья не приносит — сочетаться браком с несчастным человеком.

«Как будто здесь идёт речь только в малом — о счастье или беде», — горько подумал Томас.

«Ах» и «ох» возгласы прозвучали, когда полный господин вошёл в бальный зал. Никого нельзя было ввести в заблуждение золотой маской. Каждый узнал старого маршала Ришелье. Он стоял очень близко к королю. В свете говорили, что государь прощает каждую его бестактность и даже измену, следовательно, каждый в помещении надеялся преимущественно на его дружбу. Дамы устремились в его направлении и порхали вокруг него как мотыльки перед фонарём. Томас наблюдал, как его отец также присоединился к группе вокруг политика.

Он ещё раз понял, что Шарль Ауврай состоял из двух совершенно разных людей: с одной стороны был угрюмый и неразговорчивый человек, который часто вгонял дом в суматоху и сбивался с ног; во-вторых, честолюбивый интриган, который выигрывал всё в обществе для себя, в то время как упорно преследовал единственную цель: пробиться к дворянству сквозь невидимую стену.

— Что вы теперь думаете о Клер? — нащёптывала ему Жанна. — Я надеюсь, вы не осуждаете её.

— Нет, она вызывает у меня только сожаление. Никакая любовь мира этого не достойна, чтобы только для неё броситься в катастрофу.

— Это звучит так, как будто вы ещё никогда не были влюблены.

— О, но всё же я не полагаю, что нужно вместе с тем разрушать свою жизнь. Рассудок сослужит гораздо лучшую службу, чем страсть.

Жанна засмеялась.

— Таким образом, говорит учёный, но, вероятно, вы правы. И, кроме того, никогда нельзя продаваться ниже стоимости. Берите пример с новой фаворитки герцога Ришелье. Каждый считает её глупой и необразованной. Но она умна, не теряет ни головы, ни сердца. Я даже держу пари, что однажды она будет жить во дворце и король станет её боготворить.

Она подмигнула ему на прощанье, потом шурша покачивающейся юбкой, пошла прямо к герцогу в золотой маске.

Дамы неохотно уступали ей место, но герцог смеялся и положил свою руку ей на талию. Томасу понадобилось несколько секунд, чтобы понять с кем он говорил. Это была *та самая* Жанна! Томас на самом деле слышал о ней. Весь Париж рвал о ней свои рты потому, что она была продавщица в модном магазине, прежде чем дю Барри взял её под своё крыло. Между тем она поднялась уже до возлюбленной герцога Ришелье.

Из-за сплетен Томас представлял себе обычную, ярко накрашенную женщину. Но очевидно Жанна носила маску совершенно особенной манеры поведения — безвинной

Глава 3 МОЛОДОЙ ВОЛК

Хорошо укрытые полукругом драгуны с нетерпением ожидали вокруг поля, которое сельские жители называли *Champ-de-la-Dame*. Хотя было холодно, уже чувствовался запах мертвеца, когда ветер доносил его к ним сюда.

Барбаросса не был суеверным, но иногда, когда он, с винтовкой наизготовку, прислушивался к каждому шороху из леса, то воображал, что покойница укоризненно на него смотрела. И хотя на полях сражений он видел хуже, чем этот труп, дрожь пробегала по его затылку. Он почти ожидал, что, несмотря на отделённое горло, из уст девушки может вырваться проклятье. Она была оставлена там со дня своей несчастной смерти как приманка. Капитан Дюамель, который командовал полком драгунов (*прим.: название рода войск*) в этой охоте, надеялся, что дикий зверь станет возвращаться на место дикой бойни, чтобы дальше разжевать свою жертву — так, как это делали многие хищники.

Поэтому труп всё ещё лежал на поле, с заочневшими, покрытыми изморозью конечностями. Голова находилась отдельно от тела, как будто скатилась с горы. Ветром сдуло платок, которым пастор прикрыл лицо, и никто из военных не получил приказ снова расстелить его сверху.

— Эй, Барбаросса! — шепнул молодой солдат рядом с ним.

Барбаросса — «рыжебородый», так его звали в полку. С усами и кустистыми бровями он мог пугать деревенских детей, которые шептали друг другу, что тот выглядел как дьявол. Но дьявол был в другом месте. И ей Богу, после месяцев бессмысленной охоты в холоде, многие продали бы свою душу, чтобы, в конце концов, получить чудовище на мушку и прикарманить вознаграждение. Девять тысяч четыреста лир ожидали того, кто убьёт зверя — шесть тысяч лично от короля, остатки от епархии Менде и провинции Лангедок. Девять тысяч четыреста! Этого хватит, чтобы купить больше, чем девяносто лошадей. Барбаросса зарабатывал за год сто двадцать девять лир.

— Что там впереди! — это был ропот молодого соратника, который переместил вес на локоть и продвинулся, чтобы лучше разместить ружьё.

Барбаросса осмотрел опушку леса, где были спрятаны капканы. Там скользили прямые, как стрела, тени.

— Пожалуй, ты видишь приведение, — шепнул он юнцу. — Это снова лишь лисица.

Сейчас овечьё пастбище опять очень тихо лежало под небосводом, показывая первое предчувствие предрассветных сумерек. В родной деревне Барбароссы, на побережье, в это время года уже давно распустились деревья, здесь же, в начале апреля, снежные пятна покрывали луга. К этому добавлялся туман и мелкий дождь, который заволакивал остатки белого тонкой ледяной коркой. Проклятая влажность пробиралась в сырую униформу, и оттуда в кости. Она портила запал и порох, которые должны быть сухими для хорошего выстрела. Плохо же то, что они выходили на охоту для охоты порожняком. Правда, при последних больших облавах они убили дюжины волков, но бестия побеспокоилась о дерьме вокруг своих преследователей. Она появлялась незаметно как дух, оставляя после себя новое поле боя, и бесследно исчезала в лесу. «Возможно, это всё же дьявол, которому доставляет удовольствие водить нас за нос», — думал Барбаросса.

Красный коршун, который уже долгое время кружил над умершей, и которого также трудно было прогнать, бросая камни, уселся в ветвях дерева и осматривал пастбище.

— Скотина! — прорычал молодой драгун и подавил кашель.

Предраассветный свет медленно подползал ближе. Если бы всё происходило правильно, деревня, стоящая за небольшим холмом, теперь медленно бы пробуждалась к жизни. Но Барбаросса знал, что большая часть деревенских жителей уже давно больше не спит. Они молились, и беспокоились, и подслушивали спасительный выстрел, которого не было. И хотя капитан Дюамель приказал, чтобы деревня соблюдала тишину, в этот день пастор не воспринял этого и звонил в колокол. Светлый, металлический звук доносился к ним сюда с ветром. Деревенская собака начала тявкать как сумасшедшая. Вскоре за этим раздался звук колокола и голоса. И когда на вершине горы появились силуэты всадников, Барбаросса знал, что это был караул для неё. Во главе колонны ехал капитан Дюамель, за ним следовало несколько знатных господ.

— Построиться!

Солдаты выползали из укрытия. Барбаросса вскочил, и поспешно, как следует, одёрнул красный обшлаг рукава своей униформы, потом, как и другие, выправил осанку. Теперь он смог узнать приезжих — это была внушительная процессия.

Каждый узнал долговязого адвоката, который на лошади выглядел неуместно. Круглые стёкла его очков запотели от морозящего дождя. Это был Этьен Лафонт, который был Syndicus (*прим. пер.: греч. — синдик, поверенный, представитель города, общества*) епархии Менде. Это было задание по поручению епископа — организовать охоту и наблюдать. Но также здесь были собраны знатные владельцы охотничьих угодий со своими егерями из Гефаудана, прежде всего граф Морангез, старейший почтенный граф, который сегодня был одет в золотисто-коричневое пальто, отороченное соболиным мехом.

Четверо, пятеро следующих с ним мужчин, ехали впереди и взнуздывали своих лошадей — графские сыновья, которых в полку драгунов тайком называли «сворой принцев». Это были парни, громкие и важные, с бурлящей кровью. Сейчас они не могли смотреть на покойницу.

«Они похожи на молодых волков», — подумал Барбаросса. — «Вошли во вкус. Но они не умеют ничего другого, разве что уравнивать свои изнеженные задницы на лошадях, чтобы идти на охоту и наследовать какое-нибудь жирное армейское место, которое им причитается уже с колыбели».

В противоположность графским сыновьям, крестьяне действовали как призраки: бледные лица, полны страха и скорби, укутанные в грубые шерстяные накидки; для защиты от холода икры замотаны тряпками и меховыми шкурами. Снег и грязь пристали к их деревянным ботинкам, мужчины держали вилы, женщины судорожно цеплялись за самодельные пики. Крестьяне враждебно и пристально смотрели на солдат. Один старик сплюнул. Они никогда бы не признались в открытую, но Барбаросса точно знал, что население считало с тех пор, как месяц назад полк расположился лагерем в Сент-Шелид'Апхер. *«Вы едите и пьёте только за счёт епископа и провинции», — говорили глаза старой ведьмы. — «И за что? Где чудовище, вы, неудачники? Если бы вы были хорошие охотники, малышка не смогла бы умереть!»*

Барбаросса ответил на её взгляд, угрожающе нахмутив лоб, и снова посмотрел на господ.

— Сегодня тоже никакого следа зверя? — это был прохладный, немного тихий голос

Этьена Лафонта.

— Никаких следов, — ответил капитан Дюамель.

— Кого чудовище всё же поймало в этот раз? — рявкнул граф де Морангез. Деревенские жители забормотали; опираясь на свою трость, пастор подошёл к графу. Его седые волосы растрёпано вылезли наружу из-под чёрной шапки.

— Габриеллу Пелиссир, *монсеньор*. Ей было семнадцать лет. Её нашёл отец, — он указал на бородатого мужчину, который судорожно вцепился в свою фетровую шляпу на груди. — Он также удовлетворил просьбу капитана Дюамеля подождать с похоронами.

Граф сделал знак мужчине подойти.

— Иди сюда и рассказывай!

Крестьянин медленно выступил вперёд, но начал говорить только когда священник положил свою руку ему на плечо.

— Я нашёл её, когда выгонял овец на пастбище. И после захода солнца, я думаю, больше никакой опасности не будет.

— Почему ты пришёл к такому выводу?

— Говорят, ночью надёжнее, *mon Seigneur* (*прим. пер.: фр — мой господин*). Зверь не охотится после захода солнца.

— Ага. И потом?

— Я возвращался через деревню. Габриелла хотела ещё согнать овец и прийти позднее. И она не приходила и не приходила, и стемнело, и тогда я с парой мужчин быстро отправился на поиски. И она лежала там, фетровая шляпа на половине лица, как будто она спала. Я в темноте сначала не увидел. Но когда дотронулся до неё и тряхнул, там... покатила...

Он умолк и опустил вниз голову.

— Ужасное бедствие, — сказал сухо граф. — Мои соболезнования.

— Спасибо, *мой господин*, — сказал отец беззвучным голосом.

Но граф больше не обращал на него внимания, а обратился к священнику:

— Хороните её.

Люди немедленно стали двигаться, как будто все только этого и ждали. Тащили под своими накидками простыни, и группами спешили к месту происшествия, чтобы укрыть мёртвую и перенести в деревню.

— Капитан, отсылайте ваших людей обратно к базе, — приказал граф.

— Командуй! — сдержанно сказал Дюамель, но Барбаросса смог увидеть, как сжались мускулы на его челюсти, так крепко он стиснул зубы вместе. — Назад, в Сент-Шели!

Отряд драгунов снова пришёл в движение, Барбаросса тоже взял на плечо своё оружие и угрюмо двинулся вместе со своими соратниками в направлении деревни, где солдат ждали семнадцать оседланных лошадей.

— Это было ещё одно вознаграждение, — молодой драгун извергал какие-то пустые ругательства, которые были хрипящим кашлем.

— Два новых охотника должны были прибывать каждый день, — Барбаросса услышал позади себя, как говорил один их графских сыновей. — Вы застрелили уже тысячу двести волков и привезли с собой для охоты собственных датских догов. Что ещё нужно от вас хищному зверю для счастья? — приглушённый смех звучал сквозь морозящий дождь.

«Если бы у нас были собаки, приученные охотиться на волка, мы бы давно поймали проклятого людоеда», — рассержено думал Барбаросса. В этот момент он бы их всех с

удовольствием отправил к дьяволу: крестьян, также как и заносчивых молодых господ.

Приближался стук копыт, и когда он посмотрел в сторону, то, к своему удивлению, обнаружил даму. До сих пор она не попадалась ему на глаза. Она, должно быть, ехала в задней части процессии, возле ожидающих конных егерей. Девушка сидела на лошади по-английски, как мужчина, и её руки были в чёрных перчатках. Он не мог разглядеть её лицо, оно было закрыто глубоким капюшоном. Дворянка носила красный *тулуп* — пальто с капюшоном, подшитое мехом, которое было снаружи натёрто воском, чтобы дождь стекал с него каплями. Попутный ветер раздувал пальто и часть чёрной юбки из-за плеча её серой лошади. В то время когда графы отправлялись в деревню, женщина отклонилась в сторону от обоза и теперь направила свою лошадь рысью в направлении пастбища — точно к группе деревенских жителей.

Барбаросса повернул голову и удивлённо смотрел ей вслед.

И это действительно было что-то необычное: аристократка сдерживала свою лошадь, потом просто спустилась с горы и, конечно, смешалась с группой людей, как будто к ним принадлежала. Крестьяне сначала стеснялись её и удивлённо уступали место, но она жестом успокоила их и обратилась к отцу погибшей. Несколько мгновений никто не осмеливался много говорить, но после нескольких предложений лёд сломался. Неожиданно они столпились вокруг женщины в красном пальто, размахивали руками в воздухе, указывая указательным пальцем в лес. Одна крестьянка разрыдалась. И аристократка сделала что-то неслыханное: не беспокоясь о своём положении, она просто подошла к крестьянке и, утешая, обняла своей рукой её плечи! Барбаросса от удивления стоял с открытым ртом. Это был не напускной жест милосердия и доброты, она делала всё честно и сострадательно.

— Изабелла! — над полем раздался сердитый, резкий крик.

Грязь попала на щеку Барбароссы, когда второй конь промчался мимо него. Граф в огненно-рыжем, очень дорогом охотничьем пальто проскакал галопом верхом на своём мерине к даме. Комья земли вихрем разлетелись вокруг, когда он остановил свою лошадь на месте. Деревенские жители отступили, и неожиданно женщина в красном пальто осталась одна. Дальше была неожиданная драма, когда граф делал ей выговор. И её жесты, и её покачивания головой отчётливо говорили, что она ему возражала. К сожалению, ветер уносил слова в другом направлении, но каждый слепой мог бы увидеть, что граф и дама сильно спорили. Наверное, она была его жена. *«И он не особенно хорошо её контролировал»*. Аристократка подошла к своей лошади и без труда села в седло. Барбаросса всё ещё не мог увидеть её лицо, но фигура, осанка, размах движений — всё указывало на то, что она была ещё очень молодой.

Он хотел обратить на неё внимание своего приятеля, когда на опушке леса ему бросилось в глаза какое-то движение. Там появилась сухощавая фигура мужчины с седыми волосами, которые, как растрёпанный ореол, выступали над его головой. Глаза мужчины сидели так глубоко в его пазухах, что выглядели как чёрные пятна. Он никак не интересовался благородной парой, а стоял там спокойно, прислоняясь жилистой рукой к стволу ясеня, его взгляд между тем покоился на закутанном трупе. Его убогий полушубок дрожал на груди, а на шее висел кожаный ремешок, на которую было что-то нанизано. Барбаросса напряжённо всматривался в белые предметы, которые были слишком угловатые и бесформенные, чтобы быть жемчужинами. И где этот неимущий дьявол мог взять жемчуг?

— Ха! — Барбаросса толкнул сослуживца локтем в бок. — Посмотри-ка, там парень, который носит зубы вокруг шеи?

— Похоже, — сказал его приятель.

Молодой граф развернул свою лошадь, и всадница яростно дала шпоры своей серой лошади и, повернув от него, поскакала галопом вдаль. Она обогнала обоз, не удостоив взгляда, и понеслась в направлении деревни.

Позади Барбароссы раздался грубый смех. Он бросил взгляд через плечо и обнаружил, что это был один из «принцев».

— Тут кто-то, наконец, получил дикарку на прицел, и она уже снова упрямится, — сказал он другому достаточно тихо, чтобы не услышали старшие, в обозе впереди.

— Ну, которую я бы с удовольствием поймал, — бормотал другой. — У меня она бы уже стала ручной.

— Прочь руки, Шарль! Она для меня!

Другой засмеялся.

— Лучше держи свой язык в узде, Эрик. Ваш граф понимает, что не получит здесь никакого удовольствия. Ах, да — и красивая кобылка разве не дала тебе порядочного пинка пару лет назад?

Теперь предводитель больше не смеялся.

— Закрой свою пасть, — ответил он угрожающе. — Когда я захочу её поймать, она достанется мне и при этом граф не станет мне препятствовать, — и добавил тише. — Есть лошади, которых укрощают сахаром. И есть другие, которых однажды нужно только не прозевать и заклеить, чтобы они выучили, кому принадлежат в действительности.

Молодые парни грязно смеялись над крепкой шуткой и смотрели девушке вслед. Но надменная ухмылка только скрывала их настоящие скверные мысли. В их глазах тлело нечто сумрачное и голодное, что Барбаросса хорошо знал из военного времени.

Он снова отвернулся.

— Свора, — прорычал мужчина презрительно и тяжело ступил дальше. Незадолго до того, как они достигли вершины горы, он опять вспомнил седого парня. Но жуткий мужчина исчез.

Глава 4

ЗОВ ДЖУНГЛЕЙ

— Томас, вставай! — голос звучал в каком-то сне, в котором граф де Треминс был обезьяной и пронзительно кричал, раскачиваясь на люстре.

Его зубы стучали друг о друга от того, что кто-то сильно тряс плечо. Головная боль глухо загудела в ушах. Когда Томас открыл глаза, его ослепил свет свечи. На улице было ещё темно, и на Шарле Ауврае был одет вышитый халат, который он только накиннул, когда пришёл полночный гость, и даже натянул свой коричневый накладной парик.

— Внизу тебя ждёт слуга де Буффона. Ты должен пойти вместе с ним. Немедленно!

— Сейчас? Среди ночи.

— Нет, уже шесть утра. Очевидно, дело срочное. И ты знаешь, что это может означать? Де Буффон зовёт тебя в свой замок. Определённо он находился при *утреннем приёме* короля. Иначе, зачем бы он так спешил?

Теперь Томас резко проснулся. *Утренний приём!* Утренний ритуал в королевской опочивальне, во дворце, где был в настоящее время двор Людовика XV и куда благородные гости одевались согласно строгому церемониалу. Хотя это было маловероятно, что де

Буффон станет брать с собой Томаса в замок, однако такая возможность существовала.

Он выскочил из постели, бросился к тазу и стянул ночную сорочку через голову. Когда Томас наклонился вперёд, пульсирующая головная боль стала невыносимой.

Его отец что-то крикнул лакею, и в голове Томаса прокатилась новая лавина болезненной дрожи. Он застонал и надавил ладонями на глаза. Вернулись воспоминания о вчерашнем вечере. Три визита графа де Триминса в течение одного месяца. *«Как много я выпил вина, чтобы вытерпеть его болтовню?»*

Единственный положительный момент в этой долгой мучительной неделе — обязательные встречи с Жанной. Это был подарок среди всех альянсов — найти действительно искреннюю дружбу. Вскоре после праздничного карнавала Томас снова натолкнулся на честолюбивую девушку на следующем домашнем торжестве у дю Барри. Они договорились между собой о тайных прогулках и часто встречались как будто случайно.

Старый слуга прошаркал в узкую комнату и они уже втроём стояли в проходе. Томас натянул чулки и рубашку, пробежал пальцами вдоль своего тела в попытке насколько возможно быстро застегнуть пуговицы, расправил жабо по краю воротника и разместил поверх него шейный платок. Томас хотел надеть зелёный шёлковый жилет, но отец схватил его за плечи.

— Невозможно! С ума сойти! Ты не спятил? Ты не забыл, что во дворе всё ещё продолжается траур? Модная одежда запрещена. И думай о том, что королю кланяются *трижды. Трижды!*

— Вероятно, я должен это записать.

— Как ты можешь осмеливаться шутить над этим? Но сейчас важно следующее: говори только самое приятное, когда тебя спросят! Король должно быть — пусть случится, как допустит Бог! — на самом деле спросит тебя, будь внимательным, что говорить. Ты знаешь, наш король справедливый, но не особенно любезный. Кто это однажды испробует на себе, тот будет навсегда обречён.

— Спасибо за этот успокаивающий совет, отец.

Томас признал, что сейчас внезапно ему стало это неприятно. *«Почему как назло сегодня? Почему не завтра, когда я буду лучше подготовлен?»*

Несколько минут спустя, он сбежал по лестнице вниз, в каком-то простом светлом сюртуке, и в штанах до колен с серебряными пряжками, которые подходили к его туфлям. Он нёс треугольную шляпу, прижимая к себе левой рукой, как это было принято, сумку со своими рисунками под правой. Для завтрака совсем не осталось времени. Лакей, который станет сопровождать его в дом де Буффона, уже нетерпеливо ждал в салоне, непосредственно перед портретом Армана.

Сегодня его умерший брат рассматривал его особенно укоризненно. В такие дни как этот, сходство между его отцом и Арманом казалось Томасу почти таинственным. В то время как Томас унаследовал белокурые волосы, серо-голубые глаза и светлую кожу своей матери, Арман был более молодой копией отца: коренастый, темноволосый, с широким лицом и взглядом, который не допускал сомнения о том, кто был хозяином в доме Ауврай. Казалось, что враждебный взгляд Армана говорил ещё кое-что: *«Не думай, что я не знал этого, брат».*

Вскоре Томас отвернулся и последовал за лакеем на улицу.

В свои почти сорок лет Жорж-Луис Леклерк де Буффон был совсем не молод, но всё

ещё излучал темперамент, которому могли бы позавидовать некоторые более молодые. И как всегда, никакая деталь не ускользнула от него сегодня. Едва Томас ступил на порог кабинета, натуралист приветствовал его с ехидной улыбкой.

— Ну, ночь была короткой? — прогремел он и захохотал, когда Томас вздрогнул. — Позвольте мне отгадать... светло-зелёный цвет как бутоны лилий, кислое выражение лица и глаза так опухли, как будто вы пили ведрами сладкое вино. Я делаю вывод: должно быть вы снова присоединились к старому де Треминсу и восхищались его отсутствующими зоологическими знаниями.

— Можно сказать только так, монсеньор де Буффон.

Ответом был громкий смех. Это было редкостью, что учитель Томаса был в хорошем настроении. Даже гневная складка, которая разделяла его лоб, была сегодня менее глубокой. Можно было предположить, что раньше он был привлекательным мужчиной, когда не был таким толстым. Он был не только натуралистом, но также юристом и медиком. Свою молодость ученый провёл в путешествиях, и ещё сегодня говорили тайком, что однажды он дрался на дуэли из-за женщины. В зависимости от версии, его противник был хорватом, возможно также англичанином, но когда кто-то его об этом спрашивал, де Буффон только делал насмешливое замечание о людях, которые квакали в свете сплетни как лягушки, и при этом улыбался таинственно, как сфинкс.

— Н-да, как я слышал, вы не сможете очень долго ускользать из сетей семьи Треминс. Но выше голову, Томас, в ближайшую неделю вы снова получите отсрочку в Париже. Мы с вами должны позаботиться о новых растениях из Африки.

Томас пытался не показать свой восторг. *Отсрочка на короткое время*. Он не встречал никаких слов лучше, чем эти. Уже два месяца юноша извивался в угрожающем состоянии быть пойманным как рыба в верше (*прим. пер.: рыболовная снасть*), без надежды найти выход. При каждой встрече он находил Клер менее приятной. Ему действовал на нервы вид того, как она пичкала маленькую собачку сладостями, жаловалась на всё вокруг и гоняла прислугу. Хотя Томас знал, что она страдала от своей тайной печали и, вероятно, поэтому была невыносима. Девушка, напротив, не могла не страдать от того, что он лучше говорил о естественных науках, чем о музыке и театре, и не осыпал её комплиментами. Хотя слово «брачный договор» ещё не произносилось, то, что де Буффон слышал об этом, не предполагало ничего хорошего.

Энергично двигая руками, де Буффон помчался с кучей бумаг в сторону стола и со всей силы одним ударом заполнил папку из полированного дерева.

— Смотрите сквозь вещи. И при этом я позволяю вам ясно думать и тянуть за ваши концы, возможно, вы найдете что-то ещё, что до сих пор от меня ускользало.

— Я могу спросить, о чём идёт речь? Постойте... визит в замок? — он пытался, чтобы это прозвучало не слишком нетерпеливо. Учёный вопросительно поднял брови.

— Почему вы так думаете?

— Вы никогда ещё не звали так рано. Тут напрашивается подозрение.

Де Буффон улыбнулся.

— Сегодня я уже не выезжаю в замок, но вы тоже нет, Томас! Нет, нет, я позвал вас только, чтобы вы рассортировали для меня некоторые данные.

Было значительно легче скрывать надежду, чем разочарование.

— У меня были переговоры с некоторыми господами, в частности с монсеньором де л'Афердю, — де Буффон беззаботно выходил из комнаты. — Вы знаете кто финансовый

контролёр двора. Как все бюрократы он, несомненно, хочет всё знать совершенно ясно.

Томас наострил уши. Де л'Афердю, который от имени короля объявил о высоком вознаграждении за голову этого таинственного дикого зверя.

— Речь идёт об этом животном из Гефаудана? Есть новое сообщение?

— Ага, парень так быстро взбодрился из-за этих покойников, тогда он, действительно, немного заинтересован.

В самом деле, усталость Томаса исчезла, он почувствовал себя проснувшимся.

— Это животное, в конце концов, убьют? Это была гиена?

— Не знаю этого пока ещё точно, потому что оно бегаёт на свободе. И хотя полк драгунов принца Клермона уже месяц как наступает на пятки облаве, облавные охоты, оставленные приманки и засады — всё бесполезно. Имеются даже четыре молодых драгуна, и это я действительно не хочу себе представлять, переодетые как пастушки и усаженные на пастбище, чтобы ловить зверя. И. Ничего!

— Что с двумя новыми охотниками из Нормандии, которых король на несколько недель отправил в Гефаудан?

Граф махнул рукой.

— Неприятная история для господ. Они там с литаврами и трубами призваны на военную службу, но до сих пор тварь играет с ними в прятки. Две безуспешных охоты в апреле, последняя из которых была только несколько дней назад, тридцатого, если я правильно помню. Хотя сегодняшняя охота скоро начнётся, никто не питает большой надежды. Тем временем, животное по-настоящему развивается в монстра — именно политическая афера. Вот! — он вытащил из папки страницы *лондонского журнала*. — Здесь написано — волк проглотил, не моргнув глазом, сто двадцати тысячную французскую армию мужчин и потом ещё артиллерийский корпус. Заграница смеётся над Францией, и наш король не готов радоваться такой иронии. Как бы то ни было, Вы составите мне хронологическую последовательность происшествий с января.

С этими словами граф пошёл к двери, которая вела в кабинет коллекции естественной истории. Томас подвинул стул. Всё же он не решался взять статью, а вместо этого достал этюдник и внимательно рассматривал вкладки с иллюстрациями, над которыми работал: лисица, гиена и шакал, портреты различных видов волков. *«Многомесячная работа»*, — подумал он. — *«И, все же, вероятно, всё напрасно, так как я должен закончить учебу раньше или позже, и сочетаться браком с Клер»*.

И ещё что-то другое парило в помещении. Он на мгновение предположил, что кроме запаха клея, воспринимает в кабинете бумагу и тушь, и ещё другой живой аромат: тропический дождь, шкурка и цветочный аромат экзотических растений. Он перелистывал остальные свои рисунки: эскизы оцелотов, пум и экзотических попугаев. Последним лежал документ, на котором в некоторых местах были стёрты чернила от того, что Томас часто брал его в руки, но который мог прочесть наизусть как молитву. Правила де Буффона:

«Мы должны представлять себе, что однажды человек просыпается и не узнаёт объекты, которые его окружают. Тогда он будет наблюдать и узнает порядок природы, потому что настоящий учёный пойдёт вперед. Он станет рассматривать животных и растения. Вначале он ничего не сможет различить, но всё-таки вскоре проведёт разделение: животные, растения, минералы. И потом он станет дальше находить разделение: животные воздуха, земли и воды и так далее. И это разделение природы мы

должны принимать во внимание. Он — это порядок».

По крайней мере, здесь он должен признать правоту отца: у людей есть порядок, в котором король стоит над другими. Томас несколько секунд рассматривал прыгающие слова, потом пошёл твёрдым шагом к кабинету естественной истории. Здесь всё выглядело как передвижная комната страха, в которой владелец балагана химер показывает сшитые из кусков туши животных. Только на этих полках, действительно, существовали лишь набитые или законсервированные в прозрачной жидкости животные: змеи из областей Амазонки, разноцветные райские птицы и крокодилы, которые пялились на него стеклянными глазами.

— Монсеньор де Буффон?

Исследователь, который согнулся над чёрно-жёлтой препарированной тушкой лягушки, раздражённо на него взглянул.

— Что там ещё?

— Возьмите меня с собой в замок.

Де Буффон рассматривал его так, как будто бы он просил о том, чтобы съесть лягушку.

— Что вы думаете, кто вы такой? Врываетесь сюда и предъявляете такие требования!

Томас глубоко вдохнул воздух. Сейчас он приведёт хороший аргумент. *«Который должен был обдумать раньше».*

— Я буду вашим ассистентом, и как я думаю, приносящим пользу. Если бы вы предоставили мне список фактов, вы могли бы сосредоточиться в разговоре на действительно важных вопросах.

Де Буффон прищурил глаза.

— Вы самоотверженный молодой человек! Чтобы так заботиться о старом, забывчивом учителе? Я глубоко растроган!

Внутренне Томас не поддался на эти подковырки.

— Позвольте мне быть хотя бы рядом с этими данными, только на случай, который потребует подробностей. И когда происшествие настанет, тогда я, по меньшей мере, смогу позаботиться о том, чтобы карета была готова к вашему отъезду. Следовательно, вы в любом случае выиграете время.

Томас не мог сказать, что последует дальше — вспышка гнева или смех. Примечательно, что не было ни того, ни другого. Исследователь только сопел и снова вернулся к лягушке.

— Тщеславный юноша, — прорычал он. — Точный сын своего отца, однако, вы менее деликатны. Ну, ладно, идите в кабинет! И в восемь вы должны быть готовы, дальше мы посмотрим. Но твёрдо я вам ничего не обещаю.

Глава 5

СНОВИДЕНИЯ

Уже битых шесть часов Томас ожидал в приёмной у овального окна, рядом с зеркальным залом Версальского дворца. Между тем он чувствовал усталость каждой клеточкой своего тела; пылинки танцевали перед его глазами; он испытывал головокружение от голода. И как это часто бывало в последние недели, сегодня опять появился внутренний голос: *«Ты никогда не увидишь джунгли, идиот».*

— Заткнись, Арман! — пробормотал он, решительно вытащил на колени папку и ещё

раз прочитал о последнем происшествии:

«22 января 1765 года Анне Танавелле из Шабаноля, церковный приход Лоркиерес. Вечером она вышла из дома, чтобы поймать убежавшую корову. Возвращающийся домой отец нашёл свою дочь убитой чудовищем, немного позднее на пастбище без головы. Повреждения рук истолковываются тем, что она ожесточённо защищалась. Её голову нашли на день позже, в лесу, на расстоянии двести шагов от места гибели».

— Монсеньор Ауврай?

Томас вскрикнул, папка соскользнула с коленей, и водопад листов рассыпался по полу. Лакей, который к нему подкрался, даже не изменил выражения лица, пока Томас торопливо собирал свои бумаги.

— Вас ожидают в *Cabinet du Conseil* (*прим. пер.: кабинет совета*), — сказал лакей.

Теперь Томас окончательно проснулся. Совещательная комната короля! Он быстро сортировал последние листы в папке, пока лакей ожидал его возле двери.

Воздух в кабинете стоял такой, как будто бы мысли и переговоры прошедших часов уплотнились в дым. Зеркала придавали блеск и тяжесть помещению. Белая обивка стен была украшена золотыми завитками и стилизованными лилиями — символом правящего дома Бурбонов. И там, где огромные окна протянулись до пола, тяжёлые синие гардины уже обрамляли вечернюю зарю.

Томас прижал папку к себе и выступил вперёд. Он едва ли решался прямо рассматривать короля, который восседал во главе огромного стола в сине-золотом кресле. Вместо этого он охватил взглядом остальное общество. Де Буффон сидел справа от короля, рядом с финансовым контролёром монсеньором де л'Афердю. Как всегда месье де л'Афердю носил подчёркнуто незатейливый сюртук карамельного цвета, украшенный дорогим брюссельским кружевом. С другой стороны Томасу бросился в глаза худой мужчина с узким аскетическим лицом. За круглыми очками его глаза выглядели крошечными. Напротив него сидел кавалер в красно-голубом обмундировании лейтенанта, который был единственным в этом окружении, кто излучал невозмутимость и приветливость, которую Томас сразу почувствовал. Это определённо был Франсуа-Антуан де Ботерн, первый аркебузир (*прим. пер.: стрелок из пицали*) и второй егерь короля. Многие называли его только «монсеньор Антуан», и сообщали, что он — доверенное лицо государя.

Томас поклонился, пятясь по мере возможности обратно к окнам, и ожидал распоряжения — естественно стоя. В настоящее время при короле могли сидеть только придворные высокого рождения и высокопоставленные вельможи. До такого положения Томасу было так далеко, как до звёзд в небе.

Король едва ли обратил на него внимание. Он угрюмо смотрел, как камердинер наливал ему из серебряного чайника кофе и потом взял чашку с поднесённого подноса.

При дворе каждый взгляд и каждое молчание имели значение. Каждый должен был заработать для себя благосклонный взгляд короля — для этого некоторые трудились годами, некоторые всю жизнь, и часто, довольно напрасно.

— Можете продолжать, — тихо сказал правитель острым как нож тоном.

— Очень хорошо, Ваше Величество, — де Буффон сделал знак Томасу подойти ближе. — Происшествие в Портефайксе, пожалуйста.

Король мрачно пристально смотрел мимо Томаса, нетерпеливо стуча пальцами по

столу. Но монсеньор Антуан, егерь, одобрительно ему кивнул. Томас удивился сам себе, как в этот момент он был похож на отца: в его голове немедленно завязывались связи, появлялись дороги и засветились многообещающие возможности. Если Франсуа-Антуан де Ботерн станет благосклонно его слушать, тогда может быть, он получит шанс при короле.

Томас раскрыл свою папку — только чтобы понять, что в спешке он как назло не находит желаемый доклад. Вероятно, он ещё лежит в приёмной под скамьёй. Его прошиб пот. *«Дьявол!»*

Графы и егерь пристально смотрели на него в ожидании. Он опустил взгляд на свой рисунок волка.

— Двенадцатого января атакована группа детей пастухов... в Вильре, — свободно декламировал он на память, — один из них был маленький Жак Портфе, который отличился особенной смелостью, — мужчина в очках нахмурил лоб. Конечно, он знал сообщение и заметил, что Томас импровизировал. — Под командой Портфе... дети оборонялись со своими пиками против зверя. Один пастушок был тяжело ранен, но когда Портфе настоятельно просил остальных, чтобы они целились в глаза зверя, они несколько раз попали в его открытую пасть и, наконец, обратили того в бегство.

— Но, эти случаи с оставшимися в живых — исключение, — сказал мужчина в очках. — В этом году было уже более тридцати погибших...

Все снова обратились к королю и обсуждение продолжилось. Томас получил короткий знак де Буффона и отошёл на своё место у окна. *«И это было всё?»* — подумал он с наплывом отчаяния. — *«Я разговаривал с королём. И никто и ничего об этом не вспомнит».*

Глава 6

СВИРЕПЫЙ ЗВЕРЬ

— Нам надо торопиться. Скоро стемнеет, — Изабелла ответила старому лакею, вдавила свои пятки во взмыленные бока лошади и погнала животное быстрой рысью под гору.

Заходящее солнце погрузило холм и горы в обманчиво спокойный золотой свет. Только леса в долине уже лежали в темноте. Изабеллу знобило от мысли, что бестия так же бродила там. Она не оглядывалась по сторонам в поисках Андре, а выбрала дорогу с горы, которая вела в деревню Ла-Бессер-Сен-Мари. Как часто в мыслях она ездила по ней верхом? Всё-таки теперь, наконец, предвкушение радости перемешивалось с беспокойным порханием лёгкого страха. Отрезок в пять лет был достаточно долгим временем.

— Эй, — кричал Андре позади неё. — Уступи место, парень!

Только тогда Изабелла увидела молодого человека, который вышел из леса.

Он остановился, и отклонился немного назад в сторону, направив свой взгляд на Изабеллу. Ну, дама на лошади в этой местности была не обычным зрелищем. Когда девушка проезжала мимо него, ей показалось, как будто парень дерзко ослабилась. Но потом она обнаружила шрам на лице мужчины, который поднимал левый уголок его рта в постоянной, лёгкой усмешке.

Изабелла погнала свою кобылу дальше к опушке леса и не бросила взгляд назад. Вдали она смогла различить первые крестьянские дворы, фруктовые деревья, стадо овец. Но едва ли они были в пределах видимости, так как девушка сразу услышала стук копыт. Несколько всадников справа мчались к ней.

«Жан-Жозеф», — было первое, что промелькнуло в её возбуждённо кипящем

воображении. Внезапно она остановила свою кобылу, и тут же различила, что это был Эрик де Морангез. Его сопровождали три других графских сына. Мужество оставило её.

На несколько мгновений позже шайка уже достигла Изабеллы и окружила девушку. *«Это смешно»*, — подумала она. — *«Как будто я была какой-нибудь крестьянской девушкой, которая позволила бы этим себя запугать»*. Разочарование сидело в ней как горячий комок в горле. Сейчас она едва ли ещё могла проехать в деревню верхом.

— Посмотри, какая честь! — Эрик преувеличенно вежливо стащил шляпу и наклонил голову в показном поклоне. Гладкие, тёмные волосы, которые падали ему на лоб, острые черты и горбатый нос придавали его лицу нечто хищное. Многих деревенских девушек и немало благородных дам притягивала магическая красота графского сына, но Изабелла ещё хорошо помнила время, когда Эрик был на голову ниже неё. Однажды она победила его в драке. К сожалению, то время давно миновало.

— Давно не виделись, красавица, — его очаровательная улыбка ярко сверкнула в сумерках.

— Не называй меня красавица, — ответила она прохладно.

— Простите, *графиня* красавица. Так лучше?

Трое других мужчин засмеялись. Изабелла воздержалась от дерзкого ответа.

— Какая случайность, что мы здесь встретились, — Эрик съехал на непринуждённый тон. — Как твои дела? Моя тётя говорит, что ты — не интересная гостья, а со дня приезда охотнее прячешься в библиотеке. Я уже опасаясь, что вид мертвецов в последнее время тебя очень изматывает. Но, как вижу, ты чувствуешь себя достаточно хорошо для поездки верхом.

Изабеллу знобило. Картина, которая преследовала её неделями, снова настигла: эта бедная убитая девочка на пастбище для овец, её синеватая, застывшая рука, которая выглядывала наружу из-под простыни, как будто покойная хотела предостерегающе помахать ей рукой.

— Спасибо, мои дела идут хорошо, — коротко ответила она. — И теперь пропусти меня.

— О, моя тётя ожидает тебя назад в замок? Правда, тогда ты скачешь в ошибочном направлении, — сейчас в его интонации была та заносчивая острота, которую она также знала от его отца, графа де Морангез.

Эрик подъехал на своей лошади ближе и наклонился к ней. Солдатский запах пороха и лошадиного пота ударил Изабелле в нос.

— Но, вероятно... — шепнул он ей доверительно, — ...никто не знает, где ты шатаешься в этот час? Незадолго до захода солнца и, кроме того, по соседству с сомнительными гостиницами.

«В которых вы прямо сейчас, по дороге, благополучно побывали, с целью перечислить свои геройские поступки женищинам, мужчины которых на охоте».

— Я не знаю сомнительные гостиницы. Но, вероятно, *вы* разыскиваете одну? Иначе говоря, почему вы не на охоте?

— Она прошла, — крикнул белокурый коренастый парень. Это был Шарль, племянник графа Монкан. Он добавил с гордой ухмылкой. — У охотников есть зверь.

Теперь было сложно сохранять невозмутимость. Изабелла была не в состоянии сделать ничего другого, как уставиться на мужчин с открытым ртом.

— Он... мёртв?

— Он оставил в горах след как кровоточащая лошадь, — ответил Шарль. Она никогда

бы не подумала, что однажды будет благодарна за встречу с Эриком и его друзьями, но в этот момент Изабелла, действительно, испытала облегчение. *«Благодарение Деве, значит, это всё-таки было животное!»* Украдкой она сжала цепочку с медальоном Девы Марии под своим красным пальто. *«И всё другое было только снами, которые посылали мне злые духи».*

Её улыбка зажгла в глазах Эрика огоньки, он гордо выпрямился в своём седле — настоящий будущий господин в замке Сент-Албан.

— Да, мы выследили его по соседству с Вильере.

«Как раз именно вы?» — она сдержала смех. — *«И, вероятно, твой отец послал вас домой за вознаграждением».*

— И вы не пустились отмечать, а тихо и едва слышно прокрадываетесь в какую-то гостиницу? — спросила девушка насмешливо. — Как скромно для вас!

Улыбка Эрика тотчас растаяла. Изабелла сразу же пожалела, что не закрыла свой рот. Когда шла речь о его тщеславии, он не понимал незначительные шутки. Кроме того, мужчина был вспыльчивый и, помимо этого, весьма злопамятный.

— Ну, во всяком случае, спасибо за хорошее сообщение, — она повернулась к своему спутнику. Андрэ следил за разговором с неподвижным выражением лица, с ружьём в правой руке. — Мы едем дальше.

— Ха, ха, ха! Не так быстро! — её кобыла бросилась в сторону, когда Шарль тронул своего мерина вперёд, и преградил ей дорогу.

— Хватит, мой господин! — Андрэ управлял своей лошастью со стороны Изабеллы, и протиснулся между ней и де Морангезом. — Вы разгорячены удачной охотой, прекрасно и хорошо. Но это ещё не достаточная причина так непочтительно обходиться с дамой. Маркиз был бы в ужасе, — последнее предложение содержало явную угрозу. В этот момент Изабелла была рада, что взяла с собой бывшего слугу своего отца. Несмотря на низкое положение, он высказывал каждому своё мнение. Возраст и продолжительная дружба со своим господином придавали вес его словам. Графские сыновья уважали этого мужчину, который служил уже умершему отцу Изабеллы задолго до их рождения.

— Ты не слышал, Шарль? — крикнул Эрик. — С дороги, ты — олух, что ты о себе возомнил?

Заговорщик казался и, правда, озадаченным, но потом засмеялся, и направил свою лошадь на несколько шагов назад.

— Однако, ты, наверное, позволишь, чтобы мы сопровождали тебя, как настоящие кавалеры, — снова обратился Эрик к Изабелле. — И, определённо, моя тётя уже ожидает новости об охоте.

— Я думаю, едва ли. Она нехорошо себя чувствует и спит уже со второй половины дня, — ответила Изабелла. — Спасибо за любезное предложение, но Андре и я найдём дорогу в Ле Бессет.

— Ну, в любом случае, она будет благодарна, когда мы привезём домой драгоценного гостя невредимым.

Изабелла смотрела на Андре, ища поддержки, но старик только пожал плечами. Конечно, она тоже знала, что не имелось причины отказываться от предложения.

«Вот и всё», — подумала девушка подавленно. — *«Мы должны повернуть назад и, действительно, скакать в Ле Бессет. Эрик будет настаивать на этом, чтобы только разбудить тётю. Она станет злой и плаксивой. И, естественно, старая святоша выдаст*

меня Жан-Жозефу». Слезы жгли её глаза, но она проглотила их и подняла подбородок. Перед Эриком она бы совершенно определённо не сплеховала! Он ехал верхом слева и не спускал с неё глаз. Его лошадь, мокрая от пота и изнурённая охотой, спотыкалась, когда он ей правил. Изабелла немного сдерживала свою лошадь и таким образом принуждала Эрика к тому, чтобы оставить в покое утомлённое животное.

— Ты как раз была на дороге в деревню, не так ли? — спросил Эрик через некоторое время. — Позволь угадать, ты хотела в гостиницу? Может быть, чтобы эта старая ведьма Хастель смешала для тебя любовный напиток? Якобы некоторые клянутся в её колдовстве.

— Лекарственные травы — это не волшебство. И, даже если бы это было так, любовное зелье не имело бы ничего общего с тобой, — ответила она прохладно.

— Да? Ну, тогда позволь нам прикинуть разок, для кого может тайно биться твоё сердце. Я надеюсь, никто из семьи Хастель. Антуан — глупый крестьянин, Пьер — безобразно лысый, и никакая женщина не бежит вслед за чёрствым, трусливым калекой Бастьеном.

— Но дочь презирать не надо! — крикнул сзади Шарль. — Как зовут эту маленькую рыжую лисицу? Мари? Но, держу пари, с недавних пор она больше не святая.

— Ну, самое позднее, когда она попалась тебе, её целомудрие осталось позади, — язвительно ухмыльнулся другой графский сын.

Изабелла сильнее сжала поводья. Кобыла чувствовала её возмущение и нервно перебирала ушами. Это было невыносимо, что парни так зло говорили о Мари. Она пришпорила лошадь, чтобы увеличить расстояние между собой и мужчинами, но, естественно, Эрик оставался рядом с ней.

— Ну, красавица? Кто это? — толкнул он её.

— Ты вообще иногда себя слышишь, Эрик? Помимо всего того, как ты говоришь о добропорядочных людях, в твоём понимании все женщины — находящиеся в течке суки, у которых только такая единственная причина, чтобы куда-то пойти?

Глаза Эрика сверкали, как будто её ярость разожгла там огонь.

— Так говорит дама? Но это точно мне в тебе нравится. Ты — не те женщины, которые только вышивают, сидят тихо и молятся. Жаль, что мы ещё реже будем видеть тебя, если Жан-Жозеф узнает о твоей прогулке. Ну, когда твой отец ещё жил, ты имела свои свободы, но, всё же нам обоим ясно, что Жан-Жозеф теперь подрежет тебе крылья.

— Ты действуешь так, как будто я — его пленница.

Эрик оглянулся на своих попутчиков, как будто хотел подстраховаться, что они не могут подслушать.

— В некотором смысле ты ведь итак это знаешь. Серьёзно, красавица, я могу себе представить, какого это должно быть — ты чувствуешь себя одинокой. Совершенно без поддержки, без кого-либо, кто действительно тебя знает и находится с тобой. На твоём месте мои дела шли бы так.

Беда была в том, что в этот раз Эрик действительно нашёл больное место. *«Если он узнает, где я как раз хотела оказаться, Жан-Жозеф не только подрежет мне крылья, а также совершенно ломает»*, — думала она.

— Только поэтому ты прячешься между книгами? — продолжил Эрик мягким тоном. — Но они не настоящее утешение, я прав? Только ты... не должна бы быть такой, — ещё тише добавил он.

Изабелла отвернулась. Всё-таки, гнев на Эрика был лучше, чем переносить бесконечную

тёмную печаль, под которой, как она думала, задохнётся какой-нибудь ночью.

Эрик сопел.

— Почему ты так мало меня любишь?

«Потому что ты говоришь так, как говоришь. Потому что таких людей как Бастьен, называешь «трусами» и «уродами». Потому что ты помешан на мне как охотник за дичью, которую он не может иметь».

— Кажется, ты всё ещё не понимаешь — я на твоей стороне. Даю слово, моя тётя ничего не узнает о твоей прогулке.

— Ах, да? И что мне стоит твоё слово?

— Один поцелуй, — шепнул он ей. — Только один поцелуй, красавица.

Для начала, в первую секунду ей бросилось в глаза, как близко он к ней подъехал. Их колени соприкоснулись, и неожиданно рука мужчины уже лежала на талии девушки и распутным движением вытянула её наполовину из седла.

— Андре! — крикнула она и со всей силы вжалась в стремя. Её локоть ударился о подбородок Эрика. Испуганная разрывающей болью от узды, её кобыла высоко рывками двигала головой и пятилась обратно, резко поворачиваясь вокруг себя. Возник не громкий отвратительный шум, когда кости носа Эрика ударились о череп лошади. Он мычал и вытирал своё лицо, сквернословя. Когда мужчина отпустил руку, подбородок был красным от носового кровотечения.

— Ты ещё пожалеешь, — прошипел он, взмахнул рукой и потянул кобылу Изабеллы.

Тогда всё произошло одновременно. Андре что-то рычал, Изабелла резко вскочила в седле, когда кобыла панически прыгнула в сторону и поднялась на задние ноги. Когда она ослабила поводья, животное неожиданно встало. Изабелла сильно испугалась и осадилась свою лошадь. Четыре, пять галопирующих прыжков она передвигалась назад, пытаясь удержать равновесие, потом освободила поводья и пустила лошадь вскачь.

Позади себя Изабелла слышала, как спорили Андре и Эрик. Шарль и остальные смешались между собой. Только недалеко от вершины горы она решилась взглянуть через плечо. Андре рысью следовал за ней. Графские сыновья ехали верхом в другую сторону от них, только Эрик пока ещё высоко сидел на коне, на том же месте. Она похолодела, когда увидела его лицо, искажённое от ярости. На одну ускользящую секунду девушка подумала, что видит пугающе чужого мужчину в маске из крови и ненависти.

Мужчину в очках звали Этьен Лафонт, и он был синдик епископа Менде, так много между тем различил на слух Томас. И ответственным координатором на месте охоты. Здесь, в кабинете, его роль была похожа на роль подсудимого, который должен был защищаться как против финансового контролёра, так и против охотника.

Также сегодня Томасу бросились в глаза детали: что фарфоровый тампер (*прим. пер. — топталка для курительной трубки*), которым нервно играл де л'Афердю, имел форму женской ножки в чулках; что камердинер короля умышленно держал кофе на подносе так высоко, чтобы изысканный аромат напитка поднимался непосредственно ему в нос; что на стуле рядом с окном лежала карта мира, как будто её там кто-то забыл. Вероятно, что король её только что рассматривал?

Несмотря на то, что ему уже пятьдесят пять лет, он был ещё статным мужчиной. Его ярко прочерченные брови выделялись из-под белого парика. Раньше народ называл его *Le-Bien-Aimé* (*прим. пер.: Людовик Любимый, король Франции в 1715–1774 гг.*), прославленный

любимец, однако, с тех пор, как Франция вышла из семилетней войны против Англии проигравшей, вокруг государственного строя зашевелилось больше критики. Хотя уже почти год как умерла фаворитка короля, мадам Помпадур, скорбь пока ещё была в нём заметна: горькие складки лежали вокруг его рта. И после смерти Помпадур оспа убила *дофина* (прим. пер.: титул наследников французского престола с 1349 по 1830 гг), молодого наследника престола и его жену.

— Что вы всё-таки предполагаете, почему до сих пор охотники из Нормандии не имели успеха, месье Лафонт? — поинтересовался финансовый директор.

Синдик неловко откашлялся.

— Ну, наша местность не идёт в сравнение с рощами Нормандии. Она сурова, леса весьма густые, горы и ущелья едва ли проходимы во многих местах, и имеется много топей и болот. В горах течёт вода из бесчисленных источников и ручьёв, что дополнительно затрудняет ищейкам напасть на след. И поэтому добраться...

— Мой охотник недостаточно хорош для вашей провинции? — прервал его король.

Томас тайком восхищался синдиком за его спиной. Сейчас любой стал бы заикаться, но Лафонт продолжил твёрдым голосом:

— Я только сказал, что обстоятельства не благоприятны. И то, что лучшие охотники и ищейки должны иметь трудности с животным, которое к тому же совсем не ведёт себя как волк.

Месье Антуан самодовольно улыбался.

— Да, мы слышим это уже несколько месяцев, — нетерпеливо сказал король. — Диковинное животное, сверхъестественное существо. Только смешно, что несколько детей смогли с ним справиться.

— Если это не волк, что это тогда, по вашему мнению? — спросил де Буффон с искренним интересом.

Лафонт обстоятельно поправил свои очки.

— Мы... надеялись, что вы сможете нам объяснить. Норманны убеждены в том, что это неизвестный до сих пор вид животных. И письмо капитана Дюамеля прошлого года находится у вас?

Де Буффон кивнул.

— Месье Ауврай! Часть с описанием, пожалуйста!

Это было, как будто бы время в помещении остановилось, пока не начало буйствовать в голове Томаса, как будто хотело наверстать все медленные минуты. Взгляд упал на карту мира, он читал: *Amerique, Pays de l'Amazone, Golfe du Mexique* (прим. пер.: Америка, территория Амазонки, Мексиканский залив). *Terres Magellaniques, Sumatra, Turquestan* (прим. пер.: Магелановы земли, Суматра, Туркестан). Сейчас эти названия казались заклинаниями, как мольба, которая могла призвать сюда его будущее.

«Егерь также верил в волка и короля. Итак, подчеркнуть аргументы, которые говорят в пользу этого!» У него имелся только единственный шанс остаться в королевской памяти. И ему не нравилось делать только то, что от него ожидалось. Он достал отчёт и прочитал спокойным голосом:

— Это животное величиной с телёнка. Оно имеет лапы, такие же сильные как медведь, и явственно выделяющиеся когти на длинных пальцах. Пасть необыкновенно большая, грудь длинная как у леопарда... — он хмурил брови, пока продолжал, и скривил рот при последнем слове, сомнительно улыбаясь. — Я думаю, вы присоединитесь к моему

мнению, когда я скажу вам, что этот зверь может быть только страшилищем, отец которого — лев. Вопрос в том, что является матерью, — с потешным выдохом и едва заметным покачиванием головой, Томас захлопнул папку. Эффект был поразительным. Де Буффон уставился на него так, как будто у него выросли рога и клыки. И для короля он сразу стал заметным, как будто зеркала отразили на него свет от тысячи свечей. Взгляд государя был пронизывающий, он приложил кончики переплетённых пальцев к лицу — клетке, в которой беспокойно порхала мысль. И которая была намного отдалена от благосклонности.

— Кажется, это вас развлекает, — колко заметил де л'Афердю

Несколько секунд господствовала ужасная, мучительная тишина, потом месье Антуан взял слово.

— Конечно, он смеётся над этим, — сказал он королю. — И, совершенно своевременно. Так как каждый, кто читает это письмо, сразу понимает, что автор хочет себя оправдать. Не поймать одного привычного волка — позор. Монстра, напротив... — он многозначительно поднял руку и одобрительно кивнул Томасу.

Томас вздохнул в тишине. Следовательно, он не ошибся. Месье Антуан взял его под защиту, по меньшей мере, пока у него было впечатление, что они оба были едины в суждениях.

Де л'Афердю не был так милостив.

— Ага, и это является единственной причиной для вашей гримасы, месье... как вас там зовут? Ауврай?

Томас опустил взгляд.

— Простите. Я должен был только думать о подобной теории. Некоторые придерживаются того, что бестия, в самом деле, метис, наполовину кошка, наполовину волк. Что естественно невозможно с зоологической точки зрения.

— Для этого я с удовольствием представлю объяснение, — сказал месье Антуан. — Величество? Вы позволите?

У Томаса ослабли колени, когда король кивком дал это понять.

«Твой шанс! Теперь он не сядет в галошу!»

— В природе возможны только определённые скрещивания. Можно скрещивать волка с койотом или собакой, но никогда псовых с кошачьими, следует сказать совершенно без изыществ: никогда собаку с кошкой. Поэтому лев может быть скрещен только с сородичем, другой большой кошкой.

— Тигром? — кажется, месье Антуану понравилась эта мысль.

— Да, однако, я считаю это маловероятным в случае для хищного зверя, чтобы это было хищной кошкой, наконец.

Томас умолк, как будто в этот момент отдавал себе отчёт, что просил только о заявлении, а не о мнении. «Жанна гордилась бы мной», — подумал он. — «И, как нарочно, я нахожу театр лживым».

И тогда произошло непостижимое.

— Что в итоге? — спросил его государь.

— Наконец... по моим сведениям, никто не видел, чтобы зверь когда-нибудь влезал на дерево.

Король, совершенно грациозно, поднял брови.

— Как шокирующе просто и всё же логично, — весело заметил егерь. — Следовательно — волк.

— Наши крестьяне не глупы, — сказал Лафонт с явной резкостью. — Они точно знают, когда видят перед собой волка, и когда нет.

— Что вы имеете в виду под этим описанием? — спросил король.

Сердце Томаса сделало мучительный прыжок, когда он понял, что вопрос был направлен к нему. Внезапно рот стал таким сухим, что язык приклеился к нёбу. Очевидно, королю доставляло удовольствие натравливать его против Лафонта и смотреть, как он себя отстаивал. На несколько мгновений Томас не знал, что должен ответить, но потом выпали его рисунки. *Полосы, рыжеватая шерсть*. Теперь с небольшой импровизацией он, в самом деле, мог отыскать аргументы для волка с этими приметам.

Синдик враждебно рассматривал его прищуренными глазами. Всё же было плохо то, что Томас чувствовал себя так, как будто он только что задумал ударить в спину не только гостя из Менде, но также и своего учителя. Однако он находился уже так далеко, что отказ перечеркнул бы всё. Имелась только лишь одна возможная дорога — и именно вперёд.

— Если бы... я мог показать несколько своих иллюстраций, Ваше Величество?

Государь кивнул, все зачарованно наблюдали, как Томас вытаскивал рисунки из папки. Потом в зале зашумело одобрительное бормотанье.

— Их сделали *вы*? — кричал месье Антуан.

— Да, это наброски различных похожих волков. Здесь наверху волк, каким мы его знаем, в середине чёрный и внизу мексиканский. Вы видите, что последний изображается необычного жёлто-коричневого окраса и серой шкурой на груди и горле, или как экземпляр наверху, у него белое горло. У обоих шкура с тёмными оттенками на спине, которые в действительности могут казаться тёмными полосами в зависимости от того, как падает свет.

— Всё-таки тут мы имеем дикого зверя, — воодушевлённо кричал месье Антуан. — У вас хитрый ассистент, месье де Буффон.

— Да, я тоже заметил, — прорычал натуралист и скрестил руки на груди.

— И у вас есть сообщения о том, что волк нападает только на девушек и детей? — одолевал дальше месье Антуан.

Это снова была его расчётливая стратегическая часть, которая отвечала, пока он слышал себя как будто из далёкой дали.

— Для этого только нужно поставить себя на место зверя и пытаться смотреть его глазами. Мужчины с винтовками, как и всадники, напали на след опасного животного. Они часто его ранили. Это существо с тёмными полосами научилось избегать всадников, которые носят винтовки. Но, животное случайно выучило, когда оно напало на ребёнка на пастбище, что дети чаще всего лёгкая добыча. И так как пастухи главным образом девочки и дети, то, по моему мнению, предпочтение зверя просто произошло из обстоятельств и подходящего случая.

Король признательно кивнул и каждый в этом помещении знал, что это значит. Взгляды мелькали туда-сюда между Томасом и королём. Протекали безмолвные подсчёты, по-новому упорядочивались переплетения отношений. Томас прямо-таки чувствовал, как он откорректировался наверх по ступеням в головах аристократов. Только де Буффон выглядел так, как будто сейчас лопнет. И Лафонт при этом составлял ему компанию.

«*И у меня уже есть враг*», — подумал Томас, чувствуя себя неловко. — «*Добро пожаловать во двор!*»

— Я хочу, чтобы наступил конец истории, — недовольно сказал король. — Мы подождём сообщение о сегодняшней охоте, но если она снова будет безуспешна, седлайте

коня, Антуан. Берите с собой всё, что вам нужно... — тотчас взгляд короля устремился к Томасу и равнодушно задержался на нём на несколько минут. — И кого.

В глухом стуке копыт своей лошади Изабелла заметила, что незадолго до леса началась болотистая территория. Далеко позади неё Андре скакал галопом на своей лошади по каменистому грунту. Холодный встречный ветер давно сорвал капюшон с её волос и охладил щёки. Она не оглянулась, а только дала предостерегающий знак слуге. Потом девушка уклонилась от луж в болоте, увеличивая объезд, и направила кобылу быстрым галопом.

Длинная дорога к замку вела вдоль горного хребта, короткая через перелесок на обрывистый склон. «Зелёный дворец волшебниц», — подумала Изабелла. Тоскливый миг безопасности детских дней вновь был так заманчив, что она невольно улыбнулась. И направила кобылу в сторону леса.

Вероятно, она долго пристально смотрела в вечернее небо, потому что когда погрузилась в лес, то с трудом смогла что-то различить в темноте. Только пылающая вечерняя заря время от времени проникала сквозь деревья и делала их очертания косматыми существами с поднятыми руками. Неожиданно в ней снова поднялся страх, но Изабелла призвала себя к благоразумию. Чудовище убито, и замок находился на расстоянии только одной мили. Кроме того, на спине лошади она была совершенно уверена. И всё же, в призрачном полумраке леса часть её не могла поверить, что прошлогодний страх должен был окончательно миновать. Ветер дул сквозь кроны деревьев как дыхание фей, и напоминал ей о том, что только не услышанное, невидимое никогда не может отрицаться.

Кобыла пошла быстрее, и Изабелла предалась успокаивающему ритму галопа. Только когда копыта уже некоторое время стремительно неслись над упругой лесной землёй, ей бросилось в глаза, что она больше не слышит за собой лошадь Андре. Девушка в пол-оборота обернулась в седле. И сразу же внезапный удар перебил ей дыхание, от боли задёргалась ключица. Ветка поцарапала Изабелле висок, когда страшный рывок наполовину вырвал её из седла. Ветви ломались, когда она соскальзывала в сторону. Её ногти царапали кожу седла, кроны деревьев качались над ней, когда девушка падала.

Удар не был таким болезненным, горящая боль в голеностопе была хуже. Заднее копыто лошади пронеслось рядом с её головой в илистую лужу и провалилось туда, когда кобыла оттолкнулась. Изабелла резко двинула своей ногой, закричала и в следующий момент уже застряла. Куски мха и влажной листвы пролетали и сильно утрамбовывались копытами возле её ушей и головы. «Стремя! Моя нога зацепилась, я должна...» мысли взрывались в голове девушки как ярко-белый фейерверк. Потом всё почернело.

Факелы освещали ночной тёмный двор и позволяли достаточно высоким решёткам блестеть перед двором замка, как золотым прутьям клетки. Томас должен был стараться не отставать, так как взбешённый де Буффон быстро направлялся к карете.

Только когда немного позже экипаж прогрохотал по булыжной мостовой в сторону города, он обратился к Томасу.

— Поставить себя на место зверя? Смотреть его глазами? И потом вы действительно взяли, и, не спросив меня, говорили об этом с вашим собственным рисованием, и передвинули себя на передний план! Что, к чёрту, это было?

Томас опустил голову. С удивлением он обнаружил, что одновременно был сокрушён и возбуждён.

— Я... только ответил на вопросы, — сказал юноша осторожно. — И с рисунками — я не планировал их показывать. Я только взял их с собой, чтобы лучше подготовиться.

Де Буффон сопел.

— Ну, какой для вас счастливый случай, что месье Антуан совершенно одержим волками! Помимо того, что ваше обоснование было притянута за волосы. Что же с вашей жаркой любовью к тезису о гиене?

— Об этом... не спрашивали.

— Как будто эта интерпретация вас сегодня заинтересовала, о чём они спрашивали! — кричал де Буффон. — Но это был не какой-то дамский кружок полусвета у де Барри, это был двор! Вы вообще понимаете, как могли меня опозорить?

— Да, месье де Буффон, — это была правда.

— И как сейчас это должно продолжаться? Вы действительно полагаете, что я вам позволю поехать через Гефаудан?

Теперь Томас растерянно уставился на учёного.

— Но... вам вовсе не интересно узнать, что там скрывается на самом деле?

— Это я итак узнаю, как только егерь вернётся с набитым чучелом монстра.

— Но, если это действительно неизвестный вид животных? Они и я точно знаем, что против волка больше говорит, чем за него. Если я буду на месте, то смогу изобразить животное — возможно, даже при его жизни. Я мог бы изучать его поведение! И как только охотники приведут добычу, я подготовил бы животное к препарации, чтобы не исказились впечатление и осанка.

— Вы действительно простой студент, месье Ауврай? — вздохнул натуралист. — В данный момент у меня есть мнение, что в вас сидит интриган.

— Сегодня утром вы специально позволили мне делать собственные выводы.

— И теперь вы также ещё пытаетесь перевернуть мои слова, — промычал де Буффон.

Он постучал кулаком по стене кареты, экипаж остановился.

Де Буффон распахнул пинком дверь.

— Вон! — прогремел он. — И не показывайтесь мне больше на глаза, пока не научитесь манерам и покорности!

Эти слова гремели, пока карета снова не поехала. В отчаянии Томас смотрел ей вслед. Но на этот раз не мог, не хотел сдаваться. *«Не сейчас, когда так близка цель!»* Он твёрдо прижал папку под руку и побежал. Незадолго до того как экипаж, наконец достиг гигантской дворцовой площади, юноша настиг карету.

— Месье де Буффон! — кричал он в окно, пока бежал рядом с каретой, ответа не было. — Месье де Буффон, я понимаю, что вы на меня злитесь. Но, прежде чем вы меня осудите, пожалуйста, ответьте себе только на один вопрос: если бы вы сегодня были на моём месте, разве вы не ухватили бы этот шанс?

Десять, двадцать шагов долгого, лишь угрюмого молчания в ответ. Только когда он уже начал спотыкаться, карета остановилась. Томас схватил дверь и распахнул её.

— Всё же обдумайте. Если это действительно неизвестный вид, и я его изобразил, тогда вы будете учёным, который сможет распределить по категориям совершенно новый вид хищника.

Де Буффон прищурил глаза, но Томас подумал, что увидел в них искру уважения, что могло быть хорошо или плохо.

— Пожалуйста! — запыхавшись, выпалил юноша. — Не для меня, а для

естествознания. По крайней мере, вы подумаете над этим?

Долго, слишком долго исследователь рассматривал Томаса, как будто обдумывал, не прогнать ли его к чёрту, к своему удовольствию.

— Возможно, — наконец, прорычал он и дал кучеру знак возобновить движение. — Но я не стану вам ничего твёрдо обещать.

Изабелла нащупала один вздутый корень, затем свои запутанные волосы и, наконец, в затылке болезненную шишку. Её щека вжималась во что-то мокрое, что пахло гнилью. Она осторожно подвигала левой ногой и ощутила, что та онемела от холода. Как через ледяной слой мерцала только отдалённая пульсирующая боль. Когда девушка подвигала пальцами ноги, казалось, что они опустились в мягкую тину. *«Я босиком?»* — она со стоном приподнялась. Листва шелестела в её волосах. Картина за картиной возвращалась память. Она зацепилась за ветку, осталась висеть и оказалась вырванной из седла.

Лошадь протащила её в стремя, и тогда она ударилась головой обо что-то твёрдое, корень или камень. И пока лошадь бессознательно тащила девушку дальше, нога освободилась из стремени. Несмотря на темноту, она смогла обнаружить, что потеряла левый ботинок. По-видимому, шнуровка развязалась и таким образом нога освободилась от стремени. Изабелла осторожно подвигала правой ногой и своими руками. Всё-таки её пальто с капюшоном избежало повреждений.

— Андре? — возглас Изабеллы был не больше, чем хрипение. Ответа не было, только ветер бродил сквозь ветви, как будто ей предостерегающе шептали лесные приведения.

Она ошеломлённо посмотрела наверх. Между кронами, которые поднимались над ней как зазубренные силуэты, расцветало тёмно-синее небо, облака задевали серебристый край луны.

Это был очередной страх. *«Как долго я была без сознания?»*

Ночь приходила быстро, но должно было пройти, по меньшей мере, полчаса, как она упала с лошади, потому что тогда ещё был закат. Её кобыла пропала.

Пальто тяжело висело на плечах, когда девушка болезненно выпрямлялась.

Изабелла едва могла ступать левой ногой, поэтому схватилась за сук и опёрлась на ствол дерева, чтобы продвинуться вперёд. Так девушка хромала дальше, пока внезапно ей не стало смертельно дурно, и она почувствовала головокружение.

Тяжело дыша, Изабелла прислонилась к стволу дерева, только сейчас она ощутила панику.

Казалось, у леса были глаза, которые подсматривали за ней. Каждый хруст под ногами, каждый порыв ветра охлаждал лёгким дыханием её затылок.

«Думай!» — отчаянно приказала она себе. — *«Лошадь убежала без меня дальше и, конечно, Андре последовал за стуком копыт. Но как только он увидит, что Блани без всадника, то поедет обратно и позовёт меня!»* Но слуга уже давно бы её разыскивал, разве он не должен был кричать?

Сейчас, когда шок медленно ослабевал, она сильнее чувствовала вывихнутую лодыжку. Дрожащими руками девушка схватилась за ближайшие ветви и передвигалась дальше. Тина пробивалась между пальцами её ноги, и трещащие ветки ощущались так, как будто она двигала костями. *«Святая Мария, защити меня! Сирона, хранительница леса, только не оставляй меня!»*

Задышавшись, и со слезами на глазах, девушка достигла крохотной поляны, едва ли больше,

чем круглое свободное пятно между девятью каштанами. Её глаза привыкли к темноте, она видела листву на земле и шершавую кору деревьев. Дыры от сучков на стволах, как искажённые рты, пятипалые листья, которые висели в ветвях, как застывшие руки. Ветер утих, будто лес переводил дух, и теперь молча чего-то ждал. Рядом с деревом выделялось что-то тёмное, наверняка, камень матрон, который кто-то уложил из гранитных глыб (*прим. пер.: каменная глыба с изображением материнского божества, матрон. Культ матрон распространялся римскими легионерами*).

Она судорожно пыталась высмотреть больше, внимательно слушала каждый шум, но всё, что различила, был вой волка вдалеке. Звук немедленно вызвал воспоминание, которое неделями преследовало её в сновидениях. И на этот раз это была не бедная крестьянская девушка, которая лежала там, на поле, а другое видение, с медно-рыжими волосами и нежными чертами феи.

«Прекрати!» — ругала она себя. — *«Дикий зверь убит».*

Вой волка внезапно стих.

Изабелла знала, что была не одна, ещё раньше она слышала шелест в зарослях. Все волоски на её руках встали дыбом.

Девушка осторожно отступала назад, пока не упёрлась спиной в ствол дерева. Она вжалась в кору и вытащила маленький охотничий нож, принадлежавший раньше её отцу, и который после его смерти всегда носила с собой. Колени Изабеллы подкосились, она не могла помешать тому, чтобы соскользнуть вниз по дереву. Сидя на корточках, Изабелла ждала, схватившись обеими руками за нож. *«А что, если бестия ещё жива?»*

Вся уверенность была изношенной как паутина, которую окончательно разорвёт следующий порыв ветра. Звук заставлял её вздрагивать, струясь по телу как искрящаяся дрожь. Скрежет. Это слышится как... когти, которые царапают по корню. *«Святая Богородица, помоги мне!»*

Слева позади неё что-то дышало. Однако Изабелла едва это различала. Она закричала.

Часть 2

МЕСЬЕ АНТУАН

«Месье де Ботерн и его люди, принцы по происхождению и охотники, прибывают по нашему приказу, чтобы убить жестокое чудовище, которое бесчинствует в провинциях Auvergne и Gévaudan (прим. пер.: Овернье и Жеводан). Они должны поймать так много волков, как только возможно. Каждый, кто участвует в охоте или карауле, получит по двенадцать фунтов от месье Лафонта, синдика Жеводана. Тот, кто убьёт взрослого волка, получит от месье Антуана шесть ливр. И за щенка половину этой суммы».

Приказ короля Луиса XV.

Версаль, май 1765

Глава 7

ЧЁРНЫЙ ГОРОД

Везде, где они появлялись, месье Антуана принимали с наивысшими почестями как представителя короля. С ним путешествовали сын и четырнадцать лучших охотников Франции, кроме того, двое проводников служебно-розыскных собак. Принцы по

происхождению, которые сопровождали его, ехали в собственных каретах. Они имели своих камердинеров и несколько ящиков, полных оружия.

Только в последний день перед отъездом месье де Буффон дал Томасу разрешение на поездку. С тех пор он проживал дни как в бреду, и рисовал как одержимый. У него было достаточно бумаги для рисунков, Жанна подарила ему для поездки не только новый этюдник с красным переплётом, но также полную упаковку тонких листов.

Пока он только писал портреты охотников и собак, которые только изредка пробегали рядом с каретами, так как они должны были беречься для предстоящей охоты. Томас делал наброски круглых выдолбленных из камня придорожных крестов и старых мужчин, которые хлебали своё пиво в трактирах из причудливых кружек в форме свиных голов. Ночью юноша лежал, бодрствуя от страха, что может проснуться из прекрасных сновидений, и впервые в своей жизни идти собственной дорогой.

— Если вы и без того страдаете бессонницей, нарисуйте любимых собак короля, — высказал своё мнение месье Антуан. — Это может быть вам только полезным.

Этого нельзя было говорить Томасу дважды. Он расположился теперь вместе с проводниками собак при конюшнях. Псы были на вес золота, пять лучших животных из королевской своры охотничьих собак, пять догов и сильная сука борзая. Томас удивлялся тому, что молодой проводник собак Лестанс говорил с ними как с людьми.

— Ты должен также разбудить в собаках дружбу, — объяснял Лестанс. — Собака, которая повинуетя тебе только из страха, никогда не бросится за тебя в драку, когда речь идёт о жизни и смерти. Тут животные не такие как люди, — потом он снова склонился над лапой борзой, которую только что рассматривал. — Ты видел уже такие длинные когти, Томас? Это всегда так, когда собаки слишком долго берегутся. Пришло время, когда у моей красавицы получится здесь что-то сделать, прежде чем она снова отточит свои тигриные когти.

В июне они достигли города Clermont-Ferrand (*прим. пер.: Клермон-Ферран*) у границы Овернь, и Томас понял, почему люди в трактирах называли его только «чёрный город». Дома торговцев и чиновников были построены из андезида (*прим. пер.: вулканическая порода*), камня лавы, такого же чёрного цвета, как уголь. Вместе со светлой штукатуркой между камнями они напоминали Томасу вид разрисованного в крапинку меха гиены и жирафа. Крики ласточек звучали через круто поднимающиеся вверх улицы, и над крышами можно было увидеть вдали Puy-de-Dôme, заросший лесом купол вулкана, который возвышался далеко вверх в небосвод (*прим. пер.: Пюи-де-Дом, гора, молодой потухший вулкан в составе Шен-де-Пюи Центрального массива, представляет собой лавовый купол*).

На площади в центре города возвышался уже наполовину завершённый кафедральный собор Notre-Dame-de-l'Assomption (*прим. пер.: кафедральный собор Успения Богородицы*). Сказочные существа, похожие на собак, крылатые гаргульи (*прим. пер.: в готической архитектуре: каменный или металлический выпуск водосточного жёлоба, чаще всего скульптурно оформленный в виде гротескного персонажа*) глазели с франтанов вниз, на верующих. И колонна из звериных морд также украшала фонтан перед церковью.

— Ну, вам больше не хватает симпатяг в трактире как сюжетов для картины? — крикнул ему месье Антуан, проходя мимо. — Оставьте свои карандаши и бумагу на потом, я нуждаюсь в ваших услугах на службе.

Перед такими же чёрными стенами церкви редкие отблески свечей выглядели

одинокими как умирающие души. Монахи сидели перед фигурой Марии, погружённые в глубокую молитву. Томас был поражён, когда увидел, что Мадонна была раскрашена в чёрный цвет. В строгой симметричной позе она держала на своих коленях такого же темнокожего младенца Христа.

Томас перекрестился и опустился вниз позади монахов. К нему приблизился мужчина в рваной куртке. Запах овечьего жира и затхлого сыра ударил юноше в нос.

— Эй, ты ведь принадлежишь к господам из Версаля, не правда ли?

Томас кивнул.

— Месье де Беаутерне освободит страну от хищного зверя.

Мужчина сомнительно скривил рот.

— Что уж много говорить, — он шепелявил и крестился. — Молите Деву помогать вам.

Томасу стало неприятно на душе, мужчина застыл и уставился на него со слегка помешанным взглядом. Чтобы отвлечь его, юноша указал вперёд.

— Что это за Мадонна?

Глаза мужчины стали ещё больше.

— Ты не знаешь о той «хорошей смерти Мадонны»? Наша Чёрная Богородица известна даже в Руу-en-Velay (*прим. пер.: Ле-Пюи-ан-Веле, главный город исторической области Веле в Овернье, департамент Верхняя Луара*), один христианский король отнял её у язычников в Египте. Молись, мужчина, молись! Если зверь поймает тебя, то только Чёрная Дева ещё сможет облегчить твою смерть.

Какое задание уготовил ему месье Антуан, Томас узнал на несколько часов позже, когда вступил в салон благородной ратуши. Охотник сидел там за столом вдвоём с губернатором Оверни, старым аристократом. Перед ними была развёрнута дюжина карт.

— Мой секретарь, — скупое сказал месье Антуан. — Садитесь, Томас, и записывайте!

«Секретарь?» Томас оторопел, однако повиновался и достал чернила и перо.

Губернатор подвинул географическую карту к себе. Везде, где свирепствовал зверь, было отмечено на карте крестом чёрной тушью.

— Посмотрите, с прошлого года зверь медленно продвинулся от леса Мерсоиге, огибая на север (*прим. пер.: Меркуар, название леса в графстве Жеводан, которое располагалось на границе Оверни и Лангедока; значительная его часть теперь входит в департамент Лозер*), — бесстрастный голос так не подходил его оживлённым жестам. Он прямо-таки насканивал на карту. — На охоте в начале мая чудовище было тяжело ранено. Никакое животное не смогло бы пережить такое ранение. Всё же эта тварь утащила, кровотока в подлесок. Но, прежде чем закончилась охота, уже распространился слух, что, наконец, оно было убито, хотя собаки не нашли труп. Ну и тогда зверь снова вынырнул невредимым! Он свирепствует между тремя горами: Mont Chauvet, Mont Grand и Mont Mouchet (*прим. пер.: названия гор в области Лангедок*). Были нападения вблизи от Ла-Бессер-Сен-Мари, Сог.. (*прим. пер.: название деревни (La Besseyre-березовая роща) в регионе Овернь-Рона-Альпы*).

Томас лихорадочно пытался запомнить каждое название населённого пункта, пока записывал разговор.

— Это выглядит так, как будто животное умышленно уединилось в трудно проходимую местность, чтобы всё осложнить охотникам, — упирался губернатор.

— Мы нуждаемся лишь в правильной стратегии, — сказал мимоходом месье Антуан. — Никаких масштабных облавных охот с большим шумом, мы должны быть быстры и

подвижны. Нам необходимы абсолютно свободные руки. О подкреплении и продовольственном снабжении должны заботиться всегда и везде. Каждый житель обязан давать нам пищу и кров. У некоторых графов есть собачьи своры — я нуждаюсь в помощи пятерых или шестерых догов, лучше всего тех, которые уже поднимали след дикого зверя. Вы записываете, Томас?

— Сию же минуту, месье, — в паузе, в которой только перо скрипело по бумаге, месье Антуан нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

— Хорошо, тогда мы переходим к верховым лошадям, — он продолжает слишком быстро. — Я и мой сын нуждаемся в хороших лошадях. Кроме того, нам необходимы четырнадцать вьючных пони для охотников и ещё две вьючных лошади или мула с большими корзинами. Именно в них перевозят охотничьих собак. Таким образом, мы наверняка обеспечим то, что собаки придут на место охоты отдохнувшими.

Томас остановился и вопросительно рассматривал месье Антуана.

— Что, Томас? Я что-то забыл?

— С позволения, месье, только мне... кажется, что лошадей или пони слишком мало.

Месье Антуан качал головой.

— Вовсе нет.

Губернатор подозвал жестом лакея и помог налить вино.

— Во-первых, я естественно могу предоставить в ваше распоряжение несколько почтовых лошадей, — высказал он своё мнение. — Но тогда это предположительно раньше окупиться, брать лошадей напрокат, чем купить. Для этого провинции должны сначала оплатить возникающие расходы.

— Конечно, — воскликнул месье Антуан с очаровательной улыбкой. — И мой секретарь всё учтёт, чтобы позднее королевский двор мог оплатить счета.

Губернатор свирепо уставился в свой стакан с вином, как будто надеялся увидеть, как жалко в нём утонет зверь. Потом он кивнул.

— Отличная работа, Томас! — месье Антуан смотрел на него сияющими глазами. В такие моменты Томас хорошо понимал, почему тот немедленно повсюду становился любимцем, и никто не отказывал ему в просьбе.

— Меня радует то, что я смог вам помочь, — только сказал Томас и последовал за охотником вниз по лестнице. Прежде чем их дороги разойдутся, он успокоит своё сердце. — Месье Антуан?

Егерь остановился.

— Вы вспомнили что-то ещё?

— Нет, что называется... чтобы ещё раз вернуться к количеству лошадей, вы уверены, что никого не забыли?

— Абсолютно.

— Допустим, я стану участвовать в вашей охоте?

— Кто сказал, что вы примете в этом участие? — спросил месье Антуан, искренне удивившись.

Юноша изумился.

— Ну, согласен, я думал...

Месье Антуан засмеялся.

— Не в обиду будет сказано, Томас, но что я должен с вами делать на охоте? Ожидать,

что вы заколите волка своим чертежным карандашом? Нет, вы позаботитесь о других вещах.

— Вы это вполне серьёзно? — слова просто выскользнули из Томаса.

Улыбка месье Антуана исчезла.

— Что, простите?

Томас судорожно старался улыбаться любезно.

— Мой приказ гласит рисовать животное.

— Ах? Как месье де Буффон мне говорил, вы должны документировать местных животных и флору — певчих птиц и цветы, всё это.

— Да. И чудовище, — осторожно настаивал Томас. — Месье де Буффон поручил мне, чтобы я зарисовал живого зверя и изучил его привычки.

Казалось, воздух заметно остывал.

— Вы хотите совершенно серьёзно утверждать, что самый знаменитый натуралист Франции ещё никогда не видел волка и поэтому нуждается в ваших рисунках? — спросил месье Антуан. — Или, возможно, вы больше не доверяете своим аргументам?

Томас охотно бы дал себе пощёчину. Месье де Буффон был бы достаточно благоразумным, предпочитая не противопоставлять собственное мнение мнению короля. «*И я, как назло, попался в эту ловушку*».

— Ну, Томас, я должен вас разочаровать. Не стану удерживать вас от того, чтобы вы делали свою работу. Рисуйте, изучайте, делайте именно то, что действительно поручил вам месье де Буффон. Однако в остальном он мне ясно гарантировал, что вы находитесь в моём распоряжении как секретарь. И возвращаясь назад к вашему вопросу — *это* абсолютно серьёзно.

Глава 8

РИКДИН-РИКДОН

Над далёкими горами Margeride (*прим. пер.: Маржерид, горный регион Франции*) лежала светло-серая дождевая пелена, но здесь, в Ла-Бессер-Сен-Мари полуденное солнце позволяло траве блестеть. Запыхавшись, Мари пришла на маленькую церковную площадь. Шествие уже начало движение. Мальчик причетник, который держал на палке высоко в небо, богато украшенный крест, шагал впереди процессии. Рядом с ним шёл Abbé (*прим. пер.: аббат*) в чёрной сутане с белой кружевной накидкой. Потом следовали другие церковнослужители с флагами, староста, деревенские мужчины и, совсем позади, девушки и женщины. Большинство пересчитывали чётки в сложенных руках, но некоторые также имели свои пики, чтобы позднее аббат позволил их благословить. Несколько женщин привязали веретено к шляпам, вместо перочинных ножей на палки.

Только этим утром чудовище снова убило в одной из соседних деревень. Мари знобило от мысли о том, что дьявол был так близко от её деревни. Она крепче обхватила деревянные бусины чётки, которые были тёмными, гладкими, отполированными молитвами трёх поколений, и ритмично стучали в её руках.

Новые охотники из Версаля получили жильё в Сог и сегодня отправились на свою первую охоту.

Коровы любопытно подняли головы, когда процессия перешла на пастбище около деревни. Дальше впереди шествия Мари обнаружила также свою мать и двух маленьких сестёр. Девочкам близнецам было четыре года — поздний подарок, который Святая Дева

сделала её матери. Тёмные косы малышкой были схвачены красной лентой. Они несли не только маленькие деревянные кресты, но также матерчатую куклу, которую Мари для них сделала. И дальше впереди возле мужчин, но как всегда немного в стороне от общества, её отец, сегодня тоже пешком шёл вместе со всеми. Было непривычно, видеть его возле торжественной церковной процессии. Жан Хастель не был мужчиной, который каждый день сидит в церкви или идёт к исповеди. Он лишь неохотно покидал свой трактир, и кто слышал его ругань, тот сомневался в том, попадёт ли этот мужчина когда-нибудь на небо.

Он вёл за руку вторую девочку близнеца. Оба выглядели как медведь и оленёнок, сильный мужчина с загорелой кожей и седыми волосами, который, несмотря на свои шестьдесят лет, ещё был плотный и сильный, и рядом с ним худой ребёнок. Рука малышки лежала надёжно и уверенно в его гигантском кулаке. Сегодня Мари также чувствовала тихий укол ревности. Странно было видеть, как строгий неприветливый отец из её детства стал таким мягким и снисходительным при юных сёстрах.

Вероятно, он поддерживал процессию ради своей маленькой дочери. Жан как будто почувствовал спиной взгляд Мари и оглянулся. Она не могла различить, улыбнулся ли он ей; отец повернул к ней неподвижную сторону лица. Не только плотная борода скрывала его эмоции. Ребёнком он пострадал от сильного ожога, с тех пор его левая половина лица была неподвижной, левый глаз никогда не улыбался и угол рта поднимался не так высоко как другой. Из-за этого недостатка некоторые называли его *Le Masque* (прим. пер.: маска) и говорили, что у него двойное лицо колдуна.

Монотонное чтение псалмов прекратилось, так как носильщик креста звонким голосом начал петь. Мелодия перескакивала из уст в уста, звучала насыщеннее с каждым шагом, и скоро окутала всю процессию как защитный плащ из святых слов. Воздух пах свежей травой и летом, и в пение вмешивалось щебетание огородной овсянки. Мари обнаружила зелёную птицу на ветке вишнёвого дерева. Ягоды уже созревали, наливались, и через горы на небе сверкала как приветствие бледная радуга.

«Как может происходить что-то такое страшное в такой красоте?» — подумала она. Упрямо, как будто хотела прогнать этим бестию, девушка запела ещё звонче и потому, что заметила, как в хоре раздался голос. Он был красивый, глубокий, но мягкий, и Мари не могла ничего другого, чем слушать его, так как Адриен пел только для неё. Уже несколько недель он снова и снова посещал гостиницу её родителей. Мари быстро поняла, что причиной его посещений была она. Девушка знала о нём немного, только то, что парень работал у графа де Морангез. Иногда его не было несколько недель, потом мужчина появлялся снова — за трактиром при конюшне, где бросал обглоданную кость сторожевому псу, чтобы тот не лаял и обучал его какому-нибудь фокусу. Но, в действительности, мужчина ждал только того, чтобы Мари пошла из дома в огород или выглянула в окно, чтобы он мог обменяться с ней несколькими словами.

Теперь Адриен как бы мимоходом присоединился к ней. Краем глаза она заметила его легко приспособившиеся шаги. Поющая процессия обошла поле и потом повернула обратно к церкви, в гору. Шпиц башни возвышался в небо как напоминающий указующий перст, удары колокола были пронзительно отчётливыми.

Мари остановилась перед церковью и осмотрелась вокруг себя, но, к её разочарованию, Адриена там больше не было. «Вероятно, он снова исчез до следующей недели». Девушку поразило, как много для неё это значило.

— Мари, мы здесь! — её мать нетерпеливо махала, и маленькая Камилла подскочила к

ней и взяла за руку крохотными липкими детскими пальчиками, горячими от молитвы.

— Где ты была? — укоризненно воскликнула малышка. — Мама была разъярённой, потому что ты ушла перед мессой.

— Теперь я здесь.

Люди шли вперёд к престолу, который стоял под открытым небом на церковной площади, чтобы благословить их оружие. Последний, совместный «Аминь» общины затих в одно безмолвное мгновение. Потом деревянные ботинки снова зашаркали по дороге.

Всё же сегодня священник задержал людей.

— Подождите! Здесь ещё приказ охотника из Версаля, — он взял протянутый служкой большой свиток бумаги и начал громко зачитывать. — *Все жители обязаны быть готовы к охоте. Местные стрелки и загонщики должны прибыть в требуемый день и требуемый час к месту, которое им назовётся. По команде месье Антуана они будут ждать в засаде и всегда по двое, когда это нужно, но особенно лунными ночами. Все должны явиться при заходе солнца и не приходить перед восходом солнца. Во время охоты в определённых церковных приходах запрещено рубить лес или производить другой шум. Каждый, кто это не соблюдает, будет наказан тюрьмой.*

Возмущённый шёпот прошёл по толпе.

— Только наши грехи виноваты в том, что дикий зверь здесь свирепствует, и теперь мы наказываемся тюрьмой, если не ляжем и не станем охотиться сами, — ворчал старый мужчина позади Мари.

— Шшш! — прошипела ему его жена.

— Это правда! — рычал он. — И кто сделает работу на поле? Ну, да, и так уже безразлично, господа и без того растопчут урожай на охоте.

— Пошли, — сказала Мари своей сестре. — Мы идём домой.

Ещё когда они проходили мимо деревенского колодца, она услышала, как на церковную дверь гвоздями прибили приказ. Со стороны гор как далёкое эхо слышались выстрелы охотников. Полуденное солнце спряталось за облаками, начинался мелкий морозящий дождь. Всё же, когда Мари хотела ускорить шаги, то увидела *его*.

Мужчина непринуждённо прислонился к стене дома и сегодня также язвительно ей улыбался. Она рассердилась на себя за то, что сразу покраснела.

— Здравствуй, Мари! — он сдвинул шляпу на затылок. — О, и прелестная Камилла тоже тут. Какая у тебя красивая кукла! Как её зовут?

Малышка засияла, и Мари стало тепло на сердце. Имелось только немного людей, которые всегда точно знали, какую из двух девочек близнецов они видят перед собой. Совсем по-другому Адриен: хотя он редко видел девочек, но никогда не ошибался.

— Это принцесса Финетте, — сказала малышка с важным выражением лица. — Она носит настоящую корону, ты видишь?

— Так-так, Финетте — лукавая принцесса из сказки? — Адриен рассмеялся и заговорщицки подмигнул Мари. — Однако, тогда ей нужен принц. Знаешь что? Это я! У меня нет белой лошади, но всё же я могу проводить вас к вашему замку.

Он отвесил преувеличенный поклон, Камилла начала хихикать и присоединилась к нему. Мари быстро потянулась к своей воскресной косынке для волос, чтобы защититься от дождя, но прежде всего, чтобы скрыть пылающие щёки.

— Только посмей! — тихо сказала она Адриену. — Последний раз, когда мои братья видели тебя ночью под окном, то хотели тебя отлупить. Если они поймут, что я гуляю здесь

с чужаком, непременно сложат вместе один к одному.

— Но твои братья не здесь, Мари.

Его голос был как бархат, и манеры, когда он произносил её имя, вызывали в ней какую-то дрожь.

— Мы идём, принцесса Камилла? — спросил Адриен.

Малышка усердно закивала. Как будто случайно, они воспользовались длинной дорогой в деревню, которая проходила в огороженной от нежелательных взглядов живых изгородях, и вдоль каменных стен садов. Когда в поле зрения появился трактир Хастель, морозящий дождь перешёл в настоящий.

— Фланель промокнет! — пожаловалась малютка.

— Тогда быстро беги вперёд, а то простудишься!

— Прощайте, принцесса. — Адриен низко поклонился, малышка засмеялась и пробежала через центр лужи во двор. Мари хотела последовать за ней, но Адриен сделал шаг в сторону и стоял теперь как раз перед ней.

— Я только что видел тебя. Ты шла перед процессией к камню Матроны на дороге после Овера — одна!

— Ты крался за мной?

— Это было случайно. Я как раз поднимался от выгона и там увидел, что ты бежала через луг. И потом я шёл за тобой, но только потому, что волновался о тебе. Мари, не ходи там! Это опасно.

Девушка подняла подбородок.

— И кто ты такой, чтобы давать мне советы? Мы, действительно, не так хорошо знакомы. Прямо сейчас я узнаю твое имя.

— Это не моя вина. Когда я был должен на тебя смотреть? Твои родители прямо-таки прячут тебя. Ты не обслуживаешь в общем зале.

— Да, чтобы парни как ты не могли заигрывать со мной.

— Что называется, я должен отказаться от всех надежд? — сказал он нежно.

— Возможно, — должно быть, это прозвучало прохладно, но она едва могла скрывать свои чувства. И также сейчас он, разумеется, увидел её беглую улыбку.

— Барта́нд. Моё полное имя — Адриен Барта́нд. Каждый знает, что я приличный парень.

— Конечно, в каждой деревне другие девушки считают тебя самым приличным парнем в мире, да?

Но внутри неё его имя звучало как песня, которая напоминала ей обо всём добром и красивом — танцы в мае и большой праздничный костёр, тайные поцелуи и беззаботный смех.

Адриен вздохнул.

— Хорошо, другое предложение: если у тебя есть подаяния для Матрон, то положи их на вашу садовую ограду позади вишнёвых деревьев — я возьму их с собой и отнесу для тебя к камню. Я часто в пути и прохожу мимо этого — в горах и также в лесу.

— Хм. И что ты хочешь за это одолжение?

— Этого мне вполне хватит, — сказал он нежно. Его указательный палец легко коснулся уголка её рта, и девушка заметила, что она всё время ему улыбается.

Прикосновение было как тёплый ливень. Пять, шесть долгих ударов сердца Мари только лишь смотрела в его тёмные глаза, полные страстного желания и волосы каштанового цвета,

которые мокрыми завитками прилипли к его лбу и вискам.

Она поспешно отступила на шаг.

— Я должна идти. Мои родители, наверняка, уже давно дома.

— Когда я увижу тебя снова?

— Адриен, нет... я не знаю...

Сильные пальцы схватили её за запястье. Она была сильно удивлена, чтобы защищаться, когда Адриен молниеносно притянул девушку к каменной стене, защищая от нежелательных взглядов. Прежде чем Мари смогла бы отступить, парень подхватил её и притянул к себе.

— По крайней мере, ты потанцуешь со мной? — с этими словами он подтолкнул Мари в повороте. — *Si jeune et tendre femelle n'aimant qu'enfantins ébats, bats, bats* (прим. пер.: если молодой и нежной женщине, не любящей детские выходки, бей, бей)... — начал он тихо петь, — *avait mis, avait mis dans sa cervelle, que Ricdin-Ricdon je m'appelle* (прим. пер.: запомни, запомни этот звук, Рикдин-Рикдон меня зовут).

Это было как колдовство, что он пел именно эту песню. Мари любила её с детства. И это было полное сумасшествие, как послушно девичьи ноги повиновались ему, и как жадно она хваталась за это маленькое счастье, как голодная птица за какую-то бабочку.

Её платок скользнул с головы, только это было девушке безразлично. Были только руки Адриена на талии, которые кружили Мари через водоворот ощущений и его голос, который был уже лишь одним объятием друг для друга.

*«Когда девушка мила и стройна,
Что только лишь знает детские игры,
Было бы ещё в голове,
Что Рикдин-Рикдон моё имя,
Если бы она не попала в мои руки.
Так я получу её завтра. Нет,
никто не знает моё имя».*

Всё же Мари сама давно больше не была ребёнком. И она точно знала, что об этом никогда не шла речь в детских играх и сказках.

Песня закончилась, но он не освободил её. Рот Адриена, который всегда казалось, улыбался из-за шрама рядом с его левым уголком рта, был так близко к ней, что это был уже почти поцелуй.

— Если бы ты был *Рикдин-Рикдон*, ты был бы дьяволом, — шепнула Мари. — Мне только одолжить одно волшебное веретено, только чтобы я украдала душу, потому что больше не знаю его имя.

— И ты прекрасная волшебница с медными волосами, которая достаточно умна, чтобы я обнажил свою душу. Потому что она не забудет моё имя. Ты ведь не забудешь моё имя, Мари?

Это было так, как будто он просил обещание. И между тем девушка молчала и не высмеивала его, давая мужчине ответ.

— Мы... должны вернуться. Ты проводишь меня до двора? Моих братьев там нет, ты не должен испытывать никакого страха.

Неожиданно парень стал серьёзным и взглянул на лес.

— Я не могу проводить. Я... должен доделать до конца ещё немного для молодого

графа.

— Для месье Эрика? Несколько недель назад он был в нашей гостинице. Видел меня во дворе и поздоровался.

Казалось, выражение лица Адриена ещё больше помрачнело.

— Держись подальше от него, я серьёзно, Мари.

— Кажется, ты действительно обо мне заботишься.

Его взгляд снова стал мягче.

— Я стану много разъезжать в течение нескольких недель. Но приду в трактир, как только смогу. Через три дня я снова здесь, так что до тех пор не убегай ни с кем другим! — теперь он не пытался украсть поцелуй. Вместо этого мужчина взял её руку, вдохнул поцелуй внутрь и закрыл его вокруг пальцами. Потом мужчина побежал, и Мари осталась позади под дождём с пылающими щеками и губами, с мучительным страстным желанием в сердце для того, чтобы просто только танцевать и быть счастливой. Через несколько шагов Адриен повернулся ещё раз и подарил ей кривую улыбку. — До скорого, медная волшебница!

Мари сжала кулак ещё крепче вокруг этого мимолётного обещания поцелуя.

— До скорого! — ответила она.

Глава 9

РАНЫ

Сегодняшним утром и вчера зверь снова убил. Двое мертвецов были привезены в госпиталь деревни Сог. Прежде чем появиться на охоте, месье Антуан всё же исследовал жертвы. С тех пор монахи больше никого в госпиталь не пускали. И Томас застрял в канцелярии городского консула. Он отложил в сторону своё перо и потёр глаза, потом ещё раз просмотрел последние пункты списка.

«Лошадь, купленная крестьянином из Хацальса, прихода Сен Дени.

Лошадь, купленная господами Бомпардом, Мюллером с мельницы Синтоу, приход Сог.

Вьючная лошадь, нанятая господином по имени Гуилле».

Секретарь консула запихнул себе в рот большой ком жевательного табака и, чавкая, двигал его туда-сюда между отверстиями выпавших зубов. Томас некоторое время наблюдал за ним, потом, недолго думая, отодвинул список в сторону, и достал сообщение, которое особенно его занимало.

«Жувэ, мать шестерых детей, и беременная седьмым, обедала в своём саду и наслаждалась солнцем. Трое её детей были с ней. Она услышала падение камней и обернулась. В то же самое мгновение женщина увидела, как бестия уже перепрыгивает через стену. Чудовище тут же бросилось на её дочь и выхватило малышку из рук. Жувэ, слабая, и хрупкого телосложения, била зверя по голове и боролась против животного кулаками, коленями, локтями и камнями.

Он освободил дочь, но схватил маленького сына за голову и потащил. Женщина отважно его преследовала. Её старший сын пришёл на помощь с собакой и пикой. Жувэ многократно падала на землю и получила много царапин, но после жестокой борьбы всё же освободила своего ребёнка. Зверь убежал, через три дня от полученных повреждений

ребёнок скончался. Это произошло 13 марта 1765 года в церковном приходе Сент-Албан в одиноко расположенном крестьянском дворе в окрестностях Бесьер вблизи Руже».

Томас поднял голову.

— Эй, как далеко отсюда до Бесьер?

Секретарь растерянно взглянул вверх.

— Что?

— Если я сегодня пойду туда пешком?

Мужчина передвинул жевательный табак за другую щёку и откинулся назад.

— Вы доберётесь туда, если умеете хорошо ходить, — прогнусавил он. — Но, если вы ещё сегодня побежите, то к ночи туда придёте. Но я бы не советовал вам этого без лошади и оружия. Здесь никто больше так не ходит.

Томас должен был неохотно признать, что мужчина прав. Тем не менее, он схватил свою шляпу и вскочил.

— Неужели вы пойдёте туда?

— Рисовать певчих птиц, — прорычал Томас и бросился наружу.

Собираясь дождь, ласточки тяжело летали над прямоугольной башней старой плотины, которая находилась в пределах видимости церкви. Над церковной площадью раздавалось удалённое глухое воркование голубей. Повсюду на деревянных подпорках стояли голубятни, в которых производилось удобрение. Томас оставил кладбище позади и поднялся в гору к последнему крестьянскому двору городка. Отсюда у него был свободный обзор до высоких гор. Городок Сог лежал в пологой долине в окружении зелёных холмов с видом на горы Маржерид.

Вниз по долине крестьянин гнал дюжину светло-коричневых коров, с ужасно выглядевшими, слишком длинными рогами.

— Эй, месье, ты ещё никогда не видел коров, что ты так глазеешь? — рядом с ним стоял маленький мальчик в деревянных башмаках и, ухмыляясь, представлял впечатляющее собрание отверстий между зубами.

— Действительно, я ещё никогда не видел таких коров, — ответил Томас. — Там, откуда я пришёл, они пятнистые.

— Правда? И откуда ты пришёл?

— Версаль.

Паренёк открыл рот.

— Ты видел королевский дворец? Он большой?

— Довольно большой, да.

Мальчик выпятил свою грудь.

— Но точно не такой большой, как замок графини Морангез.

— Ну, мне было бы любопытно посмотреть. Вскоре мы совершим путешествие туда после Ле Бессет.

Крошка сплюнул с подчёркнуто взрослым видом.

— Однако тогда ты должен трижды перекреститься, прежде чем зайдёшь на его порог, — сказал он с важным выражением лица. — Там в нём заперта ведьма.

— В самом деле?

Мальчик сильно закивал.

— Она также черна как Мадонна, дурная и сумасшедшая, поэтому должна была идти в

башню. Но моя бабушка говорит, что ведьме от этого никакого прока, злые феи могут летать и превращаться в чудовище. Наверное, она сама бестия и ...

— Дидо! — недовольно закричал крестьянин. — Перестань действовать господину на нервы и заканчивай, наконец! — малыш взглянул на своего отца, сделал гримасу и убежал. Томас последовал следом.

— Эй, подождите!

Крестьянин угрюмо обернулся к нему.

— Что?

— Вы видели хоть раз чудовище?

— Я так выгляжу? У меня ещё есть моя голова или нет?

Томас спрятал листок с изображением гиены, который уже вытащил из сумки, снова разочаровавшись.

— Но, всё же, есть люди, которые пережили нападение. Вы никого не знаете? Некоторые ведь были уложены выздоравливать в больницу.

Крестьянин недовольно пожал плечами.

— Понятия не имею. Свои вопросы задай узловязателю чёткок.

Прошла вечность, пока на другом конце города он нашёл дом узловязателя чёткок. Но тот думал совершенно не об этом, а о том, что знал только незначительно мало, и послал Томаса в ткацкий цех, в котором особенно разговорчивыми были только ткацкие станки. Люди были недоверчивые, и каждый раз, когда юноша показывал свой рисунок гиен, они пожимали плечами. Только несколько женщин и девушек, которые у городского колодца полоскали бельё и шерсть в плоском корыте, очевидно, были рады небольшому разнообразию. Что называется — он продвинулся вперёд.

— Почему такой красивый парень как ты изображает только таких безобразных животных? — крикнула девушка. — Не нашёл ничего прекраснее? — женщины упирались руками в бёдра в язвительной позе. — Тут мало чернил! — крикнула одна, и в следующий момент Томас стоял в дожде из водяных брызг. Женский смех преследовал его ещё до следующего переулка. Он яростно шёл дальше и оттряхивал воду с пальто — и почти столкнулся с Дидо. Мальчик почти поскользнулся. Томас как раз смог обхватить его руками и снова поднять.

— Дидо, что случилось?

— Разве ты не слышал, месье? Снова мёртвая! — крикнул малыш и побежал дальше.

Со всех сторон стекались люди и жадно впитывали слухи.

— ... родом из Созе.

— ... ужасно обезображенная.

— *Noot di Dinne!* — бормотал старик, не прекращая креститься.

— Её привёз погонщик мулов.

Томас прислушался. Погонщик мулов. В этой местности имелось только несколько подходящих грунтовых дорог, которые подходили для почтовых лошадей и карет. Обычно, колоннами мулов между деревнями и городами перевозились предметы торговли.

В окне госпиталя появился монах. Тут же толкались люди, но тот показал, что всё в порядке. Томас обдумывал, должен ли он был долбить по двери и сослаться на то, что работает для месье Антуана, но потом у него появилась идея получше. Он побежал вокруг

небольшой больницы. И действительно. На маленьком пяточке позади здания стояли два мула. *Погонщик* — коренастый парень со светло-коричневыми, выгоревшими от солнца волосами, как раз готовился отстегнуть одну из транспортных корзин со спины второго животного. Он носил что-то похожее на костюм: светлую рубашку под красным жилетом и такой же красной налобной повязкой. Мужчина снял чёрную фетровую шляпу, его длинная накидка лежала рядом с одной из пустых транспортных корзин. Томас взглянул на тару, и его стало знобить, когда юноша увидел, что над ней летало необычно много мух. Корзина была достаточно велика для транспортирования человека.

— Ты привёз мертвеца? — спросил он, затаив дыхание.

Мужчина посмотрел на него и сморщил лоб. Томас взглянул на смуглое лицо с веснушками. Вероятно, мужчине было где-то лет двадцать, но горькие складки у рта и глаз делали его старше.

— Ты говоришь со мной? — наехал он на юношу.

Томас указал на корзину.

— Я спросил, ты ли привёз мертвеца?

— Я. Ну и что? Тебе то, что до того?

Томас не планировал тратить попусту деньги, но если мужчина был того же самого склада как и местные крестьяне, то чистой вежливости было не достаточно, чтобы разговаривать упрямого парня.

— Я должен знать, что произошло. Где на жертву напали? Видел ли кто-нибудь при этом зверя? Как он выглядел?

Мужчина поймал в воздухе монету, которую Томас ему бросил, поразительно проворным движением, и с размаху швырнул её назад. Это было чистое счастье, что художник снова поймал её, прежде чем она приземлилась за госпиталем.

— Кто ты такой, что думаешь, что можешь здесь мной командовать?

Парень действительно отказался от денег! Каждый кучер в Париже, не мешкая, бросил бы на произвол судьбы пассажиру каждую интимную тайну. *«Ещё дальше от Версаля мне не могло бы быть на самом деле комфортно».*

— Меня зовут Томас Ауврай. Я принадлежу к людям короля.

— Ах, из-за этого. Полагаете, что вы лучше. Тогда только смотрите, чтобы бестия снова не увернулась.

Вместе с тем он снова отвернулся к своей работе. Когда погонщик отстёгивал другие транспортные корзинки и мешки, то каждый раз поднимал груз на своё правое плечо, как будто его рука была слабой, чтобы поднимать такую тяжесть. Но мужчина был умелым в том, чтобы скрывать эту слабость, очевидно, от этого многое зависело. Должно быть, нужно было усмирить его гордость, чтобы привести к разговору?

— Ну, хорошо, всё равно, спасибо, — Томас отошёл в сторону, чтобы потом снова тут же остановиться, и повернуться. — Скажи одно, ты не боялся, что бестия последует за тобой, если ты увезёшь её добычу?

Мужчина внезапно остановил свою работу.

— Я выгляжу как трус? — Томас на всякий случай прикинул до него расстояние.

— Я... не говорил. Только думаю, что я бы просто, в самом деле, не осмелился быть один в горах с покойниками.

Погонщик пристально посмотрел на него, два долгих мрачных вдоха и выдоха, а потом поразил Томаса внезапным грубым смехом. На одно мгновение это было совершенно другое

лицо — без тени, парень мог быть приветливым и улыбаться.

— Чудовище слишком хитрое, чтобы возвращаться к своей добыче. И, кроме того, имеет уважение к оружию, — кивком подбородка он указал на седельную сумку, в которой находилось двуствольное ружьё. — Вообще-то жаль. Я мог бы хорошо использовать вознаграждение, — в этот раз ухмылка скользнула по его лицу, которое выглядело теперь почти симпатичным.

— Это значит, что ты никогда не видел зверя? Даже на расстоянии?

— Однако достаточно того, что бедная женщина видела его. И со вчерашнего дня она не единственная.

Он схватил ведро и понёс к воде. Томас старался смотреть на шевелюру погонщика, стараясь не обращать на себя внимание, но его предположение подтвердилось: три пальца правой руки были почти не гнущиеся и локоть плохо сгибался.

— Я слышал, что мертвая родом из Созе, — Томас снова начал разговор и приблизился. — Когда было это нападение?

— Сегодня после полудня, так приблизительно три часа назад. Когда я прибыл с моей партией товара, крестьяне как раз её нашли и несли в деревню. Она лежала на опушке леса, точно на моём пути, в трудной области, на одной стороне лес Шамблар, на другой ущелье Мерон. Внизу болото, наверху скалы. Есть немного дорог, которыми можно там ходить. Если бы я прибыл раньше, то вероятно, непосредственно об неё споткнулся бы. И я действительно получил возможность воздержаться от этого.

— Так скверно?

Погонщик пожал плечами.

— Полагаю. Зверь не делает вещи наполовину. Я удержался от взгляда. Они замотали женщину в платки и дали мне деньги, чтобы я её принёс. Остальное меня не касается.

С этими словами мужчина взял свою битком набитую сумку из козьего меха в коричнево-белых тонах, которая стояла на земле.

Мулы стали бороться за то, чтобы добраться до ведра с водой. Один выступил вперёд и ущипнул другого за шею. Тот сделал прыжок в сторону и толкнул погонщика в плечо. Сумка грозила соскользнуть с его парализованной руки. Томас среагировал без размышлений. Он оказался возле парня, намереваясь помочь. Юноша поймал сумку прежде, чем она попала в грязь — и всё-таки в то же самое мгновение, Ауврай увидел просвистевший вблизи кулак. Сильный удар попал ему в плечо, он оступился в сторону и наскочил на ведро. Вода расплескалась на его чулки, так как он уже приземлился на твёрдую бульжную мостовую.

— Чёрт, что на тебя нашло? Я хотел только помочь!

— Я не нуждаюсь ни в твоих деньгах, ни в твоей помощи, — грубо крикнул погонщик мулов и схватил свою сумку. — И в дальнейшем держи свои мерзкие пальцы подальше от моих вещей! — карие глаза пылали от ярости. Ещё мгновение он, казалось, обдумывал, не замахнуть ли пустым ведром и не двинуть ли Томасу по голове.

Томас поймал себя на эмоции, которую раньше никогда не чувствовал. «*Только попробуй!*» — мелькнуло у него в голове, пока руки сжимались в кулаки.

Рядом раздался звонкий смех. Томас осмотрелся вокруг. Ну, замечательно!

Из всех людей в этом мире он мог бы поступиться только этим. Этьен Лафонт смотрел на него сверху вниз со своего коня. Томас больше не видел синдика после обсуждения в королевском дворце. Его глаза насмешливо сверкали за стёклами очков. Очевидно, он прекрасно развлекался. Громкий смех происходил от молодого аристократа, который как раз

остановил лошадь.

— Посмотрите-ка, Бастьен Хастель снова в этих краях! — бросил он *погонщику* мулов. — Ты здесь совершенно один избил студента?

Мужчина бросил на дворянина взгляд, которым можно было разрезать стекло.

— Он не избил меня, — подчёркнуто ответил Томас. Он вскочил на ноги и с пунцовым лицом стряхивал пыль со штанин и своей замшевой сумки.

— И это также необычный студент, месье Эрик, — сказал синдик своему благородному спутнику. — Всё же я расскажу вам, что он научный работник академии и сопровождает охотников. Ну, вот он — Томас Ауврай, наш специалист по *волкам*.

«...с иронией сказал специалист», — подумал Томас. Он стиснул зубы и наклонился за своей шляпой. При этом его взгляд упал на лошадь дворянина. Должно быть, вороной перешёл болото вброд. Подсохшая грязь и еловые иглы покрывали ноги животного и к копытам пристали жалкие остатки росянки (*прим. пер.: растение*).

Томас оторвал свой взгляд и, как полагалось, поклонился.

— Специалист, ничего себе, — сказал аристократ. — Ну, тогда я желаю вам завтра повеселиться, обсуждая это с моей тётёй. Она считает зверя чем-то сверхъестественным, наказанием господ. Ведь вы отправляетесь дальше в Ле Бессет?

День явно не становился лучше. Это был де Морангез! Из всех дворян этого мира, как нарочно, он должен был опозориться перед хозяином дома, принимающем гостей!

— Да, мы едем к замку.

— Ну, тогда мы снова увидимся. Но до тех пор я бы не хотел мешать вам дальше в том, чтобы обмерять лужи задницей.

Нужно было высоко оценить Лафонта, потому что он не смеялся над неприятностями Томаса. Синдик только поправил свою шляпу.

— Месье Эрик, вы не считаете рациональным, чтобы месье Ауврай тоже осмотрел мертвецов? Глазами учёного?

Эрик Морангез не выглядел так, как будто считал предложение хорошей идеей. Но, очевидно, Лафонт ценил слово дворянина.

— Пожалуй, — скучающе сказал он. — Приходите через полчаса в больницу.

Дворянин прищёлкнул и прогнал свою лошадь рысью так близко мимо Томаса, что брызнула снежница (*прим. пер.: талая вода на льду*). Томас отшатнулся, и почти тут же споткнулся об ведро.

Погонщик посмотрел в спину графскому сыну. Его лицо застыло, но в глазах сверкало презрение. Потом он встретился взглядом и с Томасом. Мужчина, который, по-видимому, назывался Бастьеном Хастелем, сплюнул и многозначительно поднял левый уголок рта. Томас не мог сделать ничего другого, как так же ответить ему кивком. Это было безумие: несколько минут назад мужчины готовы были вцепиться друг другу в волосы и глотку, но сейчас было достаточно какого-то немого взгляда согласия, чтобы знать, что они думают одинаково.

Как только Томас вступил на порог, его окружил холодный полумрак. Кровати в госпитале были поставлены слева и справа по сторонам длинного помещения. В торце стояли крест и статуя Святой Девы. Так у больных всегда перед глазами стояла надежда на чудесное излечение божьей милостью.

Но мёртвых здесь не было — только в постели лежал ещё весьма живой старик, его

кашель звучал как охрипший лай.

Боковая дверь была полуоткрытой, через щель проникало бормотание; свет от свечи колыхался над не ровным полом. Томас должен был собраться с силами, чтобы размеренным шагом пройти оставшуюся часть пути. Наконец, он был у двери, толкнул её дальше и одним махом ступил за порог.

Томас ожидал по-научному изящного собрания, но вместо этого к нему обернулись десять бледных испуганных лиц, в свете свечи моргали заплаканные глаза.

— Неужели дождался, — мягко сказал пастор скорбящим. — Выходите и ждите, пока не завершится исследование. И потом вы сможете забрать с собой своих детей.

Ноги зашаркали, стулья задвигались, фартуками заглушались рыдания. С укоризненной робостью Томас рассматривал скорбящих, пока они почти беззвучно шли к двери. Священник ещё раз ему кивнул, потом закрыл дверь снаружи и неожиданно юноша остался совершенно один с покойниками. Гробы с телами усопших были установлены на трёх столах, поверх них были расстелены простыни, не смотря на это, Томас не сделал ближе ни шага. «Что с тобой?» — ругал он себя. — «Как часто ты уже видел выловленных из Сены самоубийц? Это только безжизненная телесная оболочка».

Наконец, пастор снова вошёл, за ним Лафонт и несколько других мужчин, в том числе консул города и хирург, который был полностью одет в чёрное. И, конечно, с ними также был Эрик Морангез.

— Это жертвы последних дней? — хотел знать хирург.

— Вчерашние, месье, — сказал еле слышно пастор. — И сегодняшние.

— С сегодняшние, ага, — высказал своё мнение месье Лафонт. — Пока господа охотятся, бестия снова спокойно бьёт в другом месте. Где в этот раз?

Пастор указал на катафалк в середине.

— Недалеко отсюда, в Пэпине, этот мальчик умер там сегодня утром. И также после полудня животное напало здесь на эту женщину, только немного дальше, в Созе, — он указал на третий стол. — Но две эти следующие женщины были тоже убиты, как сообщили. Так много жертв в один день у нас ещё не было.

Хирург подошёл к первому столу и откинул простыню. Резкий вдох взволновал помещение. Лицо консула внезапно позеленело, и он прижал носовой платок ко рту. И Томас поздравил себя с тем, что никогда не покидал свой письменный стол. Здесь уже было нечего делать с его научными образцами, ничего из исследований анатомии животных и экзотических экспонатов. Животные были только видами, признаками, особенностями. И у них не было имён.

— Мартин, восемь лет, — Томас услышал, как тихо сказал священник. — Он из моего прихода. Вчера мальчик был атакован между Сог и Мальзьё. Это произошло в световой день. Крестьяне услышали его крики и поспешили на помощь, но бестия уже рванула в лес. Потом позднее его там нашли.

— А случаи сегодняшние? — хотел знать Лафонт.

Вторая и третья простыни раскрылись. Томас отвёл взгляд.

— Этот мальчик из Пэпине, — он слышал, как говорил хирург. — После того, как сегодня утром его убило животное, оно разъело его левое бедро и также изуродовало остальное туловище. И эта бедная женщина была найдена здесь несколько часов назад. Как вы видите, зверь наполовину её съел, не хватает конечностей с правой стороны, они также пропали. Голова снова лежала полностью отделённой.

— Что, месье Ауврай? — спросил Лафонт. — Вы не хотите посмотреть на повреждения, как вы там это метко сказали в Версале, глазами зверя?

«И я, идиот, полагал, что он хочет сделать мне одолжение, тем, что берёт меня сюда», — думал Томас.

Хирург призывно отступил в сторону, чтобы уступить ему место. На слабых коленях Томас подошёл к столу, на котором лежала женщина. И когда он, наконец, смог пересилить себя и взглянуть туда, то знал, что никогда больше не сможет утверждать, что люди — это только лишь оболочка. Лекарь был достаточно толковым, чтобы воздержаться от этого взгляда.

«Почему хищник нападает с таким огромным остервенением?» — шокированно думал он. Его учили, что животные убивают только для того, чтобы добыть пищу. — *«И никогда, чтобы... её уничтожить»*.

— И? — настаивал Лафонт.

— Это... раны от укуса, — сказал Томас беззвучно. — Во всяком случае, я полагаю.

— Очень проникательно, — лаконично отметил Лафонт. — И это не удивительно, какую силу развил этот волк?

Томасу пришлось откашляться.

— Разумеется, — сказал он хриплым голосом.

Консул стирал пот со своего лба и упрямо пристально смотрел на запертые ставни. Только де Морангез рассматривал трупы с не скрываемым восхищением.

— Прекрасно, что хотя бы в этом отношении мы стоим на одном мнении, — сказал Лафонт. — И я надеюсь, что сейчас вы научились рассматривать эту проблему глазами жертвы, и точнее, *прежде* чем она выскажет своё мнение. Пожалуйста, отойдите сейчас снова в сторону.

Томас повиновался. Как в тумане он воспринимал то, как врач переворачивал на бок покойника и твёрдым голосом описывал раны. У него не было выбора, как остановиться, и механически отмечать своим угольным карандашом толкования доктора. Однако всё время юноша ощущал немое обвинение мёртвых. *«Взгляни!»* — казалось, говорила женщина. — *«Посмотри, что сделали со мной и скажи, какое животное это было!»*

И Томас преодолел себя во второй раз и подробно всё рассмотрел. Его карандаш наскочил на край листа. Как будто сама по себе его рука нарисовала плечо мертвеца. Он ступил немного дальше и снова направил карандаш. Женщина перед ним была всё ещё человеком, но теперь она превратилась в площади, пропорции и оттенки. Рана была снабжена теньвыми рубцами, глаза на светлом лице гранями с тёмной каймой, с изогнутыми линиями над измождёнными кругами. Неожиданно он изобразил детали и подробности с яростной точностью.

«Одна рана с голубоватым краем, одна без края. Удивительно ровный край раны на шее, несколько точек как места укусов или отпечатки клыков, немного больше чем диаметр моего чертёжного карандаша».

Глава 10 ПРИЗРАК

Для крестьянского мальчика он, и в самом деле, был самым великолепным замком в мире, но когда Томас увидел Замок Бессет, то был почти шокирован, как сильно тот

напоминал ему гравюру на меди из Мексики: остаток канувшей культуры, храм майя, которым завладела природа. Ладно, храм майя, пожалуй, был небольшим преувеличением, но мощная осадная крепость, которая возвышалась на взгорье, была точно также далека от полированной роскоши Версальского замка. В Версале архитектура и природа подгонялись под превосходные геометрические эталоны, центром которых был король. Помимо этого, в королевском дворце, с его огромными окнами, было что-то почти прозрачное и парящее.

Здесь, напротив, в воздухе парила не более чем многообещающая неудача аналога. Пузатые башни возвышались как забойщики кабанов из шероховатых гранитных стен. Из щелей каменных кирпичных стен протискивался мох. На стенах разрослись заросли ежевики. И на южной стороне тянулись ввысь молодые деревья, которые, по-видимому, не сдерживал никакой садовник. Окна были крошечные, и, казалось, замок рассматривал всадников как будто глазами. «*Это, в самом деле, идеальное место, чтобы запретить ведьму в замке*», — подумал Томас. Изнурённый длинным переходом, он шёл за мулом, который нёс через ворота двух охотничьих собак.

Во внутреннем дворе конюхи как раз рассёдывали нескольких лошадей. На одной из упавших попон Томасу бросился в глаза герб графов д'Апхер — несколько башен с двумя топорами по бокам. Очевидно, месье Антуан и другие мужчины были здесь не единственными гостями.

В вестибюле им навстречу выступила хозяйка дома, старая госпожа де Морангез. Её волосы покрывал платок из вуалевого ткани, и острое лицо с горбатым носом подчёркивало её возраст. В своей закрытой тёмной одежде она напоминала монахиню. На цепочке женщина носила необычный крест, украшенный рубинами, которые сверкали как кровь прискорбных мучеников.

Немного позже Томас проследовал за лакеем к лестнице. Уходя, он оглянулся. Из-за маленьких окон, коридор и помещения были сумеречными уже во второй половине дня. Там не было отполированного мрамора, но на потолке находились деревянные балки с кирпичами и строительным раствором. Покрытые ковром дощатые полы скрипели при каждом шаге. Мимоходом Томас охватил взглядом столовую. Лакей как раз расставлял там столовые серебряные приборы. Над громоздким дубовым столом висела люстра из оленьих рогов.

Его жильё было едва ли больше чем келья, с топчаном и овечьей шкурой как подстилкой для сна. Слуга дождался, пока Томас оставит свой багаж, и затем привёл его не в столовую, а в кухню, где несколько человек прислуги сидели за грубым деревянным столом и ужинали. Мягкие шляпы с широкими опущенными полями и шероховатые накидки из войлока были расстелены для сушки, пахло мокрой шерстью. Рядом с очагом слонялись несколько огромных косматых собак.

— Ах, опять высокий гость! — воскликнула повариха. — Сегодня мы действительно увидим, чем разжились. Садись, юноша, садись.

Томас нерешительно занял место на грубо сколоченной скамье. Жуя, двое конюхов взглянули на него, и потом снова посвятили себя трапезе. Но третий, молодой человек с кудрявыми, каштановыми волосами и зарубцевавшимся уголком рта, одобрительно ему кивнул.

— Меня зовут Адриен. И тебя зовут Томас, правильно? Ты рисуешь животных? Ваши проводники собак рассказали об этом, — парень указал на две пустые миски на другом

конце стола. По-видимому, Томас как раз разминулся со вторым едоком. По крайней мере, он был не единственным, кто должен был есть на кухне. Когда юноша откладывал в сторону сумку с письменными принадлежностями, одна из собак зарычала.

— Боже мой, Адриен, отправь это чудовище отсюда на улицу! — крикнула через плечо повариха. И добавила, повернувшись к Томасу. — Не приближайся к ним! Они проглотят тебя с кожей и волосами.

Адриен махнул рукой.

— Никаких проблем. Они так набили брюхо, что не сдвинуться с места до завтрашнего обеда. Эй, Думиас!

Он выловил кусок хряща из густого супа и бросил его собаке. Кобель лениво схватил лакомство в воздухе. Его зубы клацнули, когда ударились друг о друга. Никакой не успокаивающий звук.

Повариха плеснула деревянной ложкой суп в миску, которую затем энергично поставила перед Томасом.

— Ешь, молодой господин!

— Собаки принадлежат хозяйке дома? — спросил Томас.

— Нет, её племяннику, молодому графу. Он позволяет дрессировать их на волков, а самого большого пса для собачьих боёв. Ну, господского развлечения, — Адриен насмешливо скривил рот. Его шрам напомнил Томасу о мертвецах в госпитале.

— Что? Ты не любишь *требуху*? — спросила повариха. — Свежий бараний желудок, кишки телёнка... Ничего лучше нет.

— Совершенно определённо нет, — слабым голосом сказал Томас, — но у меня нет аппетита.

— Если ты это не любишь — давай мне, — сказал Адриен. — У меня волчий аппетит.

Томас подвинул ему миску.

— Ты получил не совсем королевскую комнату, молодой господин, — болтала дальше повариха. — В эти дни мы принимаем гостей больше, чем на ярмарке. Ну, в действительности, никакого чуда, завтра все снова идут на охоту. В этот раз вместе с господами д'Энневаль, норманами. Они уже приехали сегодня в полдень.

«Прекрасно, что я должен всё узнавать от поварихи», — угрюмо подумал Томас. Всё-таки, теперь это означало, что завтра у него будет несколько часов времени.

— Скажи-ка, ты ориентируешься в местности? — обратился он к Адриену.

— Если не я, кто тогда? Зачем?

— Мне нужно сходить в горы.

— Что ты там хочешь?

— Рисовать растения, которых нет в Париже.

Адриен пристально на него смотрел, как будто планировал, что будет танцевать менуэт на скалистом плато.

— Ищи себе проводника или ты заблудишься.

Это, в самом деле, было скверной идеей.

— Где мне его искать?

— Спроси в следующей деревне, в Ла-Бессер-Сен-Мари. В трактире «*La Vache Blanche*» (прим. пер.: Белая корова).

— Что за цветы ты ищешь? — хотела знать повариха. — Трёхцветные фиалки или купальницу? Или наш генциан, жёлтую горечавку?

— Горечавка звучит интересно.

Неожиданно все за столом засмеялись, и Томас спросил себя, не попался ли он на шутке, когда повариха заговорщицки ему кивнула.

— Однако господин знает, что лучше.

С этими словами она принесла бутылку и налила себе, слугам и Томасу ликёр янтарного цвета. Один из конюхов поднял чарку.

— За Святого Георга! Чтобы победитель дракона помог охотникам убить зверя.

— За Святого Георга! — все перекрестились и посмотрели с надеждой на Томаса. Только когда он также осенил себя крестом, они кивнули и выпили. После призывного знака Адриена Томас опрокинул напиток в рот. Пряная, горькая водка горела на языке, но потом ему стало приятно горячо.

— И теперь рассказывай! — настойчиво попросил Адриен Томаса. — Ваш егерь, этот месье Антуан нашёл волчьи следы?

— Волка? Вздор! — повариха неодобрительно щёлкнула языком.

— Откуда вы знаете, что никаких следов? — спросил Томас. — Кто-нибудь из вас видел бестию?

Возникло растерянное молчание.

— Или вы кого-то знаете? Может быть, даже здесь, в замке? Лакея, служанку? Кого-нибудь?

Было примечательно, как внезапно в помещении стало тихо. Деревянные ложки застыли в воздухе, взгляды метнулись над столом, потом каждый неожиданно заинтересовался содержимым своей миски.

— Что? Ваша чёрная ведьма заколдовала ваши языки?

Двое слуг внезапно схватили свои шляпы и выскочили на улицу.

Повариха скрестила руки.

— Какая ведьма? — спросила она угрожающе.

Томаса бросило в жар от того, что она, вероятно, подумала, что он имел в виду графиню.

— Я только думал... Когда я был в Сог, то слышал, что здесь должна бродить ведьма, запертая в башне. Это рассказал мальчик.

Повариха подняла поварёшку, с которой капало.

— Вот тебе совет, молодой господин: не верь всему, что слышишь. И лучше всего, — она понизила голос, — не говори в присутствии нашей хозяйки о ведьмах, феях или каких-нибудь небылицах, ты понял?

Проводники собак и свора снова были размещены непосредственно вблизи с конюшней. Орудия для завтрашней охоты на волков уже были наготове: холщовое полотно и кожаные ошейники. Снаружи они были оснащены металлическими шипами, которые должны удерживать волка от того, чтобы он перекусил собакам горло.

— Ну, теперь ты спишь у господ, да? — крикнул вместо приветствия Лестан.

— У меня есть монашеская келья с топчаном, — ответил Томас. — Завидуешь?

Лестан засмеялся и протянул руку к борзой. Она лежала перед очагом, но затем быстро вскочила, и теперь плелась, махая хвостом, к своему господину, чтобы вцепится в него когтями. «Следы», — подумал Томас, взглянув на её лапы.

— Скажи-ка, видел ли ты следы зверя? Они действительно принадлежат волку?

Лестан кивнул.

— Насколько большим был след? Я имею в виду, совсем точно?

Лестан поднял руку и очертил указательным пальцем другой руки на ладони овал.

— Ну, да, здесь был обычный волк. Сердцевидная подушечка, четыре пальца с когтями.

И так много отпечатков следов, которые мы нашли, — он показал овал, который захватывал его ладонь и ещё почти пол длины пальцев. — Чудовище должно быть очень огромным, потому что лапы глубоко вжимались в землю. Однако это всё может быть никак не связано.

— Что это значит?

— В отличие от собак, волки часто передвигаются абсолютной рысью. При этом они ставят задние лапы в след передних лап. Когда несколько волков бегут непосредственно друг за другом, если только посмотреть в глубокой грязи или в снегу, кажется, что есть только единственный след волка. Выглядит как жемчужное ожерелье из отпечатков лап. Но здесь он бежал по-другому.

Борзая сытно зевнула, и при этом послышалось приятное визжание. Томас рассматривал открытую глотку животного, клыки и длинный язык, который прошёлся по зубам.

«Голодный как волк», — он вспомнил выражение Адриена. И что слуга говорил о своих собаках? — «Они набили брюхо, что не двинутся с места до завтра».

— Ты знаешь, сколько волк съедает в день, Лестан? Также много как охотничья собака?

Мужчина пожал плечами и погладил суку по холке.

— Я так думаю, что когда наши доги бегают, то съедают от трёх до четырёх килограмм в день.

«И как много весит тогда человеческая нога?» — подумал Томас.

Этой ночью ему снилась ведьма. У неё была чёрная кожа мадонн и клыки как у волка, она несла весы в правой руке и складную линейку в левой. У её ног лежали три мертвеца из госпиталя. Собаки Адриена сидели рядом с ними и скалили зубы. Её вой пронизывал внутренности и ноги Томаса.

Он вскочил и дышал с трудом. Прошла вечность, пока Томас не понял, что бодрствует. Сердце всё ещё билось, и какой-то шум, который мужчина не мог определить, отдавался в его ушах. Сверчок давно умолк, ночь лежала над замком как высокий покров. Юноша заснул посреди своих бумаг — он лежал в неудобной позе, прислоняясь к стене. Под его пальцами шелестели записи — расчёты, которыми художник занимался так долго, что мог рассказывать их наизусть. Мысленно он прошёл по ним ещё раз.

«Если поставить величину следов лап в пропорционально подходящее соотношение к предположительному росту и максимально возможному весу, то животное было больше, чем волк, высотой в холке примерно восемьдесят сантиметров, а весом шестьдесят килограмм. Необходимое количество пищи, в сравнении с ориентировочным весом тела, составляет примерно от трёх до четырёх килограмм. Тем не менее, если положить в основу количество пищи в дни частых нападений (вес человека, мышечную массу), bestия должна была бы быть, наоборот, огромной как лошадь, чтобы смочь поглотить такое большое количество мяса в такое короткое время:

6 января: два нападения.

23 января: два нападения.

30 января: два нападения.

24 мая: два нападения.

Июнь: в один день четыре нападения!

Почему набившее брюхо животное должно было идти охотиться снова? Ещё поразительнее то, что, несмотря на временные повреждения, зверь мог отмахать большое расстояние, очевидно, совершенно без труда, чтобы нанести удар ещё раз.

12 января. Нападение на Жака Портфе и других детей пастухов около девяти часов утра. Несмотря на ранение морды, во второй половине дня животное забило и проглотило троих детей совершенно в другом месте.

Следовательно, должно быть несколько животных (вероятно, это также объясняет, почему бестия появляется после тяжёлого ранения, несколькими часами позже, опять невредимой)».

Томас на ощупь искал свечу на ночном столике, но должен был установить, что та полностью догорела. Он никогда бы не подумал, что будет когда-нибудь ещё тосковать по шуму Парижа — повозкам, которые громыхали ночью по булыжной мостовой, горланящим пьяницам, фейерверкам и факельному свету. Ощущая полный дискомфорт, юноша прислушался и надеялся, что различит храп гостей по соседству, но ему отвечала только удушающая тишина. Затянутый облаками лунный свет рисовал гримасы на шероховатой стене. Казалось, что из щелей на него пристально смотрели мертвецы, и Томаса зазнобило, когда он вообразил, что там также стоял и Арман, обвиняющий, безмолвный и полный гнева. «*Едва ли я могу спать из-за этого? Почему он посещает меня в тишине?*»

Томас резко приподнялся и протёр глаза, но воспоминания о последних днях Армана нельзя было прогнать: посещение врачей, кровопускание, внос и вынос брата из комнаты. Установление гроба с телом усопшего для прощания, его отец, согбенный (*прим. пер.: сгорбленный, устаревшее слово*) рядом с гробом от горя, и Томас у двери. Оттуда он мог видеть только руки покойника. *Руки моего брата.*

Он понял, что сейчас не выдержит ни секунды в темноте. Томас торопливо поднялся и направился в кухню, чтобы отыскать свечи.

В первый момент ему показалось, что жалобный стон раздаётся из прихожей, но потом юноша заметил, что это может быть только за окном, которое скрипело в петлях. Это был шум, который его разбудил!

Томас осторожно следовал на ощупь по стене к сквозняку и вскоре стоял перед окном, которое, как ни странно, было открыто настежь. Ночной ветер мягко обдувал его лоб, и доносил внутрь замка шелест крон деревьев. Преломлённый лунный свет серебрил из облаков силуэты гор. Где-то внизу сверкал и шумел ручей. Но под замком расстилалась только матовая темнота, наполняющая долины туманом.

Жанна высмеяла бы его, и граф де Буффон не один раз. Не нужные ему насмешки. Но было трудно оставаться благоразумным и объективным, если чувства играют с тобой шутку. Потому что сразу у него было ощущение, как будто что-то там внизу с оцепенением смотрело на него; что-то, что притаилось между деревьев. Томас вздрогнул, когда ветка

щёлкнула как выстрел. В следующий момент он стоял у противоположной стены и прижимался спиной к прохладному камню. «*Это смешно*», — упрекал себя мужчина, — «*это был только кабан, олень, во всяком случае... кто-нибудь другой*». Юноша нащупал стену и хотел снова повернуть назад, как его нога на что-то натолкнулась, что немедленно отдалилось от прикосновения с ним.

— Кто там? — прошептал он.

Ему ответил задыхающийся звук. Голос как из другого мира, возможно, из сна. Что-то бледное передвинулось и снова остановилось.

Томас медленно присел и зажмурил глаза. Он упёрся кончиками пальцев в землю, и коснулся чего-то холодного, что сразу отпрянуло... «*Нога?*»

Действительно. У стены на корточках кто-то сидел. И этот кто-то был босиком.

— Эй? — Томас наклонился вперёд и осторожно протянул руку. Его пальцы задели волосы, мягкие и длинные. Вначале он подумал, что это была служанка, которая убежала от преследования аристократов в прихожую. Но потом почувствовал дорогой шёлковый материал и рукав, украшенный кружевными воланами. — Вы заблудились?

— *Sòrre?* — ответил ему задыхающийся голос. Он принадлежал девушке и звучал так тонко, как Томас ребёнком всегда представлял себе голос моли. Голос был таким несчастным и потерянным, что резанул его по сердцу. Юноша сглотнул и вспомнил о вежливости.

— Позвольте, мадемуазель! — его рука осторожно обхватила её локоть, и он пододвинулся к ней ближе, чтобы помочь. — Вставайте, я провожу вас обратно к вашей ком...

Однако потом что-то случилось, что совершенно отбросило его за все границы условностей. Девушка просто скользнула к нему в руки. Томасу не оставалось ничего другого, кроме как упасть на колени, чтобы удержать равновесие, потом он почувствовал на своей щеке её мягкие волосы; и шокирующе близко тёплое тело, полное жизни; дышащее тело без корсета и каких-либо запретов. Она носила только ночную одежду. Её руки обняли его, и пылающий лоб прижался к мужской шее. Юноша чувствовал груди, талию, плечи и трепетную спину.

— *Lo diable*, — шептала девушка прерывающимся голосом, — *de tant qu'èra vièlh, èra pelblanc* (прим. пер.: дьявол, так заставляет добычу, заставляет...)

Иностраный язык был как колдовство или проклятие, прогоняя холодок по его спине.

«*Не говори здесь ни о каких ведьмах*», — прозвучал в его голове голос поварихи.

Тогда Томас понял, что, вероятно, девушка разговаривала во сне. Он держал в руках лунатика дворянина. Под своими руками юноша чувствовал её лёгкое дыхание и биение женского сердца на своей груди. И это сразу было так, как будто ничего больше не было, чтобы их разделяло; как будто он мог чувствовать её ужас на собственном теле и также сон девушки, такой глубокий и страшный, что, как казалось в темноте, он принимал собственные очертания. Это было невероятно и совершенно неподобающе, но его руки совсем сами по себе ещё крепче сомкнулись вокруг неё. Разум и тревога покинули мужчину, и были только лишь он и она, и его захватывающее желание защищать девушку в сумраке сновидений.

— Всё хорошо, — шептал Томас ей в ухо. — Я здесь, никто не сможет вам ничего сделать.

Он осторожно проводил по её волосам, пока девушка раскачивалась из стороны в

сторону. Её дыхание, и в самом деле, стало спокойнее, теперь женская голова отдыхала на его плече. На один украденный момент Томас закрыл глаза и вдыхал девичий аромат — лёгкий запах диких фиалок. Он смешивался за его закрытыми веками с мерцанием луны, тяжестью в коленях, и мягкостью её тела. Когда она немного повернулась в его руках в сторону, мужские пальцы коснулись мокрой щеки девушки, овала подбородка и остановились на краю шёлковой ленты, которая плотно лежала на её шее, почти как... «повязка?»

Она как будто услышала мысленный призыв, вздрогнула и глубоко вздохнула. Её спина напряглась, потом девушка освободилась из его рук. В следующий момент Томас уже скорчился у холодной стены. Он только лишь видел у окна женские очертания под ночным небом — распущенные волосы в свете луны, и слышал, как она хватала ртом воздух, объятая ужасом.

— Кто вы? — к его удивлению, теперь девушка говорила на отличном французском.

— Томас Аувайр. Мадемуазель, простите, я не хотел пугать вас, я только...

Однако она его уже не слушала. Потом были слышны только шаги убегающей и несколько мгновений спустя, звук захлопнувшейся двери.

Глава 11

СРЕДИ ВАРВАРОВ

Всю оставшуюся ночь Томас бодрствовал на топчане, обхватив руками колени, и чувствуя запах фиалок, всё ещё смущённый и всё же действительно зачарованный близостью незнакомки.

Только с утренним сумраком разум снова вернулся к нему. Определённо, юная девушка была дочерью или супругой дворянина. *«Который, наверняка, с восхищением узнает, что она побеспокоила кого-то в ночное время».*

Но, как ни странно, никто из слуг не знал о существовании молодой дамы. И когда Томас за завтраком из козьего молока и овсяной каши выпрашивал повариху и прислугу, то получал только уклончивые ответы. В конце концов, он решил пойти в конюшню и разыскать Адриена.

Охотники уже были там и пристёгивали своё оружие к сёдлам. Конюхи отряхивали попоны от конских волос и пыли, которые разлетались по воздуху; конский навоз дымил на холодных утренних камнях. Верховые лошади были собраны в разношёрстный табун с немного странно выглядящими сёдлами, которые были изготовлены совершенно для других владельцев.

— Месье? Месье, подождите! — лакей совсем запыхался. — Маркиз д'Апхер хочет поговорить с вами, — сказал он таким тоном, как будто провозглашал смертный приговор. — Немедленно!

«Д'Апхер, — уныло подумал Томас. — Надеюсь, что лунатик была не его женой».

Немного позже он вступил в комнату в башне, которая была похожа на библиотеку или на учебную комнату. Прямо около окна стоял огромный стол на вырезанных из дерева львиных лапах. Из соседней комнаты были слышны мужские голоса. По-видимому, там происходила горячая дискуссия, мужчина говорил с сильным норманнским акцентом.

— Подождите здесь, — озабоченно сказал лакей и скрылся за боковой дверью.

Томас неловко осмотрелся. Полки и шкафы делали помещение лабиринтом. С книжного

шкафа пылилась вниз пыльная сова. Разыскивать здесь современные труды было совершенно бесполезно, не говоря уже о Вольтере или записках Руссо. Вместо этого он обнаружил фолиант о жизни святого Франциска и другие биографии святых, написанных авторами, кости которых уже наверняка исполняли роль реликвии тех святых обществ, в которых книги как раз были бы на своём месте, в монастырской библиотеке.

Томас пытался вспомнить, что слышал о маркграфе д'Апхер. Он был хозяином замка вблизи Сог и владел многими землями. И пыл, с которым граф охотился на зверя, якобы граничил с одержимостью.

К нему приближались шаги. Томас втянул голову в плечи, готовый парировать обвинения с благоразумным объяснением.

Маркиз д'Апхер не входил в библиотеку, он его атаковал. Казалось, его шаг будоражил воздух в помещении, и сметал по углам сотни пыльных лет.

«*Лисица*», — было первое, что промелькнула у Томаса в голове при взгляде на него. Это впечатление появилось не только от оранжевой охотничьей куртки, но и от манеры передвижения графа, целенаправленной и элегантной.

— А, так это действительно вы, очень хорошо! — крикнул он Томасу. — Нет, нет, оставьте поклоны. Садитесь. У нас есть немного времени, — граф указал на стул рядом с полкой, потом с размаху опустился на кожаное кресло за письменным столом, и смотрел сияющими глазами на Томаса.

Он был удивительно молод, самое большое, лет двадцать. Тонкие черты лица с острым лисьим подбородком ещё усиливали впечатление. Его волосы были не напудрены и выглядели естественно — тёмно-коричневого орехового цвета.

— Рад, что познакомился с вами, — воодушевлённо воскликнул он. — Я большой поклонник исследований месье де Буффона, особенно его «*Истории и теории о земле*» — это открытия блестящего мужа! Вы должны мне всё рассказать о его новых исследованиях!

Видимо это зависело от его беспредельного облегчения или просто от того, что у Томаса было ощущение неожиданной встречи родственного духа посреди дикой местности, поэтому он ответил д'Апхеру приветливо и от всего сердца.

— Это честь для меня.

— Месье Антуан сказал мне, что у вас задание выполнять в наших провинциях естественнонаучные исследования? При случае я буду сопровождать вас на одной из ваших прогулок. Матильда с кухни говорила, что вы особенно интересовались нашими горными растениями?

Граф, который болтает с поварихой о гостях — это действительно было чем-то новым!

— Ах, да, я планирую выполнить ряд исследований.

— Какие растения вы особенно хотите увидеть?

— Трёхцветную фиалку и жёлтую горечавку, — ответил Томас, не моргнув глазом. — Поэтому и запланировал, сегодня пойти в горы. Весна наступила здесь позже, может быть, я застану их в пору цветения, — и, следуя идее, которая неожиданно сверкнула в его затылке, он добавил: — я надеюсь, что это недолгое путешествие?

Томас рассчитывал спросить вежливо, но лицо графа мгновенно помрачнело. Очевидно, солнце и тень менялись в этом сердце очень быстро.

— Вы хотите идти *пешком*?

— Ну, мне не остаётся ничего другого. Лошади предназначены только для охотников.

Голоса в соседнем помещении стали громче, потом в библиотеку вошли месье Антуан и

другие мужчины. Томас торопливо встал и поклонился. Эрик де Морангез только поднял уголок рта. Мужчина рядом с ним, по-видимому, был его отцом, старым графом де Морангез. Горбатый нос выступал на широком лице как клюв. Он совсем не делал усилий заметить Томаса, а на ходу что-то обсуждал с двумя мужчинами в кожаных охотничьих куртках, которые, без сомнения, были господа д'Энневаль из Нормандии. Они явно выглядели не восторженными. И также сегодня месье Антуан не распространял привычное хорошее расположение духа, а только ненадолго остановился у стола, пока другие намеревались идти дальше.

— Здесь ваше рабочее место на следующие дни, Томас. Сделайте мне сегодня копии расстановок оружия и капканов. Ах, да, и расселите мужчин в новом опорном пункте в деревне.

— Слушаюсь, месье Антуан.

Маркиз д'Апхер схватил свою шляпу и поднялся. Он подождал, пока месье Антуан с другими господами не покинули помещение, и только потом сказал Томасу.

— Внизу в конюшне стоит белая кобыла. Я одалживаю её вам на службу науке. Скажите конюху, что я определённо вам это позволил. И возьмите с собой ружьё.

Деревня находилась под горой, на которой стоял замок, в юго-восточном направлении, светло-серые каменные дома, с такими же серыми крышами, лежали как валуны между небольшими холмами. На каменной кирпичной стене сидел седой бородатый мужчина с ружьём и не выпускал из вида нескольких детей, которые пасли на опушке леса коров и овец. На лугу стрекотали сверчки.

Трактир находился на окраине. Над дверной перемычкой скалило зубы мифическое существо — мужчина, у которого из головы и подбородка вместо волос росли листья. Дверь была заперта, никто не отвечал на стук Томаса. С кобылой на поводе он обошёл вокруг трактира. В задней части небольшого владения стоял громоздкий каменный дом. Конюшня была пристроена непосредственно к нему, заросшая травой, наклонная каменная погрузочная площадка вела наверх в конюшню, кроме того был сад, окружённый каменной стеной, над которой торчали ветки яблонь.

Томас подошёл к входной двери. Однако прежде чем он смог постучать, юноша услышал крик. И кричал девичий голос: «*Fa bèl brieu! Cossì vas?*» И с мелодией этих странных чужих слов в память немедленно вернулись горячая кожа и другой, едва слышный голос.

Кто-то бежал к нему от сада, лошадь загораживала юноше обзор, поэтому он пробрался под её шеей и почти столкнулся с девушкой. Только что ещё её лицо светилось от радости, но теперь она испуганно остановилась и стала такой бледной, что рыжие веснушки, казалось, засветились.

— О! Простите, — заикалась она.

Её взгляд сердито скользнул по лошади, задержался сначала на трёх необычных серых пятнах на белой морде, и потом на попоне с вышитым гербом семьи д'Апхер. Затем она вопросительно посмотрела на Томаса.

Её могло быть шестнадцать, может быть, немного меньше, и она носила чепчик. Волосы девушки были гладкие и светились медно-красным цветом, и как раз на проборе образовывали у корней волос небольшую вершину. И прежде чем Томас это осознал, он сравнил их с мягкими локонами, которые чувствовал сегодня под своими кончиками

пальцев. *«Какого они были цвета? И её глаза?»*

У девушки перед ним глаза были тёмно-карие и раскосые. В её растрёпанной косе застряли соломинки, а передник был высоко подвязан и полон козьей шерсти; очевидно, она как раз работала в хлеву.

По всей видимости, юная девушка поняла, что ошиблась, потому что подняла подбородок и подчёркнуто прохладно сказала:

— Моего отца здесь нет, но моя мать сейчас подойдёт. Давайте вашу лошадь.

Не дожидаясь ответа, она взяла кобылу за повод и повела к загону перед трактиром. Томас следовал за ней.

— Что это только что был за язык, мадемуазель?

Девушка ослабила подбородный ремень и подпругу. Но при этом избегала взгляда Томаса. Кажется, вопрос был ей неприятен, так со стороны выглядело, как будто она хотела оценить его.

— Ну, язык наших предков, — сказала она, наконец. — Господа в замке называют его окситанским.

«Аристократка, которая говорит на языке крестьян?» Ситуация становилась ещё загадочнее.

— И что вы только что мне сказали?

— Это было только приветствие.

«Для кого-то другого», — подумал он. Возможно для графа д'Апхер? Совершенно очевидно, что девушка узнала лошадь графа. Пожалуй, он действительно разъезжал чаще, чтобы посещать деревенских девушек.

Томас как раз хотел расспросить, когда девушка его опередила.

— Это лошадь не мадемуазель д'Апхер? — спросила она робко.

Томас прислушался. Не одолжил ли граф ему лошадь своей жены? Это было логично: если у неё была высокая температура, она и без того не могла ездить верхом. Но ещё кое-что бросилось ему в глаза — девушка назвала её мадемуазель, а не мадам. Лунатик не была его женой, а, вероятно, сестрой.

— Вы знаете мадемуазель? — спросил он.

Девушка вздрогнула, заметно испугавшись.

— Я... принесу ещё воды, месье, — сказала она ему, чтобы исчезнуть в доме совсем.

— Подождите! Я хочу только узнать...

Но девушка побежала. В середине двора он её догнал. К его удивлению, она так резко повернулась, что Томас с размаху наскочил на неё. Прежде чем юноша смог споткнуться, он схватил девушку за руку, чтобы не упасть.

— Мадемуазель...

Его остановили собачий лай и резкий суровый крик.

— Эй! Что ты там делаешь!

Девушка торопливо вывернулась из хватки Томаса и бросилась назад.

Потом Томас оказался напротив двух парней в рубашках и кожаных жилетах. У старшего была лысина, молодой был смуглый как итальянец и очевидно очень, очень рассержен.

— Убери от неё свои пальцы! — рычал он.

В первый момент Томас просто был захвачен врасплох, но потом увидел сцену глазами обоих мужчин: слегка развязанная коса девушки и солома в волосах, и он — чужестранец,

который догонял её во дворе, и она схвачена за руку, как будто юноша хотел её насилловать. Внезапно ему стало жарко.

— Это недоразумение. Я только...

Лысый долго не медлил.

— Эй! — крикнул Томас, однако парень уже схватил его за воротник и швырял из стороны в сторону. Курицы кудахтали и разлетались в стороны. Шов на плече его сюртука разорвался, потом сильный удар попал ему в желудок. Томас задохнулся и тяжело дышал, но лысый уже сжал кулак и снова готовился ударить. Юноша никогда ещё в жизни не дрался и сам удивился, что в этот момент его тело реагировало само по себе. Он обошёл кругом и со всей силы налетел мужчине локтем в ребро. Что только, к сожалению, ни к чему не привело. Следующий удар кулаком расколол на мелкие куски небо в яркие искры, и потом Томас больше не знал, где был верх, где низ. Когда он снова мог ясно мыслить, то напрасно хватал ртом воздух, чужое предплечье давило на его горло. Более молодой парень схватил его сзади.

— Пьер, перестань! — Томас услышал, как кричит девушка, когда кулак треснул по его скуле. Он с трудом ощущал, как падает на землю.

— Ты думаешь, я не знаю, чем ты уже неделю занимаешься за нашими спинами, Мари? — грохотал лысый. — Что ты планировала? В ясный день исчезнуть с мужиком в соломе, как только ты будешь во дворе?

Томас в оцепенении приподнялся, но смог увидеть только глотку чёрной дворняжки, которая лаяла на него во все горло. Он вынужден был закашлять, за что рёбра благодарили его подлым покалыванием. Его голова гудела, и левая сторона лица вокруг глаза уже начала опухать. *«Этого не может быть»*, — подумал растерянно художник. — *«Эти варвары действительно избили меня!»*

Он хотел встать на ноги, но напротив него была собака.

— Ты не мой отец, Пьер, ты не должен мне ничего говорить! — кричала девушка. Теперь робость больше не ощущалась, она была такой же яростной, как и мужчина.

— Прекрати сейчас же! — женщина в платье из тёмной ткани и льняном чепце решительно шла большими шагами через двор. Без обиняков она встала между лысым и девушкой. — Что здесь происходит, Пьер?

Мужчина сплюнул.

— Я говорил тебе, что Мари тайком встречается с парнем. Недавно ночью он стоял под её окном. Так он пришел. Но в этот момент я поймал обоих.

— Момент, это был не я! — рассердился Томас. — Я вообще не знаю эту девушку! Что за манера так обходиться с гостями?

— Я знаю его, — сказал хорошо знакомый голос. — Он не имеет с Мари ничего общего.

Шаги захрустели по каменной осыпи, потом к женщине, которая, по всей вероятности, была хозяйкой, подошёл Бастьен Хастель. Когда он увидел подбитый глаз Томаса, уголки его рта дернулись.

— И откуда ты его знаешь? — подхватил Пьер.

— Потому что он один из людей короля, ты, идиот! — спокойно ответил Бастьен. — Они прибыли в Ле Бессет только вчера. Осмотри всё-таки лошадь, ты больше не узнаешь герб д'Апхер?

Пропала заносчивая улыбка молодого парня. И хозяйка также испуганно закрыла рот рукой.

— Вы хуже, чем бешеные собаки! — кричала девушка. Уходя, она яростно ударила

молодого в плечо, потом исчезла в доме.

— Антуан, убери собаку! — приказала хозяйка. Юноша схватил животное за ошейник и дёрнул назад.

Томас проигнорировал руку, которую ему протянула хозяйка, и стремительно встал на ноги.

— Пожалуйста, извините, месье, — сказала хозяйка. — Пойдёмте в гостиницу. За плохие манеры моих сыновей я должна вам вино.

У Томаса было сильное желание отклонить её просьбу, но, вероятно, действительно было неплохо, что женщина была ему обязана. Он едва кивнул и последовал за ней. С порога юноша бросил взгляд назад. Трое мужчин всё ещё стояли там, теперь он видел сходство в их чертах. Три брата.

Пьер сопел и презрительно сплёвывал.

— Наш трус снова должен был всё знать, — бросил он Бастьену. Тот стал на мгновение бледнее. Правую руку он не мог сжать в кулак, но на левой костяшки были белыми. Казалось, воздух между ним и Пьером трещал как перед грозой.

«*Два волка, которые противостоят друг другу с вздыбленной шерстью на затылке*», — подумал Томас. Мгновение он был уверен, что станет свидетелем другой драки.

Потом Антуан перешёл на сторону лысого, и Томас понял, что здесь Бастьен имеет дело с двумя противниками. И не существовало никакого сомнения в том, что он проиграет своим братьям. Томас почти мог ощущать бесчувственную ярость Бастьена на своём теле — жар в груди и комок в горле, которые он мог хорошо чувствовать сам. Всё в нём настаивало на том, чтобы встать рядом с Бастьеном. Но *погонщик* уже повернулся на каблуках и пошёл прочь с поднятыми плечами.

Таверна была сырым, но уютным местом. На полке позади стойки выстроились в ряд тарелки, пузатые кувшины стояли готовые к тому, чтобы вечером наполниться. Над плитой — гигантским очагом, висели над дровами несколько кастрюль, сушились связки трав, и также витал устойчивый аромат пряного сыра и мяса, который обосновался в покрытом жиром граните. И в углу с распятием стояла маленькая, но необычная фигура Божьей Матери: она едва была величиной с ладонь и чёрная, но над её сердцем переливались перламутровые лилии.

Мадам Хастель выжала в холодной воде тряпку и подала её Томасу.

— Пожалуйста, извините ещё раз, месье, — говорила она, наверное, уже в двадцатый раз. — В такие времена мы особенно хорошо должны оберегать наших девочек. Здесь, в окрестностях, много чужестранцев, с тех пор как жестокая бестия стала мишенью за вознаграждение. Некоторые приходят даже из Испании, чтобы охотиться на животное. Но я должна добавить, мои сыновья иногда уже... ну, да... немного вспыльчивые.

— Немного? Меня удивляет, что гости мужчины вообще ещё осмеливаются появляться в таверне.

Госпожа Хастель засмеялась, но это был осторожный смех.

— Если бы у вас была такая прелестная сестра, вы бы это поняли. Всё же, что привело вас к нам так рано?

— Я ищу проводника. Я должен идти в Бесьер. Бастьен может проводить меня?

— Когда?

— Ну, лучше ещё сегодня.

— Сожалею, он не пойдёт. Сын должен ещё доставить инструмент для стекольной мастерской. И на обратном пути он привезёт битое стекло для приманки волка к замку Бессет.

— А завтра?

Госпожа Хастель взяла сюртук Томаса и со знанием дела рассматривала прореху в плечевом шве, потом схватила иглу и нитки.

— Здесь он по дороге в Менде, месье. Сын должен многое делать. Бастьен охотно соглашается на длинные маршруты, которые приносят большие деньги, и ночует по дороге в горных хижинах. Иногда он в дороге целыми неделями.

«Вероятно, ему лучше в дороге, чем рядом с Пьером», — подумал Томас. «Ничего удивительного».

— Мадам Хастель? Пожалуй, это невежливо, но я могу спросить, что произошло с рукой Бастьена?

Хозяйка вздохнула.

— Ах, это не тайна. Мои старшие сыновья были на войне, только война пощадила Антуана. Бастьена после ранения отпустили, он пришёл домой три года назад. Пьер вернулся только год назад. Я благодарю Бога, что он снова вернул обоих сыновей живыми.

Только здесь, в центре провинции, Томас понял, как всегда он был далёк от войны в Версале. Конечно, юноша видел инвалидов войны и вдов. Но, если быть честным, то Ауврай воспринимал потери почти только в виде заштрихованных линий на географической карте — колоний, которые падали одна за другой в Англии.

Мадам Хастель подняла свой бокал с вином.

— За мирные времена, месье, — вино было скорее соком. Оно имело сладкий и черничный вкус, при этом немного пахло затхлым погребом.

— Что вы всё-таки хотите точно в Бесьер? — снова начала хозяйка. — Увидеть там бестию?

— Нет, я хочу попасть к женщине, которая с ней боролась. Мне нужна информация.

— О нападении? Госпожа Йуве уже всё точно сообщила.

Томас поднял сумку и достал несколько газетных полос.

— Речь идёт немного о другом. Посмотрите, здесь: до сих пор животное изображалось только лишь по слухам, таким образом, возникло правильное сказочное животное. Ничего удивительного: если вы попросите десять художников написать потрет человека, который описывается только словами, тогда у вас окончательно появятся десять портретов разных персон. И, вероятно, ни у одного портрета не будет сходства с реальным человеком. Но если госпожа Йуве расскажет мне, что видела, и я тем временем смогу рисовать и корректировать по её сведениям, тогда возникнет точная картина этого фантома.

Мадам Хастель бегло взглянула на листы.

— Вам не помогли люди в Сог? Однако по соседству живёт малыш Портфе, который тоже боролся против животного.

Эта новость чуть снова не испортила Томасу настроение. «Похоже, я обнаружил, что на самом деле меня намеренно отправили в город на оставшуюся часть дня».

— Очевидно, люди охотнее оставляют свои знания для себя.

Мадам Хастель кивнула.

— Да, мы стали осторожными. Так много страха и смерти, так много безуспешных охот кроме затоптанных полей. Поэтому неудивительно, что люди больше не разговаривают по-

доброму с чужестранцами, — она сделала последний стежок и откусила нитку. — Но, вероятно, я смогу немного возместить вам удар кулаком: сэкономьте время и идите вместо этого в Ноцайроллес, это тут же, следующая деревня за замком. Вы найдёте её без проводника. Спросите там о мужчине по имени Федрин. Он преследовал чудовище и, даже подстрелил. И его соседка видела бестию на опушке леса. Скажите, что вас послала Тереза Хастель и тогда вы узнаете всё, что хотите.

Гнев на сыновей мадам Хастель тут же рассеялся.

— Этим вы спасаете мой день, мадам!

Хозяйка пожалала плечами и собрала свои швейные принадлежности.

— Вы ведь знаете пословицу: гостиница знает всё.

— И, похоже, это ценят не только проезжие? Граф д'Апхер тоже был здесь в гостях?

Хотя услужливая улыбка мадам Хастель не исчезла, но застыла, как будто её коснулся морозный ветер.

— Молодой *сеньор*? О нет, никогда!

Мадам Хастель не была женщиной, которая умела хорошо скрывать свои чувства. На её лице отчётливо проявились отвращение и презрение, когда женщина упомянула молодого графа. Решительным жестом она встряхнула заштопанный сюртук и подала Томасу.

Томас понял намёк и поднялся. Пока он снова надевал сюртук, то украдкой наблюдал, как хозяйка убирала кувшин и кубки.

— Тогда до свидания, мадам.

Госпожа Хастель едва ему кивнула.

— Прощайте. И большого счастья вам в ваших розысках.

Томас медленно пошёл к двери. Теперь он учился на доводах дю Барри: иногда нужно просто придерживаться положения вещей, чтобы узнать, был ли он правдив. Поэтому юноша ещё раз повернулся на пороге.

— Один последний вопрос: сестра графа, мадемуазель д'Апхер, которую слушает кобыла — как её зовут полным именем?

Хозяйка поднялась.

— Вы не знаете?

«Сестра. Однако».

— Меня ей ещё не представили.

Госпожа Хастель заметно медлила.

— Изабелла, — сказала она, наконец. — Изабелла Юстина Жозефина д'Апхер.

Глава 12

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Хозяйка многого не обещала. Голова всё ещё гудела от новых впечатлений: крестьянская хижина, где Томас провёл вторую половину дня в обществе куриц, входящих внутрь через открытую дверь. Любопытные взгляды детей, которые пищали от восторга, когда он изобразил для них осла. Пряный травяной вкус хлеба с паштетом и важные движения хозяина дома, когда тот вырезал перочинным ножом в пироге крест, прежде чем распределил еду семье и гостю. Но прежде всего зверь, который пробуждался к жизни на бумаге, и его очертания снова корректировались по бойкому живому описанию обоих очевидцев.

— Нет, нет, морда была короткой как у волка! И широкий череп.

— Здесь ещё чёрную линию на спине, и живот был светлым.

— Хвост длиннее и тоньше, чем у волка и загнут вверх. На конце он был белый. И зверь передвигался как кошка.

— Ну вот, он как бы напоминал волка, но я клянусь вам, месье, это был не волк.

Томас почувствовал запах чадающих факелов ещё до того, как въехал во двор. Очевидно, возвратилась команда охотников и, кажется, удача достойна праздника. Столы были вынесены. Жаркое из кабана дымилось на больших оловянных тарелках, егеря и охотники с чарками в руках стояли у огня. И на телегах лежали окоченевшие тела, серые и тёмно-рыжие, с густым мехом. Адриен и несколько других людей тащили первых волков. Томас спрыгнул с лошади, сунул поводья в руку первому попавшемуся конюху и направился к ним.

Затаив дыхание, юноша подбежал к Адриену.

— Поймали зверя?

Батрак выпрямился и с ухмылкой присвистнул.

— Кто тебя так поколотил? По крайней мере, речь шла о женщине?

— Не испытывай меня, как прошла охота?

Адриен невозмутимо укладывал на ходу следующее животное.

— Никакой бестии, но многие из них там. Живо помоги мне!

Томас подошёл к телеге и взял волка за передние лапы. Вместе они тяжело опустили животное на землю. Адриен благодарно ему кивнул и продолжил выгрузку. Через несколько минут все волки лежали на земле в ряд. Слуги уже сооружали деревянные каркасы, чтобы позднее развесить на них шкуры.

Батрак вытер руки о свои брюки.

— Хорошая работа, да? Собаки выследили большую стаю.

Томас осмотрел туши. Там были животные, которые действительно не походили на зверя с его рисунков. Сейчас, когда он точно рассмотрел волков, они вызывали у него досаду. Это были великолепные особи; зарево костров блестело в их потухших, жёлтых глазах, белоснежно светились безупречные клыки.

— Вы выдели бестию хотя бы вдалеке?

Адриен сплюнул и покачал головой.

— Нет, по крайней мере, пока я был на охоте. И твой месье Антуан с господами д'Энневаль вцепились друг другу в волосы. Если ты меня спросишь, то эти высокомерные норманны не будут долго в команде, — он подмигнул служанке, которая подошла с кувшином вина. — Что, *Thomé* (прим. пер.: Том), выпьем?

Это вино не было соком, Томас почувствовал, как оно сразу ударило в голову. Несмотря на приятную тяжесть, которая распространилась по его телу, юноше стало беспокойно. *Изабелла*. Снова и снова он повторял в мыслях её имя. И сейчас оно гулко раздавалось в его груди как призыв глубокой, тёмной тайны, которая, даже на несколько секунд вытеснила бестию.

— Скажи, ты знаешь Изабеллу д'Апхер? — спросил юноша едва слышно.

— Не знаю, о ком ты говоришь.

— Не рассказывай мне сказки, Адриен. О сестре графа! Почему здесь никто из слуг не говорит о ней?

Адриен сощурил глаза и осмотрелся, как будто бы хотел удостовериться, что никто не подслушивает.

— Граф этого не любит.

— Почему, что с ней?

— Странная история, — шепнул ему Адриен. — Несколько недель назад она была в гостях у мадам де Морангез. Я только знаю, что недалеко от замка девушка упала с лошади. С тех пор её больше никто не видел, — он ещё ближе склонился к Томасу, — предполагается, что Изабелла путешествовала, но некоторые говорят, что графиня была в монастыре, потому что при падении была ранена и ужасно обезображена. И другие говорят, что якобы она сошла с ума. Но ты знаешь всё это не от меня, ясно?

Перед Томасом возникла новая картина: Изабелла д'Апхер — буйно помешанная сумасшедшая, которая была в течение дня закована в кандалы в своей постели, пока мадам де Морангез и аббе непрерывно читали ей святые молитвы. Но это видение вообще никак не подходило к хрупкой, запуганной девушке в его руках.

Во дворе звучали крики и грубый смех. Томас осмотрелся и увидел Эрика де Морангеза со своим отцом. Граф д'Апхер стоял рядом с ними.

— *Vivons à nos femmes, à nos chevaux et à ceux qui les montent, vive la cavalerie!* (прим. пер.: Выпьем за наших жён, лошадей и тех, кто в пути! Да здравствует кавалерия!) — сказал де Морангез. — Мы выпьем за наших женщин и наших лошадей — и их всадников. Да здравствует кавалерия!

Д'Апхер с трудом выдавил вежливую улыбку за этот грубый тост, потом направился к волкам.

Адриен опустошил свой бокал в один глоток.

— Ещё по одной, Томе?

Томас покачал головой.

— В следующий раз, Адриен.

Маркиз д'Апхер поражённо поднял брови, когда увидел повреждённый глаз Томаса.

— Ох, по крайней мере, вы нашли свою трёхцветную фиалку! Я надеюсь, ваша экскурсия была также успешной и в остальном?

— Абсолютно. Спасибо за лошадь!

— Что с вами произошло?

— Только недоразумение. Местные жители здесь довольно непосредственные...

— Я должен был вас предупредить. Но не воспринимайте их дурно, люди в этих провинциях с дикой кровью. Вы знаете, что они потомки Арвернов? (прим. пер.: кельтское племя в современном французском регионе Овернь) Это было гальско-кельтское племя воинов, в здешних краях они назывались *Габалы*. Когда-то их вождь Ферцингеторикс возглавил большое восстание галлов против Юлия Цезаря.

«Да, действительно варвары», — подумал Томас. — «К тому же я, в самом деле, растянулся возле Пьера, что совершенно не так уж и неправильно».

— И? — граф жестом обвёл всех волков. — Что говорит зоолог?

Это было самым лёгким заданием за день.

— Обычные серые волки, которые находятся также в Испании и Италии, некоторые из них немного больше, чем средняя величина этого вида. И как я вижу, ни одно из животных не носит шрамы старых огнестрельных ранений. Это также говорит против бестии.

— Ну, это станет первым показателем, когда мы будем исследовать их желудки на человеческие останки. И большой серый волк убежал от нас, но всё-таки мы его подстрелили.

Д'Апхер сделал глубокий глоток и медленно обошёл ряд животных, рассматривая каждого отдельно. Томас следовал за ним. При этом он украдкой разглядывал профиль графа и пытался представить, как именно выглядит Изабелла. «Или выглядела перед происшествием?» В зареве костров возникла картина нежной женщины с каштановыми волосами, тонким лисьим лицом и светлой кожей, невысокой, прекрасной и очень отчаявшейся. «Только что с ней случилось? И почему брат не замечает её печаль?»

Д'Апхер внезапно остановился и склонился над волчицей. В этот раз тень тоже так быстро упала на его лицо, что Томасу показалось, будто он видит перед собой совсем другого мужчину. Носком сапога граф приподнял переднюю лапу волчицы. Юноша заметил, что левая лапа отсутствовала.

— Вы понимаете, что это значит? Любовные чары! Один из слуг только что отрезал лапу, пока никто не видел. Мазь из костного мозга левой лапы заставляет женщину сгорать от любви. Против температуры крестьяне едят хорошо засоленный глаз волка. И если у детей болят зубы, они получают погремушку, в которую вставлен клык.

— Вы хорошо ориентируетесь в народных поверьях и обычаях.

Казалось, это был не тот комплимент, который граф охотно бы услышал.

— Если я что-то и выучил у своего отца, то только одно: я могу только оценить привычки и образ мыслей, которые знаю. Они исследуют флору и фауну, я изучаю моих крестьян и арендаторов, чтобы быть лучшим *господином*.

— Конечно. Тогда вы тоже говорите на этом крестьянском языке — окзитанском?

— Этой речи язычников? Совершенно определенно нет!

В его взгляде было что-то, что художник не знал, как объяснить. Может быть искра гнева, вызванная воспоминанием.

— Не поймите меня неправильно, Томас. Я ценю людей из этой местности. Но они как вулканы, снаружи кажутся неподвижными, но внутри бурлит горячая кровь. И их подсознательная склонность к языческим богам — это настоящая проблема.

— Я был сегодня в гостях у крестьян и познакомился только с благочестивым домом.

Молодой граф иронично рассмеялся.

— Естественно, они не выставят это на показ, но всюду в лесах и горах вы найдёте маленькие храмы, сложенные из камней. Там крестьяне оставляют подарки матронам — трём женщинам судьбы, которые должны приносить плодородие полям и счастье людям. Ну, епископ напомнил народу хорошую причину, по которой их бог будет виновен. И я также сделал бы всё, чтобы окончательно изгнать языческие суеверия из голов людей.

Его черты стали какими-то угрюмыми и жёсткими, что старило графа. Внезапно на душе Томаса стало неприятно, и нежная Изабелла д'Апхер казалась ему ещё беззащитнее. «*Во сне она говорила по окзитански*», — подумал он. — «*Не поэтому ли её брат не хочет ничего о ней знать?*»

— Но достаточно этого. Они и, правда, должны думать, что вы приземлились в зарослях.

Томас остерегался произносить вслух, в противоположность доводам дю Барри, но охотничий праздник действительно выглядел как древний ритуал: мужчины во дворе кричали тосты, казалось, что красные охотничьи униформы пылали в свете огней. Слуга принёс из сеней волынку и играл грубую, быструю мелодию.

— Нет, я только оказался в новом мире, — обворожительно ответил юноша. — Месье д'Апхер? Я могу попросить вас о помощи? Очень важно — для естествознания месье де

Буффона.

— Позвольте угадать, вам нужна моя лошадь для дальнейших экскурсий?

— Да. И вы могли бы убедить месье Антуана в том, что я должен несколько дней квартировать с охотниками в деревне? Мне обязательно нужно время... для моих научных исследований, — что не совсем было ложью.

Граф одобрительно кивнул.

— Вы волнуетесь за своё дело, Томас, мне это нравится.

Искры разлетались в фиолетово-синем небе. Юноша следил за ними до тех пор, пока как казалось, они не касались звёзд, которые сегодня нисколько не выглядели дальними.

Потом краем глаза Томас уловил движение. За одним из окон башни, в библиотеке стояла фигура. Мужчина мог только видеть силуэт, но даже на таком расстоянии он узнал длинные, кудрявые волосы.

Юношу не заботило то, что слуга удивлённо смотрел ему вслед, когда он взбежал по лестнице к библиотеке и, задыхаясь, понёсся в кабинет. Томас не ошибся. На столе среди бумаг стоял подсвечник со свечами. Художник развернулся и пытался что-нибудь различить в темноте. Где-то позади полочка дрожала слабый свет.

— Мадемуазель д'Апхер? — сказал он в тишине.

Был слышен шелест ткани, потом то, как шлейф скользнул по корешкам книг. Затем закрылась дверь. Томас бросился туда. В самом конце он действительно обнаружил дверь, хорошо спрятанную между двумя стеллажами с покрытыми пылью произведениями Шекспира. С бьющимся сердцем юноша положил руку на дверную ручку. Определенно, должно быть вино заставило его забыть все манеры.

Но дверь уже распахнулась. В каморке у окна стояло кресло. На нём было расстелено тёмное шерстяное одеяло, брошенное складками, как будто кто-то неосмотрительно стряхнул его с плеч. На столике рядом с креслом в чашке дымилась горячая жидкость, рядом лежали две книги. Терпкий запах лекарственных трав смешивался с ароматом фиалки. Она действительно жила в башне как ведьма из истории Дидо. Рядом с креслом находилась следующая межкомнатная дверь, которая, по всей видимости, вела в настоящую комнату. Томас на цыпочках вошёл туда и прислушался. Тишина была такой густой, что стучала в ушах. Но что-то говорило ему, что за этой дверью кто-то также напряжённо прислушивался, как и он сам. Томас осторожно постучал.

— Мадемуазель?

С торопливым защелкиванием в замке повернулся ключ, потом снова тишина. Рассудок твердил ему, что нужно немедленно вернуться назад, что он уже слишком далеко зашёл. Однако сегодня слушать разум было невозможно. Взгляд упал на одну из двух книг. «*Contes de fees*» — «Сказки». Но ещё была другая книга, которая также магически притягивала его как невидимое присутствие мадемуазель Изабеллы: «*La jeune Américaine et les contes marins*» — «Молодая американка и сказки на озере».

Он взял её со стола и раскрыл. К его разочарованию, там совершенно не говорилось об Америке. Это были только сказки, которые записал анонимный автор во время своих путешествий. Округлым почерком там была сделана дарственная надпись:

*«Для моей маленькой красавицы,
поцелованной Мадонной»*

и волшебнице гор»

Засохшая незабудка лежала между страницами истории как закладка, которая называлась «*La Belle et la Bête*». «*Красавица и чудовище*». Он даже знал эту историю, которая была популярна у дам и рассказывала о девушке, которая покинула отчий дом, чтобы заплатить долг отца. С того времени она должна была жить в замке с чудовищем в дикой местности. Почти как здесь. «*Но кто чудовище в этом замке?*» Он уставился в одну точку.

«Животное спросило красавицу, желает ли она с ним спать. Она издала вопль и закричала.

— О, небо, я пропала!

— Совсем нет, — спокойно возразило чудовище. — Всё же ответь мне без страха, скажи чётко, да или нет.

Дрожжа, красавица возразила.

— Нет, зверь».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что вы здесь ищете?

Томас обернулся и натолкнулся на стол. Лекарство в чашке расплескалось, книга со сказками упала на пол. Мадам де Морангез заполнила собой дверной проём как ангел мести.

— Простите, я... думал, что комната тоже принадлежит к библиотеке.

— Вы ошиблись! — ответила графиня с резким порицанием. — В эту часть башни вы попали случайно. Вам это говорили?

Томас старался сохранить самообладание. Только сейчас он заметил, что инстинктивно спрятал вторую книгу за спиной.

— Нет, к сожалению, нет, мадам. Извините. В будущем я стану чётко придерживаться запрета.

— Хочу надеяться! Это ваша книга на полу? Покажите её мне!

Сопrotивляться было бесполезно. Томас опустился на колени и поднял сборник сказок, но ещё твёрже ухватил за спиной книгу об американке. Дама выхватила книжку из его рук и обвиняющее держала её перед носом юноши.

— По-вашему это нужно было тащить в мой дом?

Томасу стало жарко от воспоминания того, что ему приказывала повариха. «*Никаких историй о волшебницах и ведьмах*». Если он сейчас скажет, кому действительно принадлежит книга, то у мадемуазель д'Апхер будут проблемы.

— Я нашёл это случайно. Позади других книг. Кто знает, как долго она там уже стояла. И я как раз хотел поискать для неё другое место, по возможности подальше от «*Жития святых*», где она действительно не потеряется.

«Как это называется в Версале? Три раза «Отче наш» за ложь и водка за лицемерие».

— Для такой халтуры в моей библиотеке нет места, — с отвращением возразила мадам де Морангез. — Вы только заманиваете в сердце дьявола и создаёте новые грехи. И ещё хуже: вы подвергаете восприимчивые души безумию, — она так яростно и судорожно вцепилась в сборник сказок обеими руками, как будто должна была помешать тому, чтобы слова оторвались со страниц, улетели и заползли ночью в уши христианам как паразиты. —

Теперь уходите! — прикрикнула она на Томаса.

— Слушаюсь, мадам.

Это был эквилибристический трюк: кланяться и пятиться так, чтобы была возможность пронести мимо книгу об американке. Дама достала ключ и закрыла последнюю дверь между ним и мадемуазель д'Апхер.

К этой ночи он подготовился заранее. На ночном столике громоздилась стопка запасных свечей. Это было трудно, постоянно не прислушиваться к ночным шагам в коридоре. Томас заставил себя снова сконцентрироваться на своих заметках, которые лежали разбросанными на топчане.

Его бестия выглядела намного реалистичнее, чем на крикливых портретах в газете. Она была больше чем волк, с широкой грудью и косматой шерстью и, кроме того, с широким черепом. Лапы были покрыты густой шерстью, когти длинные и порядком смещённые, уши острые и прямые, и хвост действительно как кошачий. *«Насколько много экземпляров этого вида с собачьими повадками живут в лесах? И откуда они приходят?»*

Его взгляд упал на планы, которые он как раз скопировал. По два охотника в следующие дни в каждом стратегически важном пункте использовали район между тремя горами; в общей сложности Томас выделил семь засад. Он обвёл последние три:

«Господа Думоулин и Делион: квартира в Пулак-эн-Маржерид»

«Боннет и Лакост: квартируют в Ноцайроллес»

«Пелиссир, Лахенай и Томас Ауврай: квартира в Ла-Бессер-Сен-Мари, в гостинице «Белая Корова»

Вероятно, мадам Хастель не будет в восторге от того, что под её крышей будет сразу трое мужчин.

Он не погасил свечу, когда вытянулся на топчане и попытался спать. Сегодня ему также долго не удавалось заснуть.

Это было как погружение в водоворот из спутанных картин. Искажённые от злобы черты Пьера появлялись и становились лицом Армана. И неожиданно он сам был на месте Бастьена, незащитный и находящийся во власти старшего брата. Он не знал, был ли это гнев Бастьена, который юноша чувствовал, или всё-таки его собственный. Гнев, который как он думал уже много лет, был глубоко закопан в его сердце. *«Я знаю это, Томас!»* — шептал Арман, полный ненависти. — *«И никогда не забываю!»*

Он вскочил, тяжело дыша. Сборник сказок скользнул с топчана и раскрылся на полу — на сказке о Красавице и Чудовище, в этот раз в начале истории. Место было неоднократно подчеркнуто нервными размахами. Чёрными чернилами!

«В то же самое мгновение она различила страшный шум и увидела бросившегося к ней такого страшного зверя, что почти потеряла сознание»

Под этими словами в глаза бросался рисунок, на котором девушка, наверное, изобразила деревья, которые были расположены кругом. Под одним из них громоздились круглые предметы. Рядом стояли несколько слов на этом чужом, окситанском языке. И как будто было ещё недостаточно варварски размалевать книгу, шрифт был таким ужасным и

неуклюжим, словно по ней прошелся кто-то нервнобольной. Или как будто это действительно написала помешанная. Но ещё более шокирующим был дилетантский рисунок, попавшийся ему на следующей странице: пасть, в которой друг за другом в ряд располагалось бесчисленное количество клыков. Это выглядело почти как челюсть акулы. У адского существа были длинные светлые волосы, и глаза, которые, казалось, пылали как раскалённые угли. На этот раз рядом с искажённым каракулями лицом было написано на французском языке:

*«Святая Дева, защити меня!
У зверя есть имя!»*

Глава 13 **ТАЙНА**

Над страной нависла выжидающая тишина. Мрачные мысли были пронзительным хором, который стоял у Томаса в ушах. Бестия не схвачена. Мясные приманки были отравлены рвотным орехом и напичканы битым стеклом, и в лесах расставлены новые капканы. Томас обсуждал с охотниками планы охоты и раздавал снаряжение и оружие, но в мыслях он был с мадемуазель д'Апхер. Вечером юноша играл с её братом в шахматы, но граф ни словом не упоминал свою сестру, хотя Томас искусно пытался сменить тему, чтобы поговорить о ней.

В своей жизни Томас часто восторгался, но как это бывает, когда ярким пламенем сгораешь за дело, с тех пор как закончил последний штрих портрета зверя, он окончательно знал одно. И как в сказке, рядом с бестией появился следующий вид, который больше его не отпускал: красавица с обезображенным лицом, судьба которой, кажется, была связана с судьбой монстра. Однако когда по ночам он прокрадывался в коридор или ждал поблизости от библиотеки, то никогда её не встречал.

Но однажды утром он заметил, что его записи на столе лежали иначе, чем он оставил их ночью, как будто кто-то тайком их изучал. Для этого Томас положил следующий лист:

«Уважаемая мадемуазель д'Апхер,

Простите мою бесцеремонность, но я хотел бы попросить вас о непродолжительной беседе. Если вы не хотите говорить со мной лично, я был бы также благодарен за письменный ответ. Речь идёт о бестии. Конечно, строго на службу науке. Мне кажется, что у вас есть информация, которая может быть бесценной. Кроме того, я с удовольствием возвратил бы вам вашу книгу лично.

Ваш преданный слуга, Томас Ауврай».

На следующее утро кто-то снова привёл документы в беспорядок, но когда Томас с бьющимся сердцем отодвинул охотничий план, то обнаружил, что его письмо лежало скомканное на земле.

Граф д'Апхер сдержал слово. После того как последние охотники переехали в свои деревенские квартиры, месье Антуан также согласился с замыслами Томаса. Через полчаса после этого Томас перенёс свои немногочисленные пожитки из каморки и вышел во двор.

Как всегда он замедлил шаги и обыскал взглядом окна, в надежде обнаружить графскую дочь. Однако сегодня он также был разочарован.

Недавние гости давно отправились в путь, конюшня была пустой, нигде не было видно никакого конюха. Сивая кобыла, кажется, была не в восторге от того, что Томас седлал её сам. Она прижимала уши и высоко вытягивала голову, что ему не оставалось ничего другого, как самому управляться с седлом. К сожалению, он никогда раньше не седлал лошадь сам. Стремя ударило его по лбу, когда Томас втянул голову в плечи и повис на руках на подпруге. Он твердо закрепил её неопытными руками и как раз хотел схватить своё снаряжение, когда заметил какое-то движение. И хотя его сердце сразу начало сильно биться, голове понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он увидел пистолет. В худой женской руке.

Томас медленно выпрямился. И оружие следовало за ним также медленно.

— Сначала вы украли мою книгу, и сейчас значит ещё и мою лошадь?

Её голос был тихий, но ничем не напоминал о прерывистом нежном шепоте той ночи. Томас узнал только вибрирующий страх, который был как вторая едва слышная мелодия.

Изабелла д'Апхер была ростом меньше, чем высокая Жанна. Она вынуждена была поднять подбородок, чтобы смотреть ему в лицо. В тени её капюшона он мог видеть только левую половину лица. Все картины, которые Томас рисовал себе о ней, разбились как стекло. И было странно, что с ним это так происходило, как будто бы он никогда не представлял себе ничего иного: в пыльном освещении светились рыжеватым цветом карие глаза — тем же самым цветом, который он видел у лисиц. Кудрявые волосы, которые она сегодня собрала в длинную свободную косу, падали на её грудь. Коса была такой же чёрной как пальто девушки и траурная одежда. Цвет её лица казался темнее, чем у дам в Версале. И, тем не менее, видимая для него часть лица была неприступной дикой красоты, которая поразила его в сердце. *«Девушка-ворон»,* — подумал он. — *«Сейчас её траурная одежда превратится в крылья, и она отсюда улетит. Или бросится на меня и выключит мне глаза».*

— Ваш... брат одолжил мне лошадь.

«Очень умно, Ауврай! Это все, что пришло тебе в голову?» К сожалению, он не нашёл подходящих мыслей, так сильно девушка сбила его с толку. Несколько секунд они только молча рассматривали друг друга, кроме того, Томас заметил детали: что пистолет был не заряжен и серебряная инкрустация герба д'Апхер, казалось, блестела, потому что рука Изабеллы слегка дрожала. Скорее всего, она хотела защититься от него, чем угрожать. Он поймал себя на том, что улыбается, хоть его улыбка и осталась без ответа. Только оружие опустилось.

— Только ничего себе не воображайте, — прошептала она, и Томас сразу понял, что девушка имела в виду ночную встречу. На мгновение они опять были близко друг к другу. И как ни парадоксально, он ничего не желал так сильно, как вновь шептать ей на ухо, что всё будет хорошо, и что она ничего не должна бояться.

— Я ничего такого не воображал, — так же тихо ответил Томас. — Вы плохо спали, и я только хотел помочь вам, мадемуазель.

— Я выглядела так, как будто нуждалась в помощи?

«Честно говоря, да. Вас настигло что-то ужасное». Но в этот раз парень поостерегся отвечать на это.

Шум в задней части конюшни заставил их испуганно вздрогнуть. Конечно, она была здесь тайно. Только небо могло знать, как девушка улизнула от цербера — мадам де

Морангез. Когда Изабелла ненадолго повернулась, он обнаружил на её шее широкую чёрную шёлковую ленту, которая доставала ей до подбородка. Какая травма могла за этим скрываться?

Она прикусила нижнюю губу и, казалось, напряжённо размышляла. Потом её взгляд упал на седло. Она насторожилась.

— Подойдите сюда и оставьте мою лошадь!

Томас помедлил, но потом повиновался. Изабелла подождала, пока расстояние между ними не станет достаточно велико, потом спрятала оружие под пальто, проскользнула к своей лошади и расстегнула подпругу. Вначале Томас подумал, что она снова хочет расседлать животное, но затем испытал следующее потрясение: привычными движениями она передвинула седло и взнуздала лошадь. Окончательно смутившись, он наблюдал за её проворными руками, которые были такими же умелыми как руки конюха. *«Извращенный мир»*, — подумал он. — *«Хозяева, которые избивают своих гостей, дамы, которые размахивают пистолетами и седлают лошадей»*.

Ошарашено он пристально смотрел на неё. Естественно она это заметила и бросила ему опущенной головой быстрый взгляд через плечо. И снова выражение её глаз было для него как маленькая острая шпилька, которая заставила сердце Томаса биться быстрее.

Он сглотнул. *«Факты, Ауврай! Спрашивай у нее о письме!»*

— Вы просмотрели ночью мои документы...

— Ну и что? По крайней мере, я не краду книги.

Она снова заткнула его за пояс. Это было не часто, чтобы его метили как вора.

— Я написал вам, что возвратил бы книгу, — энергично сказал он. — Вы же всё-таки прочитали моё письмо? Перед тем как его скомкали и выкинули, я прав?

— Разумеется, — ответила девушка и насмешливо добавила: — *«Ваш преданный слуга, Томас Ауврай»*. С этим подхалимством вы точно правильно находитесь возле моего брата.

Он почти испытал облегчение, что теперь она только пряталась за своей насмешкой. Томас мог лучше обходиться с этим, чем с действительностью, которая по каким-то причинам совершенно выводила его из себя.

«Спрашивай ее, наконец, прежде чем она снова исчезнет!»

— Вы встретили зверя, я прав? Он вас ранил?

Изабелла д'Апхер быстро развернулась к нему. Он мог видеть, что она побледнела.

В этот момент Томас получил новый урок — эта девушка действительно не имела совершенно ничего общего с версальскими женщинами. Не носила маску и была для него тем же самым, что аборигенка колоний. И он понял ещё кое-что: маска была совершенно чем-то иным, чем тайна.

— Мне очень жаль! Я не хотел напугать вас, я ...

Девушка покачала головой, и в этот раз он понял, и замолчал. Загадка теплилась в её глазах, и сердце билось так долго, как будто они снова были близко друг к другу, только лишь разделённые темнотой.

— Почему я должна говорить об этом именно с вами? — спросила она беззвучно.

«Потому что я сделал бы все, чтобы прогнать ваш страх, Изабелла!»

Он откашлялся, чтобы его голос не был таким грубым.

— Потому что я хочу сделать всё, чтобы обезопасить всех от чудовище. И даю вам слово, что стану молчать обо всём, что вы мне сообщите.

— Это утверждает новый друг моего брата, — с горечью возразила она.

— Я друг вашего брата не более чем вы. Вы можете мне доверять!

— Я не могу никому доверять! — бросила она ему. Девушка резко развернулась к лошади и провела рукой по её светлой гриве. «*Как будто она ищет опору*», — подумал Томас. У него перехватило горло от того, что он увидел вспышку ее ранимости.

— Пожалуйста, верьте мне, — сказал он мягко. — Я вижу, что вас напугало что-то ужасное. Вы... изобразили кое-что в вашей книге. Вы встретили это существо, когда упали с лошади? Оно вас преследовало? И что вы вообще делали там снаружи перед замком?

— Танцевала голой вокруг камней матрон в лунном свете, что же ещё? Разве вам не сказали, что я помешанная?

И хотя она снова обращалась к нему, это было, как будто девушка второй раз захлопнула между ними дверь. Однако теперь от него было не так просто отделаться.

— У бестии есть имя, — сказал он. — Вы написали это под рисунком. Вы узнали этот вид животного? Я сделал рисунок, мы могли бы вместе рассмотреть его, и вы бы мне сказали...

Она тихо рассмеялась.

— *Вид животных*. Конечно, учёный ищет логическое объяснение. Но с этим вы здесь недалеко уйдёте, — к его удивлению, она снова вытащила пистолет, схватила его за ствол и подала ему рукояткой вперёд. — Что? Бойтесь оружия, Томас?

Хотя её интонация и была такой вызывающей, но его имя из уст девушки ощущалось как прикосновение. И тогда он посмотрел сам на себя так, как действительно брал оружие, просто потому что этот предмет был чем-то, что приближало его к ней и создавало связь. Тем временем, девушка вытащила сумку с боеприпасами и мешочек с порохом из-под своего пальто.

— Вот, возьмите это в деревню. В плане расквартировки стоит, что вы будете жить с двумя охотниками в «*Белой Корове*». Не потеряйте пули, они ценные — вылитые из расплавленных медальонов Святой Марии. И наш аббе благословил их.

— Вы... верите, что животное можно убить только освященным оружием?

Изабелла глубоко вздохнула.

— Это не *животное*!

Даже лошадь чувствовала её страх и нервно била копытом.

— Но что тогда это должно быть?

Она сглотнула и пристально смотрела вдаль, которая принадлежала только ей. У взгляда Изабеллы было что-то обречённое, как будто она попала в плен своих сновидений.

— Я этого не знаю, — тихо сказала она и так мучительно, что это резануло ему сердце. — Я не могу вспомнить, но знаю, что животное не разговаривает.

— Бестия... *говорила с вами*?

Он не знал, из какого места она заставила себя вернуться.

— Вы тоже мне не верите.

— Все свидетели определенно говорили о животном. И, конечно, никто не слышал, как оно говорит.

— Конечно, нет, — разочарованно прозвучал её ответ. — И это тоже неважно. Послушайте, хорошо присматривайте за моей лошастью. Никогда не ездите верхом по лесу, выбирайте дорогу в полях, это надежнее. И давайте пистолет только Мари Хастель или её матери, Терезе.

— То, что вы с Хастель...

— Я не должна вам никаких объяснений!

Это было как пощёчина. На несколько минут он действительно полностью забыл, что перед ним стояла аристократка, которая весьма осознавала своё положение. Но у него тоже была гордость.

— Строго говоря, я не выпрашиваю у вас одолжение. Кроме того: если вы итак уж мне не доверяете, как вы пришли к выводу, что я повезу оружие к Хастель?

— Вы едете туда. На моей лошади, если вы это забыли.

— И что вы хотите сделать? Заставить меня быть мальчиком на побегушках?

— А вы это планируете? — ответила она прохладно и скрестила руки. — Вы ведь хотите быть свободным для своих научных исследований. И рассчитываете на помощь моего брата. Но вы верите, что будете так же приятны Жану-Жозефу, если я расскажу мадам де Морангез, что вы беспокоили меня недавно ночью? Она даже была свидетельницей, как два дня назад вы пытались проникнуть в мои личные комнаты. И как вы думаете, чьё мнение примет особое значение для моего архи-католического брата?

Томас стоял с открытым ртом. *«Так отдаленно от темы «бедной, беспомощной девушки». Она не только Красавица, но также и чудовище!»* Он уже глубоко вдохнул воздух для возмущённого ответа, когда Изабелла неожиданно вздрогнула и поспешно отступила.

— Эй, Томе!

Адриен приближался с седлом на руке вдоль прохода. Изабелла д'Апхер немедленно втянула голову в плечи и ступила глубже в тень. Ни следа бывшего высокомерия. Она смертельно побледнела и прижала указательный палец к губам. Пожалуй, это была просьба, настоящая в этом жесте, которая позволила ему среагировать. Он повернулся и пошел на выход. Адриен остановился.

— Вынуждаешь меня к дуэли? Цель хороша, если ты видишь чудовище. Но бьюсь об заклад, месье Эрик и я будем быстрее.

— Я совершенно не знал, что ты ещё находишься здесь. Месье Эрик не уехал уже вчера?

— И я с ним, да. Но сегодня утром он вернул меня, чтобы я привёз его тёте письмо от епископа. Сейчас я поеду верхом в направлении Сент-Албан. Ты должен идти к *«Белой Корове»*?

— Разумеется.

— Тогда я часть пути проеду с тобой!

Томас ждал, пока Адриен подойдёт к растрёпанной коричневой лошади, потом отступил на два шага и всмотрелся в тень. Изабелла д'Апхер исчезла.

Замок лежал уже далеко позади, но Изабелла, казалось, всё ещё сопровождала его. Задумчивым взглядом он бродил по опушке леса и восстановил в памяти её неуклюжий рисунок — пасть зверя и круг из девяти деревьев. Томас пришпорил кобылу и неровной рысью догнал Адриена.

— Скажи, где д'Апхер нашёл сестру после происшествия?

Адриен засопел.

— Что ты постоянно суетишься с юной д'Апхер? Возле замка, я уже тебе говорил.

— Да, но где точно?

— На повороте перед воротами.

— Не в лесу? Ты уверен?

— Естественно я уверен. Это рассказал месье Эрик. И он нашёл её, наконец.

Томас вытаращил глаза.

— Де Морангъез?

— Да. Её слуга напрасно искал девушку в лесу. Месье Эрик прискакал вечером к замку и так сказать, споткнулся об неё на пороге. Но ты это тоже знаешь не от меня, ясно?

Томас кивнул.

— А Эрик что-нибудь рассказывал о её ранении?

Адриен засмеялся.

— Что врать и говорить лишнее. Он и мадемуазель почти обручены.

Для Томаса это было как удар в живот. Но, чего он собственно ожидал? Ей наверняка уже было шестнадцать, и была хорошая партия, и жизненный путь Изабеллы давно расписан. *«И даже если бы это было не так: почему тебя это интересует?»* И всё же, несмотря на это, воспоминание о высокомерной улыбке Эрика ухудшало настроение Томаса.

— Ты не веришь, что она встретила бестию, Адриен?

Работник искоса взглянул на него загадочным взглядом.

— Я дам тебе хороший совет: просто закрой рот. Я забуду, что ты только что говорил. Но остерегайся намекать кому-нибудь, что графская дочь могла бы быть грешницей. Она неудачно упала с лошади. Конец истории. Ты понял?

— Я... понял.

Сейчас обрывки формировались в логическую картину. Каждый, кого атаковала бестия, был опозорен, своим грехом он сам был виновен в несчастье. Так епископ Менде объяснил свирепость бестии. Поэтому граф должен был подавлять каждый слух. Если станет известно, что Изабелла стала жертвой бестии, то это был бы призыв населению нанести вред семье д'Апхер.

— Что ты ещё знаешь о графах д'Апхер? — хотел он узнать от Адриена. — Они должны что-то делать с Хастель?

— Что? Почему они должны? Мужчины Хастель считаются возмутителями спокойствия, про старого Хастель говорят, что он сын ведьмы. Ты не увидишь его сыновей в церкви. Жан Хастель однажды долго работал для старого графа д'Апхер как егерь. Но это было давно.

— А ты? Давно работаешь на месье Эрика?

— Три года. Я родом из Ланжак, но после войны обосновался в Сент-Албан. Вначале я был лесорубом, когда месье Эрик нанял меня на службу — вообще для своих собак, но я забочусь обо всём, что возникает.

— Так значит, ты тоже был на войне!

— Ну, покажи мне хоть одного, кого там не было! — Адриен придержал на перекрестке лошадь, на котором расходились их дороги, и указал на свой шрам. — Вот поцелуй пруссака, который подкрался сзади, — он зацепил пальцем уголок рта и показал Томасу, что у него отсутствует коренной зуб. — Выстрел попал прямо сюда. Немного выше и проклятый пруссак выбил бы мне глаз. Но девушкам моя подпорченная физиономия нравится больше, кто бы мог подумать? — он засмеялся и прищёлкнул, чтобы лошадь тронулась с места. — Ну, береги себя! — крикнул он через плечо. — Не попадайся у Хастель сторожевому псу, он может быть злым!

Две маленькие девочки близняшки с любопытством взглянули вверх от своих тарелок, когда Томас вошёл в зал для постояльцев. Бородатый пожилой мужчина, рядом с которым сидели девочки, вероятно, был трактирщиком. Томас узнал в нём седовласого мужчину, который недавно с винтовкой охранял детей пастушков у околицы. Своё оружие он прислонил позади себя к стене.

— Я — Жан Хастель, — представился он. — Эй, Тереза, наш третий гость тоже здесь! Неси ему суп! — половина его лица при разговоре оставалась почти неподвижной, пока он кричал своей жене.

— Спасибо, — Томас занял место. Пьер и Антуан всё-таки ему кивнули. *«Так что это здесь очевидно. Сначала тебя бьют, потом приветствуют»*. Мари застенчиво его разглядывала и скоро опять склонилась над своей тарелкой. Отсутствовал только Бастьен. А также тут не было обоих охотников, должно быть они ещё были в своей квартире.

Тут же перед Томасом на стол поставили суп из зелёной чечевицы и девочки близнецы, ухмыляясь, наблюдали, как он возился с деревянной ложкой. На первый взгляд они были едва различимы, но Томасу сразу бросилось в глаза то, что их носы были разные: у одной из девочек ноздри были немного сильнее изогнуты.

— Правда, что ты хотел поцеловать Мари? — неожиданно выпалила одна девочка.

Томас подавил ухмылку, когда увидел выражение лица Пьера.

— Ты в неё влюблен? — хотела узнать другая малышка.

— Дельфина! — прошипела Мари. Однако она так покраснела, что её веснушки запылали.

— Кто может наесться досыта, когда говорит, — крикнула от бара мадам Хастель. — Идите на улицу и займитесь козами! И ты, Мари, иди с ними.

Близняшки закатили глаза и скорчили гримасы, но после сурового взгляда своей матери медленно поднялись и последовали за своей сестрой к двери. Когда Томас на прощание украдкой им подмигнул, они захихикали и выбежали из комнаты. Качая головой, покрытой платком, хозяйка вытерла руки и исчезла в соседней комнате. Теперь за столом они были впятером, не считая тяжелого гранитного молчания. Томас рассматривал винтовку.

Это было охотничье ружьё с двумя разными по длине стволами. Предохранительная скоба была украшена насечками, изображающими розы и листья. Вокруг приклада были закреплены два латунных кольца, как будто однажды он был повреждён.

— Бастьен снова в пути? — спросил он в тишину.

— Где иначе? — прорычал Пьер. — Трус гуляет по горам, пока другие работают.

Томас ожидал, что отец одёрнет его, но Жан Хастель только пренебрежительно поднял вверх уголок рта. Однако не потому, что решение Пьера ему не понравилось. Это выглядело так, как будто втайне он с ним соглашался. Томас растерялся: Хастель не защищал своего сына!

Парень отложил ложку.

— Я познакомился с Бастьеном и совершенно не как с трусом. Почему его так называют в собственной семье?

— Как иначе можно называть людей, которые сами себя на фронте намеренно ранят, чтобы их отправили домой? — ответил Пьер. — Ты не видел, что он инвалид?

Антуан ухмылялся. Было сложно оставаться спокойным при таком сильном презрении. Но теперь Томас никак не мог кивать только из вежливости и ел дальше. Это было слишком

чудовищное обвинение против Бастьена.

— Людям, которые уклоняются от службы в войске, всё же, как правило, выносят обвинительный приговор. Может быть, Бастьен был в тюрьме?

— Этого ещё не хватало, — бормотал Жан Хастель.

— Но всё же кто-то должен был видеть собственными глазами, что он ранил себя самого и мог свидетельствовать об этом или нет? — настаивал Томас.

— Вряд ли. Так глупо, что он попался, — недовольно бросил Антуан.

— Ага. Тогда это совершенно не доказано. Или он рассказал об этом вам сам?

Антуан засмеялся.

— Он врёт. И хочет, чтобы все читали его героем, нашим королем мулов.

Томас был возмущён тем, что Хастель действительно в этот раз не приказал сыновьям остановиться.

— Я не верю словам о том, что он сам себе выстрелили в руку, — сказал Томас.

Деревянная ложка упала с глухим стуком на тарелку. Трактирщик повернулся к нему в пол-оборота.

— Мы обязаны принимать охотников у себя, прекрасно и хорошо, мы это делаем. Но семейные обстоятельства — это наше дело, ясно?

Томас чувствовал, как в его животе снова сжался гнев. Только теперь он понял, как был обречён Бастьен в своей собственной семье. *«Трое против одного. И один из них — это его собственный отец!»*

— Я могу хотя бы спросить, где охотники? — ответил он так же прохладно. — Месье Пелиссир и месье Лакхеней?

Хастель засопел и снова склонился над супом.

— Ну, ускакали час назад верхом. Сегодня зверь снова поймал женщину.

— Что? — вскричал Томас. — Где же?

— Бруссоль, — донеслось от Антуана.

Томас от души выругался. Он вскочил и схватил свою шляпу.

— Далёко до туда?

— Пара миль, это в церковном приходе Лорсьер.

— Один из вас сможет меня отвести?

Пьер со смехом фыркнул, и Антуан тоже ухмыльнулся.

— Я заплачу! — добавил нервно Томас.

— Что мы всё же ещё должны делать для господ охотников? — проворчал трактирщик. — Мы должны работать. Просто езжайте верхом на запад.

Было не только «пара миль», как утверждал Антуан. Когда Томас совершенно промок под летним дождём и, в конце концов, измученный, прибыл в Бруссоль, уже смеркалось. Издалека он увидел, что часть участников охоты собралась около деревни. Прямо сейчас расседлывались потные лошади. Судя по вытянутым лицам, охота снова была неудачной. Томас направил свою лошадь дальше к церкви, где несколько деревенских жителей собрались возле пастора, и спрыгнул с лошади.

— Я тоже принадлежу к людям месье Антуана, аббе, — крикнул он священнику. — Я могу увидеть умершую?

Священник удручённо кивнул.

— Отведите лошадь к другим, — крикнул он нескольким юношам, потом сделал знак

Томасу следовать за ним. Дорога вела по полям в направлении леса. Часть развороченной кирпичной стены стояла на половине пути, и даже сейчас, в дождь, Томас мог различить, что там происходила борьба. На камнях лежало сломанное веретено, пучки шерсти прилипли к шероховатой каменной стене, деревянный ботинок наполовину был погружён в лужу. И немного дальше, в отдалении, в направлении опушки леса, лежал покойник. Томас сразу снова почувствовал слабость в желудке. Под мокрым от дождя платком, который кто-то разложил над бедной женщиной, выделялось лежащее на боку тело. Опушка леса за ней была тёмной, чёрные дыры зевали Томасу навстречу из густого подлеска. Вероятно, где-то в этом лесу несколько собак людоедов подстерегали новые жертвы. *«И одна из них атаковала Изабеллу».*

— Охотники нам сказали, что мы должны оставить покойницу, — сказал пастор. — Но чудовище не возвращалось снова, и я просто прикрыл её. Бедная Маргерит!

Томас тоскливо кивнул.

— Что точно произошло?

— Сегодня утром она сидела здесь на стене и прядла шерсть. Её маленькая внучка была здесь же, она стерегла корову. Чудовище набросилось на Маргерит сзади. Она упала на землю, однако снова поднялась на ноги и хотела заслонить свою внучку, но зверь встал на задние лапы, поцарапал ей лицо передними лапами и опрокинул. Малышка всё это видела. К счастью, она смогла убежать, побежала к деревне и позвала на помощь. Но когда появились несколько мужчин, было уже слишком поздно.

«Встал на задние лапы?» Это было очень необычно. Как Томас знал из книг, волки и другие хищники кусали свою добычу сзади за ноги, чтобы сбить с ног.

— Девочка рассказала, как выглядело животное?

— Нет, малышка с трудом способна говорить. Но один парень преследовал бестию с винтовкой, пока она не скрылась в лесу, — пастор указал на просвет между двумя елями. — Мы можем теперь, наконец, перенести её в деревню? — он смотрел на Томаса с такой надеждой, что тот почти стыдливо покачал головой.

— Сожалею, но это разрешает только старший охотник. Я здесь только для того, чтобы осмотреть место происшествия.

— Ну, тогда не подходите слишком близко к опушке леса, месье.

Приходской священник повернулся и, тяжело шагая, направился к церкви, сгорбленный человек, который на своих плечах нёс страх всей деревни.

Томас остался с каким-то сомнительным чувством. Но ничего не помогало. Он должен был осмотреться, пока ещё не было темно. Юноша медленно пошёл через илистый луг на опушку леса. Хотя коровы затоптали большую часть следов, ещё можно было увидеть несколько отпечатков. След женской ноги за стеной — отпечаток башмака и голы ноги. Здесь она падала, там облокотилась рукой и коленом, чтобы снова встать на ноги. И в то же время: отпечатки лап!

Томас присел на корточки. Следы были гигантские и почти круглые. Отдельные скопления следов располагались беспорядочно. Отпечатки когтей были как вырытые отметки кинжала в земле. Вероятно, здесь животное упиралось задними ногами в землю. Он торопливо достал свою кожаную сумку. Она была смазана жиром и до некоторой степени устойчива к дождю, всё же несколько листов стали влажными. Но уголь не размазывался. Он достал заточенный угольный карандаш и набросал отпечаток в его натуральную величину. Потом измерил с помощью своей руки расстояние отпечатков лап и пытался точно

определить длину шага и прыжка. Зверь был мощным! Так Томас работал вдоль следов, пока они не потерялись у покойницы. Слишком много людей бегало здесь с момента нападения. Глубокие отпечатки деревянных башмаков делали другие следы нечёткими. Теперь он больше не обходил кругом, чтобы осмотреть труп. С бьющимся сердцем Томас подошёл к покойнице и глубоко вздохнул. Затем откинул мокрую простыню и заставил себя туда взглянуть.

Здесь ему представилась совсем другая картина, чем в госпитале Сог. Хотя вид тоже был ужасным, но эта старая женщина была не так жестоко изуродована как другие мертвецы. Она лежала на боку с закрытыми глазами, расслабленный кулак покоился на её ключице. А левая щека была сильно изуродована. *«У бестии есть когти!»* — шокировано подумал Томас. Это заставило его вспомнить укус Изабеллы. Скрывает ли она такую же ужасную рану под капюшоном и повязкой?

Ритм его сердца успокоился, как только он в трансе погрузился в факты. Карандаш летал над листом, собирая линии в образ.

«В этот раз никаких недостающих конечностей, и такая же неистовая злоба. Никаких повреждений на икрах и подколенных впадинах, каких можно было бы ожидать от нападений волка. Все раны находились на передней стороне тела. В этот раз голова не была отделена от тела, лишь бросались в глаза укусы на горле, оба больших кровеносных сосуда на шее были рассечены. Расстояние между обоими проколами от клыков: в верхней челюсти на половину расстояния руки, отчётливо шире, чем царапины в...»

От шелеста в лесу он вздрогнул. Несколько секунд Томас прислушивался, потом быстро дорисовал последние черты. Сюжет был наполовину сомкнутым кулаком мертвеца. Художник твёрдо надавил угольным карандашом, чтобы реалистично представить тень между двумя пальцами. Затем он остановился и зажмурил глаза.

«Тень?» Талая вода просочилась под отворот его брюк до колен, когда он встал на колени рядом с мертвецом, и внимательно рассматривал пальцы с близкого расстояния. Только Томас полагал, что Мергерит держала между пальцами клочок шерсти, который она использовала для прядения. Но шерсть была бы светлее, а здесь было что-то тёмное. Он вытащил из рукава носовой платок. Ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы коснуться окоченелых пальцев. В горле стоял ком, пока Томас разгибал кисть руки, и вытаскивал то, что женщина ещё держала, даже мёртвая: клочок шерсти. Вероятно, Мергерит схватила зверя за шею или грудь, в отчаянной попытке держать своё тело подальше от бестии.

Томас вскочил и ощупал волосы. В этот раз его страх забыт, он был захвачен мелькающим напряжением. *«Длинный мех, легкий, волнистый, почти чуточку пушистый, определённо не похожий на волчий. Тёмно-серый цвет без малейшего рыжего оттенка».*

Он должен был нагнуться под еловые ветви, чтобы попасть в лес. На первый взгляд здесь было темнее. Его охватило неприятное чувство, Томас сильнее сжал пистолет Изабеллы. Казалось, собственные шаги производили эхо из шелеста и шуршания. Он вообразил, что почувствовал запах хищника. *«Оглянись, ты видишь животное?»* Не было лучшего места для нападения из засады. Отсюда у него был хороший вид на иву, без того, чтобы он сам был замечен в тени. Низкая каменная кирпичная стена выглядела отсюда немного кривой и защищала от нежелательных взглядов, от деревни было видно только лишь

колокольню. Животное бежало, согнувшись, целенаправленно поразило женщину и в прыжке ударилось об стену, однако не схватило её за затылок.

Земля была покрыта слоем пожухлой травы и еловых ветвей, что делало следы невидимыми. Но рядом с лужей он, в самом деле, нашёл отпечаток. Правда, было уже так сумеречно, что юноша с трудом что-то рассмотрел.

Томас убрал пистолет и опустился на колени. Он торопливо вытащил лист бумаги и тоже зарисовал этот отпечаток, прежде чем незаметно передвинулся в сторону папоротника и пополз вперёд на коленях и руках, разыскивая следы дальше. Где-то зашуршали ветки. Определённо шаги! Он бросил бумагу и метнулся в сторону, прижавшись спиной к дереву. Потом схватил оружие. «*Проклятье!*» Пистолет заело. Томас затравленно посмотрел в сторону и уставился прямо в изуродованное лицо. С криком он высоко подскочил и пустился бегом. Споткнулся и приземлился на мокрую листву, его руки погрузились в затхлый подстиляющий грунт, но он полз дальше задом наперёд, лицо чудовища всё ещё было перед ним.

— Не стреляйте! — он посмотрел через плечо и застыл. На несколько шагов дальше в него целился из винтовки мужчина.

— Опустите оружие! — Этьен Лафонт появился рядом с юношей, ухватился за ствол оружия и просто надавил на него сверху. — Опять вы! — выдавил синдик. — Боже, вы сумасшедший, ползаете здесь вокруг в лесу один, Ауврай? Мы чуть было вас не застрелили!

Томас хотел встать на ноги, но его сердце слишком буйствовало. Ему всё ещё было плохо от страха. Вместо того, чтобы ответить синдик, он посмотрел направо, и понял, что вёл себя как идиот. Гримаса всё ещё была там. Но теперь юноша различил то, чего испугался. На гладком стволе молодого ясеня, на уровне колен, в глаза бросался выцарапанный рисунок: гримаса с раскрытым ртом, и острыми клыками, угрожающе вытаращенными глазами и длинными волосами, которые как ореол находились над головой. Насечка была ещё совершенно свежей. Здесь недавно был человек. «*Перед нападением? Или только после него?*»

Он едва слышал, как мужчины подошли к нему, в его мыслях раздавалась единственная фраза: «*Что, если Изабелле в самом деле всё не приснилось?*»

— Эй, вы глухой? — на его плечо легла рука и дёрнула Томаса вверх на ноги. На слабых коленях Томас встал рядом с синдиком.

— Что вы здесь делаете? — спросил он слабым голосом.

— Вы нарочно спрашиваете меня? — раздраженно кричал Этьен Лафонт. — Мы как раз хотели осмотреть мертвеца, потом услышали шумы и один мужчина увидел в подлеске движение. Следовательно, звучит правильный вопрос: чем вы здесь занимаетесь?

— Я нашёл следы, — сказал Томас хрипло.

Лафонт взглянул на землю и наморщил лоб.

— Подойдите сюда, здесь, в самом деле, ещё след!

В кустах зашуршало, двое мужчин вышли из укрытия. Они хорошо спрятались в сумерках, опытные охотники, которые бесшумно подкрались. Только сейчас Томас понял, в какой опасности находился. Он поднял лист, который застрял между листьев папоротника.

Томас уже собирался рассказать Лафонту о тех и этих своих наблюдениях, но потом прикусил язык. Если месье Антуан узнает, что он давно больше не верит в волков, то Томас станет на оставшуюся часть пребывания только лишь тарашиться в чернильницу. «*А также, если Лафонт передаст ему, что я ищу в лесу следы.*»

Мужчины ухмылялись, когда Томас оттряхивал с брюк листву и грязь. Сквозь еловые ветви он смог различить, как пастор и несколько деревенских жителей грузили покойницу на тележку. Очевидно, Этьен Лафонт избавил старую Маргерит от её одинокого караула.

— Что-нибудь ещё? — недовольно спросил Лафонт. — Идите, наконец!

Томас закусил нижнюю губу. Лафонт организовал охоту. А также караул в лунные ночи. Это было более чем дерзко, просить как нарочно у него защиты, но попытка стоила того.

— Я знаю, что вы нехорошо обо мне говорите, — осторожно начал он. — И не могу обижаться на вас после нашей встречи в Версале. Но, пожалуйста, не говорите месье Антуану, что я ищу бестию.

Лафонт был не просто удивлён, но все же поднял вверх брови.

— По какой причине?

— Я хочу составить свою собственную картину, но это не нравится месье Антуану. Я должен увидеть этого людоеда собственными глазами. И для этого... я также охотно участвовал бы в карауле. Не могли бы вы назначить меня для этого? Или это должно бы быть... под другим именем? — и энергично добавил, — я должен узнать, что это за животное.

Этим он высунулся из окна дальше, чем намеревался. Это могло не удалиться. Несколько напряжённых секунд властвовала тишина, потом Лафонт снял свои очки и зажмурил глаза.

— Замечательно, — сказал он сухо. — Теперь мне кажется, что вы, в конце концов, начнёте видеть глазами людей, которые были объяты ужасом. Я вас уверяю, что месье Антуан и я обсуждаем совершенно другие вещи, чем ваши прогулки. Вам не нужно вымышленное имя. Для дела я записал имя мужчины, с которым вы будете держать караул. Вы уже знаете, кто это?

Томас вздохнул.

— Бастьен Хастель! Из Ла-Бессер-Сен-Мари. Там нынче моя квартира.

— Ну, тогда... но следите, чтобы никуда не ходить без охотничьего ружья.

— Спасибо, — быстро произнес Томас.

Синдик задумчиво кивнул, потом подал мужчинам знак.

— Месье Лафонт? — крикнул Томас. — Ещё один вопрос: чем вы это считаете? — он указал на гримасу на стволе ясеня.

Синдик бросил короткий взгляд на ствол.

— Суеверие, — кратко сказал он. — Может быть, знак для хорошей охоты. Или разбойничья метка, извещающая, куда кому-то идти.

Глава 15

СПЯЩИЕ СОБАКИ

После вчерашнего дня и ночи у Томаса болела каждая кость. Оба охотника, с которыми он прискакал верхом из Ла-Бессер-Сен-Мари, были не в духе и едва ли сказали хоть слово. И ко всему обилию с тех пор уже час как шёл дождь. Влага текла Томасу за воротник и в башмаки, но новые рисунки были надёжно уложены в натёртый воском кожух.

Они основывались на описании парня, который вчера преследовал дикого зверя до опушки леса. Его руки тряслись, но после того как Томас угостил его двумя кубками вина, тот стал разговорчивым.

— Оно обернулось и уставилось прямо на меня, месье. У него глаза дьявола! Красные и

горящие как огонь в аду.

«*Оранжевые глаза, пожалуй, даже тёмные красно-коричневые*», — записал Томас и терпеливо ещё раз расспрашивал до тех пор, пока адское существо с когтями льва и деревянными ботинками на задних лапах не сократились всего лишь до животного. Разумеется, это было животное, которое всё ещё не подходило под все известные Томасу категории.

По своей комплекции оно напоминало одиночный рыжий экземпляр. Однако парень клялся, что у его твари ноги и грудь были покрыты волосами по-разному.

— Верх спины и по бокам гладкие и жёсткие, с коротким мехом, на голове и ногах густой и тёмно-серый.

Якобы оно также имело чёрную полосу вдоль хребта, «*Как у некоторых койотов*», — размышлял Томас. — «*Но койот не короткошерстный, а намного меньше и по-другому сложенный. И пучок волос, который я нашёл, не происходит от койота*».

Он также показал рисунок гримасы, которую срисовал с дерева, но в деревне никто не знал этот знак. Всё же крестьянин смог перевести слова Изабеллы, которые Томас с трудом разобрал в сборнике сказок и зачитывал людям. «*Vièlh, pelblanc*» — по-старинному — *белые волосы*.

Полночи он долго размышлял об Изабелле, разрываясь между совершенно безрассудным страстным желанием её близости и мучительным любопытством. Также сейчас он едва ли мог сконцентрироваться на поездках верхом. Встретила ли Изабелла другое животное с рыжим мехом? Тогда *белые волосы* могли бы относиться к белому, сердцевидному пятну, которое многие очевидцы видели на груди этой бестии. Или Изабелла подразумевала под этим одного человека? Это привело его к следующему соображению: слуга Изабеллы искал её в лесу. Итак, он должен был предположить, что она ездила туда. Но как тогда девушка добралась раненой до ворот замка?

Томас остановил кобылу быстрее, чем та учуяла бы тёплую конюшню. Уже издалека он узнал старшую дочь Хастель. В сопровождении девочек близнецов Мари шла вниз по улице в направлении церкви с корзиной в руках. Под белым льняным головным убором её волосы струились по спине. Они светились медно-красным цветом в тусклом серо-зелёном дождливом дне.

Лакхеней, который был моложе из обоих охотников, одобрительно щелкнул языком.

— Смотри-ка, наконец-то, мы увидим красотку в лицо!

Тот, что был постарше, одобрительно свистнул.

— Помочь донести, прекрасная мадемуазель?

Мари только пошла быстрее. Но перед воротами во двор остановился Антуан, который как раз покидал двор с тележкой полной топоров, остановился и бросил охотникам угрожающий взгляд.

— Я бы этого не делал, — предостерегающе сказал Томас мужчинам. — Хастель не понимают незначительной шутки, когда речь идет о Мари.

— Неужели? — насмешливо произнес Лакхеней. — Они будут слишком глупыми, если подойдут к охотникам короля.

Старший кивнул.

— Итак, её зовут Мари! Всё-таки это не грех, делать комплимент такой красивой девушке.

«*Ты ещё удивисься*», — подумал Томас.

Однако его настроение действительно внезапно улучшилось, когда они въехали во двор «Белой Коровы». Два мула стояли в загоне, и Бастьен сидел на чурбане для колки дров и чистил оголовье (*прим. пер.: уздечка со всем прибором для верховой лошади, а также ремень уздечки, идущий за ушами вокруг головы до удил*). Сегодня он носил крестьянский жилет из грубого войлока и длинные, тёмные брюки. Глядя на влажную, покрытую грязью одежду Томаса, по его лицу скользнула язвительная ухмылка.

— Я смотрю, вы снова хорошенько показали этой бестии.

Охотники сдержали ответ, только Бастьен встретил их презрительный взгляд. Он не расстроился из-за этого, а отложил в сторону уздечку и взял у Томаса кобылу.

Сегодня Томас не совершил ошибку и не помогал Бастьену в работе, а просто смотрел на то, как тот стаскивал седло и обтирал мокрую шкуру лошади пучком соломы.

— Когда ты вернулся? — спросил Томас через некоторое время.

— Вчера, мы разминулись. Уже слышал, что ты стал таким же популярным у моего отца.

Такая приветливость *погонщика*, такого угрюмого в остальном, поразила Томаса, и ещё больше его удивило то, как он этому обрадовался.

— Я только высказал своё мнение. Сегодня ещё будешь здесь или ты должен сейчас отправляться в следующее путешествие?

Бастьен покачал головой.

— Мы должны подготовиться для ночного дежурства в лесу. Никто не спрашивал, испортит ли мне это планы.

— Мне нужен кто-то, кто ориентируется в лесу перед Ле Бессет. Я хочу там осмотреться.

Хлопнула дверь. Мадам Хастель ступила на порог и ждала охотников, скрестив руки.

— Всё-таки иди с Антуаном. Он там валит лес, если сейчас охотники это не запрещают. Если будешь быстрым, то его настигнешь.

— Ну, спасибо, прежде чем я попрошу помощь у твоих братьев, я охотнее с изголодавшимся волком запрусь в пустом курятнике!

Бастьен засмеялся. Это радовало, чувствовать эту общность между ними, кусочек близости в этом лабиринте, наполненном загадками.

— Итак, как обстоят дела? — настаивал Томас. — Ты пойдёшь со мной в лес?

Бастьен осмотрел его испачканное пальто, потрёпанный сюртук и размокшие ботинки.

— Так ты хочешь на природу, Ауврай? — он насмешливо щёлкнул языком, потом бросил солому на землю и пошёл к своей кожаной сумке. Сегодня она тоже была плотно набита. Бастьен порылся в ней и вытащил оттуда куртку. — Примерь-ка это!

Куртка была свободно скроенной, тёмно-серой и немного заманчиво пахла козой. Пока Томас стягивал своё промокшее пальто и надевал куртку, его взгляд упал на мадам Хастель. Она так удивлённо наблюдала за Бастьеном и Томасом, как будто не могла поверить в то, что видела.

— Ну, как, — бубнил Бастьен и хлопал его левой рукой, поднимая с плеч пыль и козью шерсть. — Подходит намного лучше, — и как ни странно, это верно. Предмет одежды на ощупь был неожиданно приятным — удобный и мягкий.

— И как хорошо ты можешь стрелять?

— Я выгляжу так, как будто у меня в руках уже было ружьё?

Бастьен ухмылялся и с наигранной растерянностью качал головой.

— Мать честная, из какой только канцелярии они тебя выпустили?

На любого другого Томас бы обиделся за такие слова, но из уст Бастьена это звучало так, как будто бы сейчас они нашли общий язык.

Комната Томаса находилась непосредственно над гостиной, крохотная комнатка с косыми дверями, рядом с большой комнатой для гостей, которую делили оба охотника. Помещение имело места не больше чем узкая кровать и стол, на котором стояли таз и кувшин с водой. Томас стащил куртку Бастьена и положил её на место. Его рубашка была мокрая и запятнанная. Он налил воду в миску и склонился, чтобы умыть лицо. Сдерживаемое хихиканье заставило его остановиться. Маленькие девочки близняшки стояли в дверях и усмехались.

— Сзади ты выглядишь как болотное привидение, — вскрикнула Дельфина.

— А вы как два маленьких, любопытных цыпленка.

— Оставьте месье в покое! — госпожа Хастель вошла с простыней и постельными принадлежностями под рукой. Кивком головы она прогнала малышей наружу и энергичными движениями начала застилать кровать.

— Не трудитесь, мадам, я могу это сделать сам.

Но хозяйка покачала головой.

— Это мой дом. Здесь действуют мои правила. Никогда не забывайте об этом.

Томас оторопел. *«Почему она так яростно это произносит?»*

— Э... хм... я не имел в виду ничего такого.

— Тем лучше, — она распрямилась и пристально смотрела на Томаса так долго, что молчание стало неловким. — Кажется, вы с Бастьеном хорошо понимаете друг друга, — сказала Тереза, наконец.

— А почему я не должен?

Казалось, что она обдумывала, смеется ли он над ней.

— Я слышала, что вчера вы говорили за столом моим мужчинам. Почему вы защищали Бастьена?

— Потому что не правильно то, как Пьер о нём говорил. Тот, кто имеет братьев, которые клеветают на него как на дезертира, больше не нуждается ни в каких врагах.

Последние слова вырвались у него. *«Ну, прекрасно, ты здесь едва ли полчаса как гость и уже оскорбляешь семью!»* Двумя шагами хозяйка была у двери и ухватила за круглую дверную ручку. Только он подумал, что она хотела выкинуть его на улицу, но женщина только закрыла дверь и снова повернулась к нему.

— Они его не знают, — тихо сказала она.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я только не хочу, чтобы кто-то легкомысленно пообещал ему дружбу. В жизни он нелегко это перенёс, не дай Бог. И он одинок, потому что это тоже даётся людям нелегко с его вспыльчивостью.

«В противоположность Пьеру, кроткому ангелу», — недовольно подумал Томас.

— Почему вы мне это рассказываете? Я выгляжу как лицемер, мадам?

— Я только удивлена, что господин из Версаля вступился за такого мужчину как Бастьен. По моему опыту никто никому не подаёт ничего без ответной услуги. Но Бастьен не заслужил быть пешкой в игре. У него доброе сердце. Всё же каждое сердце легко ранить.

И неожиданно Томас понял, из-за чего мадам Хастель была здесь. На мгновение он

поверил, что узнаёт о передрягах и отношениях в этой семье как трещины в стеклянной скульптуре. Она любила Бастьена больше чем обоих своих других сыновей. Но почему Тереза тогда допускала, чтобы другие мужчины Хастель обходились с Бастьеном так пренебрежительно?

— Мне он нравится потому, что я беседовал с ним, это всё, мадам. Если мне понадобится от него одолжение, я буду говорить об этом открыто, и оплачу ему также как всякому другому. И помимо этого, мне совершенно безразлично, называют ли люди его трусом. Нужно именно мужество, чтобы в одиночку стоять против всех.

Мадам Хастель подняла подбородок, и ему показалось, что как будто тень старой боли легла на её лицо.

— Каждый живёт сам по себе, — ответила она суровым голосом. — И мужчины теперь как раз как волки, их нельзя укротить, они живут по своим собственным законам. Они всегда будут бороться друг против друга. На войне или в мире, в крестьянской хижине или в замке, это не делает никакой разницы. Мы, женщины, бессильны против этого. Ничего не поделаешь, такова жизнь.

«И поэтому она предоставляла братьям и мужу свободу действий». Он не знал, почему стал таким разъярённым. Взгляд упал на его саквояж. Томас редко бывал так счастлив от того, что мог сменить тему.

— У меня есть для вас ещё кое-что, — он вытащил оружие. — Изабелла д'Апхер дала его мне. Я категорически должен был вручить его вам или Мари.

Он не смог бы добиться большего эффекта, как если бы направил оружие прямо на мадам Хастель. Хозяйка в мгновение она стала бледной и облокотилась на округлую дверную ручку, как будто боялась потерять равновесие.

— Пистолет? От... мадемуазель д'Апхер?

— Да, а также порох и освященные пули. У неё мнение, что только этим можно уничтожить бестию. Пули вылиты именно с изображением богоматери и... были освещены.

«Мой Бог, я действительно стою здесь и как ярморочный зазывала расхваливаю чудесное оружие против призрачного существа?» Он с живостью мог представить, что сказал бы об этом де Буффон.

— Вы хотите нас оскорбить, Томас?

— Что? Нет!

— Мы не нуждаемся в защите и ни в каком оружии, которое принадлежит д'Апхер! — выдала ему хозяйка. — Скажите мадемуазель, у нас всё будет хорошо и у нас есть своё оружие. Если она вспомнит: её отец признал и письменно заверил наше право носить оружие. Жан — лучший стрелок, куда ни глянь! Наши мужчины защищают нас достаточно хорошо. И ещё пол деревни для этого!

— Наверняка она имеет только благие намерения.

— Да, абсолютно уверена! — пробормотала хозяйка. — Графы — наши благодетели, они всегда знают, что лучше для нас, не так ли? В конце концов, вы должны были лучше загонять бестию! — она перевела дух и вернула назад своё тягостное самообладание. — Я ничего не имею против молодой графини. Когда был жив её отец, она иногда бывала с ним у нас в гостях, и очевидно, сохранила нас в сердце. В то время она и Мари хорошо понимали друг друга. Но эти времена давно миновали. И позвольте мне угадать — молодой граф ничего не знает о том, что вы должны вручить мне этот пистолет?

— Я этого не знаю.

Госпожа Хастель горько рассмеялась.

— Как вы думаете, что произойдёт, если он недосчитается оружия и узнает, что его сестра подарила его как нарочно нам? Он считает нас суеверным сбродом, и меня ведьмой. Притом, что я продаю только лекарственные травы, так как у бедных людей нет никаких денег на врачей. Итак, не будите спящих собак, понятно? Верните ей оружие!

Тайна заполнила помещение. Томас поймал себя на том, что чувствует атмосферу как ищейка.

Хозяйка открыла дверь и в этот раз также повернулась снова.

— Ах, да, ещё одно правило в нашем доме. Они оставляют Мари в покое. Никаких разговоров, никакого флирта, никакого шептания, никаких прокрадываний возле конюшни или жилого дома. И также скажите обоим охотникам. Они не должны думать, что я не узнаю, как они выворачивают шеи на мою дочь. У деревни также есть глаза и уши!

Глава 16

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ПЫЛЬ

Её разбудил осторожный свист. Или, вероятно, она совсем не спала. Девушка едва могла различить, что было мечтой, а что действительностью. С тех пор как Адриен поцеловал её первый раз, она проживала дни и ночи как лунатик, в надежде снова услышать свою песню. И, наконец, он снова вернулся, тихо и заманчиво мелодия звучало под окном, и сразу сердце забилось быстрее. «*Que Ricdin-Ricdon je t'appelle*» (прим. пер.: *Меня зовут Рикдин-Рикдон*), — мысленно подпевала она. Мари тихо выскользнула из кровати так, чтобы не разбудить маленьких сестёр, и босиком подкралась к окну. Как они и договаривались, она закрывала окно, показывая, что слышит его. Затем в ночной рубашке девушка проскользнула вниз по лестнице. Входная дверь была закрыта, но, так или иначе, её целью было маленькое окно позади дома, которое выходило к фруктовому саду. И братьям-крепышам было невозможно туда протиснуться, но Мари без труда пролазила сквозь узкое окно. В свете полной луны она могла видеть только сторожевого пса, который снизу смотрел вверх на неё, пока она перевесилась через подоконник на улицу. Одно тревожное мгновение девушка боялась, что ошиблась, но её уже подхватили руки Адриена.

— Мари! — прошептал он в её волосы. Его щека лежала на лбу Мари, его аромат, знакомый и терпкий, пробудил каждую клеточку тела девушки, она затрепетала.

Мари закрыла глаза и позволила нести себя через ворота в ту часть сада, где она тайком оставила открытым задний вход в конюшню. Холодная морда дворняжки щекотала ее голую стопу, но сегодня собака не залаяла. Она слушалась Адриена лучше, чем своих хозяев. «*Потому что он всегда ласковый и приманивает животных, вместо того, чтобы командовать и бить*», — подумала Мари.

Коза сонно блеяла в своём загоне, когда Адриен и Мари опустились в сено, на пахнувший летом остров, который принадлежал только им, подальше от мира.

— Как долго ты сможешь оставаться в этот раз? — бормотала она.

— Не очень долго, — ответил он с сожалением. — Сегодня я должен идти дальше. Де Морангез и его люди разбили лагерь в нескольких милях отсюда, я должен караулить там, но улизнул. Я не мог по-другому, я должен был увидеть тебя.

Он склонился над ней и поцеловал, и она совершенно погрузилась в это тепло, которое было таким соблазнительным, как первый танец в её жизни. Только когда его рука провела

вверх по бедру, она справилась с собой и схватила его запястье своими пальцами.

— Нет!

Тихий смех тепло защекотал в её ухе.

— Почему ты говоришь шёпотом? — нашептывал он ей. — Ты думаешь, нас подслушивают козы?

— Нет, но...

— Ты не должна бояться, что нас обнаружат. Или твои братья не спят?

— Отнюдь, они все отсутствуют, как и мой отец. Только охотники в их комнате, потому что вчера они целый день были в дозоре.

Адриен отвел одну её прядь со лба.

— Значит, вы, женщины, в доме совсем одни. Собственно говоря, глупый поступок ваших мужчин. Если бы я был бестией, и шнырял по лесу, то просто прокрался бы в неохраняемый дом.

Мари порывисто села.

— Перестань! Ты пугаешь меня!

— Это была только шутка, фея.

— О смерти не шутят.

Адриен вздохнул.

— Ты права. Но тебе не нужно бояться. Если бестия хотя бы приблизиться, я зачарую её точно также как дворняжку.

И самое странное то, что она ему поверила. Полная луна рисовала бледными кистями его черты, которые выглядели дикими, но прекрасными. *«Он — волшебник. С ним всё становится легко и прекрасно, со мной не может произойти никакого зла»*. Мари сразу почувствовала себя не более, чем пленницей, которая не может сделать ни шагу без присмотра своих братьев или матери. С неё упали все оковы, и осталось только опьяняющее чувство свободы, и будто только одни объятия на вечные времена. Она взяла его лицо обеими руками и поцеловала так страстно, что он вздрогнул. Сильно прижавшись друг к другу, они упали обратно на сено. Все в ней жаждало того, чтобы почувствовать его руки на своей коже, но когда руки Адриена стали требовательными, она отодвинулась от него и натянула ночнушку на колени.

— Что? — проворчал он.

— Я хочу этого так сильно, Адриен... но это не должно произойти.

Он вздохнул и сел рядом с ней. Против света она могла видеть, как мужчина запустил руки в волосы. И Мари любила его даже за это: за то, что он не настаивал и не гневался.

— Ты только благочестива или другой нравится тебе больше, чем я?

— С чего ты это взял?

Пожатие плечами в темноте.

— Я слышал, что оба охотника свистят тебе вслед. И Томас Ауврай тоже здесь. Ведь нельзя утверждать, что он безобразный, да? — внезапно его голос стал чужим и резким.

— Ты поверишь, что я не знаю, чего хочу? — сказала она. — Ты точно знаешь, что ты единственный, Адриен!

— Тогда хорошо. Я терпеть не могу, когда другой просто тебя рассматривает!

Она чуть не рассмеялась.

— Тут ты можешь быть спокоен. *Маман* запрещает мне даже, чтобы я с ними говорила. Охотнее всего она бы не пустила меня одну к деревенскому источнику.

— Если бы ты была моей женой, я не оставил бы тебя одну даже у окна, — шепнул он ей. — Каждый мужчина, который видит тебя, хочет тебя.

В этом она едва ли могла с ним согласиться, но ей нравилась даже его ревность.

— Не думай, что заманишь меня сладкими речами, — насмешливо ответила она. — И даже если бы это была правда: я ни в коем случае не хочу сидеть взаперти от своего мужа. Нет, я хочу танцевать вокруг костра в Иванов день (*прим. пер.: Johannesfeuer- день Святого Иоанна, 24 июня*), Адриен, я хочу быть счастливой и идти туда, куда хочу! Итак, если ты ищешь ту, которую ты сможешь запереть за мешок медных монет, поищи её в другом месте!

Адриен тихо смеялся, его рука взъерошивала её волосы, пока коса не распустилась, его губы нашли губы Мари. Когда она в следующий раз перевела дух, они лежали переплетённые тесно друг с другом, как супруги. И было сумасшествием то, как сладко это было ощущать и как правильно.

— Согласись, — шептал он ей в ухо. — Ты не послушная христианская девушка, на самом деле ты одно из диких лесных существ и пришла только для того, чтобы украсть у меня сердце.

Он снова осторожно положил свою руку ей на бедро, и на этот раз она позволила это прикосновение. И ещё больше: она так сильно хотела его, что на несколько мгновений забыла обо всём. Но затем девушка вскочила и покачала головой.

— Я не фея. Феи могущественные и свободные, и они не знают греха, так как всё, что делают — служат судьбе. Но если я сплю с мужчиной, с которым я не в браке, то я грешу.

Он молчал. Казалось, что в косом лунном свете его глаза светились янтарным цветом, и на одно мгновение она задрожала, таким чужим он ей казался.

Томас не знал, каким угрожающим мог быть ночной лес, как огромное, беспокойное существо, которое страдало от кошмаров. Ветви трещали, кроны деревьев вздыхали на ветру, и где-то ветки с жалобным стоном тёрлись о стволы. Это было уже спустя несколько часов после полуночи. Чем больше близилось утро, тем холоднее становилось. Хотя и был конец июля, в воздухе уже носился осенний запах.

Томас схватил ружьё, которое Бастьен одолжил ему для защиты. Он представил, как слышит крадущиеся шаги, совсем рядом. И каждый раз сердце начинало неистовствовать, и его палец вздрагивал на курке. Как молитву он повторял в мыслях слова Бастьена: «Установил, прицелился, сопоставил, выдохнул... и выстрелил!»

Под злобное одобрение Пьера и Антуана ему вчера на самом деле удалось впервые попасть в полено, которое Бастьен установил на расстоянии пятнадцати шагов у ивовой ограды. Конечно, из уст Бастьена не вышло ни слова похвалы, но прежде чем он принёс новое полено, мимоходом одобрительно ударил Томаса по плечу. Это был новый опыт того, что дружба требовала немного слов. Это было, как будто Томас не только проскользнул в крестьянскую куртку, но также в убогую, незатейливую жизнь, которая казалась ему гораздо честнее и лучше, чем поступки в Версале.

Постепенно в доме Хастель образовался новый фронт: на одной стороне Пьер, Антуан и хозяин, на другой Томас и Бастьен. Единственное, что мешало Томасу, было то, что он не мог выудить из Бастьена ни слова об Изабелле д'Апхер.

На поляну надвигался туман. Где-то шелестело. В лунном белом свете глаза Бастьена светились голубым. Почти незаметно он покачал головой. «*Всего лишь ёж или лисица*», — иными словами. Томас облегчённо вздохнул и расслабился. Бастьен беззвучно поднялся,

потянулся и ушёл в сторону маленького ручья, вероятно, хотел зачерпнуть горсть воды.

Это было странное чувство — остаться в одиночестве. В середине поляны лежала ядовитая приманка. Томас не мог её видеть, но когда ветер изменился, ему повеяло смрадом, который должен привлечь чудовище. Примерно севернее на сто шагов был установлен капкан, непосредственно на звериной тропе, и ждал того, чтобы защёлкнуться как пасть с железными зубами.

Ему на ум снова пришёл рисунок Изабеллы: пасть с зазубренными зубцами. И как только он подумал о девушке, снова появилась та странная тоска, которая преследовала его в течение нескольких дней. Туман, казалось, прорисовывал линии её лица, призрачный вид, который простирался до звёзд, прежде чем порыв ветра его размыл. *«Как у неё дела?»* — подумал он. — *«Ходит ли она сегодня также во сне через коридоры, терзаемая кошмарами?»*

Уголкем глаза он заметил едва уловимое скользящее движение. Юноша повернул голову и вздрогнул. И затем Томас не смел дышать. В подлеске, примерно в тридцати шагах от него, стояло что-то тёмное и пристально на него смотрело. Жёлтые глаза пылали как блеклые лучи и гасли, когда существо поворачивало голову.

Томас обливался потом, кровь стучала в висках. Быстро скосив глаза в сторону, он увидел всё ещё пустое место по левую руку от себя. Дьявол, что Бастьен делал так долго у ручья?

От порыва ветра зашелестели листья, тени перемещались качающимися контурами. Фигура пригнулась. На мгновение Томасу показалось, что он видит человека, который поджидал в подлеске, согнувшийся, звероподобный и странно искривлённый. Но после того как юноша поспешно протёр глаза, то понял, что чёрный контур имел четыре ноги. Он пошевелился. Глаза отражали лунный свет — бестия пустилась бежать. *«Прямо на меня!»*

Задыхаясь, он вскинул винтовку и навёл, его палец дрожал на курке, кора дерева, возле которого он сидел на корточках, давила ему между лопаток. На три удара сердца он потерял зверя из вида, тот исчез в тени. Пугающе близко бестия появилась прямо перед ним. Она слегка хромала. Задняя нога, кажется, была ранена, но она не показывала никакого страха. В дуге поворота она скользнула к нему. Томас лихорадочно дёрнул взад-вперёд винтовку и последовал за движением. Всё в нем кричало *«Стреляй!»*

Существо держалось от него на отдалении десяти, может, пятнадцати шагов. Туман опустился к ногам Томаса, и теперь он мог видеть даже детали. Часть его всё ещё кричала, что он должен нажать на спусковой крючок. Однако, другая его часть, исследователь, перестала сейчас даже думать. *«Удивительно большое, прямая линия спины, почти квадратные очертания, заросшая грудная клетка. Может быть, это только волк?»*

Ружьё опустилось само собой. Классифицировать животных с карандашом в руке — это что-то совсем другое, чем в туманную лунную ночь пристально рассматривать очертания. Несколько секунд он и животное рассматривали друг друга, пока сердце стучало в его горле. Животное облизнуло губы и опустило голову, и, оцетинив шерсть на затылке, вытянуло морду в сторону Томаса. Где-то хрипло вскрикнула птица. Животное съёжилось и слушало, подняв уши.

Теперь Томас тоже это слышал: крадущиеся шаги и щелчки. Животное зарычало и отступило на два, три шага, остановилось. Бастьен выругался и потом внезапно приземлился с глухим стуком на упругую лесную почву. Секундой позже он был возле Томаса и выхватил у него из рук винтовку. Мужчина молниеносно вскинул левую руку. Выстрел разорвался

болезненно громко, от чего вспорхнули и разлетелись птицы. Облако порохового дыма закрыло им обзор. Когда оно развеялось, животное уже исчезло.

— Почему ты сразу не стрелял, идиот! — бранился Бастьен. — Мёртвый волк приносит шесть фунтов.

— Никогда не вырывай оружие у меня из рук!

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга, потом Бастьен с яростным жестом бросил ему оружие. Ружьё ударило Томаса в грудь.

— Зачем ты идёшь на охоту, если не хочешь стрелять? — сердито спросил Бастьен. — О чём ты думал? Что волк сделает тебе одолжение и самостоятельно упадёт замертво, если ты достаточно долго на него посмотришь?

Томас был сам поражён от внезапного облегчения. Итак, это действительно был только волк?

— Боже мой, Хастель, ты был рожден с оружием в руке? Я всё испортил, ну и что? А почему ты выбросил свою винтовку вместо того, чтобы стрелять?

— Потому что была осечка. Проклятая дождливая погода! Порох был слишком влажным и это тоже слишком плохо. Как дьявольская пыль на передовой!

Он наклонился и поднял собственную винтовку. Томас на ватных ногах подошёл к опрокинутому дереву и сел. Тем не менее, ужас всё ещё сидел в его костях. Бастьен стоял в нерешительности, но потом подошёл к стволу и присел.

— Ну, да, подумаешь! На сегодня охота закончена. Вскоре, так или иначе, светает. И, по крайней мере, теперь каждое животное на расстоянии десяти миль знает, что мы здесь.

— Да, и нашу ругань, вероятно, до сих пор слышат охотники за Ле Бессет.

Бастьен ухмыльнулся.

— Не говори лишнего, Ауврай, — он достал из своей куртки кусок хлеба и сыр. Лезвие ножа блеснуло в лунном свете. Бастьен отрезал кусок козьего сыра и подал Томасу. Пряный аромат сена и конюшни смешивался с запахом листвы и мокрой от дождя древесины.

— Что ты имел в виду под дьявольской пылью с передовой? — спросил Томас.

— Плохой запал и пороховой заряд, — бормотал Бастьен. — Не хватает мощности, и снаряд может иногда даже просто так упасть на землю. И если он падает, то не убивает врага. Я видел солдат, которые стреляли в сердце пруссаков на расстоянии тридцати шагов, и парни снова поднимались не только с воодушевлённым настроением. Это выглядело так, как будто они были неуязвимы. Лазарус не возражал бы из могилы.

Непобедимый. Некоторые люди также хвастались зверем.

— На каком фронте ты был?

— На Рейне. И у пруссаков было лучшее вооружение, чем у нас, можешь мне поверить, — он непроизвольно двинул двумя не повреждёнными пальцами правой руки. Казалось, воспоминания заполнили воздух, бесформенные, тяжёлые и мрачные. — У наших благородных военных знатоков, конечно, напротив, был лучший порох, также как и у ваших охотников. Господа получают награду и славу, а мы жрём дерьмо, — Томас был шокирован ненавистью, которая слышалась в этих словах. Бастьен пристально смотрел туда, где исчез волк. — Но такова жизнь. Есть только победитель и побеждённый. Почему на войне должно быть иначе, чем в жизни? — он встал и снова положил нож. — Давай, Ауврай. Время идти по домам!

— Мы получили приказ оставаться на посту до рассвета.

— Как ты думаешь, я позволю себе сказать, как долго я должен замерзнуть в лесу? Давай

уже, или ты хочешь остаться здесь один?

Томас медлил, но потом сунул в рот кусок сыра и поднял своё оружие на плечо. Пока они шли через подлесок, он украдкой рассматривал Бастьена со стороны.

— Неужели ты думаешь, что есть только победители и проигравшие?

— Ты так не думаешь? — спросил Бастьен с порядочным удивлением.

Это было странно, что эти слова для Томаса были как удар под дых. Его брат Арман снова был здесь без предупреждения. Смех, который неожиданно стал серьёзным, игра, которая внезапно превратилась во что-то совершенно другое, и две руки. В лунном свете казалось, что мир в одночасье стал хрупким, и нигде не было безопасно. *«Победитель и побеждённый»*.

— Это так. Просто поверь, — сказал Бастьен, как будто бы услышал мысли Томаса.

Потом он резко остановился и схватил Томаса за руку.

— Что?

— П-с-т!

Они напряжённо слушали. И действительно, где-то справа от них раздался глухой стук, потом ещё один, как будто бы что-то упало на землю, и потом резкий, металлический лязг, который эхом разнёсся по лесу.

— Капкан! — прошептал Бастьен. В следующий момент они оба уже бежали. Издалека Томас увидел белый кусок ткани, который был привязан на ветку, как предупреждение о скрытой ловушке. Там громоздилась куча листвы, прямо под приманкой, которая болталась на стволе. И из листьев торчала холодная, блестящая, металлическая скоба.

— Она пустая, — прошептал Бастьен. — Но зверь всё ещё должен быть поблизости. Давай, ты пойдёшь направо.

Он почти бесшумно бросился влево. Томас скользнул к другой стороне. Он держал винтовку на весу. Юноша испугался, когда чуть дальше вспорхнула птица, затем он заметил движение.

— Бастьен! Сюда!

И потом каждое последующее слово застревало у него в горле. На этот раз не было никаких сомнений. Это был человек. *«Это не другой охотник, который здесь, спасается бегством!»*

Его ноги побежали сами собой, когда он нырнул в подлесок. Впереди Томас увидел, как парень исчезает и появляется снова между папоротниками и деревьями. Наклонившись вперёд, он бежал от них, тёмный контур, в ловких движениях которого было что-то ужасающе похожее на животное.

— Бастьен! — крикнул Томас через плечо и бросился дальше.

Ветви ломались под его подошвами как выстрелы. Он не знал, как долго продолжал преследовать парня, пока у него не закололо в боку, и на мгновение юноша подумал отступить. Звуки, казалось, стали яснее, когда они устремились на прогалину. Томас напрягся и поспешил, ещё два, три шага и тогда он бы догнал парня. Юноша оттолкнулся и прыгнул. Томас цепко обхватил пальцами чёрную ткань, едкий запах хищника повеял на него, когда они оба упали. Локоть попал ему в шею, листва и земля летели в уши, винтовка выскользнула из его пальцев, когда он со всей силы боролся против комка из мышц и пинающих ног.

Скрипучий голос шипел ему в ухо, это были выплюнутые, полные ненависти ругательства на иностранном языке, хриплый и едва ли по-человечески звучащий голос.

Ткань задела пальцы Томаса, он схватил и почувствовал что-то жёсткое, острое, которое ткнулось в его ладонь. Что-то разорвалось и вывело Томаса из равновесия, затем ему нанесли удар костлявым кулаком. Парень изогнулся как змея из его хватки и убежал. Томас больше не думал, а только лишь реагировал. Одним прыжком он был на ногах и погнался за ним в подлесок.

Лес неожиданно перешёл в кругую, скалистую возвышенность. Одним махом он прыгнул на скалу и, на руках и ногах, поднялся по склону вверх, валуны откалывались и громыхали навстречу. Томас мог поднять только руку. Когда он снова посмотрел вверх, парень исчез за круглой вершиной горы. Задыхаясь, Томас достиг вершины... поскользнулся, скользил, падал, и снова вскакивал на ноги. Мужчина был всего в нескольких шагах перед ним. Что-то скользкое тормозило его движение, удивительно ровная наклонная поверхность. Отдышавшись, Томас увидел, как его противник пробрался к самому краю... *Крыши?* Действительно! Они попали на кровлю, которая, казалось, возвышалась прямо над скалой. Несколько камней скатились вниз от него, и Томас схватил один и размахнулся.

В этот момент парень обернулся. В раннем утреннем свете казалось, что его чёрные глаза пылали. Капюшон всё ещё скрывал его волосы, но из-под него торчало несколько седых прядей. Они выглядели жёсткими, как если бы были чем-то натерты, и выступали на голове почти как шипы. Лицо было измождённое и худое, как череп мертвеца, и измазано сажей.

Человек пригнулся и с шипением плюнул в Томаса, затем... оскалившись, обнажил зубы. Томас был уверен, что видит подобие волчьей челюсти, но потом понял, что его воображение сыграло с ним злую шутку. Но это было итак достаточно страшно. Угрожающее рычание вырвалось из горла противника. На него смотрел демон, существо, которое, не колеблясь, вцепится ему в горло. Человек ловко отступил назад и спрыгнул с крыши.

«Давай, догоняй его!» — убеждал себя Томас. Но его ноги повиновались ему так медленно, как будто бы он переходил вброд топкое болото. Юноша достиг края крыши, и почти отскочил. Там внизу был только волк. При этом он был чёрный и поразительно огромный. Он стоял рядом с полуразрушенным колодцем, из которого разросся кустарник, и смотрел на него вверх жёлтыми глазами. Затем он снова оскалил пасть и зарычал так громко, что у Томаса по спине прошла дрожь. Волчьи зубы светились в сумерках белизной, и на один прозрачный момент слились в воображении Томаса с мужским лицом в одну единственную гримасу. *«Но этого не может быть! Существует объяснение, это...»*

Потом под его ногой что-то провалилось. Гранит поранил икру, его зубы больно ударились друг о друга. В дальнем углу своего сознания он почувствовал, как вторая подошва скользнула по краю крыши. Затем Томас ухватил пустоту и упал.

Глава 17

ЦЕПИ И ЛЕНТЫ

— Ты плохо спала, *моя малышка?* — Мари приоткрыла глаза.

«В этом не было греха», — слышала она шёпот Адриена. — *«Не для тебя и меня, рыжая фея. Потому что, если я женюсь, то только на тебе!»*

— Нет, *маман,* — ответила она так небрежно, как только возможно.

— Во всяком случае, ты немного бледная, — мать нежно провела по её волосам, потом встала из-за стола и подошла к кладовой. Отец смотрел на неё через стол, пока ел свою

овсяную кашу. Только час назад он вернулся из ночного караула и теперь готовился к следующему. Мари склонилась ниже над своей миской и надеялась, что отец не заметит, что её щеки пылали от поцелуев Адриена. Всё снова было тут: его шёпот, сладкое, тёмное течение, которое почти полностью заманило Мари в его объятия; его настойчивость и его гнев, потому что она не уступила. И, наконец, они поспорили. *«Если ты это говоришь действительно серьёзно, поговори с папой!»* — шептала она ему. Теперь эта встреча являлась ей как мечта в полнолуние, его руки, тепло и нежность на её груди и шее... *«Почти грех. Папа убьёт Адриена».*

Стул громко проскрежетал по половицам, когда отец поднялся и снова схватил своё ружье. Всю длинную первую половину дня он станет охранять деревенских детей, пока они пасут скот.

— Тереза, я пошёл! — прорычал он в направлении прилавка.

— Хорошо, — вернулось в ответ. — Мари, не забудь про кур!

Во дворе царило воодушевление. Близняшки выгнали из конюшни коз и двух молочных коров. Курица, кудахта, жаловалась, потому что два козлёнка гоняли её во дворе. Пьер и Антуан, которые тоже были утомлённые от бессонной ночи, как и отец, ворчливо взяли на плечо свои топоры, и в укрытии оседланные лошади ждали обоих охотников.

Мари проскользнула в конюшню и зачерпнула несколько горстей куриного корма в передник. Когда она снова выбежала, Бастьен как раз возвращался из караула одним из последних. Грязь и земля прилипли к его штанам, и выражение лица не предвещало ничего хорошего.

— Самое время! — крикнул Жан Хастель грубым голосом.

— Ты ничего не потерял? — насмеялся Пьер. — Своего бумагомарателя из Версаля?

Бастьен произнёс только беспорядочные ругательства. Мари побежала к нему, и как всегда, когда он видел её, его выражение лица становилось немного мягче.

— Что-то произошло? — тихо спросила она. — И где всё-таки месье Ауврай?

— Понятия не имею. Мы преследовали волка и потом потеряли его из вида. До сих пор его искал.

— Ты уверен, что не волк преследовал тебя? — засмеялся Антуан.

Мари кольнуло так, как будто она могла чувствовать на собственном теле, насколько сильно Бастьен встретил этот удар. Её брат так сильно стиснул зубы, что на его челюсти задвигались желваки. В воздухе витала следующая ссора.

Она быстро схватила Бастьена за рукав.

— Не слушай его, — мягко сказала Мари. — Пойдём, сначала съешь что-нибудь, а потом...

— Мари! Мари, посмотри! — Камилла прибежала из конюшни и подала ей синюю ленту с изящными красными вышивками. — Это я нашла! Это твоё!

У Мари было чувство, будто у неё подогнулись колени. Ленту сделала мать, и каждый в семье знал, что она использовалась для шнуровки в её ночной одежде.

— Спасибо! — она быстро забрала её из рук Камиллы. — И теперь носи твою шляпу! Папа уже ждёт.

Но отец, который всегда был более недоверчив, чем дворняга, опёрся на винтовку и пристально смотрел на кулак Мари, который сжимал ленту.

— Где ты это нашла? — захотел он узнать это от малышки.

— В загоне для коз, — простодушно ответила Камилла. — Она лежала на сене наверху.

Мари стало жарко. «Скажи ему, что вчера вечером ты ещё раз смотрела коз, скажи ему что-нибудь!»

В это время из гостиницы вышли оба охотника, и пошли к своим лошадям. Лакеней, более молодой и красивый из них, заметил Мари и улыбнулся ей. И как будто все итак уже было недостаточно плохо, он крикнул девушке перед братьями и отцом.

— Я желаю вам прекрасного дня, Мари!

Ища помощи, она схватила Бастьена за руку. Лоб Жана Хастеля, казалось, напрягся в поиске следующей мысли. Мари знала, что ничего из того, что она скажет, не смягчит сейчас отца. «Почему?» — думала она отчаянно, — «Я не согрешила!» Антуан и Пьер тоже внезапно стали серьёзными. Они мрачно смотрели, как охотники сели на коней и ускакали через ворота.

Что-то держало Томаса тысячами когтей на дне кошмарного сна. Резкий мрачный звук разносился в черепе. Ему было дурно, у него были такие головные боли, как будто вращались крылья мельницы. Когда он, в конце концов, умудрился открыть глаза, оказалось, что кошмарный сон был действительностью. На него лаяло чёрное чудовище.

«Волки не лают», — удивлённо подумал Томас. — «Это должна быть собака. Только собака».

— Думиас, тихо! — приказал хорошо знакомый голос. Внезапно стало тихо.

Томас хотел что-нибудь сказать, но из его горла появлялись только стоны. И когда он попытался пошевелиться, грунт падал вверх и вниз. В плече что-то кололо. Теперь он заметил то, что его держало: он висел в густом колючем кустарнике. Точнее, лежал в развалинах колодца, к счастью, куст замедлил его падение. Но было возможно, что он мог упасть в колодец с крыши, если бы только поскользнулся.

Собака горячо дышала ему в лицо, высунув язык, и всё стало ясно, как день. «Как долго я был без сознания? Почему Бастьен не искал меня?» С другой стороны кто ищет в колодце?

— Иди сюда, я тебя вытащу!

В действительности это был Адриен, который протягивал ему руку с края обрушившегося колодца. Томас принял приглашение, хотя шипы царапали руки и кололи ушибленные рёбра, как будто в теле был нож. Когда он осторожно ощупывал свой висок, то нашёл засохшие корочки и склеившиеся волосы. Рваная рана, нет худа без добра. Он с трудом выбрался из развалившейся части колодца, туда, где громоздились камни. Собака ловко использовала их для подъёма и мощным скачком прыгнула на край. Когти царапались с отвратительным скрежетом о гранит.

Теперь к нему также вернулись и последние воспоминания. Перед ним появилось лицо мужчины, он смотрел в жёлтые глаза. Внезапно Томасу стало холодно, порядок его мира, казалось, рухнул. «Думай, логично!» — ругал он себя. — «Этому есть объяснение!»

Он с трудом подтянулся и схватил Адриена за руку. Немного позже Томас приземлился туда, где сегодня был волк. Прямо перед ним находился заросший густым ежевичным кустарником вход в крохотный каменный дом. Позади Томаса раздался грубый лай. Он повернулся и лучше всего снова бы спрятался в колодце.

Семь охотничьих собак рвались с поводка. И месье Антуан, Этьен Лафонт и молодой де Морангез сидели на своих конях, а позади всё охотничье сообщество.

— И мы снова видим, как вы копаетесь в грязи, — крикнул ему Эрик де Морангез.

Месье Лафонт медленно переводил недоверчивый взгляд с грубого крестьянского

пальто и покрытых илом брюк Томаса, потом он снял очки и потёр свою переносицу большим и указательным пальцами, как будто вид Томаса вызывал у него головную боль.

— Ну, теперь мы, по крайней мере, знаем, что наши ищейки — замечательные искатели людей, — заметил месье Эрик. — Если только вы вместе с бестией скрывались в колодеце, месье Ауврай.

Несколько всадников засмеялись, но месье Антуан, кажется, не находил всё очень смешным.

— Святые небеса, что вы здесь делаете? — прикрикнул он на Томаса.

Томас сглотнул. «*О, ничего особенного, месье Антуан, я охочусь только на мифическое существо в лесу, которое, возможно, превратилось из зверя в человека*».

Томас лихорадочно искал подходящее объяснение, но в голове была одна единственная, пульсирующая пустота.

— Исследования, — наконец, хрипло произнёс он. — Я сегодня утром по пути... поскользнулся, наверное.

Месье Антуан сомнительно наморщил лоб.

— Вы бродите по лесу в одиночку без вооружённого сопровождения? — сказал Лафонт. — Радуйтесь, что наши собаки следуют по волчьему следу, в противном случае они вряд ли напали на ваш след. Не верю, что кто-нибудь искал бы вас именно здесь! — и полный сарказма, добавил. — Как я говорил вам недавно при нашем разговоре, что генетты охотно прячутся в заброшенной хижине в самых потаённых углах, но не думаю, что вы должны прыгать в колодец, чтобы их найти.

Лафонт был лучшим в придумывании оговорок. Но было ещё удивительнее то, что синдик помог ему и в другой раз.

— Генетты? (*прим. пер.: род хищных млекопитающих из семейства виверровых*) — Эрик де Морангез рассмеялся, месье Антуан только нервно качал головой.

Только теперь Томасу бросилось в глаза, как изменился охотник короля. Он был бледный и у него были глубокие круги под глазами. Больше не ощущался его весёлый нрав.

— Я только надеюсь, что месье де Буффон сумеет оценить ваше безрассудное рвение, — ворчливо сказал он.

— Но вы хоть увидели редких животных? — хотел узнать теперь Лафонт.

Совсем другой вопрос скрывался за последним предложением и Томас, наконец-то, понял, что он на самом деле нашёл союзника. «*И как нарочно — Лафонта!*» Это было почти смешно.

— Да, конечно, — энергично ответил он. — При случае я охотно покажу вам мои исследования.

— При случае, — ответил Лафонт с деланным равнодушием. — Вы доберётесь обратно в свою квартиру?

Томас кивнул и сделал шаг, но у него опять закружилась голова, тёплая струйка потекла по виску и щеке. Колени подкосились, и Адриен схватил его за руку и поддержал.

— Может, лучше я провожу его обратно в деревню? — обратился Адриен к Эрику де Морангезу. — Я могу взять его на лошадь.

Графский сын быстро взглянул на месье Антуана, потом кивнул.

— Не возражаю. Думиас, ко мне!

Собака, которая всё ещё стояла рядом с Адриеном, присела от резкого оклика, но не повиновалась. Вместо этого она вопросительно посмотрела вверх на Адриена. Лошадь Эрика

перебирала на месте копытами, когда другие всадники и собаки двинулись прочь.

— Думиас, сюда! — приказал Эрик.

У собаки вздыбилась шерсть, она наклонилась ниже и тихо рычала, звук, который прошёл ознобом по спине Томаса.

— Ты рычишь на меня? — вскричал Эрик.

— Он ещё молодой, он ещё учится, — сказал Адриен.

— Тогда позаботься о том, чтобы он быстрее научился, — ответил Эрик. — Я тебе за это плачу.

— Конечно, месье, — ответил Адриен невыразительным голосом. Потом он сделал знак животным. — Бегом, — тихо сказал он, и Думиас сразу повиновался и побежал рысью вокруг Эрика, а затем погнался следом за сворой собак. Эрик дал шпоры своей лошади. Адриен с поджатыми губами наблюдал, как тот галопом догонял участников охоты.

— Чёртов балбес, — бормотал он. — Бьёт своих собак и потом удивляется, что они не подчиняются!

Томас насторожился. Это было интересное открытие, что Адриен не мог терпеть своего господина. И он доверял Томасу, потому что не стал бы так открыто ругать Эрика.

— Ну, давай, *Томе*, моя лошадь стоит там.

— Подожди!

Его колени всё ещё были вялыми, когда он дошёл до завесы из ветвей и листьев. С боку был зазор, сквозь который Томас влез. В хижине через листья и расщелины пробивался рассеянный свет. Воняло помётом летучих мышей, на гнилой балке перекрытия висели животные, как чёрные гроздья, и спали, остальное помещение было пустым. Никакого убежища, никакого тайного логова ни человека, ни животного. Когда он снова выбрался наружу, Адриен уже сидел на маленькой коренастой лошади и ждал его.

— Что ты там искал?

— Не знаю. Я думал, может быть, здесь кто-то живёт.

— Кто, властелин летучих мышей?

«Или зло», — думал Томас. Он смотрел на край крыши. Кровельная черепица ослабла, поэтому он упал. И должен был оказаться точно здесь, внизу. От мысли о том, что мужчина, должно быть, потащил его к колодцу, у него снова было совершенно другое ощущение. Его разум всё ещё искал логичное объяснение. Может быть, он обманулся в своих воспоминаниях, и волк был ничем иным, как смутной мечтой бессознательного?

Адриен протянул ему руку.

— Давай, у меня нет времени всего дня.

— Я должен найти моё ружьё. Я потерял его на другой стороне холма.

— Твоё что? — Адриен расхохотался. — Ага, вот откуда дует ветер! Чёрта с два, генетты и летучие мыши! Господина охватила охотничья лихорадка! Но ты уже знаешь, что из ружья чернила не выстреливают?

— Представь себе, я заметил, — сухо ответил Томас. — Но не передавай это никому, ясно? — он передвинулся по стремени, повиснув на руках, и с трудом подтянулся на лошадь позади своего приятеля. От покачивающихся движений его тошнило, когда лошадь побежала в гору. Свет ослепил его, когда они верхом выехали из тени каштанов на небольшую часть чистого поля. Томас моргнул. «*Я поймал его здесь*», — подумал он с сомнительным чувством.

— Стой, Адриен! — Томас не ждал, пока скакун остановится, а соскользнул со спины

лошади. Ружьё лежало наполовину засыпанным листвой. Примятые ветви и растоптанные грибы свидетельствовали о борьбе. Оборванные шляпы белых бледных поганок лежали разбросанными в листве как фарфоровые блюдца, И между ними ярко светило что-то другое. Томас упал на колени и погрузился ими глубоко в листву. Он копался пальцами в рыхлой лесной подстилке и вытащил то, что человек потерял в борьбе. Томас тихо щёлкнул. И теперь точно знал, что Изабелла не была сумасшедшей и мечтательницей.

— Адриен, я не возвращаюсь в деревню, я должен идти в замок, сейчас же!

Он быстро сунул находку под куртку и вскочил. У него снова закружилась голова. Томас зашатался. В его поле зрения мелькали деревья. Когда юноша восстановил равновесие и тщательнее осмотрел себя, у него было чувство, что он оказался посреди книги сказок Изабеллы. Томас стоял на круглой, крохотной поляне, которая была окружена каштанами. Под одним из них был сложен небольшой храм из камней. И на верхнем камне можно было рассмотреть выцветшие остатки нарисованной сажей гримасы, от головы которой как лучи солнца расходились седые волосы.

Глава 18

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Изабелла не знала, как часто в течение последних нескольких дней она подходила с бьющимся сердцем к окну, как только слышала стук копыт. Но каждый раз только охотники или гости мадам де Морангез въезжали верхом во двор. Как только она улавливала шаги в библиотеке, то подкрадывалась на цыпочках к двери между смежными помещениями и внимательно слушала разговоры. День ото дня настроение ухудшалось. Она подслушала, что господу д'Эннефаль были отосланы обратно в Норманию, что месье Антуан хотел потребовать ещё больше охотничьих собак из версальской королевской собачьей своры, и что bestия дурачила охотников, пока позволяла капканам защелкиваться.

В такие моменты Изабелла даже не решалась закрывать глаза, потому что темнота возвращала ужас. А также теперь, когда она склонялась над молитвенником, который дала ей мадам де Морангез с наказом выучить до завтра три страницы псалмов, этот страх вернулся. Девушка верила, что за крошечным островком света от свечи, в котором она сидела, слышался шёпот бестелесного голоса прямо в её ухе. Изабелла схватилась за шею, нащупала образ Богородицы и сжала его так сильно, что рука запульсировала.

«*Это сразу пройдёт*», — пыталась она себя утешить. И пока девушка смотрела на успокаивающее мерцание пламени свечи, то вспоминала о другом голосе, о руках, которые держали её, о ладони, которая нежно гладила по лицу. «*Не бойтесь, мадемуазель*».

Изабелла сильно испугалась. На этот раз девушка ничего себе не представляла. В библиотеке скрипнула половица! Она опрокинула бы столик, зацепившись за него волосами, так поспешно вскочила и бросилась к двери. Изабелла опустилась на колени, тихо вытащила ключ из замка и приложила ухо к замочной скважине. Это была не мадам де Морангез, которая делала свой последний вечерний обход, Потом можно было услышать твёрдые шаги и скольжение тяжелой юбки.

Довольно долго, с прерывающимся дыханием, она слушала, однако, всё оставалось спокойным, ни один луч света не падал внутрь из-под двери. «*Вероятно, я действительно схожу с ума*». Изабелла встала, и услышала шелест под подолом своей юбки. Когда она отступила, то обнаружила на полу клочок бумаги. Должно быть, кто-то только что толкнул

его под дверь! Девушка осторожно его подняла и увидела ровный почерк Томаса Ауэрая:

«Вы потеряли вашу книгу?»

Читайте вместо этого Шекспира, третья книга слева!»

Изабелла открыла дверь, но Томас исчез. В библиотеке было темно, свет от свечи из её комнаты падал тонкой светлой полосой на книжную полку, распыляя золотистое тиснение на корешке книги произведений Шекспира. На указанной надписи пыль была стёрта, как будто кто-то недавно брал её в руки.

Беззвучно она подкралась к полке, потянулась и схватила книгу. Потом поспешила в свою комнату, остановилась прямо рядом с канделябром и раскрыла её. Это была пьеса Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь», где эльфы играли важную роль. «Он надо мной смеётся?» В некотором смысле это было хорошо, впервые только расстроилась, но не испугалась. Она раздражённо перелистывала страницы и почти захлопнула книгу снова, когда внезапно отделился и выскользнул один лист. Она едва смогла его удержать. Он не принадлежал к книге. Это было... письмо?

Изабелла сглотнула. «*Пожалуйста, никаких плохих сообщений из деревни!»* — умоляла она мысленно. Девушка положила книгу на кресло и расправила бумагу. Она едва ли почувствовала, как упала на колени. Чёрная ткань раздулась и осела вокруг неё. Изабелла сидела на полу и не могла отвести взгляд от рисунка.

«Мари!» Она улыбалась ей, полная жизни, со слегка поджатыми губами, как будто в любой момент могла что-нибудь крикнуть. Как она изменилась! Но даже с тонкими, плавными линиями, молодая девушка имела мало общего с задорной девчонкой, которой когда-то была, Изабелла сразу узнала бы её из тысяч других.

— *Sòrre*, — шептала она. — *Fa bèl brieu*.

Было необычно составлять слова на этом языке. Слишком долго она произносила свои молитвы на французском. Давно ушли в прошлое промелькнувшие вечера бабьего лета: две девочки с дырками вместо выпавших зубов, которые босиком лазили по скалам и собирали весной первые дикие нарциссы и гвоздики, чтобы делать из них подарок матронам.

Капля растеклась по чернилам, став тёмно-серым налётом и размыла очертания рисунка. Изабелла не заметила, что плакала. И как будто холодный сон миновал, который согнал её душу и всё чувства в помещение без света и воздуха, сейчас в ней поднимались рыдания. Изабелла прижала свою руку ко рту. Но ничего не могла поделать, жалобный звук вырвался из неё. Она испугалась того, насколько чужим он звучал. «*Как долго я не плакала? Умею ли я это еще вообще?»* Резким движением Изабелла вытерла щёки тыльной стороной ладони. Потом она взяла себя в руки и прочитала строки под портретом.

«Мадемуазель д'Анхер,

когда мы с вами недавно встречались, я с сожалением увидел, как сильно вы беспокоитесь о Мари Хастель. Я надеюсь, что немного облегчу вашу обеспокоенность этим портретом. Изображению нескольких дней. Итак, вы видите, она в порядке, и также здорова семья Марии. Теперь у меня есть к вам просьба: я должен срочно с вами поговорить! Я не могу вдаваться здесь в подробности, только так, от всего сердца и от всей души: простите мои сомнения. С вами в ту ночь на самом деле говорил кто-то другой, я нашёл доказательство и принёс. Вероятно, вы вспомните, если увидите предмет.

Пожалуйста, доверьтесь мне, по крайней мере, для разговора и нескольких вопросов, конечно, строго конфиденциально, честное слово. Я остаюсь в замке до тех пор, пока вас не услышу, Вы найдёте карандаш и бумагу за чучелом совы. Положите ваше сообщение под деревянный цоколь.

В ожидании Вашего скорого ответа.

Томас Ауврай.

снова преданный, но не вор

P.S: Ваш сборник сказок я спрятал за книгами о рыболовстве и лесном хозяйстве. Предполагаю, что мадам едва ли интересуется деревообработкой, по крайней мере, не до тех пор, пока речь не идёт о святых осколках из деревянных крестов христианского мученика. И да: этим утверждением вы могли бы сейчас меня конечно шантажировать.

P.P.S: Ваша лошадь ещё жива».

Она не знала, что больше выводило её из себя: что шрамы снова ощущались как свежие раны, или что Томас Ауврай вызвал у неё улыбку.

За некоторыми дверями она слышала приглушённый храп, когда на цыпочках скользила по коридору. Когда Изабелла дошла до маленькой комнаты прислуги, смешались белый и голубой цвета, холодный лунный свет в жёлтом сиянии, который падал из узкой щели двери на входе. Изабелла заглянула в помещение. Это, несомненно, была комната Томаса: на полу лежала бумага и в мерцании свечи она смогла узнать часть кровати, на которой также были разложены документы.

Теперь девушка всё-таки занервничала. Она ещё раз поправила свои волосы. Сегодня Изабелла также причесала их на бок и заплела в свободную косу, так что локоны упали на её лицо и закрыли частично правую щёку.

Она не постучала, а просто вошла. Изабелла ожидала, что найдёт Томаса сгорбившимся над работой. Ещё больше девушка поразились тому, что он спал у канделябра. На его лице лежал отпечаток страдания и напряжения. Измученные и напряжённые черты лежали на мужском лице, и уязвимость, которая их касалась. Внезапно у неё возникло желание проникнуть не только в его комнату, но и в запретную комнату, полную кошмаров. Изабелла тихо закрыла за собой дверь и рассматривала Томаса. Он носил простую рубашку, которая выглядела так, как будто юноша позаимствовал её у слуги, и к ней светло-серые бриджи. Так он лежал вытянувшись среди своих записей, подложив руку под голову. На лбу художник носил повязку, из-под которой ниспадали белокурые волосы. Сейчас ей бросились в глаза тонкие царапины на щеке, и даже руки были задеты, как будто он ползал по кустам ежевики. Его руки были более загорелыми, чем несколько дней назад, но всё же Томас был похож на персонаж из чужого, более светлого мира.

Вопреки своей воле, она должна была признать, что Томас ей нравился — парень был стройным и слишком большим для кушетки, и даже во сне его тело было в ленивом напряжении, которое она наблюдала у кошек. Грубая куртка лежала на топчане в ногах. Оборванные колючки торчали из тёмно-серого материала. «Где ты был?» — подумала Изабелла удивленно.

Изабелла нерешительно беззвучно приблизилась, действительно ли она должна разбудить его. Он что-то бормотал, его веки слегка вздрагивали, как будто юноша видел во сне то, что едва мог выносить. С топчана скользнул лист бумаги и спланировал на пол. Он приземлился прямо перед ней. Слова дрожали в свете свечей как живые существа, которые хотели оторваться от бумаги. Изабелла подняла лист.

«Животное, серо-чёрное, с двухцветной шерстью и узкой тёмной полосой на спине, другое тёмно-рыжее и чёрное, с белым пятном на груди. Тем не менее, оба казались одного и того же вида. Животное несколько раз было ранено. Оно снова поднялось и просто побежало от очевидцев дальше — это плохой порох? Разве его недостаточно сильно ранили?»

Там же стояло предложение, написанное угольным карандашом:

*«Третье животное? Похожий волк и чёрный?
Другой вид?»*

Следующий документ лежал возле его груди. Как ни странно, текст был решительно перечёркнут. Бумага имела дату, десять дней назад. Шрифт был мелким, Изабелла должна была наклониться вперёд, чтобы смочь его прочитать. С бьющимся сердцем, она пробежала эти строчки.

«На сегодняшний день два вида атак и без обезглавливания. Или нападение делится в основном на две фазы? Во-первых, когда набрасываются на жертву, поднимаются на задние ноги, жертву царапают и сбивают с ног, после этого перекусывают горло. После этого (во-вторых) лежащую, беззащитную жертву яростно разрывают и, наконец, обезглавливают? Таким образом, этот вид животных становится кровожаднее? Или каждое из животных убивает по-своему?»

Сила укуса челюсти, с которой можно было бы отделить человеческую голову от тела, во всяком случае, это известно у гиен, медведей или тигров, что здесь можно исключить.

Также примечательно: животное не питается падалью, оно никогда не возвращается к убитой добыче как другие хищники. Ещё необычайность: ровные раны в дополнение к очень кровавым ранам. Зоологический вопрос: форма зубов? Верхние фиксаторы и необычно гладкие клыки для раздиранья добычи?»

«Клыки. Раны». Изабелла невольно схватила свой медальон. Он щёлкнул, когда она отстегнула кольцо подвески. Томас вздрогнул и открыл глаза. Бесконечно долго они смотрели друг на друга, оцепенев вдвоём от неожиданности. Затем Томас с испуганным вскриком отскочил назад. Шелестящий водопад из бумажных листов рассыпался по полу, свечи замерцали и почти погасли.

— Осторожно! — прошептала Изабелла, но Томас уже ударился головой об стену. В следующий момент он сыпал проклятиями от боли.

— Вы хотели меня смертельно напугать?

Изабелла пожала плечами.

— Вы всё-таки хотели поговорить со мной, или нет?

— И для этого вы прокрались тайком среди ночи в мою комнату?

— Праведник тут заговорил!

Парень уже хотел что-нибудь ответить, но когда хорошо её разглядел, у него отвисла челюсть. Она точно знала, как действовала на него: перед ним в траурной одежде стояла аристократка, холодная, контролирующая и хорошо понимающая своё положение.

— Я должна была постучаться как прислуга? — насмешливо спросила Изабелла. — И, кроме того: кто имеет на своей стороне неожиданность, тот имеет явное преимущество, как вы видите, я знаю, как использовать своё преимущество.

Он всё ещё пристально смотрел на неё, как будто бы девушка была призраком, потом заметно сглотнул и, как ни странно, покраснел.

— Это звучит так, как будто бы мы сражаемся.

— Это вы мне говорите. Вы не оставляете меня в покое.

— Я только хочу вам помочь!

— Я думала, вам нужна *моя* помощь!

Этот ответ, казалось, заставил Томаса замолчать. Его глаза сияли в этом серо-голубом цвете, который она уже заметила в конюшне. В них стоял постоянный срочный вопрос, и что удивительно — искра гнева.

«У него есть гордость», — подумала Изабелла. — *«И он, пожалуй, не за что её не потеряет».*

Он откашлялся.

— Ну, во всяком случае, спасибо, что вы пришли, мадемуазель.

Томас хотел встать, но она махнула рукой.

— Сидите. Что с вами произошло?

Он пожал плечами и вздохнул.

— Охота в лесу и что-то вроде рукопашного боя. Ну, и я заблудился. К сожалению, я рисую лучше, чем дерусь.

Теперь молчала Изабелла. Он действительно происходил из другого мира, потому что здесь не было мужчин, которые признавались бы в поражении и пожимали плечами.

— Я хотел отдать Терезе Хастель ваш пистолет, но она ни за что не захотела его принимать, — продолжал Томас, — она сказала, что мужчины Хастель достаточно хорошо вооружены. И передала вам сердечный привет.

Хотя Изабелла была разочарована, но установила, что почти не ожидала ничего другого. *«Тереза всегда так быстро обижалась».* И даже в этом отказе было что-то домашнее, близкое, что снова разожгло её тоску.

— Оружие ещё в квартире, — закончил Томас. — У меня не было времени принести его, но я верну его вам в течение следующих дней.

Довольно долго они оценивающе осматривали друг друга, как если бы каждый разрабатывал для себя свою стратегию.

— Вы уже давно знаете Хастель? — спросил он.

— Это тот вопрос, который вы хотели у меня спросить?

— Нет, что... только поинтересоваться, — осторожно сказал он. — Вы должны согласиться, что это необычно, когда такая дама как вы волнуется о дочери хозяина харчевни.

— Мы были знакомы раньше. Но годы прошли. И, кроме того, речь не о том, как я

отношусь к данной семье.

«Что я здесь делаю?» — думала она. — «Играю надменную графиню, которая осаживает студента, потому что он видит то, что не имеет права видеть?» Внезапно Изабелла почувствовала усталость. Она бы с удовольствием села на кровать, но этого не допускало её положение.

В этот момент Томас удивил её тем, что улыбнулся. Он схватил рядом с канделябром угольный карандаш, вытащил на колени лист бумаги и разгладил его.

— Если бы это было много лет назад, вас, наверное, это бы заинтересовало, — не дожидаясь ответа, он начал рисовать. Штрих за штрихом лицо просыпалось к жизни. И тогда она не смогла больше ничего другого, как ступить ближе. Отсюда Изабелла узнавала каждую деталь: Тереза, которая действительно стала старше, но почти не изменилась и Жан Хастель, который очень постарел. А рядом с ним...

Теперь её колени стали такими слабыми, что она и в самом деле опустилась рядом с курткой, нашигованной шипами. «Это была война?» — подумала Изабелла потрясённо.

Казалось, прошло сто лет, далекое сказочное время. Хотя в то время Бастьен был долговязым, худым мальчиком, она вспоминала о нём, как о сильном, молчаливом великане, который их оберегал. Он никогда не таскал за волосы свою сестру или толкал её в ручей, как охотно делали Пьер и Антуан. Бастьен лазил с Марией и Изабеллой по деревьям и по горам. И если они убегали слишком далеко, он бежал за ними, ругался, и приводил их назад к Терезе, как маленьких коз. Её глаза загорелись, и внезапно Изабелле не удалось дальше поддерживать непреступный фасад.

— Бастьен, — прошептала она. — Скажи мне, что у него не лёгкая жизнь, с тех пор как он вернулся домой с войны, но он выглядит таким... непреклонным и злым.

— Да, это тоже он, — ответил Томас. — Вы знаете, почему его братья и отец так осложняют ему жизнь?

— Так было всегда. Его братья всегда держатся вместе и выступают против него, однажды он даже чуть не утонул из-за одной их шалости.

— Они его чуть не убили? А отец? Что он делал?

— Ничего. Никто не видел, что произошло в действительности. А Жан Хастель полагает, что каждый должен бороться за своё место сам. Выигрывает тот, кто сильнее. Тот, кто слаб, проигрывает.

Томас сопел. Его пальцы схватили угольный карандаш, как будто хотели его сломать.

— Тогда ему лучше вообще не иметь отца, чем такого! — её поразило, как сильно он реагировал. Потом юноша, кажется, это осознал и старательно убрал волосы со лба.

Изабелла впервые заметила, что у него были прекрасные руки, сильные, но хрупкие. Большой и указательный пальцы правой руки были тёмными от чернил и угля. С бьющимся сердцем она долго вспоминала о его прикосновении, и почувствовала тёплую дрожь, смутную тоску, которой не могло быть. Когда Томас опустил руки, на повязке на его голове проявилось пятно. Его взгляд упал на её траурную одежду, и неожиданно ярость юноши сменилась тревогой.

— Простите меня. Я не хотел быть бестактным... Как я только мог забыть, что вы тоскуете по своему отцу! Если вы так долго носите траур, он должен был быть особенным человеком.

— Он был таким! — решительно ответила Изабелла. И на одном дыхании спросила себя, почему защищала своего отца перед чужаком. Перед ней предстал отец, его грубый

смех, руки как лапы льва и страсть жить полной жизнью, как пить красное вино. — Это он был настоящим, — тише повторила она. — Он был хорошим человеком, великодушным, любезным и сердечным.

Это как в одном из её снов. Вещи, которые не были созданы друг для друга, смешались, ничего не подходило друг к другу. Она была графской дочерью и говорила с посторонним, который стоял намного ниже, чем её знакомые. И самое сумасшедшее было то, что чувствовала она себя хорошо.

— С тех пор как он умер, я чувствую, как будто бы совершенно одна на свете, — шептала она. — Вы можете это понять?

— Я понимаю, — ответил он с серьёзностью, которая коснулась её как тёплая рука. — Вероятно, даже лучше, чем вы можете это себе представить.

Снова была эта сбивающая с толку близость, и Изабелла поняла, что с той ночи они уже давно что-то разделили. «У него тоже есть тайны. И какая-то тайная печаль».

— Посвящение в вашем сборнике сказок, она принадлежала ему, не так ли? — спросил Томас так осторожно, как будто хотел проверить, была ли причина, на которую он отважился, достаточно сильной, чтобы её произносить. — Я взял на себя смелость их прочитать, когда просматривал книгу. Он говорил там, что вас поцеловали феи гор. Он верил в... такие вещи?

Изабелла слегка улыбнулась.

— Так может спросить только кто-то, кто как неверующий Фома из Библии. Это не *вещи*. Мой отец был умным мужчиной, и он очень хорошо знал, что между небом и землёй есть намного больше общего, чем позволяют нам разум или церковь.

Томас молчал, и ей показалось, что он побледнел.

— Вы не можете себе этого представить?

Он откашлялся.

— Это... трудно для меня.

— Вы никогда не были в лесу? Закройте глаза и тогда вы услышите шёпот теней на ветру, — он снова не отвечал, только задумчиво вертел в руках угольный карандаш. Потом юноша поднялся и собрал некоторые из упавших листьев.

— Да, я был в лесу. И верю, я знаю, где вы были в день вашего происшествия. Вы упали не перед замком, а здесь, — он показал один из её рисунков округлой каштановой рощи. — Это место находится недалеко от Ле Бессет перед небольшим склоном. Здесь, вокруг каштаны, камень матрон, всё как на вашей картине!

Изабелла смущённо рассматривала второй эскиз, неуклюжий рисунок из сказки. Томас скопировал его, и теперь она держала рядом его портрет. На мгновение девушка почувствовала себя обокраденной, оттенок страха коснулся её. «*Он ещё и охотник*», — подумала она.

— Вероятно, вы охотно выхватываете у предметов их тайны?

— Если это поможет делу, то да, — серьёзно ответил он. — И? Вы помните?

— Нет, — это была правда. Поляна была мимолетной картиной из его мечты, ничего более.

Томас, кажется, был разочарован.

— Вероятно, вам поможет кое-что другое, что восстановит вашу память. *Старый, седоволосый образ*, который вы описали на окзитанском языке под рисунком. Это мужчина, который говорил с вами? Я преследовал его в лесу. Вы готовы посмотреть на него?

Всё противилось в ней, но Изабелла задержала дыхание и кивнула. Он медленно повернул рисунок и показал ей обратную сторону. В первый момент её сердце подпрыгнуло, сверкнуло смутное узнавание, но темнота не рассеялась.

— Я не знаю точно. Он кажется мне знакомым, но в моих снах всегда присутствует челюсть с острыми зубами.

Томас кивнул, как будто ожидал это возражение.

— Я считаю, что некоторые впечатления смешиваются. Вероятно, вы видели этого мужчину, может быть, он нагнулся над вами. И здесь это повисло на его шее. Снизу это выглядело как гримаса с острыми зубами.

Он тихо прищёлкнул, когда поднял вверх что-то обеими руками. Потом это зависло перед ней как улыбка зверя: кожаный шнурок, на который были нанизаны дюжина сомкнутых волчьих зубов. Это было удивительно простое объяснение, и она была почти разочарована.

— Всего лишь человек?

Томас криво улыбнулся.

— Надеюсь на это. Всё другое перевернуло бы мой мир с ног на голову. Да? — в его голосе затеплилась надежда, что, казалось, она излучала тепло. — Это он: вы также говорили, что у бестии есть имя. Как его зовут?

Она закрыла глаза и лихорадочно искала в сумраке своих кошмаров.

— Я не знаю, я... только лишь знаю, что упала с лошади. Я попыталась подняться, но ушла не далеко. Моя лодыжка была вывихнута и я потеряла ботинок.

— Ботинок? Как он выглядел?

— Чёрный зашнурованный ботинок с тёмно-красным каблуком.

— И тогда?

— Потом был шёпот. Когда я грежу во сне, то слышу, что зверь говорит со мной, но когда я просыпаюсь, ничего не помню.

— Это не плохо, — бормотал Томас. — Имеются другие исходные данные, и мы можем...

— Вы ведь всегда вспоминаете об этом в своих снах? — упомянула она ему.

Тень боли мелькнула по его чертам.

— К сожалению, в каждом из них.

— Что вам снилось, прежде чем я вас разбудила?

— Мертвецы, — ответил он помедлив. — Бедная Мергерит, маленький Мартин и женщина, гроб которой стоял в Сог. Они каждую ночь спрашивают меня, что произошло. И не оставят меня в покое до тех пор, пока я не скажу им, что их убило — или кто.

— Таким образом, вы до сих пор слышите шёпот призраков.

Казалось, он так расстроился, что, не смотря ни на что, Изабелла улыбнулась. Потом Томас тоже скривил рот в кривой ухмылке.

— Поймали, — сказал он. — На это у меня нет никакого ответа, — некоторое время он задумчиво смотрел на листы в руке, потом развернулся к ней. — Мадемуазель, я могу посмотреть на вашу щеку?

— *Что* вы хотите?

— Я знаю, это звучит нагло, но я должен знать, есть ли у вас похожие травмы как у Маргерит.

Изабелла возмущённо качала головой.

— Как вы думаете, почему мой брат прячет меня здесь и никто не может увидеть меня до тех пор, пока всё не зажило? И вы хотите увидеть мои шрамы? Вы сразу сделаете рисунок!

— Я всё же говорил, что вы можете мне доверять! — ответил он с той мягкостью, которая снова полностью застала её врасплох. *«Как будто боролась с мечом с кем-то, кто был совсем не вооружён».*

— И даже если это так, — шептала Изабелла. — Вы серьёзно думаете, что я покажу чужаку своё изуродованное лицо?

— Ничто не может вас изуродовать, — почти удивлённо ответил он. Это не было лестью, Томас говорил настолько откровенно, что всё её возмущение пропало. И девушка почувствовала, что настоящей причиной отказа было то, что ей было не безразлично, находит он её красивой или уродливой.

«Как будто это имело бы значение!» Изабелла увидела перед собой мёртвую девушку на поле и ещё много других девушек — убитых или раненых, и вместе с тем, лишённых какой-либо защищённости. *«И я принадлежу к ним. С той ночи».*

Томас молчал и совершенно не пытался её убедить, и Изабелла поняла, что он хорошо сражался, но другим оружием: с его упорством, с терпением и страстью, проникая в суть тайны, которая почти пугала её. И, конечно, это был тот момент, в который она пыталась решиться и просто ему доверять.

Изабелла взялась за ожерелье и решилась. Шёлк скользнул с её волос. Она собрала всё своё мужество, потом перекинула тяжёлую завесу своих волос на другую сторону шеи. Изабелла подготовила себя к тому, чтобы выдержать то же брезгливый ужас, который не могли скрыть брат и врачи. Но Томас выглядел только обеспокоенным и немного грустным.

— Вы позволите? — мягко спросил он. Изабелла отшатнулась назад, когда Томас поднял руку, но потом допустила, чтобы юноша бесконечно нежно коснулся её подбородка, и повернул его немного в сторону. — Теперь я рад, что вы не вспоминаете, — тихо сказал он.

Изабелла не знала, почему вдруг слёзы стали жечь ей глаза. Никогда прежде она не чувствовала себя такой беззащитной и утешенной как теперь этими словами, которые были как ласка.

— И? — шептала она.

— Однозначно, типичные раны. Царапины когтей, которые спускаются вниз вдоль передней части уха до дуги нижней челюсти на шее. Они уже почти зажили, скоро многие из шрамов больше не будут видны. И на вашем горле... Расстояние между обеими челюстями шире, чем у волков. Вам повезло, что вы пережили нападение.

— Вероятно, моя *шуба* спасла меня. Если бы толстый материал не защитил мою шею...

Изабелла не заметила, когда Томас передвинул свою руку. Внезапно она легла на её щеку, осторожно защищая лицо, и в этом контакте девушка замерла. Оно было тревожно милым. Изабелла не знала, почему как раз теперь должна была вспомнить, какими грубыми были кулаки Эрика или руки аристократов, которых она знала: готовые узурпировать то, что было прекрасно и ценно. Рука Томаса напротив... слегка дрожала.

Где-то снаружи скрипнула дверь, и они испуганно отошли друг от друга. Зашипело, когда Томас молниеносно потушил свечу пальцами. Потом они неподвижно сидели в темноте и внимательно слушали. Послышались шаги, и кто-то подошёл ближе. Изабелла перестала дышать и закрыла глаза. *«Пожалуйста, нет!»* — думала она. — *«Жан-Жозеф закроет меня в монастыре на всю жизнь, если найдёт меня здесь — на кровати, рядом с*

чужаком!»

Шаги стали медленнее и остановились. И в эту задыхающуюся секунду что-то произошло: на мгновение ей снова было шесть лет, листья отбрасывали тень на её кожу. Она лежала на спине и пристально смотрела на кроны деревьев. Летнее солнце мерцало между ветвями. Но как ни странно, небо уже не было по-летнему синим. Оно было красным и таким тёмным, как будто Изабелла смотрела в глубокое море. Когда она хотела позвать своего отца, из её горла появился только приглушённый звук. Солёная кровь прилипла к губам, холодный ночной воздух гладил щёки. Кто-то тихо пел песню. Изабелла не могла говорить, но сквозь туман видела фигуру человека или животного, она этого не знала. Девушка хотела предостеречь Андрэ, но небо потемнело так, как будто над ними упала тяжёлая пелена. И там было воспоминание, как шёпот.

Изабелла только сейчас заметила, что подскочила. Шаги затихли в коридоре, затем стало тихо. Но шёпот всё ещё, казалось, окружал её, и, наконец, Изабелла поняла слово.

— Я должна идти, — прошептала она. Однако прежде чем выбежать, по её коже всё ещё пробежал холодок, Изабелла повернулась и прошептала в темноту: — Томас! Имя бестии... Каухемар. (*прим пер.: Cauchemar — страшный сон, фр.*)

Глава 19

КАУХЕМАР

На кухне была суматоха, сегодня должны были прибыть новые приглашённые на охоту гости, два графа выдвинулись из Виваре, каждый со своей сворой, чтобы усилить охотничью свору. Бестия снова убила, по меньшей мере, так предполагали: мальчик из одной горной деревни бесследно исчез два дня назад в ущелье Овернье.

Томас сидел с перевязанной папкой рисунков перед тарелкой овсяной крупы, готовый к отъезду. С их ночной встречи он больше не видел Изабеллу, она не отвечала на его сообщения, и её дверь оставалась закрытой, но только память заставляла сердце биться быстрее, даже сейчас. Его рваная рана хорошо заживала, однако, он провёл прошедшие два дня как лунатик, тоскуя и надеясь снова увидеть Изабеллу.

Всё же ему удалось отправить письмо Лафонту, который как раз разъезжал с д'Апхером в охотничьих районах. В письме также был портрет мужчины, который называл себя Каухемар: *кошмарный сон*.

В течение дня чёрное, измазанное сажей лицо преследовало его, но как только Томас на секунду закрывал глаза, то снова был рядом с Изабеллой, его рука лежала на её щеке, горячая кожа к его холодной. И она понятия не имела, как он боролся против безумного желания, притянуть её к себе и говорить ей, что он только хочет защитить девушку от кошмаров.

— Привет, есть кто-нибудь дома? — Матильда щёлкнула пальцем перед его носом. — Удар по твоей голове вытряс мозги через уши? Или призрак живёт в твоей каше?

Теперь и он заметил, что пристально смотрит в миску как лунатик. Матильда ухмылялась.

— Ты влюблён или что? Не смотри на меня как телёнок, когда гремит. Твой друг здесь! — она указала на дверь, и там прислонился Адриен. У него было серое лицо, и двигался он так, как будто бы не спал несколько ночей. Он, должно быть, был только что с дороги, его волосы были мокрыми от летнего дождя. Мужчина побрёл к Томасу и сел за стол. Томас без слов сунул ему кашу, что Матильда комментировала с обиженным

фырканьем.

— Что случилось?

Адриен толкнул несколько ложек каши в рот, потом пожал плечами.

— Всё и ничего, — ворчал он с полным ртом. — А ты? Еле на ногах и снова в дорогу. Тогда ты это слышал...

— Что он должен услышать? — спросила Матильда.

— Мальчик из деревни в ущелье Овернье. Вчера вечером его нашли.

Внезапно все посмотрели на Адриена. Он серьезно кивнул.

— Его звали Клод Бискаarra, девяти лет. Они его сразу похоронили — ну да, то, что осталось от него. Зверь был, вероятно, очень голодный. Месье Антуан бесится и на сегодня снова запланирована великая охота.

— На Мон Муше? (*прим. пер.: гора во Франции*) — Томас прикинул свои возможности. Если он сначала приведёт лошадь из деревни, то потратит время. После Овернье едва ли было пять миль и, может быть, в крутых горах пешком ему будет быстрее. Юноша вскочил и схватил винтовку Бастьена и узелок. — Я должен идти! До скорого, Адриен.

— Ты будешь первой жертвой бестии, которая умирает от голода, — крикнула ему вслед повариха.

Адриен последовал за ним наружу.

— Эй, ты хочешь пойти охотиться?

— Нет, опросить людей, которые нашли мальчика.

— Пошли в конюшню, я одолжу тебе пальто, это выглядит как после бури. Эта крестьянская куртка, которую ты там носишь, не принесёт пользы тебе там наверху.

Как только глаза Томаса привыкли к полумраку конюшни, он знал, откуда появилось плохое настроение Адриена. Позади в углу была насыпана солома, и Думиас лежал, повизгивая в углу.

— Что случилось?

— Я тоже хотел бы знать, — прорычал Адриен. — Я только сейчас пришёл обратно в замок, он лежал здесь. Думаю, Эрик ударил его ногой, потому что тот не подчинился. Во всяком случае, пёс хромает, — мужчина опустил перед собакой на корточки, и животное лизнуло его руки и поднялось на соломе, одновременно виляя хвостом. — Плохо то, что жестокость доставляет Эрику удовольствие. Этого не достаточно, порицать собаку голосом. Эрик всегда должен быть господином, любой ценой. Сегодня он разъезжает с тремя другими собаками. Будем надеяться, по крайней мере, он оставит в покое этих.

— Почему ты вообще работаешь на него?

Адриен засопел.

— Это может спрашивать кто-то как ты. Деньги! И, кроме того, я кое-чем обязан Морангезу. Он, наконец, вытащил меня из тюрьмы.

Теперь Томас стоял с открытым ртом.

— Ты сидел в тюрьме?

Адриен поднял уголок рта в кривой ухмылке.

— Просто не все выросли в Версальской сахарнице. Моя семья была бедной, и после войны это не стало лучше. Я единственный, кто вернулся, мужья моих сестёр пали в бою; на моей шее вдовы и моя старая мать. Ну, в конце концов, у меня не было выбора, кроме как браконьерствовать, что привело меня в темницу. Но Эрик меня выкупил. До тех пор пока я работаю на него, еды дома хватает, — он схватил баул в углу каморки и вытащил войлочную

накидку. — Вот, отдашь мне назад, когда в следующий раз будешь в замке.

— Спасибо, — Томас принял предмет одежды с подавляющим чувством. — Мне очень жаль, о твоей семье.

Адриен смеялся.

— Не делай такое растерянное лицо. Такова жизнь, и так далее, господа. Берите то, в чём нуждаетесь, и если это становится бесполезным, как собака, которая хромает, тогда это заменяют. И этот чёртов ублюдок Эрик не станет поступать со мной по-другому.

Только в этот момент Томас понял, что они давно действительно стали чем-то вроде друзей.

— Ну, люди как мы не могут выбирать. Я прыгаю для де Морангьеца, ты для месье Антуана и всех других балбесов. Всегда существует тот, кто командует нами, не так ли?

— Выглядит так, — ответил Томас.

Адриан гладил Думиаса за ухом. Они выглядели не как хозяин и собака, а как близкие знакомые. В голове Томаса мелькнула причудливая картина: Адриен и собака. И мужчина с чёрным, похожим на волка животным, который оставался рядом с ним, и которые по ночам в сумраке могут действовать как единое целое. Мысль была такой сумасшедшей, что он хотел сразу оттолкнуть её от себя. *«Но что, если животное на самом деле путешествует вместе с Каухемаром?»*

— Адриен? Как ты думаешь, ты можешь приручить любое животное?

— Почему нет?

— Даже неизвестный вид животных? Как ты будешь действовать?

— Также как с собаками Эрика. В основном животные очень похожи друг на друга — кто их кормит, их Бог. Я возьму щенков у собак, когда им несколько недель. Я кормлю их только с руки, кроме того, что они не получают больше ничего от кого-то другого. Так они учатся тому, что я определяю, что и когда они едят. Я также могу позволить им умереть с голоду, и инстинктивно они это знают. Постепенно за каждый кусок я начинаю что-то требовать: определённого поведения, трюк или сидеть спокойно, только в игре, потом серьёзнее. Через некоторое время для них естественно то, что они мне повинуются. Я не должен давать им каждый раз корм сразу. Так ты можешь обучить их всему, чего хочешь. И я никогда их не бью, я управляю ими только голосом, — он ухмыльнулся. — Почти как с женщинами, как колдовство. Только то, что у собак это получается всегда. Почему вообще ты хочешь это знать?

— Была одна такая мысль, — бормотал Томас.

Адриен ударил его по плечу.

— Ты слишком много думаешь. Ну, пошли! — с этими словами он вышел из конюшни, засунув руки в карманы, и насвистывая весёлую танцевальную мелодию.

Чтобы добраться к дороге до Овер, Томас должен был лишь немного спуститься в сторону Ла-Бессер-Сен-Мари, а затем по дороге в сторону Нозейролле и пройти в горы. Но не успел он покинуть замок и пробежать четверть мили, как обнаружил несколько человек, которые собрались на круто спускающемся пастбище возле утёса. Они теснились друг к другу, женщина громко всхлипывала. И даже на расстоянии Томас мог видеть, что кровавый кусок фартука запутался в кустарнике рядом со скалой. Брошенные овцы разбежались врассыпную, когда он с головокружительной скоростью промчался сквозь середину стада. Когда юноша достиг собравшихся, из-за скалы как раз появился священник.

— Бестия? — крикнул Томас. Бледные, растерянные лица обратились к нему.

Священник кивнул.

— Должно быть, это произошло недавно, — сказал он хриплым голосом. — Девочку звали Катарина Англайд, была замечена в деревне ещё два часа назад. Курьер уже в дороге к месье Антуану, и другой побежал к замку.

Томас бросил папку на землю и выдернул оттуда лист бумаги. Он не заботился о том, что священник ему что-то кричал вслед. У скалы юноша перевёл дыхание и с бьющимся сердцем сделал шаг вперёд. Теперь он был рад, что не притронулся к завтраку.

Покойница лежала прислоненной к камню, вполоборота от Томаса. Каждый кусок ткани, который покрывал её тело, был пропитан кровью — и отсутствовала голова. Это было легче переносить, как только он начал рисовать.

Штрих за штрихом художник начал всё то, что до сих пор казалось таким незначительным: клочок волос, который лежал рядом с трупом, разорванный рукав, который прилип на правом предплечье, как будто девушка пыталась защитить лицо рукой, край раны на шее. *«Поразительно гладкий. И раны над ключицей...»* Взгляд упал на прядь белокурых волос. В тот же самый момент он знал, что, наконец-то, нашёл реальное доказательство. Он тщательно ещё раз осмотрел каждую отправную точку, его сердце выбивало барабанную дробь в груди. *«Что ты сделал Каухемар? И почему?»*

Он поднялся и медленно пошёл в гору по каменистому склону. *«Оборванные лишайники, как будто кто-то бежал в гору, вдавленный мох».* Томас достиг края леса, прошёл между деревьями и повернулся. Это было как сон наяву, с точки зрения взгляда Каухемара, ужасный и в то же время захватывающий. Место, которое только что обрывалось, было недостаточно наклонным, которое теперь проходило ниже на пастбище, превращалось в засаду хищника.

«Низко висящие ветки и ягодники. Между деревьями меня не может никто видеть. Но у меня есть вид на девочку, и я могу ждать. Скала — это хорошая защита. Я могу появиться неожиданно и также быстро отступить — за скалу и потом в лес. В каком направлении я бы убежал?» Он повернулся и последовал за своим инстинктом, позволяя переместиться в другое бытие. Там, где подлесок был густой, Томас пригнулся и ступил на заросшую тропинку.

«Я стираю следы. Я сознательно исследовал следы животных, чтобы запутать ищеек. Вероятно, я последую даже за волками, чтобы дурачить месье Антуана».

Как будто бы небо хотело послать Томасу подтверждение его теории, он обнаружил знак Каухемара на одном их деревьев. И не далеко от этого, между буковыми отростками лежала голова мёртвой.

Прибыла группа вооружённых всадников. Рядом со скалой Лафонт просто спрыгнул с лошади. Никогда раньше Томас не был так рад видеть синдика. Он был на волосок от падения, когда проковылял по склону вниз.

— Почему я не удивлён встретить вас как раз здесь? — сказал Лафонт вместо приветствия. — Учюяли кровь? Вероятно, мы должны надеть на вас волчий ошейник и выпустить с собаками при следующей охоте.

Томас указал на опушку леса.

— Там наверху лежит голова, едва в сотне ярдов отсюда, — и тише добавил, — там также снова знак Каухемара. Вы всё-таки получили моё письмо? И портрет мужчины?

Лафонт заставил его замолчать предостерегающим жестом.

— В лесу лежит голова! — крикнул он другим мужчинам. — Доставьте её! И следующее: отойдите в сторону, я хочу взглянуть на мёртвую. Пойдемте, месье Ауврай!

Они вместе пошли к трупу. Лафонт присел, посмотрел на девочку, потом огорчённо снял очки и вытер рукавом глаза и лоб.

— Обычная картина, — пробормотал он. — И только, если я вас правильно понимаю, вы мне написали, что видели каких-нибудь детей природы с волчьими зубами вокруг шеи? Вы верите, что парень участвует в убийствах?

— Да, монсеньор.

— Вероятно, вы смертельно напугали бедолагу в лесу.

— И если я вам говорю, я знаю кое-кого, кто был атакован и этот мужчина был к этому причастен?

— Вы разговаривали с глупцом? — насмехался Лафонт.

— Конечно, нет, а с кем-то, кто пережил нападение!

— Кто?

Томас закусил нижнюю губу. Неожиданно он двигался по тонкому льду.

— Жаль, я не могу это говорить.

Лафонт зажмурил глаза и вдруг вспомнил о ястребе, который нацелился на мышь.

— Вам понятно, что я мог бы арестовать вас, если вы скрываете от меня информацию?

Томас сглотнул.

— Да, конечно. Но я дал... своё честное слово.

— Ваше честное слово, и что? Как честолюбивый студент, который даже идёт по трупам, чтобы произвести впечатление на короля? У нас нет времени на это, если речь идёт о человеческой жизни!

Томас должен был овладеть собой, чтобы спокойно ответить.

— Я не могу назвать вам имя. Но я скажу вам всё, что знаю.

Синдик сопел.

— Бретонская голова, да? Мы ещё поговорим об этом. Но теперь скажите мне: свидетели всегда видели только мёртвое животное. А вот это явно работа животного.

— Странно только, что при этом никого не удивило, что животное именно обезглавливало свои жертвы. Кроме того, многое говорит о человеческом интеллекте. Вы сами это упомянули: бестия всегда знает, где проходит охота, и при этом понимает каждую стратегию, чтобы проникнуть в неё. Она всегда там, где нет охотников. Теперь она даже совершает убийства в пределах видимости замка, как будто бы играет с охотниками.

— И какое животное на ваш взгляд для этого подходит?

— Между тем, я уверен, мужчина... натравливает приученное животное на свои жертвы.

— Конечно, Ауврай! Теперь мы, пожалуй, окончательно прибыли в страну фей.

— Вы видите эту прядь волос? Она не вырвана, а полностью отделена, бьюсь об заклад, что точно на уровне раны на шее. И если только здесь не плавают через болота акулы, это могло произойти лишь с помощью ножа! Кроме того: всмотритесь в эти клиновидные узкие раны...

Он сделал паузу. Это была только искра, маленькая бессмысленная идея, которая сверкнула в его затылке, но когда он вспомнил о Каухемаре, она сразу же представилась ему логичной. Что говорил Лафонт? Страна волшебниц. «*Страна!*»

— Возможно... мужчина появляется из другой страны, — бормотал он.

«Бестия появляется совсем внезапно, никто не знает, откуда она берётся» — вот что сказал епископ Менде. Он знал, какое производил впечатление на Лафонта, и чувствовал себя как больной лихорадкой, который мямлил запутанные предложения. И всё равно говорил дальше, следуя к следующей мысли, всё быстрее и поспешнее.

— Мужчина что-то кричал мне на чужом языке, я не знаю, был ли это окситанский. Но мы предполагаем, что это был другой язык. Мы допускаем, что он взял животное с собой на своей родине — из Африки, может быть — или из Нового Света. Вид животных, который до сих пор здесь никто не видел.

Лафонт довольно долго ничего не говорил, но у Томаса было впечатление, что в холодных глазах, наконец, вспыхнула искра интереса.

— Дерзкая теория.

— Но также и не очень ошибочная, да?

Лафонт пристально смотрел на мертвеца.

— Не совсем, — задумчиво бормотал он.

— Тогда мы должны проинформировать графа д'Апхер и других охотников, — сказал Томас. — Объявления о розыске распространяются, особенно в гаванях, вероятно, кто-нибудь узнает пассажира. И можно было бы просмотреть корабли по отгрузочным сертификатам (*прим. пер.: графа в грузовой таможенной декларации*), он ведь должен был броситься в глаза, если грузились несколько животных неизвестного вида. Может быть, кто-нибудь даже снова узнает зверей на моих рисунках, быть может, докеры, которые выгружают груз с судов, или...

Удар копытом заставил их взглянуть вверх. Месье Антуан с двумя охотниками прибыл верхом галопом и выпрыгнул из седла прежде, чем лошадь остановилась совсем. Большими шагами он подошёл к скале.

— Держите рот закрытым, — прошипел синдик. — Я говорю. Всё, что вы сделаете — это сохраните невозмутимое лицо и многозначительно кивнёте, понимаете?

Потом месье Антуан уже был возле них.

— Я слышал, девушка? И что вы здесь делаете, месье Ауврай?

— Пастушка, да, — ответил Лафонт. — Мои люди как раз ищут голову. И на дороге сейчас я случайно встретил господина Ауврая и тот был настолько свободен, что я позаимствовал юношу себе, чтобы услышать его мнение. Это снова должен быть очень большой волк. Месье Ауврай такого же мнения, не так ли?

У Томаса отвисла челюсть, но острый как нож взгляд искоса Лафонта был яснее, чем громкое предупреждение. Месье Антуан ждал ответа. Томас проглотил все возражения. Потом он понимающе кивнул.

Из леса подошли мужчины, один из них нёс голову, которую завернул в платок. Месье Антуан пошёл им навстречу.

— Что это должно означать? — прошептал Томас Лафонту. — Вы хотите скрыть это дело?

Лафонт склонился к нему так, что Томас стал отражаться в стёклах его очков.

— Откуда внезапные сомнения, месье Ауврай, не утверждали ли вы настойчиво в Версале, что это могло быть только волком? Я не знаю, к какой карьере вы стремитесь, но в одном мы, безусловно, сходимся: король всё ещё хочет видеть мёртвого волка. Месье Антуан здесь только по этой причине, и он возвратится назад в Версаль с волком, теперь даже я это

понял. Что вы думаете, наш король согласился бы на то, что какой-то раскрашенный леший с ножом и несколькими ярмарочными зверями дурачит его и епископа, и к тому же весь народ? Как выглядели бы Франция и королевский дом за рубежом? Английский смех могли бы слышать за морем. Вы действительно верите, что король даст вам за это орден?

Томас сглотнул. Это было впервые, когда он снова думал о своём отце и о бракосочетании, которое всё ещё парило над ним как дамоклов меч. И его единственный шанс, чтобы всего избежать: благосклонность короля.

— Но вы не можете отпустить убийцу! Это безумие!

Лафонт скривил рот в тонкой, хитрой улыбке.

— Нет, это только политика. Нужно знать, какие пути открыты, и которые только спрятаны, — он указал вверх в небо, где гигантская хищная птица с яркими нижними перьями кружила над ними. — Там, смотрите на *Жан-Ле-Блан* — обыкновенный змеяд (*прим. пер.: хищная птица семейства ястребиных, отряд соколообразные, подсемейства змеяды*). Делайте как он. Отойдите и всё рассмотрите, обдумайте все возможности и последствия, прежде чем нанесете удар!

— Вы идёте, наконец? — раздался нетерпеливый голос месье Антуана. Лафонт повернулся, чтобы уйти.

— Теперь вы немедленно вернётесь в свою деревенскую квартиру, и молчите как в могиле. Только не пишите мне больше никаких писем. Изложите все свои доказательства в письменной форме и следите, чтобы они не попали ни в чьи руки. Лучше всего носите их при себе. Вы уже очень скоро обо мне услышите!

Глава 20

ПАРНИ МОШЕННИКИ

Вилы и топоры лежали перед трактиром, как будто бы кто-то просто бросил их на землю, был даже перевернут чурбан для колки возле сарая. Лошадей охотников и мулов Бастьена там не было, только дворняжка, которую кто-то привязал верёвкой перед конюшней, лаяла как сумасшедшая.

С нехорошим чувством Томас подошёл к двери трактира и нашёл их запертыми. Но когда он всмотрелся через окно, ему стало легче, что мадам Хастель была в комнате, до тех пор, пока не узнал, что она плакала за столом в свой фартук. Две женщины из деревни утешали её.

Когда Томас постучал по стеклу, все повернули головы, потом одна из женщин поспешила к окну.

— Есть что-то новое? — резко спросила она вместо приветствия. — Вы приведёте бедную Катарину в церковь?

— Нет, ещё нет. Что здесь происходит?

— Эти проклятые, вспыльчивые мужчины, — услышал он крик Терезы Хастель. — Вы кончите на галерах, или будете повешены, я это знаю!

— Да, людей позволяют сажать в тюрьму, что вы можете, господа из Версаля! — кричала женщина у окна Томасу. — А тем временем бестия питается нашими девочками.

И с этим она захлопнула у него перед носом ставни. Довольно долго он растерянно стоял, потом пошёл в конюшню.

Томас был удивлён, когда нашёл там Мари. Она стояла возле белой кобылы, положив

руку на гладкую шкурку, как будто искала у животного утешение. Он никогда ещё не был так счастлив от того, что видел кого-то здоровым и живым. Парень почти ожидал, что она тут же от него убежит, но девушка остановилась.

— Вы слышали, что сделала бестия? — спросила она.

— Да. Но мы... преследуем бестию по следам, — он сам знал, как жалко это прозвучало. Ему впервые на самом деле было стыдно, что он принадлежал к охотникам. — И что здесь произошло, Мари?

Девушка закусила нижнюю губу.

— Папа, Пьер и Антуан были посажены в тюрьму. Папа думал, что Лахеней что-то имел по отношению ко мне. При этом он только приветствовал меня, но папа мне не поверил.

Теперь Томас был в состоянии собрать всё воедино. «*Как я ни предупреждал охотников*». Но сейчас он заставил себя всерьёз беспокоиться о Бастьене.

— Где Бастьен?

— Он встал на мою сторону, был ужасный спор. Потом он снова отправился в путешествие и с тех пор больше не приходил домой. И вчера охотники встретили в лесу папу, Пьера и Антуана. Наверное, охотники хотели узнать, безопасен ли спуск через низину. Папа якобы крикнул им, что они могут ехать безопасно — хотя он точно знает, что на данном месте болото. Охотники сказали, что они чуть было не утонули. Мои братья не приняли никаких мер, чтобы вытащить их из болота, а только посмеялись над ними. Мужчины как-то высвободились и потом... они орали на папу, Пьера и Антуана, и оскорбляли как парней мошенников.

Томас скривил рот. «*Главные негодяи*». Ну, остальную историю он мог живо себе представлять.

— Одно слово за другим, — рассказывала дальше Мари. — Наконец, Лахеней схватил Антуана за шиворот. И тут папа нацелился на него винтовкой и угрожал, что убьёт его. К счастью, охотники отступили, но сегодня приходили шесть вооружённых мужчин с приказом об аресте. И... сейчас все они находятся в Сог, чтобы дать свои показания перед судом, — она ударила рукой по рту, чтобы подавить рыдание, но это ей не удалось. Слёзы навернулись на ее глаза, и текли сквозь пальцы. — А потом ещё и бедную Катарину! Ещё сегодня утром я разговаривала с ней, когда была у источника.

Томас больше не размышлял, что было правильно, дозволено и подобающе, а просто подошёл к девушке и обнял. Он охотно сказал бы что-нибудь утешительное, но дело с Хастель на самом деле выглядело не очень хорошо. Охотники были высокомерные и имели, как королевские присяжные мужи из Версаля, конечно лучшее положение в суде, чем хозяин таверны и его сыновья, которых будут судить как драчунов. В крайнем случае, Хастель могли обвинить в покушении на убийство.

Мари сопела и освободилась из его объятий, потом расправила плечи.

— Нытьё бесполезно, — это прозвучало почти сердито, так как будто она обиделась сама на себя за слабость. — Мы справимся, также как всегда. Ты всё же поможешь нам? По крайней мере, до тех пор, пока не вернётся Бастьен? Теперь нам может понадобиться любая рука!

— Конечно, мадемуазель.

— Не говори мне «вы» и «мадемуазель»! Здесь, в «Белой Корове» ты — Томас и я — Мари. И... вероятно, ты можешь написать для нас прошение? Маман естественно слишком горда, чтобы просить тебя об этом. Но если кто и знает, как пишутся такие письма, то это

ТЫ.

Впервые его осенило, что она, вероятно, вовсе не была хрупкой, робкой девушкой, которую нужно было охранять.

— Я могу попробовать.

Мари заметно вздохнула.

— Спасибо, Томас, — она вытерла последние слёзы фартуком и хотела выйти из конюшни.

— Подожди! Я кое-что тебе принёс! — Томас взял свою папку и достал рисунок. Мари была так растеряна, что не произнесла ни слова. Потом выражение её лица стало мягче, будто девушку коснулся солнечный луч. Она нерешительно протянула руку и взяла портрет. Мари провела указательным пальцем вдоль угольных линий лица и затушёванных теневой улыбкой губ. В жесте было что-то нежное, как будто она действительно коснулась Изабеллы.

— Она стала такой взрослой, — прошептала девушка.

— Какой она была? — спросил Томас. — Раньше?

— Полностью дочь своего отца, — сказала Мари медленно и так осторожно, как будто должна была обдумывать каждое слово. — Граф ей гордился. Куда бы он ни шёл, то брал её с собой. Он никогда бы не запер Изабеллу.

Её улыбка исчезла, вместо этого как тень в конюшню вернулось воспоминание о Жане Хастеле и её братьях. Мари оторвала взгляд от портрета и решительным жестом вернула его Томасу.

— Ты не хочешь сохранить портрет?

Она энергично покачала головой и внезапно своей твёрдостью напомнила свою мать.

— С какой стати?

Когда Том брал портрет, их руки соприкоснулись. Мари не пошевелилась, и он тоже не потянул портрет к себе. Изабелла серьёзно смотрела на них. На мгновение Томасу это представилось так, как будто они втроём заключили тайный договор. Потом девушка высвободилась и выбежала на улицу.

Глава 21

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Во время похорон Катарины Англейд над кладбищем тяготело молчание. Томас мог чувствовать укоризненные взгляды сельских жителей, которые кололи его как иголки. Совершенно естественно, что в этот день соседи взяли скот Хастель на пастбище пастись вместе со своим. Женщины делали работу мужчин Хастель и таскали воду из колодца в трактир, и Томас нарубил кучу дров из брёвен.

Бастьен вернулся со своими мулами к полудню. На его скуле красовался синяк, который уже побледнел. Томас мог лишь хорошо себе представить, что произошло во время спора с отцом.

Бастьен молча разгружал и ухаживал за вьючными животными, а Томас, скрестив руки, некоторое время смотрел на это.

—левой рукой я делаю это лучше, — сказал тот, наконец. — Позволь угадать: ты раньше никогда не рубил дрова?

Томас подобрал топор и вытер пот рукавом.

— Так же мало, как могут отплясывать твои мулы.

— Где ты пропал? Я искал тебя недавно в лесу, — ответил Бастьен с коротким смешком.

— Поверишь этому или нет, но я приземлился в колодец. Ты слышал, что случилось с твоим отцом и твоими братьями?

— Ясно, — он вздохнул. — Ну, это будет нелегко для моей матери. Подожди, отдай мне топор, я покажу тебе, как делать правильно.

Вечером у Томаса болела каждая мышца, его руки были покрыты мозолями, и такими твёрдыми, что он едва ли мог держать перо, чтобы написать прошение за Хастель. Он толкнул туалетный столик к кровати, на котором громоздились его заметки для Лафонта.

Томас вздрогнул, когда запахнулась дверь. Вошла госпожа Хастель. У неё всё ещё были заплаканные глаза.

— Здесь вещи для вас, — сказала она и положила стопку простой одежды на кровать. — У вас с Антуаном похожий размер.

Это был странный способ отблагодарить его за помощь, но теперь Томас знал хозяйку достаточно, чтобы понять, что означал этот жест.

— Спасибо, — сказал он.

Не смотря ни на что, хозяйка слегка улыбнулась.

— Я только не хотела, чтобы вы испортили свои чистые брюки и куртку.

— Конечно.

Госпожа Хастель кивнула, но не ушла, а остановилась, как будто у неё было ещё что-то на сердце.

— Я наблюдала за вами и Бастьеном, — сказала она, наконец. — В последнее время, и сегодня тоже. Мне нелегко в этом признаваться, но я в вас обманулась. У вас большое сердце, Томас. Я думаю, Бастьен не мог бы иметь друга лучше. И я бы желала, чтобы у него был такой же брат как вы.

Томас не видел лицо Катарины, но этой ночью она присоединилась к его мертвецам, также как Мари описала ему за ужином: девушка с румяным лицом, которая только недавно переехала в деревню со своей овдовевшей матерью и маленькими братьями и сёстрами. Её волосы были светлого льняного цвета, только в его кошмаре они не спадали ей на плечи, а были отрезаны, точно на уровне горла. Изабелла стояла рядом с ней пугающим доказательством. Они держались за руки, как будто Катарина хотела увести с собой в потусторонний мир графскую дочь.

Когда Томас поднялся в поту и с больной головой, видения по-прежнему мерцали в рассвете, как туман. Он протёр глаза, схватил свой походный сюртук и натолкнулся на стол. Смятый портрет Каухемара скользнул на край. В деревне никто не знал седого.

— Выглядит как злой дух леса, — бормотал старый ткач. — Он воеет с волками, и дикие звери следуют за ним по пятам. Тот, кто смотрит в глаза смерти.

Томас вскочил и оделся, махая руками.

В тот день замок Бессет выглядел почти опустевшим, все охотники были на пути в лес. К тому же, Адриан видимо снова скрылся, сарай, в котором лежала раненая собака, был пуст.

Вскоре после этого юноша вошёл в библиотеку, готовый к тому, что в любой момент мадам де Морангез выгонит его. Томас повернулся к двери Изабеллы. Он не решался

постучать, возможно, с ней сейчас была мадам де Морангез, но сама мысль о том, что дочь графа была к нему так близко, снова сразу же вернула ему тоску.

Сегодня он радовался больше всего, когда кое-что нашёл под деревянным основанием совы. Ключок бумаги! На нём было только одно слово:

«Гамлет».

За книгой Шекспира для него не было приготовлено никакого письма, только небольшой том, едва ли больше его ладони. *«Сказки и легенды диких лесов»*, — прочитал он на обложке. В первый момент Томас был только разочарован, но когда перелистывал страницы, то наткнулся на засохшую незабудку и — наконец-то! — письмо, написанное ужасным почерком Изабеллы.

«Я не забыла Вас, Томас!

В течение последних дней мадам де Морангез не отходила от меня. А сегодня мой брат послал за мной. Я смогла уйти на час. Чтобы написать Вам эти строки, мне пришлось притвориться, что я хочу ещё раз исповедаться, но вместо того, чтобы повторять молитвы, я пишу Вам тайком и надеюсь, что аббат не отвернётся от меня.

Пожалуйста, сохраните оружие и освящённые пули, и охраняйте Мари! С тех пор, как чудовище совершила убийство прямо перед замком, я не спала больше ни часа. Я пытаюсь вспомнить, я хочу вспомнить! Но это как будто бы я жила в кошмарном сне, из которого не осмеливаюсь проснуться. Может быть, Вы должны быть моей памятью, Томас. Вспомните для меня! И даже если вы носите имя неверующего, я прошу вас не забывать, что между небом и землёй находится больше, чем только благоразумие. Следите за собой, Томас, потому что я хочу снова видеть вас в целостности и сохранности. Незабудка принесёт вам счастье и напомним о том, что вы мне всё ещё должны книгу и лошадь.

До встречи! Изабелла»

Это было странно, как густое скверное разочарование, бесконечное облегчение и радость могли быть рядом друг с другом. Потому что даже если она уехала домой, то всё-таки дала ему обещание: *«До встречи!»*

Его колени подогнулись, и он присел за стол. Томас был в смятении, его ждали новые документы, которые требовали обработки. Но на самом верху стопки находилось ещё запечатанное письмо, оно было адресовано ему.

«Месье Томас.

двадцать второго августа я жду вас на небольшой вечеринке в замке де Бескве недалеко от Сог. Не забудьте Ваши исследования. Заинтересованная аудитория ожидает здесь ваше мастерство.

Жан-Жозеф д'Апхер»

Уголки рта Томаса поднялись вверх. Определённо, Лафонт тоже будет там. Но кое-что другое делало приглашение ещё более ценным. Через несколько дней он снова увидит Изабеллу! И когда юноша сейчас поймал себя на том, как нежно поглаживал её письмо в своём кармане, как будто бумага была её кожей, то понял, как права была Изабелла: между

небом и землёй было больше, чем когда-либо он мог мечтать в Версале.

Красавица и чудовище. «Это уже не сказка, это моя самая долгая реальность».

«Только она никогда не сможет быть твоей Красавицей», — шептал ему язвительный голос Армана.

Утром Томас посетил ярмарку с сельскими жителями и с ружьём сопровождал детей пастушков на пастбище. Может быть, потому что — или возможно госпожа Хастель вставила за него доброе слово — в любом случае, люди относились к нему всё больше и больше как к одному из них. Вторую половину дня он мерил шагами каштановую прогалину в надежде найти потерянный Изабеллой ботинок или дополнительные подсказки, но Каухемар не оставил новые следы.

После того, как Томас также показал людям портрет Изабеллы, но как ни странно, никто не знал о посещениях старого графа «Белой Коровы» и никто не видел дочь графа когда-либо в лицо.

— Она всё-таки живёт в монастыре в Шаз или нет? — спросил старый угольщик. Вместо этого он вспомнил о том, что Эрик де Морангез с несколькими другими графскими сыновьями в последнее время часто ездил верхом через деревни.

— Как вы думаете, почему Хастель скрывают своего старшего сына? — высказалась одна крестьянка. — Молодой граф — бабник, это все знают. Он видел девушку и сказал своим друзьям, что однажды поохотился бы с удовольствием на маленькую лисицу. Жена мельника слышала это, спросите её!

Но Томас был достаточно осторожен, чтобы не расследовать дальше и не погубить госпожу Хастель.

Хотя работа в гостинице стала теперь труднее, жизнь без трёх мужчин стала легче. Больше не чувствовалось напряжение, которое всегда присутствовало в воздухе. И Бастьен по-настоящему расцвёл и шутил со своими маленькими сёстрами. Он давно разрешил, чтобы Томас помогал ему, если у него что-то не получалось травмированной рукой. В третий вечер после похорон Катерины они сидели плечом к плечу на пороге гостиницы и смазывали жиром уздечку для мулов, чтобы сделать её мягкой. Как и всегда они мало говорили, но сегодня Томас не мог воздержаться от вопроса.

— Это правда, что ребёнком ты чуть не утонул?

— Мари рассказала тебе об этом?

Томас уклонился от ответа, слегка пожав плечами.

— Почему твои братья это сделали?

Бастьен оторвался от работы и упёрся локтями в колени.

— Это были твои братья или нет?

— Да, в это не верить, — ответил Бастьен, выпрямляясь.

— Я верю.

Действительно было приятно увидеть, что его друг слегка улыбнулся.

— То, что я знаю, что они это сделали. Потому что они всегда были идиоты и создавали мне трудности.

— Что точно произошло?

Бастьен нервно вздохнул.

— Мы поспорили, кто сможет быстрее пробежать по перилам моста. Но как только я на него встал, Пьер ударил меня между ног пастушьим посохом. Я упал в воду и в чём-то

запутался, вероятно, в старой верше (*прим. пер.: рыболовная снасть*). Во всяком случае, я больше не мог выйти. И даже не мог крикнуть, потому что вода побежала мне в горло. Я только лишь видел, как убегали мои братья, как будто их преследовал дьявол. Мне повезло, что как раз вовремя проходил пастух и вытащил меня. Позже Пьер и Антуан утверждали, что они этого не делали. Ну да. Эка невидаль!

Было странно, как тихо это сказал Бастьен, как будто рассказывал о постороннем человеке, а не о себе. Однако Томас заметил, что он сжал в кулаке кожаные ремешки.

— Как ты можешь рассказывать об этом таким безразличным тоном?

— Это было давно.

«*Не достаточно давно*», — подумал Томас. Теперь он раскаивался в том, что спросил, потому что перед ним мелькали картины его детства: светло-коричневый ботинок, который падал вниз как птица без крыльев, и две руки, которые преследовали его во снах до сегодняшнего дня.

— Как ты это пережил? — вскрикнул он. — Как ты с этим справился? Ради Бога, ты чуть не умер! И эта была их вина!

Бастьен зажмурил глаза.

— Справился? — это прозвучало задумчиво и немного удивлённо. — Поначалу нет. Я довольно долго сидел у реки и потом пошёл домой. Куда мне было идти, если не туда? — но сейчас память затеплилась в глубине его глаз. — Но во мне всё изменилось, так, словно речная вода снова окрестила меня. Я смотрел новыми глазами как кто-то, кто был только что рождён. Знаешь что, Томас? В тот день я по-настоящему понял, что я один. Наверно, я должен был почти умереть, чтобы это понять. Тогда я часто ходил в горы в одиночку к водопаду. И там я с широко открытыми глазами мечтал. И во мне был мир, который принадлежал только мне. Я начал ходить туда каждый раз, когда мог. Там я хорошо себя чувствовал, всё было отлично, я был сильным и властелином моих братьев. Это место, в котором я непобедим.

Томас видел себя десятилетним, сидящим со скрещенными ногами на полу чердака, освещаемым пламенем свечи. Перед ним на полу лежала раскрытая книга с картами мира, которую он тайком унёс из кабинета своего отца: мальчик, который всем сердцем мечтал о дальних странах. Он спасался бегством, чтобы пережить приключение, как первопроходец дальних континентов, непобедимый и свободный. «*Весь мир только для меня*».

— Не знаю, сможешь ли ты это понять, — добавил Бастьен. — С другой стороны... возможно, ты понимаешь это слишком хорошо.

— Что ты имеешь в виду?

Бастьен сухо рассмеялся.

— Я могу быть калекой, Томас, но я не слепой. Ты вешаешь свою ярость на шею как хомут. Если бы ты мог, то ты бы переложил её на другую глотку. Только чью?

В косом свете вечернего солнца его глаза были как янтарь. Томасу показалось, что они могли бы на несколько мгновений заглянуть глубоко в душу друг другу и в такие тёмные уголки, которые человек скрывает даже от самого себя.

— Когда-то у меня был брат, — нерешительно начал Томас. — Он был на восемь лет старше меня. Он... не любил меня. И умер, когда мне было одиннадцать лет. От лихорадки.

Чувство, что этой фразой он совершил ужасное предательство, было таким сильным, что у него перехватило дыхание.

— И? — спросил Бастьен. — Сейчас мне нужно смутиться и выразить сочувствие? Или

ты может быть... рад?

На этот раз не было никакого спасения. Никаких условностей, никаких разговоров, чтобы прикрыть это. Томас закрыл глаза, но за закрытыми веками не было никакого спокойствия и забвения, только картина гроба. Сгорбившийся от скорби отец и одиннадцатилетний мальчик, который стоял в двери и при виде двух сцепленных рук не мог чувствовать ничего другого кроме облегчения — и в тоже время чувство вины, тяжёлое, как сто смертных грехов.

Бастьен ждал ответа. *«Назад нет дороги»*, — подумал Томас. — *«И нет места, куда я могу убежать, даже если убегу на другой край света»*.

— Я не горевал, Бастьен. Он был моим братом, но я не мог печалиться об его утрате. Я только могу вспомнить, сколько раз я желал, чтобы он исчез.

Это было так, как будто он внезапно смог снова дышать, возможно, впервые за многие годы. В этот момент он кое-что узнал о дружбе. Речь шла не о том, чтобы правильно говорить. Речь шла о честности.

Бастьен не осуждал его и не расспрашивал дальше, а только положил ему руку на плечо.

— Как ты думаешь, как часто я желал, чтобы молния пронзила моих братьев? — спросил он грубым голосом. — Слушай, я не знаю, что он сделал тебе, но определённо я знаю совершенно одно. Это не грех, радоваться тому, что спас свою шкуру. И если это трижды был твой брат. Перекрестись и просто гордись тем, что ты был настолько сильным, чтобы выдержать, — он встал и потянулся. — Так, дай мне уздечку! И как только ты вернёшься, мы выгоним эту бестию из её укрытия!

Глава 22

БУРРЕ

Рубашка была выстиранной, серые панталоны и куртку Тереза Хастель очистила щёткой от пятен. Но после того как он днями носил одежду Антуана и Бастьена, Томас чувствовал себя удивительно неуютно в своей собственной одежде. Близняшки засыпали его вопросами, пока он в гостиной укладывал провиант для путешествия в свой баул.

— Что ты будешь есть в замке? — хотела знать Камилла.

— Вероятно, *сен-нектер* (*прим. пер.: сорт овернского сыра*) и оленину.

— А что больше всего любит есть король? — горячилась Дельфина.

Госпожа Хастель, которая вытирала столы, просто закатила глаза, но едва ли могла скрыть смех.

— Клубнику, — терпеливо ответил Томас. — Ещё инжир, который он выращивает в своих садах на семистах деревьях.

Близнецы уставились на него, раскрыв рты.

— А принцесса?

— *Мадам де Франс*? Она любит лимонад и фрукты королевской оранжереи.

Мари погладила свою младшую сестру по волосам.

— Правда, и когда она пьёт лимонад, то танцует с прекрасным принцем.

— Как ты? — спросила Камилла.

Мари бросила быстрый взгляд на свою мать.

— Верно, — ответила она настолько быстро, что Томас немного опешил. — Когда вы будете в кровати, я тайно станцую в гостиной с принцем Томасом *бурре*, понятно? (*прим.*

пер: Бурре (от фр. bourrée, от глагола фр. bourrer — делать неожиданные или резкие прыжки) — старинный французский народный танец.)

— Мы могли бы скоротать наше время по-другому, — сказал Томас. — Иногда мы тоже едим инжир с сиропом.

Близнецы хихикали.

— Вы, наконец-то, получите! — мадам Хастель строго встала между ними. Качая головой, она взяла с прилавка поднос, полный пустых кружек, и скрылась с ним в задней части гостиницы.

— Во всяком случае, Томас на самом деле выглядит как принц, — сказала Мари. — Вы, напротив, только маленькие растрёпанные ведьмы, которые до сих пор не умылись.

— Но я хочу, чтобы ты танцевала *бурре* — хныкала Камилла. — Ты говорила, что покажешь его нам!

Лицо Мари стало лукавым. Она быстро взглянула удостовериться, что мать не возвращается.

— Ну, хорошо, — заговорщицки шепнула она. Девушка подошла к Томасу, грациозно подняла руки и начала напевать песню. Она не имела ничего общего с чопорным менюэтом, но голос звучал так, как будто текущий горный ручей стал музыкой. Близнецы пищали от восторга и начали хлопать в такт музыке и Томас не смог удержаться от улыбки. Мари кружилась и смеялась, её рыжие волосы взлетали и задевали его бедро, пока она кружилась вокруг него. Лихорадочная весёлость скользила из её движений, жажда жизни, которая коснулась Томаса.

— Прекратите! — мадам Хастель стояла у прилавка, уперев руки в бока — Вы сошли с ума?

Мари остановилась в середине поворота, её юбка ещё раз качнулась у ног и затем опустилась. Беззаботное настроение мгновенно рассеялось.

— Что такого плохого, *маман*? — сказала Мари. — Почему мы не должны танцевать? Когда если не сейчас, назло всему?

— Ты забыла, где сейчас твои братья и отец? Что я должна сказать им: как только вы из дома, ваша семья уже танцует?

Мари стыдливо опустила голову.

Тереза взяла каждую из девочек за руку и вытащила наружу.

— Я попрошу за ваших мужчин в Сог, — сказал Томас Мари. — Может быть, уже есть хорошая новость.

Мари подняла голову. И беспредельно его удивила.

— Белла любила *бурре*! — её взгляд был отрешённым и дерзким одновременно, пока она задумчиво смотрела в окно. — Ты встретишься с ней?

— Я очень на это надеюсь, — это было невозможно скрыть, что он чувствовал при этой мысли. Мари, кажется, это поняла, так как девушка поразила его во второй раз, когда подошла к нему, встала на цыпочки и обняла руками за шею.

— Поприветствуй её от меня, — прошептала она ему на ухо с такой проникновенностью, что у него по спине пробежал холодок. — Скажите ей, что я думаю о ней каждый день. Передайте ей, что я каждую ночь мечтаю о белой кошке. И...

Внезапно она вздрогнула и испуганно отскочила. Томас невольно двинулся вместе с ней.

— Что?

— Ничего... мне просто показалось, что за нами кто-то наблюдает.

Томас посмотрел в окно, но там никого не было.

— Если бы там был незнакомец, то залаяла бы собака во дворе.

К его удивлению по лицу Мари скользнула улыбка.

— Конечно. Хорошей поездки, Томас. И... спасибо за танец!

Глава 23

ПОЛУНОЧНЫЙ МЕНУЭТ

(прим. ред.: менуэт (фр. menuet, от menu — маленький, незначительный) — старинный народный французский грациозный танец, названный так вследствие своих мелких шажков на низких полупальцах, на меню).

В замке семьи д'Апхер не было ничего похожего на тусклое, разрушенное великолепие родового имения в Ле Бессет. Его стены были более гладкими, из светло-серого камня. Квадратные башни с остроконечными крышами окружали двор. Там был даже сад с кустами, подрезанными в форме шаров. И когда Томас в тот вечер вошёл в банкетный зал, то был раздражён, что не послушал своего отца. Его зелёный шелковый сюртук был бы здесь гораздо уместнее, чем простой серый наряд, потому что приём был не маленький, как писал ему д'Апхер, а целый пир.

Огромный зал был полон гостей, Томас увидел даже парижские наряды и чувствовал запах дорогих духов. Группа хорошо одетых дам стояла, болтая, у открытого окна. Закат золотил вечерние наряды и платья. Аристократка, которую Томас видел только со спины, была в броском зелёном платье как ель.

Над головами болтающих, взгляд маркиза упал на Томаса. Д'Апхер немедленно бросился к нему и приветствовал так сердечно, что Томас сразу почувствовал себя желанным гостем.

— Как прекрасно, что вы здесь! — маркиз наклонился к нему ближе. — Месье Лафонт хочет сегодня с вами поговорить. Он ещё где-то разъезжает, но скоро должен прибыть сюда. А теперь я должен вам кое-кого представить!

Он дружески положил руку на плечо Томаса и повёл к окну.

— Изабелла?

Грациозным поворотом дама в зелёном повернулась к ним. Шелестела тяжёлая ткань, сверкало серебро. Время остановилось и завертелось. Это было так, как будто бы никогда не было девушки в траурной одежде. На этой женщине было надето праздничное платье с глубоким декольте, Её волосы были напудрены и искусно уложены. Волнистые локоны обрамляли щёки, и изящно прикрывали шрамы. Но вероятно они были ещё и под гримом, который превращал её смуглый цвет лица в фарфоровую кожу, поэтому были едва заметны. Широкое украшение из драгоценного металла в виде переплетённых лилий, тонкое и плотное как кружево, плотно лежало вокруг её шеи. Никто бы не догадался, что под украшением скрывались следы от рваной раны.

— Это Томас Ауврай из Версаля, — сказал граф. — Я уже рассказывал тебе о нём. Месье Ауврай, моя младшая сестра Изабелла.

Всё же он узнал лёгкую насмешливую усмешку и лисьи глаза.

— Очень приятно, — сказала она с приветливой снисходительностью.

Это было так, как будто бы вежливо кланялся другой Томас.

— Это... честь для меня, мадемуазель.

— Мой брат бредит вами, как будто именно вы — де Буффон.

Прохладная усмешка попала в цель, граф д'Апхер казался слегка рассерженным. Томас искал в жестах намёк, мимолетное воспоминание о девушке из Ле Бессет, но лицо графской дочери было так же бесстрастно, как чистый лист бумаги. И хотя Изабелла придерживалась только правил аристократической беседы, этот холод разрывал ему сердце. Перед ним стояла прекрасная, гордая женщина — яркая и недостижимая как звезда.

Неожиданно ему бросилась в глаза то, что другие дамы также пренебрежительно его осматривали: волосы, которые он не скрыл под париком, а только связал на затылке, и его кожу, которая не была аристократически бледной, а после дней, проведённых под открытым небом, загорела как у крестьян.

— Ах, это вы художник *естествознания*? — спросила одна из спутниц Изабеллы. — На самом деле вы ведь не живёте в деревне?

— Только временно. Для моих... исследований природы.

— Он не только рисует, он подающий надежды учёный, мадам, — поправил д'Апхер женщину. — Во время ужина, конечно, сообщит нам много интересного о своей работе.

— Ну, мы с удовольствием поразимся, — едко заметила Изабелла, и потом снова отвернулась к дамам.

Праздник напоминал жуткие вечера у дю Барри: те же самые любезности, те же самые шутки и те же самые сплетни о своих подданных, только изменились цели. Томас говорил об обезьянах и тиграх, аплодировал музыкантам, и страдал от оперной арии дворянской дочери. Изабелла болтала со старым графом де Морангез, смеялась и флиртowała с несколькими графскими сыновьями. Когда около полуночи начались танцы, она приняла приглашение белокурого юноши. Улыбка, которую Изабелла дарила кавалеру во время кружения, доконала Томаса. Он отвернулся и залпом выпил своё вино.

— Не переусердствуйте, — порицая, сказал Лафонт. Синдик появился среди гостей как дух. Он казался истощённым и очевидно, только что поспешно переоделся для праздника, потому что шёлковый галстук был криво повязан. К его запаху духов ещё примешивался след уличной пыли.

— Месье Лафонт, вы узнали что-нибудь?

— Так кое-что, да. Но мы обсудим это в другом месте. Я отправлю вам после полуночи слугу. Он отведёт вас к вашей комнате и после этого к красному салону. Вы принесли рисунки мёртвых?

— Конечно.

— Прекрасно. А теперь перестаньте играть в винный фонтан, мне нужна ваша ясная голова. У нас есть немного времени, так как я завтра опять должен быть в Ле Бессет при месье Антуане. Ах, и меня это очень радует, что вы так восхищены генеттами.

Его тон внезапно изменился на неприветливый, как будто они раньше обменивались только любезностями. И теперь Томас понял причину этого: менуэт отзвучал, музыканты на новый лад настраивали свои инструменты. И рядом с ним стоял молодой маркиз, под руку с Изабеллой.

— Твой гость, кажется, забыл в своей деревне как вести себя на празднике, — сказала Изабелла брату. — Он ещё ни разу не пригласил меня на танец.

Д'Апхер рассмеялся.

— Я согласен с моей сестрой. Для Вас это непростительно, пропустить Даму Вечера.

За плечом д'Апхера Томас заметил двух дворян, которые враждебно его рассматривали.

«Как собаки, которые боятся, что кто-то отнимет у них кости».

— Мне жаль, но я плохой танцор.

— Лучше позвольте решать даме, — ответила слегка раздражённо Изабелла.

Он не знал, что произошло с ним в этот момент, но неожиданно расстроился.

— Ох, вы должны мне полностью доверять, мадемуазель. Я рисую лучше, чем танцую.

— И это заставит месье Ауврая порадоваться случаю изучить это искусство, наконец, — вмешался Лафонт. — Он слишком застенчив, чтобы просить вас, мадемуазель. И, пожалуй, никто не может поставить ему это в вину — вы солнце этого праздника!

С этими словами он слегка ударил Томаса между лопатками. Томас уже хотел ответить, когда Изабелла подошла к нему и взяла под руку. Это было действительно как в Версале. «*Не хватало только ещё того, чтобы Лафонт надел парик отца*».

За ними следовали любопытные взгляды, пока он вёл Изабеллу на танцевальную площадку. Должно быть, они представляли отличный объект для сплетен: графская дочь и студент. Но Томас больше всего сердился на то, что не может сопротивляться близости Изабеллы. Сквозь материал своего рукава он мог чувствовать тепло её руки.

— Что это сейчас было? — зашипела она на него и улыбнулась, как будто ничего не случилось.

— Я мог бы весь вечер спрашивать у вас об этом, — прошептал он в ответ.

Она бросила на него удивлённый взгляд.

— Это говорит расчётливый человек, который обычно не доверяет первому взгляду?

Её юбка качнулась, когда она ответила реверансом на поклон Томаса. Танец начался. К нему вернулись слова Мари: «*Белла любила бурре*». Вероятно, это зависело от того, что он выпил слишком много вина, но когда Изабелла повернулась точно выверенным движением, Томас вообразил, что видит их танец с Мари — смеясь, дико и озорно, с развевающимися волосами цвета воронова крыла, в чёрном платье, подол которого кружился высоко к коленям.

— Как поживает Мари? — шепнула ему Изабелла.

Томас был поражён тем, как ему полегчало от того, что, за всеми ювелирными украшениями и косметикой он, наконец, узнал Изабеллу.

— Она думает о вас! — и от чистого сердца добавил, — я очень рад, что вы чувствуете себя лучше.

Ее предостерегающее покашливание заставило его замолчать, и теперь он также увидел, что граф д'Апхер внимательно наблюдал за своей сестрой. В его взгляде не присутствовало ничего заботливого, только что-то испытующее, конструктивное, как если бы Изабелла была незнакомкой, которую он пытался оценить. Близость, которую граф только что выставлял на всеобщее обозрение, исчезла. В этот момент Томасу показалось, что брат с сестрой были также далеки друг от друга как солнце и луна.

Изабелла ничего больше не говорила. Но когда в последней танцевальной фигуре схватила его за руку, он что-то почувствовал в ладони. Парень быстро сжал пальцы вокруг этого и на прощание низко поклонился. Только тогда, когда Изабелла уже продолжительное время танцевала с другим кавалером, он незаметно сунул записку в свой рукав.

Только далеко за полночь, когда Томас следовал за слугой по коридору, он смог

вспомнить о сообщении Изабеллы и на ходу бегло просмотрел его.

«Через час после праздника в коридоре за галереей предков. Ожидайте за колонной».

Этьен Лафонт с нетерпением ждал его в салоне, стены которого были обтянуты красными тканевыми обоями. На столе лежали документы, и сверху находилось объявление о розыске и задержании скрывшегося преступника Каухемара. И сюрпризом для Томаса был также граф, стоявший с бокалом вина у окна.

Томас сразу же очнулся и был как в лихорадке. Если Лафонт посвятил в дело дворянина, это означало: след на который он наткнулся, был воспринят всерьёз.

Д'Апхер знаком отослал слугу.

— Теперь тайное общество между нами. Не так ли?

— Существует доказательство, подтверждающее подозрение месье Ауврая, — сразу начал синдик. — У нас ещё нет сообщений из гаваней, но драгун сразу узнал мужчину. Мишель Дэмас, прозванный Барбаросса, клянётся, что беглец появился во время его охраны Габриеллы Пелиссир. Девочка пастушка стала жертвой бестии несколько месяцев назад. Там, где Барбаросса видел мужчину, мы нашли на деревьях старые нацарапанные знаки. Но мужчина был замечен также в других местах преступления.

— А вы Томас? Месье Лафонт рассказал мне о вашей теории. Человек с ножом? Что заставляет вас об этом думать?

Томас кивнул и открыл свою папку для рисунков.

— Я заметил что-то на ране Катарины Англейд. И когда потом положил рисунки других умерших, то обнаружил следующее, — он раскладывал рисунки на столе. — Я удивился тому, что у мёртвых в Сог у ран ровные края и только подумал, что животное должно иметь мелкие резкие клыки. Но никакой известный мне вид собак не мог бы отделить одним куском голову от тела. Волк должен был бы перегрызть шею, чтобы были совершенно другие следы. Здесь это разрезы. А здесь, клиновидные узкие травмы: удары ножом!

Д'Апхер морщил лоб.

— Не обижайтесь на меня, но это звучит всё же, как басня из области бабьих сказок. Вероятно, это только сумасшедший, который выслеживает мертвецов и потом отрезает им головы?

Томас покачал головой.

— Говоря наоборот, рана на шее совершенно свежая, как и рана от укуса. Всё должно быть сделано почти в одно и то же время.

— Откуда вы это знаете?

Томас облизнул губы и достал следующий лист.

— Я посмотрел, какие приманки были приготовлены в замке Бессет. Несколько свиней были убиты во дворе ударом в шею, как это часто бывает. Повариха сразу получила несколько хороших кусков мяса. При этом она нанесла животным несколько глубоких порезов. Мне пришлось в голову, что ножевые ранения имеют клиновидный контур и что разрезы раскрылись. Но когда я позже посмотрел на один, как свиная кожа была также глубоко надрезана, чтобы можно было нашиговать тушу ядом и молотым стеклом, порезы были совершенно другими. Никакой крови и рана не была открытой.

Он высоко поднял рисунок.

— Слева свежие, справа старые. А теперь сравните это с жертвами зверя. У них нет

травм, которые были нанесены им после смерти. Все раны ещё кровоточили и зияли. Я думаю, что некоторые жертвы были нетронутыми потому, что были рано обнаружены. У Каухемара просто не было времени, чтобы отделить голову. В результате он оставался в укрытии и люди видели только то, что бестия убегает.

Д'Апхер побледнел.

— Что, если этот мужчина англичанин? Если это заговор, и в нём участвуют, в том числе, бестии вместе с убийцей, чтобы высмеять Францию?

— В этом случае мы должны информировать короля, — рассудительно сказал Лафонт. — Потому что тогда есть и другие, кто покрывает мужчину, и мы могли бы сделать это тайно. Но для этого нам нужны абсолютно неопровержимые доказательства — и преступник в цепях. Всё остальное к этому времени будет взрывоопасным, с чем вы со мной согласитесь.

Д'Апхер кивнул.

— Епископ готов взять на себя любые расходы по расследованию, — продолжил Лафонт. — Конечно это между нами. Мы можем объявить, что ищем этого Каухемара потому, что он саботировал охоту. Это должно привести население к тому, что бы особенно внимательно его искать.

Мужчина поднялся и схватил свою треуголку.

— Как только у нас появится мужчина, вы встретитесь как свидетель и опознаете его, месье Ауврай.

— Конечно, — сказал Томас. — И животные...

— ...принадлежат вам и мистеру де Буффону — мёртвые или живые. А теперь дайте мне копию ваших записей. Ах да, само собой это разумеется между нами, что ни одно произнесённое здесь слово не покинет это помещение.

— Вы действительно можете приберечь это замечание! — вскричал рассержено граф. — Если кто-то и заслуживает нашего доверия, так это Томас!

Его негодование было настолько очевидным, что Томас сразу же почувствовал себя виноватым. Он быстро собрал копии и подал их синдикю. Потом юноша остался только с графом. Д'Апхер вздохнул и задумчиво подошёл к окну. Томас помедлил, затем последовал за ним. Плечом к плечу они смотрели в сад, где медленно завершался праздник.

— Хорошая работы, Томас.

— Спасибо.

Над лампами внизу в саду был ореол из молей и москитов. Плавающие фонарики в форме лебедя скользили по искусственно созданному озеру и, наконец, гасли один за другим. Изабелла гуляла под руку с графом де Морангез по направлению к замку.

— Почему здесь не было месье Эрика сегодня? — спросил Томас.

— Он стоит на страже в лесу между Ла-Бессер-Сен-Мари и Штайлвег в направлении Овернье. Но он скоро придёт. Изабелла путешествовала, и он долго её не видел.

— Ваша семья... очень близкие друзья де Морангез, не так ли?

— Тем не менее, она и мадам де Морангез были хорошо знакомы друг с другом, и обе возглавляли монастыри в Шаз и Меркуар. До тех пор, пока ей не исполнилось двенадцать, она жила в Шаз и посещала монастырскую школу.

«Но у монастырской послушницы нет такого неуклюжего почерка как у Изабеллы».

— Моя мать происходила из семьи кардинала де Ларошфуко, — гордо продолжил граф. — Она была святой, благочестивой и мудрой женщиной. Никто, кто знал её тогда,

никогда бы её не забыл. Я хорошо помню мать, хотя мне едва ли было четыре года, через несколько дней после рождения Изабеллы.

— Это очень досадно.

— Это была Божья воля.

— В Ле Бессет вы не говорили мне, что у вас есть сестра.

— Разве нет? — сказал граф с хорошо наигранной притворностью. — Ну, да, в ближайшие дни вы познакомитесь с ней поближе. Вы могли бы себе представить, что дадите Изабелле несколько уроков рисования? Вы, конечно, можете использовать некоторое разнообразие.

— Конечно.

Граф, казалось, испытал облегчение.

— Видите, это был ценный урок, который моя мать дала мне на всю жизнь: это зависит от того, чтобы найти нужных союзников, — он ударил Томаса по плечу. — А ещё лучше, если эти союзники ещё и друзья.

Глава 24

ДЕНЬ И НОЧЬ

Изабелла не появилась ни через час после праздника, ни через два. Наконец, Томас не выдержал. Он крался по коридору до тех пор, пока не смог посмотреть на лестницу. В дрожащем свете его свечи портреты предков выглядели почти живыми. Самая большая картина представляла, наверное, старого графа. Его взгляд был смелым и решительным, достойным воина. Он носил короткий военный парик, который оставлял уши открытыми. Его рука, которая больше походила на лапу, лежала на украшенном драгоценностями эфесе шпаги. Что-то здесь было не так, но Томас не мог понять что. Возможно, это были резкие черты лица человека, в которых было что-то свирепое? Хотя это была только картина, Томас почувствовал угрозу. *«Если бы он был жив, и я тайком встретился бы с его дочерью, в конечном итоге, я был бы в камере темницы или хуже».*

Он быстро перевёл взгляд на портрет графини: дама с тонким лицом, острым подбородком и тёмными глазами. На своих коленях она держала двухлетнего мальчика. Томас взглянул на подпись художника. Там также был указан год написания картины. В настоящее время мальчику должно было быть двадцать семь лет, поэтому он не был Жан-Жозефом д'Апхер. Таким образом, был ещё старший брат, и вероятно это было — как со многими детьми — умер слишком молодым, чтобы получить собственное место в ряду поколений предков. Томас зажмурил глаза и ещё раз изучил подробно каждую деталь портретов. Он почувствовал трещину в величественном фасаде. *«Католический и кельтский»*, — подумал он. — *«Современный и варварский. Два мира в замке. Так же, как Изабелла и её брат».*

В любом случае, ему нужно было скоротать время, поэтому он поставил свечу на постамент в верхней части лестницы балюстрады, сел на первую ступеньку и вытащил клочок бумаги. Сконцентрировался и тщательными штрихами набросал графскую пару. И насторожился, когда на заднем плане портрета графини обнаружил небольшую известную статую: чёрная Мадонна с жемчужной линией над сердцем.

Аромат фиалки оторвал его от мыслей. Он вскочил, повернулся к своей свече — и там была Изабелла!

Она приложила палец к закрытым губам и прислушалась. Теперь Томас тоже это услышал: где-то шептали и хихикали, вероятно, гости, которые на цыпочках пробирались в чужие спальни. Изабелла задула свечу. Томас знал, что он никогда больше не будет чувствовать запах копоти без того, чтобы не увидеть перед собой эту картину: лицо Изабеллы, которое казалось, расплывалось перед ним в темноте, потому что её чёрный плащ сливался с темнотой. Глаза, которые выглядели золотыми в свете огня, волосы цвета воронового крыла, которые в настоящее время были очищены от пудры, свободно падали ей на плечи. «*День и ночь*», — подумал он. — «*Это как в сказке, днем она принцесса, а ночью превращается в девушку-ворона*».

Сердце сделало скачок, когда она просто взяла его за руку. Томас следовал за ней, не задавая вопросов, без сомнений и промедления. Девушка вела его через коридоры, которые в свете переливающегося полумесяца производили впечатление призрачных дорожек. Только когда их окружил пыльный древесный запах чулана, Изабелла освободила свою руку из его руки, что разочаровало Томаса. Дверь закрылась.

— Я не могла раньше и у меня немного времени, — прошептала она. — Мой брат позаботился, чтобы я ни на минуту не оставалась одна. И я надеюсь, что моя горничная после праздника спит достаточно крепко.

Крошечное окно вырезало из неба синий прямоугольник. В этом остатке освещенности он мог только предчувствовать выпуклость щеки Изабеллы.

— Где мы?

— В комнате прислуги. Раньше я всегда здесь пряталась, если хотела побыть наедине с собой.

Девушка на ощупь отыскала его рукав и потянула за собой. Вскоре после этого они сидели на полу, прислонившись к сундуку, как двое детей, которые нашли для себя укрытие. От её близости он испытывал головокружение.

— Только что на празднике кто-то рассказал об аресте, — озабоченно сказала Изабелла. — Это правда? Жан, Антуан и Пьер находятся в тюрьме?

— Да, но приговора ещё нет.

— Что же всё-таки произошло? — забота в её голосе терзала ему сердце. Он с удовольствием взял бы девушку за руку, чтобы утешить, но не решился на это.

Вместо этого он начал рассказывать. Томас чувствовал, как она напряжённо слушала. Когда юноша закончил, Изабелла глубоко вздохнула.

— Пожалуйста, скажите Терезе, что я всё сделаю, чтобы Жана и её сыновей освободили! Я поговорю с де Морангез.

Де Морангез. Имя было как холодное дуновение в камерке.

— Кто присматривает сейчас за Мари и её сестрами?

— Бастьен не спускает с них глаз. И через несколько дней я снова буду там. И она... передаёт вам, что каждую ночь мечтает о белой кошке, — ответом был тихий, удивлённый вздох, но всё же, Изабелла ничего не ответила. — И она также мне показала, как танцуют *бурре*, — продолжил Томас. — Этот танец... вы очень любите?

Возникла пауза, и Томас уже боялся, что Изабелла встанет и уйдёт. Но потом она удивила его, когда засмеялась.

— *Люблю?* Я танцевала *бурре* прежде, чем начала говорить!

— На каком языке? Окзитанском? — вопрос сорвался с языка и юноша понял, что зашёл слишком далеко, когда заметил, что Изабелла немного от него отодвинулась.

— Почему вы хотите это знать?

Десять оправданий крутилось на его языке, но здесь, рядом с ней, стратегии и увёртки, которые Томас так хорошо усвоил, казались совсем некстати. Он не мог и не хотел быть Томасом из Версаля.

— Потому что я никогда не знал женщину, которая, кажется, обладает двумя разными душами и двумя жизнями с двумя языками. И я просто хочу знать, кому из них принадлежит её сердце.

— А вы? Кто вы, Томас? Расскажите мне что-нибудь о своём сердце, прежде чем спрашивать о моих секретах. Что вы чувствуете? Сейчас, в этот момент? О ком вы думаете?

Её прямота снова смутила Томаса. Это было так, как будто бы ночь разрушила между ними последние границы. Неожиданно в его горле стало сухо.

— Что... вы имеете в виду?

— Неужели это так трудно понять? Я хочу знать, влюблены ли вы в Мари.

Этот вопрос окончательно вывел его из себя. И здесь, в темноте, Томаса осенило, что его сердце давно перехитрило его разум. Определённо, теперь Жанна звонко бы рассмеялась.

— Нет, — хрипло ответил он. «*Не в Мари*». — Откуда вы это взяли?

— Мне это рассказала белая кошка, — он слышал в её голосе улыбку. И возможно, Томас только это вообразил, но звучало это слегка облегчённо. — Но вы, вероятно, не знаете эту сказку? — продолжала Изабелла. — Что пела вам кормилица перед сном, Томас? Рассказы из каких-то историй?

Наконец, она заставила его улыбнуться.

— Собственно говоря, это были портновские формулы для обмера кожи. Всё-таки я сын производителя перчаток.

Он почувствовал еле сдерживаемый смех, как тёплый ветерок. И Томас просто хотел, чтобы эта ночь никогда не проходила.

— Ну, слушайте, — прошептала Изабелла. — Это история о принцессе, которая ещё до своего рождения была обещана феям. Волшебницы заперли ребёнка в башню, подальше от людей и там она выросла в прекрасную девушку. Но однажды появился принц и обнаружил её у окна. В знак того, что он может вернуться, она бросила ему вниз кольцо. Тайно девушка спускала ему веревочную лестницу, и так он посещал её каждую ночь. Мы с Мари детьми представляли, как однажды нас посетят наши принцы. И я думаю, что Мари хотела сказать мне — что кто-то ухаживает за ней. Кто, Томас? Кто-то из деревни?

— Я не знаю, не могу вспомнить, что бы она с кем-то встречалась.

— Тогда она определённо достаточно умна, чтобы Тереза этого не заметила, — лукаво сказала Изабелла. — Так же как мы оба здесь?

Томас откашлялся.

— А как насчёт белого кота? Это был свадебный подарок, и они жили долго и счастливо?

Локон задел тыльную часть его руки, когда Изабелла покачала головой.

— Нет, волшебницы никогда не делают для людей ничего так просто, потому что каждой любви нужна проверка. Они обнаружили тайный любовный роман, и в наказание превратили принцессу в кошку и преследовали её. Это продолжалось долго, до тех пор, пока оба снова не встретили друг друга и, конечно, принц не узнал девушку в кошачьем облике. Она помогла ему в нескольких магических заданиях, которые задал юноше отец. Последнее

испытание требовало от него найти женщину, прекраснее которой не было во всём мире. Кошка обещала, что поможет ему в этом. Но сначала, она сказала, он должен той, которую так сильно полюбил, отрубить своим мечом голову и хвост... — девушка испуганно замолчала, и Томас почувствовал, как холодный пот побежал по его спине. И сразу же перед собой он увидел зверя. — О, Боже, я бы хотела, чтобы кормилица выбрала другую сказку! Что это значит?

— Ничего. Ничего, Изабелла, — он не знал, как их руки нашли друг друга в темноте, как будто они случайно коснулись, чуть-чуть, едва заметно, а затем переплели свои пальцы. Довольно долго они молчали, бережно ощущая эту близость.

— Это когда-нибудь закончится, Томас? — спросила Изабелла сдавленным голосом.

— Я обещаю это вам, Изабелла! Мы взяли его след, это, безусловно, займёт только несколько дней, пока его не схватят, и хаос закончится. Между небом и землёй может быть многое, — продолжил он более мягко. — Но иногда сказки — это просто сказки.

Сегодня она не слышала песню, никакой условный стук не позвал её из постели к окну, и всё-таки от испуга у Мари сильно билось сердце. Её сестры лежали рядом с ней в кровати, свернувшись рядом друг с другом, как два щенка. Камилла что-то пробормотала, и Мари ласково провела рукой по её волосам, чтобы она снова заснула.

Девушка прислушалась, но сейчас также никакая песня не вызывала её. Только хруст как стремительно приближающиеся шаги. Одним прыжком она выпрыгнула из кровати и подбежала к окну. «Адриен!» В её груди стало тесно. Даже в свете месяца она сразу узнала его. Мужчина стоял у конюшни и держал рукой дворнягу за загривок, которая не издавала ни звука. Мари почти споткнулась, так быстро она понеслась из комнаты по лестнице вниз. Сегодня ей не пришлось выходить через окно. В кровати родителей её мать спала глубоким сном. Мари тихо отодвинула засов и выскользнула через дверь на улицу.

К её изумлению, в этот раз Адриен не стал ждать. Широкими шагами он вышел в сад, и собака последовала за ним как тень.

— Подожди! — крикнула Мари ему в спину шепотом, но он даже не обернулся. Несколько секунд она просто озадаченно на него смотрела, потом побежала назад, обула туфли и набросила на плечи пальто своей матери. Немного позже девушка тоже вошла в сад.

Это была душная тёплая ночь бабьего лета. Спелые яблоки висели на ветвях и источали тонкий аромат. Адриен стоял у внешней стены сада возле узких деревянных ворот и смотрел в сторону леса. Своё ружье он прислонил к стене. Несмотря на тепло, Мари вздрогнула, когда увидела тёмную полосу деревьев. Но потом другие ощущения выступили на передний план — аромат травы и купыря (*прим. пер.: род однолетних, двулетних и многолетних травянистых растений семейства Зонтичные*), и её снова охватила тоска, которая не позволяла спать по ночам.

— Адриен! — она подошла к нему и обняла сзади, прислонив голову к его спине. — Я жду тебя несколько дней. Где ты был так долго?

— В охотничьем лагере, где ещё, — пробормотал он. — Мы около трёх дней охраняем горную дорогу.

— Это отсюда всего лишь полтора часа. Почему ты не пришёл ко мне раньше?

Он повернулся так быстро, что она испугалась. Мари ахнула от того, как сильно его руки обхватили её. Своими губами мужчина яростно прижался к губам девушки. Зуб больно ударил Мари по верхней губе. Она почти возмущённо вскрикнула, но потом потеряла

равновесие. В следующее мгновение девушка почувствовала себя лежащей на траве, тесно прижатая к телу Адриена, это была больше борьба, чем объятия. Стебельки щекотали её под коленями, и его рука двинулась ей под пальто и сжала грудь. Мари так грубо схватила его за запястье, что ногти впились в кожу Адриена, и со всей силы оттолкнула его руку.

— Эй! Что это такое? — прошипела она.

— Что случилось? Ты больше не хочешь меня? — его голос был незнакомым, похожим на рычание.

— Не правда! И ты хорошо об этом знаешь.

— Ну, правильно! Непорочная девица. Я должен только спросить её отца! Только странно, что обычно ты не так разборчива со своими объятиями. Стоит мне только отвернуться, как ты бросаешься на шею другим парням.

— О чём ты говоришь?

Но в тот же самый момент девушка поняла: объятия Томаса и тень за окном. Дворняга лизнула её по щеке, но она отодвинула животное от себя.

— Это всё-таки был ты! Я выбежала, но ты уже исчез. Почему ты не подождал?

— Если бы я остался, я бы убил тебя, я клянусь тебе, Мари. И твоего парня.

Она никогда не боялась Адриена, но сейчас едва ли узнавала его.

— Я только поблагодарила Томаса. Потому что он написал для нас прошение! — *«И, в конце концов, это также моя и твоя вина, что папа и братья в тюрьме»*. Но всё-таки она сдержалась от этого упрёка.

— Ты считаешь меня идиотом? Как часто Томас бывал в твоей постели?

Теперь в ней высоко вспыхнул гнев, так сильно и поглощающе, что в нём сгорала каждая мысль.

— Ты — идиот, если думаешь, что я такая! Если ты мне не веришь, то лучше исчезни!

— Чёрта с два! — его поцелуй был стремительным и властным. И самым безумным было то, что какая-то её часть не могла сопротивляться его дикости.

Мари упала назад в траву, яростно, тесно сплетаясь с ним, и на этот раз она не оттолкнула его, когда почувствовала на своей груди руку Адриена. На мгновение девушка уступила, все её чувства обострились, и она насладилась этой близостью. *«Прекрати, ты виновата в беде твоей семьи, теперь ты также хочешь их опозорить?»* В этот момент мужчина отпустил её, поднялся и взъерошил волосы.

— Томаса ты тоже так целовала?

— Подумаешь хотя бы минутку? — прошипела она и вскочила. Теперь Мари больше не обращала внимание на то, что говорила слишком громко. Но когда её щеки покраснели от гнева, она поняла, насколько они похожи. *«Конечно, он ревнует — что я бы подумала, если бы увидела его с другой? Я бы выцарапала ему глаза!»*

Она с трудом взяла себя в руки.

— Неужели ты думаешь, что я для каждого вылезаю ночью из окна? И, кроме того, это было среди бела дня, моя мама была рядом.

— Вероятно, это устраивает твою мать — господин из Версаля всегда лучше, чем такой, как я.

Мари покачала головой.

— Ты действительно сумасшедший! Ты забыл, о чём мы договорились две недели назад?

— Я совершенно ничего не обещал тебе.

— Что теперь это значит?

— Тогда я думал, что ты моя фея, а не... лживая девица.

Мари никогда не знала, насколько близко находились любовь и ненависть. Не задумываясь, она замахнулась. Только когда девушка почувствовала жжение в ладони, она поняла, как сильно ударила. Они стояли лицом друг к другу, тяжело дыша. Его глаза блестели как тёмные глубокие воды.

Мужчина отступил на шаг, потом ещё на один.

— Об этом, — он сказал это так тихо, что прозвучало почти нежно, — ты ещё пожалеешь.

— Что случилось с кошачьей принцессой? — спросил Томас. — У всех сказок есть хороший конец, и это ведь верно?

— Да. Принц задумался. Но когда кошка искренне попросила его выполнить задание, его сердце успокоилось. Со слезами на глазах он поднял свой меч и сделал то, что она от него требовала. Тогда кошачий мех исчез, и перед ним появилась счастливая принцесса, которая освободилась от проклятия волшебницы.

Томас точно знал, что днём этот момент не будет иметь большого значения. Но теперь он просто поднял к своим губам её руку и поцеловал. А потом юноша почувствовал щёку Изабеллы на своей тыльной стороне ладони и гладкие изгибы шрамов. И её волосы, которые скользнули по его костяшкам пальцев. Кожа на этом месте, казалось, вспыхнула, и этот жар нашёл отзвук в его груди.

— *Mairala*, — сказала Изабелла едва слышно. — На окситанском это означает «родной язык», который мне хорошо знаком.

Это был особенный подарок, который девушка ему сделала. И теперь он понял, что речь шла не о фантазиях в стране чудес. Напротив: её колдовство просто было в том, что она говорила о действительности. Просьба белой кошки была просто образом доверия, которое дарили любимому человеку.

Mairala. Слово звучало в голове Томаса, приводя его мысли в движение. Насколько знакомым должен быть язык, чтобы даже грезить на нём? «*О чём пела вам ваша нянька перед сном?*» В то же время, с другой стороны: отчужденность между Жан-Жозефом и его сестрой, неуклюжий шрифт Изабеллы, её любовь к Мари и молчание Хастель — и, наконец, маленькая фигура мадонны, которая стояла теперь в «*Белой Короле*».

— Вашей кормилицей была Тереза Хастель, — сказал он почти удивлённо. — Но не только это: старый граф отдал вас на попечение Терезы после смерти вашей матери. И это должно быть, было долгое время, потому что вы недолго были в монастырской школе. Даже если госпожа де Морангез и Жан-Жозеф рассказывают что-то совсем другое, и Хастель обязаны были молчать.

Изабелла вырвала у него руку.

— Кто тебе это рассказал? — внезапно она перешла на привычное «ты».

Он сглотнул.

— Никто. Я только что это предположил. Кто с детских лет был в монастырской школе, почерк того не выглядит так, как будто бы он только научился писать. И статуя, которую можно увидеть на портрете твоей матери, стоит в трактире. Вероятно, твоя мать подарила её Терезе в знак благодарности?

Ткань зашуршала, когда Изабелла вскочила. В прямоугольнике окна он мог видеть, что

девушка резким жестом подняла руку, как будто тёрла свои глаза. И в этот раз Томас не спрашивал, что правильно, а что нет, он поднялся, просто подошёл к ней и взял за руки.

— Я не вор, — тихо сказал он. — И я знаю, как бесценны тайны.

Изабелла почувствовала обещание, он смог это понять, потому что она расслабилась в его руках. Девушка погладила пальцами его шею, плечи, потом тоже обняла его, и это было как тогда, когда он первый раз держал её в руках. Томас нежно погладил Изабеллу по волосам. В этот раз она не вздрогнула. Это было так, как будто обе их руки нашли свой собственный язык.

— Что ты нашёл ещё? — тихо спросила она.

— Твою... лошадь. Мари сразу её узнала, хотя сельские жители клялись, что никогда не видели тебя в деревне. Где вы жили?

— В маленькой деревне в Мон Муше, которая называется Ле Нуазэт (*прим. пер.: Les Noisettes — лесной орех*), из-за кустов орешника, который там растёт. А лошадь выбрала для меня Мари из-за трёх серых пятен на морде. Мне было десять лет, когда мой отец взял нас с собой на рынок лошадей. Мари говорила, что лошадь выполнит три моих желания. Отец смеялся и говорил, что я должна слушать свою умную подругу. Потом он отвёл меня в монастырь Сен-Жульен-Де-Шаз. Там я ждала, пока он был на войне. Но, в конце концов, я вернулась назад к моей семье.

— Десять лет в деревне? Почему он сделал это с тобой?

— Сделал? Теперь ты говоришь как мой брат! Он думает, что мой отец был безумен, и многие другие графы думают так же. Они тайком называли его Аристидом, кельтом, но, правда в том, что вместе с этим он сделал мне подарок! В замке у меня не было бы семьи, мой брат воспитывался у нашего дяди, у моего отца не было времени, и он никогда снова не женился. Я была счастлива в Ле Нуазэт, Мари и Бастьен были для меня как брат и сестра. И когда я выжила в монастыре, он положил мир к моим ногам, и объехал со мной всю провинцию. Я всегда была на его стороне, он обращался ко мне за советом и разговаривал со мной на окситанском. Но естественно никто не знает, где я жила. И это так и должно остаться, — девушка сглотнула. — Будь осторожен, Томас! Мой брат всё делает для тебя, но если он видит угрозу семейной чести, то станет твоим злейшим врагом. Андрэ, нашего слугу, который преданно служил моему отцу тридцать лет, он просто выгнал после небольшого преступления.

— Я остерегаюсь злых волшебниц.

— Я серьёзно!

— Я тоже.

Изабелла тихо засмеялась и посмотрела на него. Запах фиалки коснулся его губ. Они были настолько близко друг к другу, что это был почти поцелуй. И потом ничего другого нельзя было ожидать.

Мягкие губы коснулись его, осторожно, почти вопросительно, и потом, когда он уже не мог сопротивляться, так страстно, что Томас даже забыл последние сомнения. Юноша вообразил, что был влюблён, по крайней мере, лет сто назад в Версале. Он целовал девушку и страдал от тоски. Но всё это утихло и вернулось назад раскалённым током, который вызывал безнадежное страдание об обретенном покое. Когда они снова выплыли из вечности, так смущенно, как будто проснулись, это было так, как будто ночь всё изменила.

— Это... неблагоприятно, — нашептывала ему Изабелла. Он чувствовал, как она улыбалась.

— Нет, — ответил Томас. — Нет, это не так.

Мари не знала, как долго стояла в траве, оглушённая и растерянная так, как если бы Адриен ударил её, а не она его. Луна висела как злобная кривая улыбка между яблоневыми ветвями. И самое худшее: она вдруг увидела, как это увидят другие — как девушку, которая ночью встречалась тайком с мужчиной и поверила его обещаниям, потому что охотно приняла его поцелуи за любовь.

Ещё более болезненным, чем разочарование, был стыд. *«Ты мечтаешь о принцах, Мари. Ты действительно веришь в сказку!»* Мари ещё никогда не чувствовала себя такой одинокой, никогда ещё ей так не хватало Изабеллы. И ещё никогда подруга не была ей так нужна: её мудрость, благоразумие и утешение.

В первых лучах рассвета девушка могла видеть, что Адриен уже пересёк луг и взбирался теперь по скалистой дороге, которая извивалась в гору. Он как будто почувствовал затылком её взгляд и неожиданно обернулся. Только теперь она заметила, что дворняга всё ещё была с ним. И по какой-то причине, привязанность животного так её обидела, что на глазах выступили слёзы. В полумраке она могла только догадываться, что Адриен всматривается в неё. Потом он пошёл дальше, дворняга бежала за ним следом. И как последний насмешливый привет до Мари донёсся тихий свист мелодии: *«Меня зовут Рикдин-Рикдон...»*

Этого определённо было слишком много!

— Ублюдок! — прошипела Мари. — Ты не утащишь собаку! — она укуталась плотнее в пальто, побежала к сараю и схватила верёвку и одну из пик, которые стояли у стены. Трава задевала её лодыжки, когда девушка выбежала из сада на пастбище. В горле клокотали слова, которые она была готова бросить Адриену. Задыхаясь, Мари изо всех сил поднималась по склону. Она всё ещё различала Адриена — с ружьём на плече. Мари не осмеливалась звать собаку в пределах слышимости от родительского дома, поэтому тихо свистела ей вслед. Она сама его едва слышала, но животное остановилось. Девушка поспешила дальше, опираясь на копьё как на палку. Наконец, она оказалась на дороге.

Мари хотела надеть на собаку ошейник, но та так испуганно отшатнулась от её поспешного движения, как будто ожидала, что будет избита. Сейчас Мари проклинала Пьера за то, что он был так вспыльчив. Она вспотела, когда вновь побежала за собакой в гору мимо камня матрон. Адриен исчез из поля ее зрения за камнями и деревьями, и внезапно она почувствовала тошноту. Девушка удалилась далеко от трактира и теперь могла видеть с холма деревню внизу. Часть скалы слева обрывалась к болотистой вымоине между выщербленными разбитыми камнями внизу. Она не решилась свистнуть во второй раз, но собака всё-таки подняла голову, как будто что-то услышала.

«Это только Адриен. Или он учуял собак месье Эрика. Лагерь совсем близко». Эта мысль успокоила. Мари была в двух шагах от собаки и, наконец, смогла надеть на неё ошейник. Она быстро протащила через него тонкую верёвку и потащила животное за собой под гору. Недалеко от поворота девушка услышала тихий шорох. В это мгновение собака упёрлась всеми четырьмя лапами в землю и пыталась вывернуться из ошейника. Она тянула верёвку как упрямый мул. Рычание вибрировало в воздухе.

Мари понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что оно идёт не со стороны собаки. Медленно как в тумане, она оглянулась. Девушка едва чувствовала, как верёвка ускользнула из её руки, и услышала лай собаки как будто издалека. Она должна была закричать, но как будто потеряла голос. Как ни странно, Мари могла думать только одно:

«Почему я? Почему не Адриен?»

В утреннем сумраке глаза бестии пылали красным пламенем между косматыми прядями. Она оскалила острые как кинжалы зубы.

Мари так часто представляла себе этот момент. В её голове не было ничего, кроме страха и ужаса, но теперь она узнала кое-что о самой себе: кровь, кажется, совершенно застыла, как будто сами по себе её руки вскинули пику и нанесли удар. С ужасным треском металлический наконечник пики наткнулся на зубы хищника. Бестия увернулась. Мари повернулась и побежала в гору. «Когда собака перестала лаять?» — мелькнуло у неё в голове. Бестия гналась за ней. И теперь девушка слышала тяжелые шаги.

На бегу она оглянулась, споткнулась и сильно ударилась. Чудовище остановилось, и всего в нескольких шагах от неё блеснуло дуло ружья. *Святая Мария! Слава Богу!* По лицу Мари текли слёзы, пока она пятилась назад так быстро как могла, в страстном ожидании услышать спасительный выстрел.

Но потом ствол опустился, зашелестела листва, и рука коснулась ошестинившегося загривка. Мари растерянно заморгала. И, наконец, когда она подняла взгляд, и посмотрела «в лицо» реального зверя, то поняла. Девушка покачала головой.

— Нет, — ошеломлённо прошептала она. И громче, как будто пытаясь освободиться от дурного сна. — Нет!

Животное зарычало. И в трепетную, головокружительную секунду, в неудержимо накатившемся ужасе, Мари поняла свой единственный шанс. Она высоко подскочила, развернулась и побежала обратно к тому месту, где скальные породы отвесно падали в трясину, а позади неё под тяжёлым весом ломались упругие ветви. В этот раз девушка не сделала ошибку и не оглянулась. Она разбежалась — и прыгнула.

Глава 25 ТАЙНЫ

Это было как в волшебных сказках о принцессах, которых день за днём проклятие превращает в лебедей. Только у Изабеллы это было не проклятие, и день и ночь перепутались: днём она была принцессой-лебедем, Изабеллой д'Апхер, которая писала мадам де Морангез и говорила с адвокатами о возможном приговоре для Хастель. Она была хозяйкой, которая приказывала прислуге и украшала вечером вышивкой алтарь, пока Томас и её брат обсуждали за шахматами естествознание и философию. Но ночью она превращалась в девушку из Ле Нуазэт.

Возможно, Томас был её самым большим подарком: в его руках она нашла Беллу — беззаботную девушку минувших дней.

За прошедшие две ночи она едва ли спала. С бьющимся сердцем девушка слушала дыхание своей горничной, до тех пор, пока та, наконец, не засыпала достаточно глубоко. Как только Изабелла попадала в каморку, одеяние лебедя окончательно спадало. И это была Белла, которую в темноте Томас находил протянутой рукой, и которая падала в его объятия. Тесно прижавшись, они рассказывали друг другу о Версале и Ле Нуазэт. Изабелла с празднике авернов (*прим. пер.: в III–II веках до н. э. — самое могущественное кельтское племя в Галлии*), на котором она и её отец танцевали. Томас рассказывал ей о королях майя Нового Света.

Днём она смеялась на уроках рисования, как брат от неё и ожидал. Остроумные

словесные поединки принадлежали дню как поцелуи ночи, и оба были бесконечно дороги. Изабелла любила манеру Томаса спорить, его юмор, который попадал в точку, но не оскорблял, и она всегда с нетерпением ждала тех моментов, когда их взгляды встречались. И тогда ей казалось, что кончики её пальцев и губы знали его лицо лучше, чем глаза. И сразу возвращалась темнота, нежные прикосновения, поцелуи, которые были настолько совершенно другими, чем его сдержанное холодное поведение днём.

Также и сегодня он очень сдерживался. Ее компаньонка как всегда сидела у окна и вышивала, пока они вдвоём, бок о бок, сидели на кушетке, а перед ними на столе был нарисованный узор: натюрморт с цветами и фруктами в фигурной серебряной чаше. Однако они сосредоточенно притворялись, что изучают плоды, а в действительности своим угольным карандашом вели немой диалог.

«Сегодня для тебя пришло письмо», — писала Изабелла. — «У них есть Каухемар?»

«Ещё нет», — ответил Томас на своей бумаге.

— Посмотрите на очертания немного точнее, мадемуазель, — ответил он ей. — Здесь, я продемонстрирую вам на моём листе.

«Мне написал месье Антуан. Прибыли собаки из Версаля. Я должен отправиться назад в Ле Бессет».

Он подвинул к ней гравюру, чтобы прочитать.

«Когда?»

«Завтра я должен появиться в замке, меня ждёт управляющий. Но мы, конечно, скоро увидимся».

Она опять мучительно осознала, что они оба не были свободны, и этого никогда не было бы.

— Мне не нравится тень! — сказала девушка так громко, что дама быстро подняла глаза.

Томас вздохнул.

— Попробуйте это, по крайней мере, — сказал он с хорошо сыгранной преданностью. На одну драгоценную секунду их взгляды встретились. И нежность в его глазах вызвала в ней тоску, желание просто броситься снова в его объятия как в прекрасный сон, из которого она не хотела просыпаться.

«*Ai somiat*», — он написал. «Я мечтал о тебе. А как произносится на твоём языке «обнимать и целовать?»»

Этот страстный вопрос отразился также и на его лице, эта жажда жизни и познания, которая так её очаровывала. «То, что он делает, он делает от всего сердца», — подумала Изабелла. Её пульс стал быстрее, когда она поставила в середине окзитанское слово: «*embracar*».

И когда Изабелла читала его ответ, сокровенное лунно-голубое ночное счастье снова перехватило её дыхание.

«Тогда представь себе, что я целую тебя, Красавица! Сейчас и каждую секунду, когда мы будем в разлуке».

Томас раздражённо вздохнул и покачал головой.

— Мадемуазель, простите, если я так прямолинеен, но вы приводите меня в отчаяние! Этот изгиб ещё темнее! — когда он указывал на лист, то будто случайно задел её руку. Это было как поцелуй. Кожа на руке Изабеллы покрылась мурашками. Теперь она радовалась тому, что пудра скрывала то, как покраснела.

«Как я услышу о тебе?»

«Я найду способ послать тебе сообщение как можно быстрее. Адриен Бартанс поможет мне, он работает у Эрика, но ты можешь доверять ему. Ты узнаешь его».

Небрежными штрихами парень набросал на листе лицо мужчины со шрамом. Лицо было обрамлено тёмными волосами. Изабелла наморщила лоб. Ей показалось, что она уже где-то видела мужчину с таким шрамом. «Ты уверен, что мы можем ему доверять?»

«Определённо», — ответил Томас.

— И? Вы делаете успехи? — её брат как всегда вошёл в помещение беззвучно. Угольный карандаш выскользнул из пальцев Изабеллы, когда она пальцем стирала надпись, как будто хотела нанести на бумагу тень. И к тому времени, когда Жан-Жозеф подошёл к ним, девушка быстро вытащила другой лист. Томас быстро начал сеанс и мастерски набросал по-дилетантски на бумагу, чтобы она смогла выдать это как своё. Это была опасная игра, и в такие моменты как этот, Изабелла понимала, как это было сумасбродно.

— Мы продвигаемся вперёд, — очень по-деловому ответил Томас и поднял её угольный карандаш.

Жан-Жозеф подошёл к ней, взглянул на натюрморт и выдавил ободряющую улыбку. Несмотря на испуг, Изабелла рассмеялась. На картине была изображена незабудка, которой не было в вазочке — подмигивание Томаса.

Он раскланялся на прощание.

— У вашей сестры взгляд, замечаящий красоту.

— А с более терпеливым преподавателем я была бы, безусловно, лучше, — прохладно ответила она.

— В следующий раз я буду терпеливее, мадемуазель, если вы будете сами собой.

Половицы скрипели под шагами Томаса. Как только они затихли, Изабелла поднялась, и почувствовала на своих плечах руки брата.

— Я рад, что ты почти полностью отказалась от траурной одежды. Я уже почти забыл, какая у меня прекрасная сестра!

Его слова звучали искренне и нежно, но Изабелла чувствовала существующую между ними дистанцию. В зеркале над камином она увидела принцессу-лебедь и молодого вельможу.

«По-прежнему два незнакомца».

— От тебя, конечно, не ускользнуло то, что сегодня до полудня прибыл Эрик?

Изабелла напряглась.

— Мне это известно.

— Он задаётся вопросом, почему ты его ещё не поприветствовала. Ты знаешь, он очень беспокоится о тебе. Я обещал ему, что ты поужинаяешь с ним и со мной, и после этого с ним погуляешь.

Руки на её плечах стали еще тяжелее, чтобы выдерживать это дольше, также как и его надоедливую болтовню. «А Эрик уже назвал цену за молчание».

Она вывернулась из рук брата и повернулась.

— Жан-Жозеф, почему ты даёшь ему такие обещания? Я знаю, что ты поймешь большой куш от тёти Эрика. Но я не думаю о том, чтобы протянуть такому распутнику даже мизинец!

Жан-Жозеф резко втянул носом воздух. Он сделал повелительный знак компаньонке. Женщина торопливо схватила свою шкатулку и поспешила прочь.

— Господи, как ты можешь так пренебрежительно отзываться о де Морангез перед слугами? — выкрикнул он, как только двери закрылись. — А я уже, в конце концов, поверил, что ты образумилась и поняла, как должны вести себя д'Апхер!

— Что это может значить?

— Наша мать никогда бы не произнесла ни одного бранного слова перед прислугой. И она никогда бы не имела ничего общего с крестьянами и не говорила бы на их языке как ты недавно, когда речь шла о мертвеце на поле. И перед всеми людьми!

Теперь он был в своём вспльщивом состоянии, совсем как сын Аристида д'Апхера. Её укололо это сходство. И хотя девушка была так зла на него, невольно она чувствовала себя очень близкой ему. *«Вероятно, мы найдем общий язык»*, — подумала она. — *«Однажды»*.

— Я действую так, как учил меня мой отец, — спокойно ответила она. — Он никогда не прятался за фальшивыми словами, и не боялся подать руку крестьянину. Только поэтому они ему доверяли. И только поэтому он был таким хорошим полководцем на войне. Его солдаты любили его и следовали за ним до самой смерти. Сейчас ты хочешь отказать ему в том, что он был д'Апхер, только потому, что он иначе относился к простым людям, чем ты считаешь правильным? Это было бы очень самонадеянно, ты так не считаешь?

Жан-Жозеф покраснел и вздохнул, потом выпрямился. Это было жутко, как быстро мужчина превратился обратно из разъяренного брата во властного *вельможу*.

— Я не говорю о нём ничего. У него были причины так действовать. Но теперь я хозяин в нашем доме и также несу ответственность за тебя. И хочу, чтобы ты была любезной с Эриком. Завтра он уходит со мной обратно на охоту. Сегодня он пришёл только из-за тебя. Не разочаровывай его! Это... важно.

Наконец она поняла, чего он от этого хотел. Внезапно ей стало холодно, несмотря на летнюю жару.

— То есть Эрик выразил свою заинтересованность в этой связи?

— Пожалуй, это не тайна, что он над этим думает.

— Папа никогда не отдал бы меня этому мужчине! Никогда! — теперь ей было безразлично, что она кричала.

— Я не говорю, что действительно это сделаю! — вскричал Жан-Жозеф. — Веришь ты в это или нет: я уважаю желания нашего отца, даже если я никогда его не понимал — конечно же, не в отношении к тебе и свобод, которые он тебе оставил. Но в нынешней ситуации мы должны вести себя дипломатично!

Сегодня он тоже избегал смотреть на её шею, хотя шрам был хорошо скрыт. Вместо этого брат разглядывал Изабеллу тем взглядом, который она ненавидела: как будто он пытался оценить поведение своенравного животного.

— Вскоре дело с чудовищем будет решено, ещё через год — это только страшилка, и твои шрамы так хорошо заживут, что никто об этом и не спросит. Но в настоящий момент эта тема слишком щекотливая, чем мы могли бы испортить это для нас с де Морангез. Так ты обещаешь мне быть д'Апхер, которой гордилась бы наша мать?

— Только если *ты* пообещаешь мне, что не примешь ошибочное решение!

Мягко, но решительно мужчина снова положил ей руки на плечи и поцеловал в лоб.

— У меня нет причин для этого, — сказал он так любезно, что любая другая угроза не была слышна в его голосе. — До тех пор, пока твоё поведение не заставит меня это сделать.

«Я обманываю себя», — подумала она. — *«Мы никогда не будем говорить на одном языке»*. Страх быть пойманной в ловушку, был похож на чувство удушья. Но потом она

вспомнила, что отец говорил ей, когда она унывала: *«Безысходности нет, моя красавица. Только окольные дороги, которые нужно находить»*.

Изабелла отступила назад и опустила взгляд на свои руки. Её правый указательный палец был всё ещё чёрным от угля, как привет от Томаса. *«Он снова будет в Ле Бессет. И если я буду там, то смогу лично попросить мадам де Морангез, чтобы она замолвила слово за мужчин Хастель»*.

— Возможно, ты прав, Жан-Жозеф, — сказала она примирительно. — Я проведу время с Эриком. А завтра я бы хотела поехать с вами верхом на охоту. После этого я на несколько дней остановлюсь у мадам де Морангез.

Ей снова удалось озадачить Жан-Жозефа.

— Ты хочешь назад в Ле Бессет? Почему?

— Это лучшая возможность рассеять слухи. Если люди снова увидят меня здоровой и бодрой — и даже на охоте — больше никто не будет сплетничать о том, что я была больна.

Жан-Жозеф прикусил нижнюю губу. Этот аргумент показался ему убедительным. Но потом он покачал головой.

— Это слишком опасно. В этой местности всё ещё бушует бестия.

— Где бы мне было безопаснее, чем в компании вас обоих? И наш отец брал меня с собой на каждую такую опасную охоту. Я стреляю лучше, чем многие охотники, — и хотя девушка снова слышала шёпот Каухемара в своей голове, она подняла подбородок и уверенно улыбнулась. — Не забывай, Жан-Жозеф: мы, д'Апхер, не прячемся! Мы смелые и стойкие перед своими кошмарами.

Раньше Томас смеялся над ревнивыми людьми, но с прошлой ночи он знал, что смешного здесь было мало. Вчера Изабелла его просто не замечала, вместо этого он представлял себе, что её глаза смотрели только на Эрика. Она гуляла с ним в саду, пока Томас проигрывал в каждом раунде в шахматы д'Апхеру. *«Соберись»*, — сказал он себе. — *«Она только игнорирует тебя, потому что Эрик — ищейка и мы могли бы себя выдать»*. Но все же даже цвет одежды Изабеллы — нежный голубой цвет незабудки — казался ему насмешливым приветствием. Но от этого стало ещё хуже: в эту третью ночь Томас напрасно дожидался рассвета в каморке. И когда он, дрожа от усталости, пришёл со своей папкой для рисунков с салон, лакей сказал ему, что д'Апхер просто отправились на охоту.

Томас явно имел тенденцию к самоистязанию, потому что когда он вошёл во двор, то чувствовал себя почти униженным взглядом Изабеллы. Она никогда ещё не была больше графиней, чем сейчас. Изабелла была одета в рыжую охотничью куртку и такую же красную шляпу. Шарф, соответствующий её белым перчаткам, окутывал щёки и шею.

Естественно, она не обращала внимания на Томаса. Вместо этого Изабелла болтала с де Морангезом и двумя другими охотниками. Её белая кобыла стояла во дворе оседланная, и по какой-то причине Томас чувствовал себя из-за этого обкраденным вдвойне.

Теперь даже д'Апхер вышел во двор. Перспектива быть вовлечённым в разговор с Эриком, заставила Томаса отступить, и он вошёл в конюшню. Там стояла верховая лошадь, которую граф предоставил ему в распоряжение на время оставшегося пребывания: обычно выглядящий вороной, который прижимал уши и прыгнул на Томаса.

«По крайней мере, я сегодня ещё встречу Адриена», — подумал он. Слуга, как он узнал, остался в замке Бессет и заботился о новых охотничьих собаках из Версаля.

Смех Изабеллы звучал эхом со двора, и Томас снова получил укол, когда Эрик ответил.

«Они считай, что обручены», — это рассказал ему Адриен. В последние дни Томас никогда не решался затрагивать эту тему, но теперь эта истина ударила его сильнее. Он положил папку на ленчик седла (*прим. пер.: часть седла, которое держит седло на спине лошади и сохраняет просвет между ними*) и потёр усталые глаза. «Что ты вообразил? Где это должно закончиться?»

Томас взглянул вверх только когда услышал шелест соломы под ногами конюха. Он хотел снова потянуться за своей папкой, когда две руки обняли его за шею. Запах Изабеллы окутал его.

Томас наткнулся на ленчик седла, потом почувствовал прохладные мягкие губы на своих — её поцелуй был бурным и задыхающимся. Хотя это было неразумно и опасно, он не мог сделать ничего другого, только притянуть Изабеллу к себе и ответить на поцелуй со всей страстью.

Через несколько секунд — или вечность — она поспешно оторвалась от него. Быстрым движением Изабелла достала мундштучное оголовье (*прим. пер.: оголовье — основная часть конского снаряжения, надеваемая на голову лошади и позволяющая управлять ею; то же, что узда*) из своего рукава.

— Мой талисман, — шепнула она и подмигнула ему. — Я забыла его в конюшне. Без него я никогда не езжу на верховую охоту.

С этими словами Изабелла сунула ему в руку листок и вышла. Он растерянно смотрел ей вслед, пока на его губах ещё горел поцелуй, и сердце неистово билось. Только когда стих стук копыт, юноша прочитал сообщение.

«Завтра ночью в библиотеке замка Бессет! И не забывай самое главное слово на моем языке — «s'epanotar» — влюбиться».

Томас никогда бы не подумал, что отчаяние и счастье могут так тесно сплетаться друг с другом. Некоторое время он просто ошеломлённо стоял, счастливо улыбаясь как дурак, потом наклонился, чтобы поднять свою папку. Она соскользнула с седла, листья выпали из неё и лежали рассыпанными на соломе и пальто. Дрожащими руками Томас их подобрал и хотел снова рассортировать, когда в глаза ему бросились два портрета. Они лежали бок о бок, хотя и не подходили друг другу. Снова и снова он переводил взгляд с одного на другой, и кровь отлила от его лица, когда неожиданно перед ним открылась тайна Изабеллы и Каухемара.

Глава 26

ГЛАЗ ВОЛКА

Томас прибыл в Ла-Бессер-Сен-Мари под вечер. Он никогда не был таким нервным, как сейчас, когда направлял жеребца к церкви. Оттуда вышла безмолвная процессия, окаменевшие лица выглядели пепельно-серыми даже на сентябрьском солнце. С лошади Томас мог смотреть на кладбище над головами деревенских жителей. В середине каменных и деревянных крестов громоздился свежий вал из каменистой земли — новая могила. Томас так резко осадил животное, что лошадь высоко вскинула голову. «Это не может быть бестия, я бы об этом узнал». Он спрыгнул с седла и потянул лошадь, которая пошла рысью, к пастору.

— Умер больной мельник?

Священник подавленно качал головой:

— Это Мари Хастель.

Томас только лишь почувствовал, как ситуация ускользает из его рук. «*Боже, пожалуйста, нет!*» Люди остановились и пристально смотрели на него. На глаза юноши навернулись слёзы, и в нём пронзительно звучал голос: «*Меня там не было!*»

— Бестия? — пробормотал он.

Несколько человек перекрестились.

— Нет, нет, — старый крестьянин подошёл к Томасу и положил свою руку ему на плечо. — Это был несчастный случай.

— Что? Как это произошло? — закричал Томас.

— Ну, на самом деле, девушка ни свет, ни заря ушла из дома, вероятно, потому что дворняжка убежала. Некоторые люди слышали, как та лаяла. Мари повязала ей верёвку вокруг ошейника. Ну, потом она, должно быть, поскользнулась на склоне и потянула пса за собой на глубину. Он лежал со сломанной шеей рядом с промоиной. И Мари сама свалилась и ударилась головой о камень, и, вероятно, была без сознания. Утонула и погибла, бедная. Позор, сколько несчастий у семьи Хастель.

— Да, бедная Тереза! — бормотала женщина. — Дочь мертва, мужчины в тюрьме, и Бастьен вёл себя на торжественных похоронах в церкви как безумный. Ругал священника и проклинал Бога. И потом убежал. Ну, в действительности, парня винить нельзя. Он точно знает, что братья убьют его, если когда-нибудь выйдут из тюрьмы!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Изабелла почти забыла, как любила резкий, едкий запах сожжённого пороха, который смешивался с ароматом листвы и пихтовой смолы, и вдобавок к этому, упругий стук копыт и ветер в лицо. И теперь, когда она в безрассудном темпе неслась галопом позади своры, то смогла даже на несколько секунд забыть, что там был Эрик, который ехал верхом так близко к ней, как будто бы девушка сама была охотничьей дичью. Задыхаясь, они достигли небольшого охотничьего лагеря в нескольких милях от Ле-Бессет. Их ожидали люди из замка. Телеги стояли кругом как группа фокусников на лужайке, нагруженные провизией и запасными патронами. Несколько загонщиков и охотников отдыхали рядом с привязанными лошадьми. Убитые кабаны были выложены на краю поляны.

Эрик осадил своего вороного рядом с Изабеллой, и при этом был к ней настолько близко, что их колени соприкасались. Всё-таки, в присутствии её брата, он не позволил бы себе следующей наглости. «*По меньшей мере, до сих пор*».

— Вы не забыли, как ездить верхом, — сказал он. — По-настоящему жаль. Этим вы не даете мне возможность спасти вас во второй раз.

Эрик засмеялся, когда Изабелла яростно сверкнула на него глазами. Мысль о том, что он нашёл её без сознания перед Ле Бессет, раненую и незащищённую, отрезвляла сейчас девушку снова как холодный душ. Она подвела свою кобылу к Жан-Жозефу и встала рядом с его лошадью. Прежде чем Эрик смог додуматься последовать за ней, она приблизилась к мужчинам, которые загружали кабанов на телеги. Изабелла чуть не натолкнулась на темноволосого молодого человека, который как раз выходил из леса.

— Простите, мадемуазель, — пробормотал тот. Он опустил голову и отошёл от неё.

— Эй, Адриен! — крикнул ему один из егерей Жан-Жозефа. — Что здесь нового?

Изабелла прислушалась. «*Адриен со шрамом!*» Он был доверенным лицом Томаса и её. Она украдкой смотрела ему вслед, когда мужчина подходил к егерю. Как будто случайно, девушка подошла к мужчинам, которые сразу оба замолчали.

Адриен смотрел ей прямо в лицо — без робости, которую она знала от прислуги, но также и без какой-либо назойливости. «*У него глаза волка*», — подумала она. — «*Конечно, он нравится девушкам, и знает об этом*». Теперь Изабелла вспомнила, что уже видела мужчину в тот день, когда захотела поехать с Андре к Хастель.

— И? — спросила она. — Что нового?

Адриен откашлялся.

— Мёртвая девушка, — сказал он грубым голосом. — В Ла-Бессер-Сен-Мари.

Томас ожидал, что найдёт госпожу Хастель полностью сломленной, но хозяйка стояла за прилавком и измельчала травы. Когда она услышала его шаги, то коротко взглянула вверх и продолжила.

— Мне... очень жаль, — сказал он. — Я должен был быть там.

На её лице появилась горькая улыбка.

— Там должен был быть отец Мари. Садитесь.

Он колебался.

— Я готовлю еду для близняшек. Они, наконец, спят, бедняжки. Ну, садитесь уже. Для вас этого тоже достаточно. Мы по-прежнему должны есть или нет? И дышать дальше.

Тереза Хастель не была женщиной, которую надо утешать, поэтому он сделал просто то, что она сказала. Украдкой Томас осмотрелся. И сегодня каждая деталь, казалось, кричала ему о том, что так долго оставалось скрытым: маленькая чёрная Мадонна, которую также можно было увидеть на портрете графини д'Апхер и кукле близнецов, лежащей на скамейке — принцесса с вышитой улыбкой и тонкой кружевной юбкой. Довольно долго юноша обдумывал, как он должен был начать, но потом выбрал самый простой путь.

— Тереза, у вас проблемы? С графом д'Апхер? Из-за... его сестры?

Тереза прекратила измельчать травы. Её взгляд остался сосредоточенным на своих руках.

— Из-за Изабеллы? — сказала она беззвучно. — Почему они у меня должны быть?

Он спросил себя, сколько мужества стоило ей сказать правду.

— Из-за... настоящей Изабеллы, я думаю. Мари не ваша кровная дочь, Тереза. Она была ребёнком графской пары д'Апхер.

Рука, которая держала нож, всё ещё оставалась в воздухе, и слегка дрожала.

— Вы знаете, что вы сказали? — спросила Тереза едва слышно.

Томас откашлялся.

— Правду. Поэтому ваши мужчины так оберегали Мари? Вероятно, у вас было задание от старого графа охранять свою дочь?

Тереза посмотрела вверх, и Томас спросил себя, как он мог быть так слеп. Даже если у Терезы были более высокие скулы и другая форма губ, то изгиб крыльев носа и форма глаз были как у Изабеллы. И с кожей, которая стала бледнее, чем бумага, Тереза была таинственным образом похожа на напудренное лицо Изабеллы.

— Я видел, что...

— Что ты видел? — крикнула она на него. — Что, Томас?

Одно мгновение у него было видение, как женщина подбегает к нему с ножом. Но та

только стояла, застывшая как скульптура, опираясь рукой на стойку, а другой схватившись за рукоятку ножа.

— Фамильные портреты.

Так осторожно, как будто бы он находился рядом с хищником, художник схватил свою папку, которая лежала на столе и медленно её раскрыл. Тереза смотрела, как он доставал один за другим портреты и выкладывал их на столе: слева — графскую семью д'Апхер, справа Хастель. Томас только пока ещё оставил Изабеллу.

— Сначала мне бросилась в глаза маленькая статуя Марии с перламутровой лилией. Это та же самая, что можно увидеть на фамильном портрете, на котором изображена графиня д'Апхер много лет назад. Что-то в лице показалось мне знакомым. Но только когда сегодня я расположил рядом все портреты, то понял, что это было.

Тереза судорожно вздохнула, когда, наконец, опустила нож. Женщина положила его со стуком, а потом как лунатик медленно подошла к нему и опустилась на стул. Аромат тимьяна окутал Томаса. Терезе потребовалось время, чтобы преодолеть себя и посмотреть на картины, которые юноша ещё утром снабдил стрелками и пояснениями.

— Есть признаки, которые переходят по наследству, — пояснил он. — Форма уха или рук у людей говорят о многом. Больше чем цвет волос и рост, — он взял портрет Жан-Жозефа д'Апхер и положил рядом с ним изображение Мари, также как они лежали сегодня на земле в конюшне. Потом Томас добавил старого графа и графиню. — Сходство Мари с её братом не бросается в глаза, если рассматривать каждого в отдельности. Однако когда я увидел изображения рядом, мне всё стало ясно. Мари и молодой граф имеют очень похожую форму уха с бросающимся в глаза подъёмом внутреннего уха. Никто из Хастель не имеет этого признака. Как вы видите, Мари и Жан-Жозеф унаследовали эту особенность от отца, старого графа. Также похожа форма носа, пропорция и положение скул. И посмотрите: у Мари форма губ графини и немного острый подбородок. У неё почти прямоугольные ногти, как у старого графа и Жан-Жозефа. Но у Изабеллы руки как у вас, Тереза! Тонкие пальцы, безымянные и средние пальцы почти одинаковой длины, ногти овальной формы. И чёрные волосы она унаследовала от Жана. Прежде чем тот поседел, он был тёмным, да? Я уверен, что вы лучше знаете другие, менее очевидные сходства.

С этими словами Томас пожил портрет Изабеллы рядом с портретом Терезы.

Он опасался, что хозяйка расплечется, но та с неподвижным лицом рассматривала дочь, которую не видела очень много лет. Пауза так сильно затянулась, что Томас спрашивал себя, будет ли Тереза когда-нибудь снова с ним разговаривать.

— Это... меня ещё сначала запутало, что Бастьен и Мари имеют определённое сходство, — продолжил юноша через некоторое время. — Но у этого тоже есть причина. Я всегда удивлялся, почему ваш муж никогда не защищает своего сына, более того: он по-настоящему его презирает. И его братья усвоили, что он — незаконный, иначе они едва бы решились так плохо с ним играть. Когда я был с Бастьеном на ночном дежурстве, он сказал несколько фраз, из-за которых я задумался: *«Господа получают награду и славу, а мы глотаем дерьмо. Есть только победители и побеждённые. Почему на войне должно быть по-другому, чем в жизни?»* Только сегодня я понял, что он подразумевал под этим, — Томас подвинул портрет Бастьена к графу. — Бастьен — его сын, я прав? И он знает, кто его кровный отец, и поэтому парень такой озлобленный.

Томас испугался, когда женщина вскочила. Она вцепилась своими руками в его воротник, и дёрнула его вверх со стула до тех пор, пока их глаза не смотрели друг на друга.

— Ты рассказал кому-нибудь об этом? — прошипела она.

— Нет, я...

— Тогда поклянись мне, что промолчишь! Поклянись мне жизнью твоей матери и самой Святой Марией! Иначе я убью тебя, Томас! Я обещаю это тебе!

— Я клянусь, — тихо сказал он. — Я никогда не сделаю ничего, что могло бы навредить Бастьену или Изабелле. Но я хочу это знать.

— Почему? — спросила она твёрдым голосом. — Почему ты это делаешь? Чего ты хочешь этим добиться?

— Я... только хочу понять, Тереза. Потому что Бастьен — мой друг. И так как... Изабелла дорога мне. Но я не могу действовать так по отношению к вам, как будто я ничего не знаю.

— Нет, — измученно сказала она. — Ты никогда не сможешь.

Хватка медленно ослабевала, Тереза упала на стул и закрыла лицо руками.

— Мари всегда была для меня дочерью! Я любила её как собственного ребёнка. Вероятно, даже ещё больше.

— Я знаю. Но что произошло? Старый граф заставил вас отдать свою дочь? И почему?

Сначала он испугался, потому что думал, что женщина заплакала, но когда она опустила руки, Томас понял, что приглушенный звук был смехом.

— Заставил? Нет!

— Тогда вы тайком обменяли обеих девочек? Но почему?

Тереза взяла портрет Изабеллы и рассматривала его довольно долго, потом отложила на стол. У Томаса защемило сердце от того, что этот жест был таким заканчивающим.

— Первый раз я не работала кормилицей у д'Апхер. Я родом из деревни возле Ле-Пюи-ан-Веле, и очень рано вышла замуж. Муж умер, когда я была беременной, несчастный случай при рубке леса. Так я обосновалась как молодая неимущая вдова у своей сестры — без надежды, без будущего. Я потеряла своего ребёнка задолго до того, как он должен был родиться. Ты можешь себе представить, какой я была разочарованной. Каждое утро я поднималась по нескончаемым ступеням к собору и молила Мадонну о доброй смерти, чтобы она забрала меня, потому что будущее казалось одной бесконечной ночью. Но там, в большом соборе, у ног чёрной Мадонны меня нашла графиня д'Апхер. Она как раз совершала паломничество в город, чтобы вымолить сына; они со старым графом уже четыре года напрасно ждали ребёнка. Она выслушала мою историю и пожалела меня. И так она взяла меня с собой в замок де Бескве. Там, в следующем году, графиня выдала меня замуж за Жана Хастель, который работал лесорубом. Тогда уже он казался мне стариком, но я ничего и не должна была ожидать. Итак, я была довольна и приняла свою судьбу. Вскоре я забеременела Пьером, а графиня получила своего первого сына немного позже, чем я своего. Я служила у неё кормилицей. И жила в замке, родственница моего мужа заботилась о Пьере. Графиня была хорошей женщиной, но строгой, и очень набожной хозяйкой. Никакой лакей не произносил в её присутствии имя Сироны (*прим. пер.: богиня врачевания, покровительница целебных источников*), и никто не осмеливался заечь в полях снопы колосьев, чтобы просить Граннуса (*прим. пер.: одно из имен галльского Аполлона*) о защите от бури. Граф был совсем другим, чем она, он и графиня были как огонь и вода. Слуги шептались, что она в споре ругала его безбожником, потому что он не запрещал камни матрон.

— Однажды граф пришёл ко мне, чтобы увидеть своего сына. Но вдруг он рассмотрел

только меня — не на грубый манер, как мужчины смотрят в тавернах на женщин, нет, он шутил со мной и говорил мне, что я прекрасна, как фея. Я была лишь деревенской девушкой, и он был моим *господином*. Я боялась ему перечить и уже вскоре уступила, и на несколько недель я была даже счастлива, несмотря на грех. Я этим не горжусь — но дома у меня был только ворчливый, вспылчивый муж, и тяжелая работа с утра до вечера. Никогда ещё мужчина не был так добр ко мне и не заставлял меня смеяться. После того как почти год спустя сын графской пары умер от кашля, который унёс тогда многих детей — я родила в замке второго сына.

— Бастьен!

Тереза кивнула, погрузившись в воспоминания.

— Жан рассвирепел, когда забирал меня из замка, а у меня на руках был грудной ребёнок. Граф разговаривал с ним, пока я стояла с Бастьеном во дворе замка. Я так никогда и не узнала, что он сказал Жану. Должно быть, угрожал ему, потому что после этого мой муж относился ко мне по-прежнему хорошо, хотя Жан был сердит и обижен. Графиня была менее миролюбивой. Она перенесла бы внебрачного ребёнка, но смерть своего не преодолела. Она называла меня ведьмой и была убеждена, что я убила её сына. В конце она даже обвинила графа в том, что его прегрешения виноваты в этой беде, и что Бог наказал их обоих за его прегрешения. Я знала, что она наблюдает за мной. Я даже не решалась собирать травы и продавать их женщинам из-за страха, графиня бросила бы меня в тюрьму как ведьму и отравительницу, если бы об этом узнала.

— Конечно, происхождение Бастьена не было в деревне секретом, и я думаю, что он уже тогда чувствовал неприязнь Жана, которое также разделял Пьер. Я пыталась спасти свою репутацию, ходила каждое воскресенье в церковь, и была самой набожной женщиной в деревне. Только тайком я просила кельтскую покровительницу Сирону, чтобы она помогла мне. Несколькими годами позже я получила Антуана, пока графиня напрасно постилась и просила в часовне другого ребёнка. Только после того, как граф несколько недель постился в одежде паломника в часовне, Бог подарил им в следующем году Жана-Жозефа. Графиня строго наблюдала за его воспитанием, которое было полностью благочестивым. Но её муж уже вскоре снова стал жить по-старому, — Тереза улыбнулась. — Графиня, вероятно, думала, что сможет скрутить верёвку из ткани алтаря и таким образом привязать его, но это так непросто с мужчинами.

— Прошло ещё три года, мы жили в бедности, с горем пополам. В дождливый майский день я родила девочку. Через несколько дней после рождения меня разбудил хозяйский слуга — граф точно знал, что происходило в нашей семье. Мне приказывалось спешить в замок. Поддерживаемая Жаном, с трепетом и младенцем на руках, я отправилась в путь. Жан остался снаружи, но меня проводили в каморку под крышей. Там стояла колыбель с новорожденной девочкой. Она была слаба, я увидела это с первого взгляда, её губы переливались синевой. И ко мне пришёл смертельно бледный граф. «Позаботьтесь о Изабелле», — приказал он мне. — «Тогда я никогда не поскуплюсь для Бастьена». Это были первые слова, которые он сказал мне после всех этих лет. Так вопреки моему желанию я второй раз стала кормилицей для одного из его детей. На этот раз, тайно скрываясь в замке. Графиня лежала в родовой горячке, её дочь никогда не видела свою мать. И, естественно, никто не решился сказать ей, что я была той, кто держал девочку на руках.

Так я проводила свои дни одна с двумя малышами. Все отчаянно заботились о графине. Я никого не видела, кроме служанки, которая приносила мне еду, воду для мытья и свежие

пелёнки. Тем временем, граф на коленях молился в часовне замка. Он клялся, что пожертвует монастырю состояние и оплатит все свои грехи, если его жена останется жива, — мадам Хастель пожала плечами. — Ну, пожалуй, он любил её. Огонь не может быть без воды, как и ночь без дня.

И вскоре его дочь окрепла, у нее появились розовые губки и щёчки, но моя собственная малышка заболела. Она горела от температуры, её ручки опухли, и у неё были красные пятна на теле. Тайком я убедила служанку, чтобы она добыла мне правый глаз волка. Из него я приготовила суп, который должен был прогнать температуру. Однако в этот раз лекарство не подействовало. И я точно знала, что у меня сразу отнимут мою девочку и вернут в деревню, чтобы не заразить драгоценного графского ребёнка. Но я знаю: без меня моя малышка бы умерла.

— Всё же граф обещал, что позаботится о Бастьене! — сказал Томас. — Так он бы позаботился и о вашей дочери.

Тереза фыркнула.

— Ты его не знал, и мне потребовалось много времени, чтобы его раскусить. Он любил быть любимым. Того, в ком он больше не нуждался, граф выкидывал как разбитую подкову. Его дочь была здорова — это было всё, что имело для него значение. Я выполнила свой долг, всё остальное его не волновало. Кто беспокоится о ребёнке крестьянки? Я уже тогда больше ему не доверяла — и была права. Я хотела, чтобы моя дочь жила! Поэтому схитрила. К тому времени у младенцев на голове начал расти небольшой пушок, я могла представить себе, что моя дочь будет черноволосой, а графская дочь — рыжей как лисица. Но у обеих был одинаковый цвет глаз — младенческий тёмно-синий. В итоге, я срезала детям их пушок. Потом я позвала врача и отдала ему моего ребёнка со словами, что это была графская дочь Изабелла, и что она нуждается в медицинской помощи. Я думала, что после обследования он даст ей лекарство, и я позже снова смогу обменять детей. Но врач был в ужасе от того, что граф оставил меня одну с девочкой, и сразу вызвал двух помощниц, которые не отходили от меня. День и ночь они наблюдали за малышом. Они делали ему компрессы, которые пахли металлом и поили настойками. Также прибыла мадам де Морангез и привезла следующую кормилицу из Ле Бессет. Графиня умерла в тот же самый день, когда моя дочь снова стала здоровой. И когда чёрный пух на её головке снова стал заметным, священник сказал, что это был знак милости чёрной Мадонны, что она забрала жену графа из-за его прегрешений, но, по крайней мере, оставила ему дочь. Меня отослали домой с рыжей графской дочерью на руках. Жан был счастлив, что мы снова были вместе, потому что боялся плохого. Мои сыновья любили малышку с самого начала, и никто не понимал, почему я неделями плакала. Но, тем не менее, я любила девочку как собственного ребёнка. Я знала, что граф станет преследовать нас или строго накажет, если заметит, как я его одурачила. Поэтому я похоронила тайну в себе и горячо молилась о чуде.

Её взгляд переместился на маленькую статую Мадонны. Лицо женщины смягчилось, разглаживая измученные черты.

— И оно произошло! — сказала она с глубоким уважением. — Граф поссорился с Богом и не мог выносить того, чтобы видеть своих детей, так сильно они напоминали ему о жене. Своего маленького сына он отправил к своему брату, где тот должен был воспитываться. И граф привёз Мари, которая теперь называлась Изабеллой к нам, только четырьмя месяцами позже, вместе с портретом маленькой Богоматери. Он отдал нам егерский дом в отдаленном месте. Как будто бы хотел убрать свою дочь с глаз долой.

— Ле Нуазэт. Изабелла рассказала мне, что была счастлива в деревне.

Тереза кивнула.

— О, да, это было хорошее время. Лучшее, которое у нас было. В этот раз казалось, будто бы старый граф всерьёз говорил свои слова. Он говорил, что узаконит право Жана работать лесником и купил ему ружье. Мы получили деньги, чтобы хорошо жить, гораздо лучше, чем раньше. Но, в принципе, я думаю, что старый граф ненавидел свою дочь, потому что обвинял её в смерти своей жены. Многие родители отдают своих детей в течение первых трёх лет к кормилицам в деревню. Но он забыл Изабеллу, он никогда не приезжал, никогда никого о ней не спрашивал. В деревне мы рассказывали, что она ребенок моей сестры, которая работала в городе. Почти десять лет она жила у нас как наша племянница.

— Почему Жан никогда этого не замечал?

Тереза устало улыбнулась.

— Люди видят только то, что позволяет им видеть их сердце! Жан никогда не был особенно расположен к Изабелле. В конце концов, он считал её дочерью ненавистного графа, который сделал его рогоносцем. Как он мог признать, что она была на него похожа? Графская дочь хорошо подходила внешне к нашей семье: моя мать была белокурой и у Пьера были тёмно-рыжие волосы, прежде чем они выпали. Кроме того, Мари была похожа на меня, как она передвигалась и у нее, казалось, было что-то от горячей крови Хастель. В сущности, она была мне даже ближе, чем моя собственная, темноволосая дочь.

Томас рассматривал стрелки на портретах, читал ещё раз свои пояснения. Теперь он понял болезненное подозрение, которое Жан Хастель испытывал к Мари. Вероятно, он никогда бы не перенёс измену своей жены — предположительно — и дочери по той же причине. И сейчас он также знал, почему Тереза не решалась больше защищать Бастьена. Внезапно вся его трудная жизнь в Версале показалась ему нелепой, в противоположность тому, что произошло с Бастьеном.

— Но граф всё-таки забрал Изабеллу назад, — сказал он.

На лицо женщины легла тень.

— Да, однажды он снова вспомнил о ней. Моё сердце почти остановилось, когда он появился у нас как гром среди ясного неба. Граф не посмотрел на Бастьена, но взял обеих девочек на рынок и купил белую лошадь для Изабеллы. Я ненавидела его за это — он просто пришёл со своим очарованием, его господство и игра для Изабеллы в принца на белом коне. Он действовал так, как будто бы все эти годы ему мучительно не хватало дочери. При этом только госпожа де Морангьез упрекала его, когда узнала, что девочка вовсе не росла у родственников как Жан-Жозеф, а у нас.

— Только поэтому он привёл её в монастырь?

— Конечно. Он слушал мадам де Морангьез, когда та говорила с ним от имени покойной жены о его совести. Изабелла должна была воспитываться с ней как дочь графа, а не скрываться у простых людей. И нам под угрозой тюрьмы приказали молчать.

«Не удивительно, что Мари всегда боялась мне отвечать», — подумал он.

— Я боролась с тем, что у меня забирали мою дочь, и просила Марию, чтобы она дала мне знак, что я прощена. Я говорила ей: я должна была сделать это, иначе моя маленькая девочка бы умерла. То, что я сделала, было лучше, чем оставлять её на пороге монастыря. И, в конце концов, в один прекрасный день, она бы вела жизнь графини. Богоматерь дала мне знак и в том же году подарила мне двух близнецов. Ну, и год назад мы продали хижину, переехали в Ла Бессер и открыли трактир. Таким образом, как мы надеялись, никто бы не

узнал о нашей связи с графской семьей.

— Как вы это выдержали, Тереза? Это тяжелое бремя все эти годы!

Тереза пожала плечами.

— Продолжала жить. Дышать, заботиться о детях, любить их ещё больше, — она глубоко вздохнула. — Ты, наверное, ожидал, что я выплакала все глаза? Но ты знаешь, в жизни наступает момент, когда исчерпаны все слёзы. Ты, возможно, это ещё переживёшь.

Её руки, на которых ещё до сих пор держались листики тимьяна, ещё раз нежно провели по портрету Изабеллы, как будто бы она хотела обхватить её лицо. Он видел перед собой двух девушек, близких как сестры, босоногих и смеющихся, мечтающих о принце. И мысль о Мари резала ему по сердцу — о девушке, которая так любила жизнь.

— Ты знаешь, что этого быть не может? — спросила Тереза. — Ты не можешь любить Изабеллу, которая моя Мари.

Теперь он едва ли мог скрывать своё удивление.

Тереза устало улыбнулась.

— Да, я очень внимательно наблюдала. Как ты её нарисовал! Конечно, другие картины точны во всех деталях, но без души. Но этот портрет здесь живёт — ты видел Изабеллу глазами влюблённого. Надеюсь, ты знаешь, что должен молчать до могилы — также как и я. Ты не можешь любить её, ты слышишь? Для окружающих она — графская дочь! Её путь предопределен.

Теперь он, наконец, пробудился от своего сна. Это не было прекрасным пробуждением, а отчаянием. Сказка закончилась. Больше никаких поцелуев, никаких ночей, полных неожиданностей.

— Я знаю, — хрипло сказал он.

Тереза облегчённо кивнула.

— Хорошо, — тихо сказала она. — А сейчас найди Бастьена! Он тебя слушает. Он определён в одной из хижин, в которой останавливается проездом с мулами. Скажи ему, что он должен вернуться, я его ни в чём не виню!

Томас медленно вышел из комнаты и глубоко вздохнул. Однако на душе легче не стало. *«Поступи разумно»*, — думал он удручённо. — *«Иди наверх, заberi свои вещи и возьми пистолет. Ты должен возратить его сегодня ночью Изабелле. Ты должен написать ей письмо и найти доводы, ты должен...»*

Тихо скрипнуло, когда порыв ветра чуть дальше открыл дверь. Но почему она вообще была открыта? Томас хотел подойти к двери, когда на что-то наступил, на то, что смягчило его шаг — вуаль. Она лежала небрежно брошенной рядом с треуголкой на полу. И рядом с ними... край подола юбки, огненно-рыжая ткань, распостёртая по полу. *«Пожалуйста, нет»*, — подумал он. С подкосившимися коленями он пошёл ещё дальше вперёд и заглянул за лестницу. К нему повернулось бледное, заплаканное лицо. Изабелла сидела на корточках рядом с лестницей, обхватив колени руками, как будто она там просто присела. *«Как долго она слушала?»* — мелькнуло у него в голове.

— Изабелла, — ласково сказал он. Однако когда юноша приблизился, она вскочила. Девушка покачала головой и вытерла своим рукавом глаза. Ошеломлённо ступая на ощупь, она пятилась назад к двери как лунатик. Несомненно, Изабелла всё слышала. Его горло сжалось от того, как больно было ему её видеть.

— Изабелла, подожди...

— Нет! — выкрикнула она. Её рука в защитном жесте поднялась вверх. Он невольно повиновался и остановился. Теперь девушка смотрела мимо него, краска отхлынула от её лица. Томас обернулся — в дверях стояла Тереза. Она испуганно закрыла свой рот рукой. Обе женщины долго и пристально смотрели друг на друга, казалось, что целую вечность. Потом Изабелла на каблуках развернулась и выбежала вон.

Когда Томас появился во дворе, она уже наполовину сидела в седле.

— Подожди! — крикнул он. — Позволь мне объяснить.

Но он и сам знал, как глупо должны были звучать его слова для неё. Юноша побежал к воротам и встал у Изабеллы на пути. Её взгляд обжигал ему сердце.

— Что ты хочешь объяснить? — спросила она приглушённым голосом. — Мари мертва и мой отец не был моим отцом? И он ненавидел меня? — она снова покачала головой, как будто хотела вместе с этим стряхнуть и слова. — Он любил меня! — крикнула она. — Ты и Тереза — вы оба лжецы! И я никогда больше не хочу тебя видеть!

Она пришпорила кобылу, и животное с места поскакало галопом. Гравий полетел в разные стороны, только в последний момент Томас смог отскочить в сторону. Круп лошади задел его, стремя больно ударило в плечо, и он приземлился рядом с воротами. Ругаясь, юноша вскочил и бросился к загону. Его лошадь шарахнулась, когда он попытался сесть на неё, и так продолжалось долго, слишком долго, до тех пор, пока Томас, наконец, не сел в седло. Потом он со всей силы пришпорил вороного.

Это было безнадежно. Она была намного лучшей наездницей, чем он, и скакала быстрее, чем его кобыла. Но всё-таки Томас гнался за ней как мираж. Её заколотые волосы распустились и рассыпались по спине. Во весь опор Изабелла неслась по склону вверх в сторону Ле Бессет, развивающееся красное знамя на фоне вечернего осеннего солнца, до тех пор, пока не исчезла за деревьями.

Его лошадь споткнулась и едва не выбросила юношу из седла. Из-за неравномерного бега лошади рысью, он остановился. Томас сидел в седле, тяжело дыша. «*Она ни разу не оглянулась*», — подумал он. — «*Что ты только наделал?*» — ругал он себя.

«*Ты — идиот*», — упрекал голос Армана, и на этот раз, он должен был признать правоту ненавистного брата.

Томас не знал, как долго пристально смотрел на то место, где исчезла Изабелла. Только когда из-за холодного сентябрьского ветра его руки покрылись мурашками, он снова пришёл в себя. И медленно, очень медленно, к нему так же возвращался разум. «*Ты должен сжечь записи*», — подумал он. — «*Её брат не должен об этом узнать*».

Он выбрал более короткую дорогу под ивами к задней части двора, к садам. Уже издали Томас узнал маленький образ, который сидел, свесив ноги рядом с садовыми воротами. Одна из девочек-близнецов, вероятно, прокралась из дома. Она была босиком и одета только в курточку на ночную сорочку. Томас повёл вороного быстрой рысью и у ворот выпрыгнул из седла.

— Камилла! Что ты здесь делаешь снаружи?

Девочка крепче прижала к себе свою куклу.

— Я жду принца *Рикдин-Рикдона*, — сказала она настолько серьёзно и по-взрослому, что в другой ситуации он бы рассмеялся.

— Принца не существует.

— Но я слышала песню! — упрямо ответила она. — Он всегда меня так будит! Позавчера ночью принц также пел для меня, когда ушла Мари.

Томас вздохнул и бросил поводья на воротный столб.

— Вероятно, в этот раз он поехал дальше, — мягко сказал он. — Иди домой, здесь снаружи очень опасно. Ты забыла про бестию?

Малышка медлила, но потом соскользнула со стены в его протянутые руки.

— Ты уже очень замерзла! — пробормотал мужчина. Он растирал Камилле спину, пока нес её домой через сад. Сначала Томас боялся, что она будет плакать, но потом услышал, как та напевала песенку в такт его шагам. Мелодия сразу показалась ему знакомой, но он не знал откуда.

— Это песня принца?

Шелковистые волосы щекотала его щеку, когда Камилла кивала.

— Мари танцевала для него.

В этот раз воспоминание было для него также болезненным.

— Теперь она, конечно, танцует с ангелами.

Дверь в таверну была только приоткрыта, Камилла скользнула из его рук и взбежала на лестницу. Только когда он обернулся, то заметил, что у передних ворот стояли лошади. Испарина парила как после быстрой езды в прохладном вечернем воздухе.

Томас подбежал к двери и почти наскочил на Жан-Жозефа д'Апхер. Сегодня в молодом графе не было ничего от приветливого *господина*, его суровое лицо напоминало лицо старого графа. В одной руке он держал шляпу Изабеллы с вуалью, а в другой папку с рисунками, которая была обожжена по краям.

— Это действительно вы, Томас, — прохладно начал он. — Собственно, я ожидал, что найду здесь мою сестру. Вместо этого я натолкнулся на мадам Хастель, которая как раз была готова сжечь вашу папку с рисунками. Я подумал, что окажу вам любезность, если отберу её у неё. Н, как же можно обмануться!

Второй мужчина вышел за графом во двор.

— Мы нашли это в его комнате, — сказал он и поднял вверх пистолет Изабеллы. В вечернем свете поблескивал семейный герб д'Апхер.

— Посмотрите, это семейная реликвия, которой мне так долго не хватало, — отметил граф. — Схватить его!

Глава 27

ОТЕЦ И СЫН

На этот раз худшими были не только сны, но и пробуждение. Каждый раз, если ему удавалось заснуть на худом топчане, Томас видел, как танцует Изабелла и смеётся Мари — только, чтобы ещё раз снова испугаться и обнаружить себя в кошмаре из темноты, затхлого запаха и влажной соломы. Служитель, который приносил ему поесть, и забирал с собой ведро для естественной нужды, всякий раз не говорил ни слова, когда Томас обращался к нему. Томас уже долго не знал, был день или ночь, прошла одна или несколько недель с его заключения в тюрьму.

Он не царапал чёрточки на стене, чтобы измерять время. Иногда Томас даже сомневался, возьмёт ли когда-нибудь ещё в руки чертёжный карандаш. Как только юноша думал об этом, то видел перед собой несчастное лицо Изабеллы, её покачивание головой, и желал никогда не оказываться в том месте. Иногда, если он мог быть уверен, что наблюдатель не наблюдал за ним через окно в двери, Томас доставал последнее сообщение Изабеллы,

которое спрятал в своём рукаве.

В свои наихудшие часы он представлял себе, как граф д'Апхер отказывается от Изабеллы и прогоняет, как будет осуждена Тереза Хастель, как в одно мгновение всё будет разрушено, что было прекрасное и хорошее в её жизни. «*И это моя вина*», — думал Томас. — «*Солёный глаз волка помогает от температуры. Но что поможет против глупости и необдуманности?*»

Он уже почти потерял надежду, когда однажды открылась входная дверь и в его тусклую камеру вошли Этьен Лафонт и два служителя тюрьмы.

— Месье Лафонт! — после недели полного уединения, собственный голос казался Томасу глухим и чужим. Юноша стыдился своих слёз, но не мог их сдержать, он был так рад увидеть знакомое лицо.

Синдик сделал знак обоим мужчинам, и они неохотно отошли на несколько шагов назад.

— Я не мог прийти раньше, — шепнул тот Томасу. — И это всё ещё не укладывается в голове. Какого чёрта вы только поехали верхом, и что заставило вас украсть пистолет?

— Я ничего не украл, клянусь в этом!

— Как тогда оружие попало в вашу квартиру?

Томас колебался.

— Я не могу говорить об этом, но его передали мне по доброй воле, как предмет искусства во временное пользование. И я бы вернул его обратно тем вечером.

Лафонт согласно качал головой.

— Я, и в самом деле, не знаю, каких духов вы вызвали в этот раз, но для вас всё не выглядит хорошо. Маркиз больше чем в ярости, он неистовствует. И даже справлялся о вас в Версале. И я надеюсь на вас, что он не найдёт ничего, что будет говорить против вас в суде.

Томас сглотнул.

— Но вы всё же мне верите, не так ли?

Лафонт вздохнул.

— Скажем так: я буду делать то, что могу. Но это не много.

Большого Томас и не ожидал, но, по меньшей мере, это был проблеск надежды остаться не совсем одному.

— Есть ли... какие-нибудь новости? — робко спросил юноша. — Дела... у мадемуазель д'Апхер идут хорошо?

— Почему они должны идти нехорошо? Она в Бескве, насколько я знаю.

Даже если это ничего не означало, Томасу было легче. «*Значит, он всё же относится к ней как к своей сестре*».

— Но вы правы, новости есть, — Лафонт отошёл дальше. — Поэтому я здесь.

Томас должен был терпеть то, что ему надели железные наручники как преступнику. Цепь, которая соединяла колодки, при каждом шаге ударяла его по ногам. Путь проходил через несколько лестниц далеко вниз, в подвальное помещение без окон. Факельная сажа разрисовала потолок чёрными пятнами, как предвестниками несчастья. Отдельные стул и стол стояли в середине помещения.

Немного позже вошёл маркиз д'Апхер, и следом за ним несколько вельмож. Томас не решался смотреть на графа. Очевидно, тот также переживал скверные недели. Граф похудел, и у него были тёмные круги под глазами. Он не поздоровался с Томасом, но посмотрел на

него сердито, и затем повернулся к двери.

Шаги и лязг цепей приближались. Второго заключённого ввели внутрь и протащили перед Томасом.

— Подними голову и посмотри на него! — приказал пленнику Этьен Лафонт.

Когда тот не повиновался, один из охранников схватил мужчину за волосы и дёрнул его голову вверх.

На мгновение Томас забыл собственные беды. *«Они нашли его!»*

Каухемар поджал губы и смотрел на Томаса чёрными, глубоко посаженными глазами. Он до сих пор всё ещё пах лесом и дикой природой. На его лице не было сажи, волосы свисали спутанными прядями. Теперь можно было видеть, что они действительно были обработаны известковой водой. Томас видел перед собой не демона, а только худого, пожилого мужчину. Тот сразу, кажется, узнал художника, и зло на него ослабло.

Томас поёжился. На одно призрачное мгновение он представил себе, что убитые из его прошлых ночей собрались позади Каухемара, чтобы увидеть — Маргарита, Катарина, Мартин и всех остальные: *«Действительно ли это закончилось?»*

— Это мужчина, который обезвреживал капканы? — спросил Лафонт.

Томас кивнул.

— Это Каухемар. Мужчина, которого я преследовал в лесу.

— Точно?

— Да. Без сомнений.

— Хорошо. Тогда подпишите!

Цепь ударила по столу, отчего замерцала свеча, когда Томас принял перо. Это было знакомое грустное чувство — снова держать карандаш. Он суетливо подписал свидетельство, которое составил Этьен Лафонт. Потом юноша повернулся.

— Почему ты это делал? — Каухемар ухмыльнулся. Ненависть исказила его черты, когда он зарычал.

— До сих пор он отказывался говорить, — сухо сказал Лафонт. — Но теперь это изменится.

Томасу пришлось откашляться.

— И вы... нашли животных?

— Вы имеете в виду, убили ли зверя? — спросил Лафонт, скосив взгляд на других мужчин. — Ах, да, это выглядит полностью так. Вчера месье Антуан убил огромного чёрного волка возле монастыре под Шаз. Всё остальное мы ещё осматриваем.

Томас нахмурил брови. Монастырь находится настолько далеко от прежних мест преступления, что это не имеет смысла.

— В Шаз? — недоверчиво спросил он. — Почему зверь там охотился? Оттуда никогда не сообщали ни об одном случае с бестией! Или она снова убила?

— Нет. Но сообщалось, что там рыщет большой волк...

— Прекратите! — приказал Жан-Жозеф д'Апхер. — Мы не обязаны отчитываться перед месье Аувраем.

— Конечно, — синдик поклонился и бросил на Томаса последний взгляд, прежде чем вышел. Охрана вывела Каухемера из камеры. Томасу было слышно громкое шарканье подошв. Он ожидал, что его сейчас выпустят, но по знаку д'Апхера охрана оставила его одного с графом.

Довольно долго маркиз молча пристально смотрел на Томаса.

— Я надеюсь, что у вас было время подумать, — сказал он, наконец. Его голос эхом разносился в пустом помещении.

— Да, и мне жаль.

— Мне тоже, Томас, — холодно сказал граф. — Я доверял вам. Вы понимаете, что в любое время я могу отослать вас на галеры? Они так жаждут попасть в дальние страны. Ну, таким образом, вы могли бы путешествовать по дальним океанам. Вы этого хотите, месье Ауврай?

— Нет.

— Тогда скажите мне правду прямо сейчас: Кто ещё кроме Изабеллы и госпожи Хастель знает о вашем расследовании? Или вы вынюхивали от третьего лица в нашей семейной истории?

Томас яростно качал головой.

— Нет! Я только случайно заметил некоторые несоответствия.

— И почему вы не пришли с этим ко мне? — продолжил д'Апхер

— Это... я не мог этого сделать Я не хотел навредить Изабелле.

— Для вас она всё ещё мадемуазель д'Апхер! — резко осадил его граф. — И как вы объясните это? — он вытащил листок и бросил его на стол. Это было одно из посланий, которое Томас оставлял Изабелле в библиотеке.

Теперь ему стало ещё холоднее, чем уже было. *«Граф станет её преследовать».*

— Вы не можете ей помочь, месье. Это моя вина. Пожалуйста, не наказывайте Изабеллу тем, что вы отказываетесь от неё.

— Вы обманули меня, Томас!

Томас поднял голову и посмотрел графу в глаза.

— Да, это так, *мой господин.*

Д'Апхер раздражённо кивнул.

— Не думайте, что я бы пропустил то, к чему вы стремитесь со всей этой историей. Вы знаете, что д'Апхер никогда по-настоящему не соединится с сыном продавца перчаток. Даже если вы попытаетесь подлым образом поставить под сомнение происхождение Изабеллы. Вы хотите её шантажировать?

— Что? Нет! — возмущённо крикнул Томас. — Я хотел уничтожить рисунки. И я никогда не рассказал бы мадемуазель д'Апхер о моих сведениях, если бы она случайно не подслушала. И... — он остановился. — Вы всё ещё называете её д'Апхер?

Граф д'Апхер подошёл к нему ближе.

— А вы как думаете? — спросил он угрожающим голосом. — Я должен сделать посмешищем своего отца после смерти потому, что он не заметил, что любил подкидыша? Нет, она — д'Апхер и навсегда ею останется. Я защищу часть моего отца.

— Но что с Мари?

Теперь по лицу графа скользнула скорбь.

— К сожалению, девушка, которую вы называете Мари, умерла, — утвердительно сказал он. — Я проверил это событие. Её труп осмотрели врачи. Затем они спокойно передали её в Шаз, об этом позаботилась мадам де Морангез, чтобы девушка нашла своё последнее пристанище в краю своей матери. Она утонула, без сомнений. Я даже не могу винить в этом Хастель, хоть и хочу, — граф вздохнул. — Это была воля Божья.

Тем не менее, Томас до сих пор ощущал симпатию к графу — возможно, более чем когда-либо. Он был справедливый господин, его решения всегда были обдуманы и никогда

не сопровождалось гневом и местью. Внезапно юноше ещё больше стало стыдно от того, что он так необдуманно потерял с ним дружбу.

Граф покачал головой, как будто потакал своим мыслям.

— Неужели вы всерьёз верите, что я отказался бы от Изабеллы?

— Я... опасался этого.

Граф устало улыбнулся.

— Я не знаю, как вы делаете это в Версале, но здесь мы почитаем сыновей наших отцов. Если мы теряем честь, то теряем наше уважение. И без уважения мы ничто. Никто не скомпрометирует дом д'Апхер. Никогда!

— Как... это продолжится теперь?

— Я ещё этого не знаю. Прежде всего, вы останетесь под стражей. Следствие продолжается. Тереза Хастель до сих пор под подозрением — в Ле Бессет.

— Что с ней будет?

— *Мадам Хастель* благодарна за то, что не пойдёт навсегда в тюрьму. Она рада, что я оставляю ей её никчемную семью и бастарда моего отца. Она уедет и станет молчать, потому что иначе я разрушу остатки её жалкой семьи так же, как она чуть не разрушила мою, — Томас встретил острый взгляд. — Она сказала, что дети были поменяны по ошибке. Я провёл розыски. Её счастье, что за неё говорят несколько фактов. Врач, который лечил Изабеллу через три дня после рождения, говорил, что девочки младенцами были похожи друг на друга как близнецы. И мадам де Морангез, которая мне открылась, вспомнила, что Тереза тогда была растеряна и загружена проблемами. Не удивительно, ведь мой отец оставил её с детьми совсем одну — без второй кормилицы, без присмотра, с полной ответственностью. Ну, и я лично считаю госпожу Хастель недостаточно ловкой для того, чтобы обмануть моего отца. Какая ей польза в том, чтобы обманывать его злонамеренно? Он всегда был щедр и добр к ней и бастарду. И никогда после всего, что я слышал, женщина никогда не обращалась плохо с моей сестрой и по-настоящему любила, ещё больше, чем Изабеллу.

«Итак, Тереза и Изабелла обе молчат», — подумал Томас.

— По меньшей мере, теперь многое объясняется, — продолжал д'Апхер. — Изабелла всегда была чужой для меня, с её духом противоречия, с её безудержной природой. Знаете, я даже не могу винить сестру в том, что она отдала пистолет моего отца. Она молода, но в будущем будет меня слушать. И вы, Томас, лучше молитесь, чтобы в течение следующих недель я не узнал ничего другого о ваших мотивах, на которых вы до сих пор настаивали! Месье Антуан хочет подождать ещё несколько недель и узнать, действительно ли побеждена бестия. Если вы окажетесь правы в том, что касается зверя, то мы естественно, многим вам обязаны. Тогда было бы вполне возможно, что кража моего пистолета была бы досадным недоразумением. В этом случае вы освободитесь и вернётесь назад с охотниками. Но если вам дороги ваша жизнь и карьера, то вы никогда не обмолвитесь ни словом об Изабелле и никогда не поставите под сомнение происхождение аристократки. И если вы когда-нибудь снова вернётесь в мои провинции, тогда я вас арестую, вы меня поняли?

В целом это было справедливое предложение.

— Прекрасно, — сказал Томас.

Граф кивнул и с сожалением улыбнулся. По его взгляду Томас понял, что воспринимает даже последнее мимолетное отражение дружбы, которую он потерял.

— Вы так гордитесь тем, что прочитали произведения Руссо и Вольтера, Томас. И всё-

таки вы, кажется, не поняли произведений ваших великих кумиров. Поэтому возьмите на будущее, по крайней мере, фразу Вольтера как девиз: *«То, что ты говоришь, должно быть правдой. Но не всё, что правда, ты должен говорить!»*

Часть 3 ТОМАС

«Человек имеет в себе двойственную природу, он состоит из двух противоположных составляющих. С одной стороны — душа и духовная часть. Они находятся в постоянном конфликте с другой частью, которая животная и материальная. Первая часть существует из того чистого света, от которого берут начало спокойствие и невозмутимость. Она — источник знаний, разума и мудрости. Вторая часть сопоставима с молнией, сверкающей среди грозы в темноте. Она — безудержный порыв, который порождает страсть и заблуждение. Животное начало развивается первым. Духовное существо развивается позже и совершенствуется только воспитанием».

Жорж-Луи Леклерк, граф де Буффон

Глава 28 РОЗЫ ЗИМОЙ

Чучело волка из Шаз было набито со знанием дела и в конце сентября отправлено в Версаль. Месье Антуан со своей свитой выжидал ещё до начала ноября в замке Бессет. Однако время бестии миновало, ни о каком следующем нападении не сообщали. Повсюду в Гефаудане происходили благодарственные молебны. Первая часть версальской делегации направилась в обратный путь в Париж. Там король разрешил выставить бестию публично, как знак его триумфа.

И пока посетители бесконечным потоком спешили в Версаль, чтобы полюбоваться набитым чудовищем, Томас, который должен был ещё ожидать в Овернье, мог рассматривать его только как эстамп (*прим. пер.: произведение графического искусства, представляющее собой гравюрный либо иной оттиск на бумаге с печатной формы*) в газете *«Gazette de France»*. Лафонт позволил приносить её в тюрьму: картина показывала месье Антуана, как он в своей униформе лейтенанта представляет бестию королю и его придворным в великолепном зале дворца. Статья сообщала, что месье де Буффон чётко определил бестию как огромного волка, и что король вручил месье Антуану вознаграждение.

Томас скептически рассматривал рисунок. Лица людей были отображены естественно, животное, напротив, выглядело причудливым и не пропорциональным, с громадной пастью и лапами, огромными, как у медведя. Каждому зоологу должно быть ясно, что иллюстратор сильно преувеличил в честь Франции.

«Следующее сказочное существо», — думал Томас. — «В то время как настоящая бестия имеет две ноги».

После всех ужасных часов, в которые он отчаянно спрашивал себя, как идут дела у Изабеллы и что стало с Бастьеном, ему оставалось только одно утешение: даже если неизвестный вид животного ещё не был найден, Каухемар сидел за решёткой и больше не мог нанести вред.

Только в конце ноября д'Апхер позволил Томасу выйти из тюрьмы. В начале декабря он отправился с последними людьми из свиты в Версаль, истощенный длинными пустыми неделями в заключении. Лафонт всё-таки добился того, чтобы оставшееся время Томас отсидел в камере с дневным освещением.

Падал мокрый снег, когда он вылез из промёрзшей кареты, и с тяжёлым чемоданом на спине поднялся по лестнице к отцовскому дому. В течение уединенных недель Томас часто жаждал увидеть Шарля Ауврая. Но теперь, когда его впускал старый слуга, юноша чувствовал себя таким же чужим, как гость из дальней страны. Он думал, что теперь сможет лучше переносить портрет Армана, вместо этого ему почудилось, что его брат смотрел на него свысока, особенно злорадно и торжествующе.

Несколько позже к нему в салон зашёл отец, который показался Томасу сильно постаревшим, но, вероятно, это было только беспокойство. Он был сморщенный и злой.

— Потребовалось время, чтобы ты вернулся домой, сын, — сказал он хриплым голосом. — Что ты только натворил? Граф де Треминс спрашивает меня каждый день, что могут означать слухи о твоём аресте, — мужчина вздохнул, и огорчённо покачал головой. — Теперь мы можем лишь попытаться спасти то, что ещё можно спасти.

Версаль был как предмет одежды, который ему больше не подходил. Внезапно становилось так тесно, что затруднялось дыхание. Сады и парки, которые раньше были для него чистой природой, казались Томасу чётко продуманными и искусственными. Часто он ловил себя на том, как останавливал свою работу у де Буффона и всем сердцем тосковал по горам и дикому ландшафту Гефаудана. Ему не хватало ветра, запаха леса и болот, грубого смеха людей в таверне Хастель. Ему не хватало молчаливого присутствия Бастьена, и больше всего не хватало Изабеллы.

Томас не знал, что тоска и воспоминание могут быть мучительными как наваждение. Каждый крик ворона возвращал к нему обратно девушку в траурной одежде, каждая женщина с чёрными волосами приносила колющую боль. И если он где-то в суе города встречал запах фиалки, ему приходилось останавливаться, в сердце юноши бушевал вихрь, в груди была беспрестанная пустота, в которой отзывалась только тоска.

Он всё ещё ждал известия. Однако ничего больше не слышал о Лафонте, а также де Буффон ничего не узнал о животном, похожем на волка, которое сопровождало Каухемара.

Вскоре после Рождества Томас заболел так, что не мог встать с кровати несколько недель. С утомительным кашлем и смутной лихорадочной температурой к нему возвращалось всё с ужасающей ясностью, что он стремился забыть. Его посещали мертвецы, Мари появлялась рука об руку со старой Мергерит. Когда юноша вздрагивал от лихорадочного забвения, то полагал, что снова держит в руках Изабеллу, в отчаянной попытке защитить. Однако потом он понимал, что это только подушка. Вместо этого над кроватью склонялся Каухемар, с оскалившимися зубами и жёлтыми горящими глазами волка, с ножом в руке, который находился прямо перед горлом Томаса. Он задыхался без воздуха, но не мог пошевелиться.

— Просыпайся! — сказал ласковый голос. — Это всего лишь сон.

Парень отчаянно надеялся, что это была Изабелла, которая положила руку ему на лоб, но затем почувствовал аромат роз.

— Жанна! — его голос звучал так слабо, как будто бы он разучился говорить. В одежде из тёмно-синей тафты она походила на мечту. Её рука казалась ледяной, но Томас больше не

чувствовал себя таким жалким, как ночью. Ветер заметал снегом окна, покрывая ледяными узорами стёкла. Он слышал, как в соседней комнате отец говорил с де Треминсом, музыка эхом уносилась вверх, видимо внизу проходила вечеринка. Жанна вскочила и закрыла дверь, а затем просто присела на край его кровати.

— Я появилась бы уже давно, но твой отец никого к тебе не пускал. Он до смерти испугался за тебя, ты довольно долго выглядел плохо. Но сорняки, как ты, быстро не погибают.

Томас улыбнулся. Это движение было странным. Теперь он заметил, что его локтевой сгиб болел. Там, где врач уколол ему кожу ланцетом, чтобы выпустить кровь, плотно лежал бинт (*прим.: ланцет — хирургически инструмент для пускания крови и вскрытия нарывов*).

— Я тебе кое-что принесла, — поспешно продолжила Жанна. — Но только не говори об этом отцу, он приказал мне, чтобы я ни в коем случае тебя не волновала. Вчера это прибыло от де Буффона, — она аккуратно положила на одеяло свёрток, обернутый в бумагу и перевязанный. На узле блестела сургучная семейная печать д'Апхер.

— Медленно! — приказала ему Жанна. Но он уже громко шуршал и открывал свёрток, хотя у него снова закружилась голова. Показалась потрёпанная и опалённая по краям красная кожа, со следами угля и чернил, но также там и было пятно от вина из «Белой Коровы».

— Моя папка для рисунков!

— О, и она порядком пострадала с тех пор, как я её тебе подарила, — заметила Жанна.

Дрожащими руками он развязал кожаные ремни, с помощью которых закрывалась папка. На одеяло скользнули документы — рисунки бестий, эскизы мест происшествий и портреты убитых. Жанна бросила на них взгляд и побледнела. Томас лихорадочно перебирал лист за листом — и только разочарованно осознал, что все рисунки, связанные с Изабеллой, были удалены. Естественно, все портреты исчезли, конечно же, д'Апхер их сжёг. И он не нашёл там даже намёка на вежливую записку.

С момента своего возвращения Томас не дал себе ни одной поблажки, но сейчас он не мог сдержать слёзы.

Жанна положила ему руку на плечо.

— Ты ждал известие?

— Я надеялся, — сказал он хрипло. — Хотя это совершенно невозможно.

— От кого, Томас?

— Я... не могу этого сказать.

— Я не хочу выпытывать у тебя секрет, а просто хочу знать, что произошло с моим другом! С Томасом, которого я знала, который жаждал приключений, отпускал умные шутки и имел большие планы. Но, возможно, я должна предложить тебе тайну взамен, чтобы ты, наконец, понял, что мы можем доверять друг другу? Тайна, которая сделает будущую мадам дю Барри признанной в обществе. Ах, да, мадам дю Барри — это я.

Томас поднял голову.

— Ты выходишь замуж за дю Барри?

— Не за него, а за его брата Гийома. Я с ним ещё не знакома, но благодаря ему получу дворянский титул, который нужен мне для официального *entrée* (*прим. пер.: выход, появление, представление*) при дворе. И если я — фаворитка короля, то, в любом случае, безразлично, в браке ли я.

— Это твоя большая тайна? Брак по расчёту?

Жанна подняла выщипанную левую бровь.

— Ты всё ещё меня недооцениваешь. Я знаю стоимость тайн. И это не было бы особенно дорого. Нет, речь идёт о моих документах для бракосочетания. Дю Барри подготовит одно из лучших парижских фальсифицированных богатых завещаний, что сделает из меня respectable невесту, — она оглянулась на дверь и шёпотом продолжила. — На самом деле я родилась как Мари-Жанна Беку, как внебрачная дочь швеи из Лотарингии. Моя мать даже не говорила своему исповеднику, кто мой отец. И по совершенно понятной причине, — девушка наклонялась вперёд до тех пор, пока Томаса не окутал запах её духов. — Она некоторое время шила простыни в мужском монастыре в Пикпюс. И там познакомилась с красивым монахом, с неким братом Ангелусом. Его светское имя — Жан-Баптист Гомард де Фаубернир. Естественно, никто никогда не должен узнать, что он — мой отец. В документах будет стоять кое-что другое. И на моей свадьбе мой отец появится как дядя.

Теперь Томас на самом деле потерял дар речи. В Версале такое признание было самым драгоценным и самым опасным подарком, который могли кому-нибудь подарить.

— Так что же ты думаешь? — спросила Жанна. — Ты теперь достаточно мне доверяешь, чтобы выдать мне, что у тебя с этим арестом?

— Там... речь шла о девушке, Жанна.

— Так, запретная любовь. Я так и знала! Только сейчас не говори, что она монахиня?

— Нет, аристократка. Я почти разрушил её будущее.

И неожиданно он рассказал, сначала осторожно подбирая слова, потом всё быстрее — о встрече в замке, о бестии и о тайных поцелуях, о сказке Изабеллы и её волосах цвета воронова крыла. Томас сохранил только самую большую тайну, о происхождении Изабеллы, запертой в своём сердце. Когда он закончил, очень долго было тихо.

— Тогда ты был кем-то вроде учителя музыки, которого любила Клер, — сказала, наконец, Жанна. — А сейчас? Что будет с Изабеллой? Я надеюсь, её семья будет с ней милостивее, чем это было в семье Клер с их дочерью.

Ему потребовалось бесконечное усилие, чтобы ответить:

— Изабелла обручена с графским сыном, одним из де Морангез. Семьи издавна тесно связаны, вероятно, сейчас она уже замужем за ним.

Произнося это, Томас чувствовал себя почти так же не хорошо, как убитый горем Пьер.

Жанна взяла его за руку.

— Где мужчина, который объяснил мне ещё в прошлом году, что ни одна любовь в мире не стоит того, чтобы ради неё броситься в беду? Я знаю, что ты бы хотел достичь звёзд. Но ты знаешь сам, Томас, что это безумие, что невозможно любить вдогонку печали. Ты должен образумиться!

— И жениться на Клер и продолжать всё так же, как раньше? — крикнул он.

— Вероятно, да, — просто сказала Жанна. — Ничего другого тебе не остаётся, в любом случае.

Томас фыркнул.

— И где та Жанна, которая говорила мне при нашей первой встрече, что сочетание браком с несчастным человеком приводит к беде?

— Ну, тогда ты был прогрессивным учёным, не испорченным человеком с большими надеждами. А теперь ты несчастный, и к тому же обездоленный. Я охотно бы не говорила тебе этого, но ты — друг фактов и это переживёшь. Твоя репутация разрушена сплетнями, у

месяе Антуана ты не на лучшем счету, и ты не заслужил милости у короля. Твоя экспедиция была — ты должен это признать — неудачной. В парижских кругах уже известно о твоём жалком существовании, даже если де Буффон по-прежнему держится за тебя. И если бы твой отец был менее состоятелен, то кто-то как Клер, был бы далеко от твоей досягаемости. Вероятно, она не самая плохая связь. Ты совершенно пострадал от тоски. То есть, вы бы имели уже гораздо больше общего, чем большинство супружеских пар.

— Я не могу понять, ты говоришь так же, как мой отец!

Жанна слегка улыбнулась.

— Я только хочу напомнить тебе о том, что у тебя всё ещё есть мечты. И их всё ещё можно осуществить! Это всё, что имеют люди как мы. Имей новый мир не из гордости и печали, Томас! Если ты повинешься твоему отцу, у тебя будет больше свободы — и с наследством твоей матери больше денег. Никто не ожидает, что ты — любящий супруг Клер, даже сама Клер. Это торговля, ничего больше. Вероятно, она даже будет радоваться, что ты часто путешествуешь; многие супруги часто разделены, чем вместе, и верность не относится к браку в любом случае. Одна вещь, которую я узнал в течение нескольких месяцев: мы должны принять наши шансы и оставить старую боль позади. У тебя лучшие карты, чем у меня: единственный, кто заботился когда-нибудь обо мне и моём будущем — дю Барри. И ты знаешь его причины. Возможно, ты хочешь поделиться со мной? Твой отец — интриган и имеет в виду только своё преимущество, но он всё равно лучший отец, чем когда-нибудь был мой или будет. За это бракосочетание Шарль борется как лев, и вместе с тем, за твоё будущее.

Как бы Томас не противился, разумом он понимал, что Жанна права. Юноша думал о Бастьене, семье, в которой всё внезапно изменилось хуже, чем у него. А также Жан-Жозефе д'Апхер, который сердился на своего отца и, тем не менее, уважал его. Мысль о великодушии молодого графа, который не отверг Изабеллу, стыдила его.

— Ты знаешь, я бы сама вышла за тебя замуж, — сказала Жанна, подмигивая. — Но тогда никто из нас не приблизился бы к нашим обеим целям — пожалуй, мы должны оставаться только друзьями, — она снова стала серьёзной. — По крайней мере, подумай над этим, Томас.

На прощание она поцеловала его в щёку. Её одежда прошуршала, затем дверь захлопнулась, и он остался совсем один. Довольно долго Томас просто смотрел на папку для рисунков в своих руках, потом откинул одеяло и выскользнул с кровати. Босиком он подошёл к секретеру и вытащил пачку документов. Это были письма Изабелле, написанные в первые дни после его возвращения, неуклюжие объяснения, уверения и мольбы, неоднократно перечёркнутые, исправленные, и, в конце концов, забракованные. Естественно, он не отправил ни одно из этих писем. Там не было никаких оправданий и возвращений. А маркиз д'Апхер итак не позволил бы Изабелле читать письма от Томаса.

Снаружи, под окном, продавец громко расхваливал брошюры с восхитительными историями. Два кучера перепирались за право проезда, внутрь хлынул городской шум и прогнал последние привидения из Гефаудана. И внезапно он как будто бы проснулся от долгого сна. И даже если действительность была серой и пустой, это была его действительность.

Томас взял стопку и встал на колени перед камином.

«Так просто?» — подумал он. — *«Просто продолжать жить? Позволить прошлому рассыпаться в пепел, нескольким ночам, девушке, у которой я отнял отца и почти всю её»*

семью?» В его ушах звенели слова Изабеллы: «Я никогда больше не хочу тебя видеть!» Томас помедлил ещё мгновение, а потом бросил письма в огонь.

Глава 29

МЕКСИКАНСКИЕ БОГИ

Брачный контракт был заключён в конце марта. Вопреки высоким требованиям де Треминса, отец Томаса испытал такое облегчение, что напился с нотариусом коньяка. Хотя маркиз д'Апхер подтвердил в письме с законной печатью и выплатой компенсации, что при краже речь шла о досадном недоразумении, подозрение в преступлении приклеилось к Томасу как угольная пыль к коже. Издавна слух принял вид многоголового чудовища, и каждая голова рассказывала что-то другое. То сообщалось, что Томас соблазнил жену графа, в другой раз он якобы присвоил драгоценности, или в споре за карточные долги застрелили мужчину. Это дошло до того, что Томас вынужден был предоставить в университет письмо д'Апхера и письменное заявление де Буффона, так как ему угрожало лишение стипендии за плохую репутацию.

— Пусть клеветники квакают, — советовал ему де Буффон. — Делайте как я, если меня вызывают на дуэль: улыбайтесь, но никогда не оправдывайтесь.

Нужно было принимать в расчёт Клер, которая никогда не спрашивала его об обстоятельствах ареста. Также и теперь, когда они гуляли вместе в первый тёплый весенний день вместе с де Треминсом и Шарлем Аувраем на утреннем базаре, она говорила только о новом итальянском певце, который демонстрировал успехи в опере. Клер стала худой, её маленькая ручная собака, напротив, превратилась за год в пыхтящий, толстый мохнатый комок. Животное едва могло держаться на ногах, и поэтому его постоянно нужно было носить. Сегодня у неё висел изо рта язык, как у повешенного.

Несмотря на ранний час, дворцовая площадь уже была оживлённой. И как раз остановились три великолепные кареты. И, конечно же, сразу стеклись любопытные, посмотреть, какие гости были приглашены во дворец. Граф де Треминс также двинулся туда, Томас и Клер последовали за ним.

Общество, которое появилось из кареты, состояло из незнакомцев. Невероятно дорогие вечерние платья блестели на утреннем солнце, сверкали драгоценности, и Томас уловил несколько русских слов. Там же можно было услышать хриплый, грозный лай и рычание. Вероятно, это были благородные борзые, которые сцепились друг с другом, покидая карету. Очевидно, зрелище того стоило, потому что в мгновение ока образовалась толпа зрителей, которая взволнованно вытягивала шеи. Один указывал на последнюю карету.

— Держи крепко свою шавку, Клер, — крикнул граф де Треминс через плечо. — Это большой ирландский, который съест на десерт твоего толстяка.

«Ирландские собаки?» Теперь-то Томас оживился. Он только однажды видел достаточно не качественный рисунок этой породы собак, они были такие же редкие и ценные как арабские лошади. Если их было двое, то, скорее всего, они стоили как вся эта великолепная карета. Он просто потянул Клер за собой и толкался среди любопытных. Наконец, Томас увидел зрелище: две длинноногие собаки, огромные, как телята, которые дрались, но запутались в покрове перед открытой дверью кареты. Один был чёрный, другой палевого окраса. Хотя они и рычали, но было очевидно, что собаки играют. Лакей в расшитой золотом ливрее безуспешно пытался усмирить их. Собаки почти его сбили,

зрители смеялись. Однако Томас не смеялся, а затаив дыхание следил за каждым движением собак. Невероятно маневренные, слегка согнутые спины были натянуты как пружины, готовые к движению вперёд.

«Если они поднимутся на ноги, то станут выше человека», — мелькнуло в голове Томаса. Красновато-коричневые глаза смотрели из-под длинных ресниц. Хвосты были длинные и тонкие — в борьбе они двигались туда-сюда, загибались в разные стороны, как будто у них была своя жизнь. Почти как кошачьи хвосты. Но когда ему в глаза бросилось белое пятно на кончике хвоста, у него как будто упала с глаз пелена.

— Что с вами, Томас? — озабоченно спросила Клер. — Вы совсем побледнели.

— Я... ничего, — заикался он. — Я только что вспомнил, что я ещё должен к де Буффону. Немедленно! Извините меня, Клер! — она была слишком озадачена, чтобы интересоваться, когда он на прощание поцеловал ей руку и покинул.

Всю дорогу к дому де Буффона Томас бежал, крепко прижимая под рукой папку, которую нёс из дома. Слуга не решился спрашивать его о причине посещения. Томас взбежал по лестнице мимо него к кабинету. Ему повезло: ученый сидел за столом с газетой, и при его появлении пил какао.

— Томас! Что это, чёрт возьми? Я вас не приглашал.

Томас бросил на стол свою папку для рисунков.

— Мне нужно ваше мнение. Я только что видел две собаки.

— Какая сенсация! И поэтому вы врываетесь сюда как кавалерия?

Томас вытащил рисунки бестии.

— Я никогда не мог себе представить, как выглядят ирландские волкодавы, но у меня перед глазами как раз были два живых экземпляра и это мне кое-что прояснило. У бестии есть сходство с этой породой собак! Если это правда, то не удивительно, что никто не знал в Гефаудане зверя. Вы видите? Телосложение, шерсть, острозаточенные когти, хвост — даже белое пятно на конце — всё это я только что увидел у волкодавов.

Де Буффон фыркнул.

— Речь снова идёт о бестии? Вы всё ещё не можете оставить эту тему?

— Нет, до тех пор, пока не узнаю, что это было за животное.

Стул прогрохотал по половицам, так стремительно де Буффон вскочил. Не церемонясь, он схватил Томаса за рукав.

— При всей любви к вашему научному энтузиазму, с меня достаточно, — прорычал он.

Томас был уверен, что натуралист спустит его с лестницы, но де Буффон сделал противоположное: он потащил его за собой в направлении кабинета. Мужчина открыл комнату и бесцеремонно толкнул туда Томаса. Большими шагами он подошёл к накрытому предмету в углу и сдёрнул простыню. Частицы пыли плавали в воздухе, пока натуралист двигал животное к середине комнаты на его деревянной подставке.

Перед Томасом стоял чёрный волк Каухемара. Застывший в рычании, он глазел в пустоту. Хотя волк и не был сказочным животным с картинок и из газеты, тем не менее, таксидермист приложил все силы для того, чтобы сделать из него зверя. Животное было огромным как бык и большего размера, чем в жизни. Шерсть на затылке была взбита и когти волка были, очевидно, заменены острыми длинными когтями. Глаза и рот были обведены красным цветом и стеклянные глаза были тоже красными как ад.

— И это выглядит как собака? — спросил де Буффон.

— Нет, конечно, даже каждый слепой увидит, что однажды это было волком. Но об этом животном я также не говорю. Рисунки...

— Кроме того, мы давно уже всё обсудили, — строго прервал его де Буффон. — Изображения не показывают волка, ну и? Люди смертельно боялись, когда зверь на них нападал. Как вы думаете, что бы вы увидели в такой ситуации?

«Мужчин, которые превращаются в волков», — чуть не ответил он.

— Томас, я скажу вам это ещё раз прописными буквами. Этот волк был здесь бестией. И он мёртв, — и для подтверждения де Буффон постучал по черепу чучела. — Это животное показали свидетелю, после того, как его застрелили. Девочка из Польяк защищалась на мосту от бестии и после этого узнала животное. И женщина, которая живёт рядом с монастырем в Шаз, также засвидетельствовала, что это был именно тот волк.

— Вы только что сказали, что свидетели ненадежны, — настаивал Томас. — И даже если обе женщины видели волка, это не доказывает всего. Было второе животное, с красноватой шкуркой... которое было неоднократно ранено.

— После охоты в мае прошлого года оно бесследно исчезло и ни разу больше не было замечено. Вероятно, это были несколько волков. Возможно, это была рыжая самка с детёнышем. И они смертельно раненые отступили в подлесок, и там сдохли. Вот так, — де Буффон сделал глубокий вдох и уделил большее внимание свои словам, — с выстрела в конце сентября больше не произошло ни одного нападения. С тех пор уже почти полгода спокойно. Это доказывает, что бестия была убита. Или у вас есть другая информация?

Томас сглотнул, потом покачал головой. Он неделями просматривал газеты, но сообщений из Гефаудана действительно не было.

Де Буффон положил ему руку на плечо.

— Пусть, наконец-то, всё будет хорошо. Сходство с собаками прекрасно и отлично, но логично подумайте: в Париже ирландские волкодавы настолько редкие, что даже зоологи их не часто видят! Как самая дорогая и редкая порода собак Европы должна была попасть в провинцию и там свободно бегать в лесах? Сходство — это только случай, продукт ваших не точных описаний и ожиданий. Ну, иногда мы цепляемся за теории, преследуем цель, которая вводит нас в заблуждение. Мы видим логичную связь и уже ищем не стыковки, которые подтверждают наш тезис. Это то, от чего мы отказываемся, чтобы увидеть свою картину, и вместо этого выделяем фрагменты, придавая им слишком большое значение, — де Буффон улыбнулся и похлопал его по плечу. — Когда испанцы прибыли в Мексику, туземцы увидели только их белую кожу и поверили, что имеют дело с богами. Они увидели всадника, но так как не знали о лошадях, то с первого взгляда предположили, что это были сказочные животные, что-то вроде кентавров. Если бы туземцы смотрели не предвзято, то заметили бы сёдла и оружие испанцев. И они бы сразу поняли, что эти боги — обычные люди, с запахом пота, а не святого дыма. То, что я хочу вместе с этим сказать: мы легко упускаем из вида очевидное, если хотим увидеть что-то другое. Наши ожидания определяют доказательства. Но, поверьте мне — это происходит даже среди лучших из нас. Кроме того, я был очарован той возможностью, что это может быть не изученный вид, но это был настоящий волк. Лучше рассмотрите вещи без оценки. Только так вы попадёте на правдивый след. Это самый важный урок для научной карьеры.

Томас молчал. Всё звучало подкупающе логично и гладко, но в нём что-то ещё сопротивлялось. *«Если это был заговор англичан, то они, конечно, могли бы доставить волкодавов во Францию»*, — подумал он. — *«Узнаю ли я когда-нибудь правду от Лафонта?»*

— Ну, да, раз уж вы здесь, я могу также дать вам некоторые планы, — продолжил де Буффон. — Входите.

Томас помедлил, прежде чем проследовал в кабинет за исследователем. Выходя, он бросил ещё раз последний взгляд на волка. На задней лапе таксидермистом была скрыта плохо зажившая огнестрельная рана сустава. Томас подумал о ночи в лесу с Бастьеном, и о том, как волк, хромя, убежал. *«И он, вероятно, не отправился в Сен-Жульен-де-Шаз, а был пойман и приведён туда, чтобы месье Антуан мог спокойно его убить».*

— Ну, до тех пор, пока ваше криминальное прошлое не дало еще большие всходы, я, естественно, не могу использовать вас на важных проектах, — сказал де Буффон. — Но уже пора научиться разбираться в ботанике. Возможно, вы очень счастливы посвятить лето своей жене? Когда вы женитесь?

— Завтра, — бормотал Томас.

— Как прекрасно! — де Буффон протянул ему список. — Итак, вы здесь видите: в этом году король хочет расширить оранжереи. Они заботятся о фруктах для королевских кухонь.

Томас бросил взгляд на список. Любимыми сортами короля оказались маленький сорт инжира «Султан» и сорт клубники с красными плодами «Версалька».

«Камилла и Дельфина сейчас были бы в восторге», — подумал он.

Глава 30

НЕЗАБУДКА

Вопреки всему, собаки очень беспокоили его. До самого рассвета он снова и снова пересматривал рисунок за рисунком в своей папке для рисования, и каждая рана, и каждый след были упорядочены по-новому, и каждая из его заметок рассматривалась под новым углом зрения: *собака и неизвестный вид животного*. Предположение ужасно хорошо подходило, но, также и сейчас, после ночного бодрствования, когда отец нервно поправлял Томасу галстук, у него по-прежнему было мучительное чувство, что он упустил что-то существенное.

— Не делай такое мрачное лицо, мальчик. Ты идешь на свою свадьбу, а не на казнь!

«Все дело в подходе», — подумал Томас.

Слуга бросился в комнату со шкатулкой в руках, обтянутой красным бархатом. Его отец принял её и передал Томасу.

— Фамильные драгоценности твоей покойной матери, — торжественно сказал он. — Сегодня ты подарить их своей невесте.

Томас взял шкатулку и не стал её открывать. Затем он поднял голову. Юноша всё ещё чувствовал себя так, как будто созерцал жизнь другого сына. Из зеркала его рассматривал мрачный дворянин. Перчатки, украшенные серебряной вышивкой, были произведены на семейной мануфактуре и стоили больше, чем драгоценные пряжки на его штанах до колен. Голубой с серебристо-белым, полосатый жакет был новым и сидел на нём как влитой. Близняшки Хастель, конечно же, приняли бы его за принца. Он взял украшенную серебряной каймой треуголку и последовал из комнаты за отцом.

«Томас!

В плохие дни как сегодня, я представляю, что мои письма ты бросаешь в огонь не

прочитанными. Я не могу винить тебя в этом после нашего прощания в прошлом году и после всего, что произошло дальше.

Но можешь ли ты представить себе, каково это, когда вся жизнь и всё, во что ты когда-то верил, рассыпается в пепел?

Мне всё ещё кажется, будто всё происходит как в кривом зеркале. Я больше не узнаю в нём своё лицо. Была бы я счастлива, если бы промолчала? Да, вероятно. Теперь я ношу рану, которая никогда не заживёт, но если быть абсолютно честной, то я должна признать, что, наверное, я всегда её чувствовала — даже не зная, откуда она возникает. В хорошие дни я знаю, что ты, естественно, не получишь мои письма. С моей стороны вообще было достаточно глупо их писать, просто для того, чтобы Жан-Жозеф бросил их в огонь.

Я одна, без союзников, которая грешила сама и также поплатилась за прегрешения своего отца. Я могу только надеяться, что Жан-Жозеф вернул тебе, по крайней мере, папку с рисунками.

Почему я всё ещё пишу тебе? Может быть, только для себя самой, чтобы найти слова для ужаса. Иногда я мечтаю, чтобы он забрал меня. Я чувствую его присутствие, и знаю, что он подстерегает меня, и просто ждёт своего часа...»

Изабелла остановилась. Между тем, она знала каждый такой шум, каждый щелчок и теперь также знала, что дверь, однозначно, откроется. Девушка быстро сложила письмо и убрала в платье. Под юбкой были прикреплены две плоские сумки на поясе, в которых некоторые женщины прятали свои молитвенники или вещи, которые никто не должен был найти. Изабелла быстро запихнула его к другим письмам, и снова опустила свои юбки. Потом она бросилась к окну и упала в кресло. Не опоздав ни на секунду.

Ключ поворачивался в замке. Мадам де Морангез вошла без стука — за ней следовал Эрик. «Моя новая семья», — горько подумала Изабелла. — «Святой тюремщик».

— Добрый день, Изабелла, — сказал Эрик. Щетина придавала ему вид дикого отважного охотника. Свежий запах весны и леса заполнил комнату.

— Добрый день, — вежливо ответила она.

— Пойдём? — спросил он с мягкостью, от которой по её спине пробежал холодок.

«Какой у меня выбор?» — подумала она. И хотя всё в ней противилось, она кивнула и встала.

Спутники Эрика уже их ждали. Её кобыла стояла оседланной рядом с конюшнями. На мгновение девушка не смогла сделать ничего другого, кроме глубокого вдоха, и полностью насладиться запахом весны. Сколько времени прошло с тех пор, как она гуляла последний раз? Казалось, прошли годы.

Во дворе царил рабочая суета: слуги таскали багаж к лошадям, и несколько собак игриво боролись перед конюшней. Один парень с тёмными волосами похлопал одну из них по спине и отправил животное свистом обратно к своре Эрика. Затем он подошёл к одной вьючной лошади и начал укладывать багаж Изабеллы в большие корзины. Изабелла не сразу узнала молодого человека. Затем её осенило. «Адриен!» Слишком хорошо она помнила мужчину, которого Том называл другом. «Он должен быть нашим доверенным лицом». Как всегда тоска одолела её так внезапно, что стало больно. Это было рискованное предприятие, но ей не оставалось никакой другой возможности. «И что я потеряю?»

Она подняла подбородок и твёрдыми шагами направилась к Адриену и лошади.

— Чего ты хочешь от вьючной лошади? — сердито крикнул Эрик.

— Позаботиться о том, чтобы не разбились мои замечательные письменные принадлежности! — крикнула она через плечо. Затем девушка уже стояла возле лошади и открыла один из мешков, которые ещё лежали на земле, как будто хотела что-то там поправить.

— Адриен? — тихо сказала она. — Тебя зовут Адриен Бартанд?

Парень пораженно оторвался от работы.

— Да, мадемуазель, — он рассматривал её любезно и вопросительно. После многих месяцев, в которые даже горничная боязливо избегала её взгляда, это действительно просто хорошо, когда так смотрели.

— Томас Аувай, — шепнула она. — Ты слышал что-нибудь о нём?

Теперь она знала, почему Томас его ценил. Не показывая ни малейшего удивления, Адриен также потянулся к багажу вниз и по-походному закреплял его ремнём. Теперь у них была возможность поговорить тихо друг с другом несколько секунд так, чтобы это не бросалось в глаза.

— Нет, я ничего не слышал о нём с тех пор, как Мари умерла.

«*Мари*». Изабелле пришлось глубоко вздохнуть.

— Мари Хастель? Тогда в охотничьем лагере ты говорил что-то о мёртвой девушке. Но ты... знал её?

Казалось, на его лицо упала тень.

— О, да, даже очень хорошо. Я говорил с ней ещё вечером перед её смертью. Мне до сих пор жаль, — он откашлялся, как будто должен был собраться с силами. — Ну, во всяком случае... *Томе* я больше не встречал. А вы?

Это звучало искренне и с надеждой, это подтверждал тот факт, что он использовал имя Томаса в уменьшительно-ласкательной форме, как это делают только лучшие друзья или братья, по-особому с ними болтая. Девушка чувствовала, как будто имела секретный договор. Она показала кивком головы.

— Адриен... если бы я написала письмо, вы смогли бы его отнести на почтовую станцию? Так, чтобы Эрик или кто-то другой об этом не узнал?

— Совсем тайно? — его улыбка была любезной, и она подумала, что он, конечно же, нравился Мари. «*И, вероятно, она о нём даже мечтала?*» Мысль была прекрасной и печальной одновременно, и с этого момента она больше не чувствовала себя одинокой.

— Я могу попробовать, — тихо ответил он. — Но почта не дешева.

— Я дам тебе деньги. Где я тебя найду?

— Изабелла! Нам пора! — крикнул Эрик ей со двора. — Скоро стемнеет.

— Просто хорошо слушайте, мадемуазель, — тихо шепнул ей Адриен. — Где моя песня, там и я.

Он улыбнулся ей лёгкой, ободряющей улыбкой, которая показалась Изабелле неожиданным солнечным лучом. Затем парень перетянул высоко багаж и, насвистывая, пошёл обратно к вьючной лошади.

Граф Треминс позволил себе некоторые расходы, чтобы выдать племянницу замуж по очень высокой цене. Свадебное общество, которое ждало перед городской церковью Версаля, было наряжено в дорогие одежды, карета невесты украшена гирляндами цветов. Лакей как раз открыл дверь кареты, и оттуда вышла Клер. Она была одета в оранжево-белое платье с рукавами воланами из брюссельского кружева, её волосы украшали оранжевые

цветы из шёлка. Томас подумал, что цветы, которые на самом деле считались символами невинности, должны быть ироническим комментарием от дяди Клэр. Она ещё не увидела экипаж Ауврай. Невеста была занята тем, что приветствовала гостей и позволяла любоваться собой. В толпе Томас также увидел Жанну. Как и другие девушки, она несла букет цветов и кивнула ему издали.

Шарль Ауврай улыбнулся опасной смесью из гордости и паники, пока Томас, ещё сидя в карете, доставал шкатулку. В некоторых семьях жених передавал её невесте только утром, после брачной ночи, но в семье Ауврай издавна была традиция передавать шкатулку перед бракосочетанием.

— Ты знаешь, что ты должен сказать?

Томас кивнул.

— Мадемуазель, имею большую честь и радость подарить вам в знак моего расположения и укрепления нашей связи украшение, которое носили моя мать и бабушка.

В полумраке кареты Томас мог видеть, как отец безмолвно шевелил губами, как будто повторял вслед за кем-то разученное обращение. Томас вынужден был отвести взгляд, потому что ему вдруг стало душно. «*Что я здесь делаю?*» — подумал он. Когда юноша открыл шкатулку, драгоценные камни засверкали. Это была трёхрядная цепь с орнаментом в виде вьющихся цветов из золота, усыпанное рубинами. «*Как капли крови на шее Катарины Английд*». Картина сверкнула перед ним как свет грозы, пока он доставал цепь из шкатулки.

— Давай, мальчик! — Шарль Ауврай ободряюще хлопнул его по плечу, как будто бы они были на скачках.

Томасу казалось, что он в театре, смотрит сам на себя со стороны, как выходит из кареты. Пешеходы сразу останавливались и глазели на его богатый наряд.

Как от него и ожидалось, он направился к церкви. Но никогда ещё ему не было больно от осознания того, что это была дорога Армана.

Клер привела в порядок свои юбки, затем под руку со своим дядей взошла на порог церкви. И хотя это было совершенно бессмысленно, тоска сыграла с Томасом злую шутку: у него забилось сердце от того, что он вообразил, будто там стояла Изабелла.

Аромат роз оторвал его от этих мыслей. К ним подошла Жанна и поприветствовала его отца. Теперь новоприбывших заметили также Клер и де Треминс. Взгляды Клер и Томаса встретились. И на одно мучительно долгое мгновение он увидел себя в будущем — бесконечная череда поклонов, коленопреклонений и ложных любезностей, праздники, танцы, посещения оперы и болтовня, жизнь на шахматной доске. «*Жизнь Армана*». Рубины давили через ткань перчатки на его ладонь, и он так сильно сжал цепь, что кровь зашумело в ушах.

— Давай, спать ты сможешь и позже! — голос отца вывел Томаса из оцепенения. Только теперь он понял, что остановился.

Жанна наморщила лоб. Гости перед церковью теперь также обнаружили его и аплодировали. Шарль Ауврай положил Томасу руку между лопатками и хотел подтолкнуть его дальше, но тот покачал головой. «*Ни шага дальше*», — думал он. — «*Ни одного шага по дороге Армана*». Слово, которое пришло ему сейчас само на губы, было гораздо отчётливее и короче:

— Нет, — сказал он своему отцу и ещё раз покачал головой. — Я не могу.

Шарль Ауврай был мастером по игре на общественной шахматной доске. Он улыбнулся и кивнул де Треминсу.

— Одну минутку! — крикнул он с вполне наигранной радостью. Затем мужчина вцепился пальцами в руку Томаса. В следующее мгновение отец втолкнул его обратно в карету и закрыл дверь.

— Ты что, сдурел? — наступал он на Томаса. — Что всё это значит?

Томас сглотнул.

— Мне жаль, отец. Я не могу жениться на Клер.

— Тут ты сильно не прав. Ты не испортишь дело моей жизни!

Томас сглотнул.

— Арман был делом всей вашей жизни — и он бы охотно это сделал. Но я не он! И я никогда им не буду! Я... не могу дальше притворяться и не продамся — также не только для вас.

— Продамся? — затрещина, которая поразила его, не была на самом деле плохой. Пьер бил сильнее. Плохо было то, что удар разорвал последнюю связь между ними.

— Что только с тобой! — воскликнул Шарль Ауврай в настоящем отчаянии. — Я не воспитывал тебя так! Арман никогда не разговаривал бы со мной так непочтительно.

— Поэтому вы и хотели, чтобы тогда на его месте умер я? — Томас удивился сам себе, как спокойно он произнёс этот эпотаж. — Да, я слышал, что вы тогда говорили, отец. Я стоял в дверях, пока вы скорбели у гроба Адриена. Вы полагали, что вы один.

Томас снова почти смог почувствовать зимний холод, увидеть свое собственное дыхание, почувствовать дверную раму под своей рукой. Через щель он видел руки Армана, сложенные на груди и сгорбленную спину Шарля Ауврая.

— Почему это должен быть ты, Арман? Вы тогда говорили это, отец. И вы думали: «Почему это не Томас?» Я прав? Это было сказано тогда только от боли, но если вы будете честны, то вы ещё и сегодня временами думаете об этом.

Шарль Ауврай с трудом дышал.

— Я — твой отец, — рявкнул он. — Я не стою здесь перед судом. У тебя есть проклятый долг...

— А нет ли у отцов также обязанностей по отношению к их сыновьям? Вы должны были защищать меня тогда от Армана. Вы не обращали тогда внимание, что он не любил меня и усложнял мне жизнь. У вас есть только один сын, отец. И это не я.

Как ни странно, это не заполняло его больше скорбью и яростью. Это был только факт, и ему стало легче от того, что он произнёс эту правду.

Шарль Ауврай стал настолько бледным, что под своим гримом позеленел.

— Почему ты создаёшь мне трудности для того, чтобы я любил тебя? С тобой всегда было трудно — ты лгал.

— Арман почти столкнул меня с балкона! Это не ложь!

— Ты снова хочешь начать с той старой истории? Ты сам влез на баллюстраду. Арман в последний момент сохранил тебя от падения.

— Он схватил меня за запястья и оставил висеть под перилами! — закричал Томас. — Он был намного старше меня и уже тогда сильный, как медведь, и такой же большой как вы, отец. В тот день мы поссорились, и он схватил меня. И сказал, что я должен извиниться. Только когда Арман стал держать меня над баллюстрадой, я понял, в какой опасности находился, — Томас тяжело сглотнул, прежде чем смог продолжить. — Он... ослабил свою хватку. Одну или две секунды я был тем, кто ухватился за него. Вы не можете себе даже представить, насколько длинными могут быть такие секунды, — «это знает только

Бастьен». — Я ещё сегодня спрашиваю себя, что бы он сделал, если бы в тот момент вы не вошли в комнату.

Отец качал головой.

— Арман никогда не сделал бы ничего подобного!

Было странно, что больше Томас не чувствовал даже горечи. Осталось только чёткое осознание того, что отец покинул его много лет назад.

— Вы всё ещё верите ему больше, чем мне, — это было утверждение, а не вопрос.

Шарль Ауврай заломил руки.

— Ты пойдешь в эту церковь! Даже если мне придётся ударить тебя!

Томас закусил нижнюю губу. Его взгляд остановился на Жанне. Она стояла перед окном кареты и наблюдала за сценой через стекло, на её лице читались беспомощность и забота. Она растерянно сжимала свои цветы. Это был букет из образа пастушки, который как раз был в моде. И между ветреницей дубравной и примулами находились несколько отростков с маленькими голубыми цветами.

Наконец-то Томас понял, что беспокоило его всю ночь и раздражало. *«Незабудка!»*

Голос де Буффона разносился в его голове как насмешливое эхо. *«Очевидное легко заметить»*.

— Дьявол! — прошептал он.

Томас не слышал, что продолжал говорить дальше его отец, а бросился вперёд и дёрнул дверь кареты. Когда отец схватил его за сюртук, юноша легко выскользнул из него и оставил там. Он выпрыгнул на улицу только в рубашке, жилете и брюках, и побежал так, как никогда в своей жизни.

Томас не слышал оскорбительных криков людей, которых он расталкивал, когда бежал по улице. Старый слуга почти был в шоке, когда увидел его у двери. Даже сейчас, когда Томас бросился вверх по лестнице, тот снял перчатки и парик, и отбросил их от себя.

Папка для рисунков лежала открытой на столе, так же, как он её и оставил сегодня утром. Томас так сильно схватил листы, что один надорвался с безобразным треском. И это был портрет обезглавленной Катерины Англейд. Со скрытым посланием от Изабеллы, настолько маленьким и не приметным, которое никто не мог увидеть — кроме Томаса. *«И я, идиот, у меня всё время это было перед глазами, а я ничего не замечал!»* И если бы он не был таким сумасбродным, то засмеялся бы сейчас. Рядом с рукой мертвеца лежала незабудка, и он был абсолютно уверен, что не рисовал её тогда.

Томас поискал на другом портрете: мертвеца в госпитале Сог. Рисунок углем был в некоторых местах стёрт, но Изабелла изменила только мелкие детали: первоначально мертвец сжимал руку в слабом кулаке, однако, теперь, по-видимому, случайно оттопыренный указательный палец указывал в направлении подписи. Под каждым рисунком Томас всегда ставил даты лёгкими штрихами, чтобы не портить впечатление от картины, теперь же линии были ярче, бумага была слегка шероховатой, как будто бы кто-то это подделал. Новые числа были поставлены поверх первоначальных.

Здесь больше не стояла дата 23.06.1765, а 13.12.1765. Декабрь! *«Это произошло после того, как мы уехали!»*

Теперь ему пришлось сесть. *«И пока я купался в жалости к самому себе, бестия убивала дальше! В отчаянии Изабелла пыталась послать мне это сообщение»*. Конечно же, естественно, что она не могла писать ему письма. А Лафонт тоже нет? Как в игре, один

шахматный ход к другому. Он никогда ещё так дико не ругался. Томас собрал вместе все рисунки и затем побежал в свою мансарду. Там он вытащил из сундука чемодан. И быстро надел свою студенческую куртку, нашёл сумку с денежной компенсацией д'Апхера. Полностью для всего путешествия денег было недостаточно, но это было начало.

Слишком поздно он услышал щелчок замка. Томас подскочил к двери и обнаружил, что она закрыта. Юноша стучал по дереву, пнул его, но дверь едва сдвинулась на петлях.

— Не беспокойся, — услышал он через дверь приглушенный голос отца. — Ты останешься здесь до тех пор, пока не образумишься. И пока ты не одумаешься.

— Ни в коем случае! — кричал Томас. — Выпустите меня!

— Ты должен был лучше меня знать, — донёлся прохладный ответ. — Я надеялся, что ты мог бы избавить меня от этих слов. Даже если утверждаешь кое-что другое, Томас: я знаю тебя лучше, чем ты сам себя. Когда я получил сообщение о твоём аресте, я знал, что ты снова наделал глупостей. Поэтому написал прошение о *королевском указе об изгнании без суда и следствия*. Письмо лежит у нотариуса с твоего возвращения, одно моё слово и его отправят. Ты знаешь, что это значит.

Томас слишком хорошо знал. Это как пощёчина ледяной рукой. О таком приказе об аресте могли ходатайствовать не только чиновники по уголовным делам, но и граждане — для распутных жён или личных врагов. Но также и большинство родителей использовали эту возможность, чтобы было позволено запереть непослушных сыновей и дочерей. Для этого не нужно было совершать преступление. Достаточно было того, что, по мнению родителей, угрожало семейной чести, расточению денег на азартные игры или тайное сочетание браком для его получения.

— К сожалению, ты не оставляешь мне выбор, — сказал Шарль Ауврай. — Ты женишься на Клер или пойдёшь в тюрьму. Я сказал де Треминсу, что ты с утра забыл подарок невесте и должен его принести. Клер ждёт, тебе нужно быстро решить. Через десять минут я возвращаюсь, и ожидаю, что ты поведёшь себя как примерный сын.

Томас не стал ждать следующих слов, а бросился к окну. Он находился слишком высоко наверху, прыжок был бы смертельным. Но юноша мог бы попытаться слезть по крыше. Перед соседним домом стояло дерево, но довольно далеко.

Всё же, в тот момент он понял, что отец действительно знал его лучше, чем ему бы хотелось. На улицу вышел слуга и посмотрел на него вверх.

Томас выругался, а затем отскочил к секретеру, и отчаянно выдвигал ящики в поисках ножа для бумаги или другого предмета, которым он, возможно, смог бы открыть дверь. Юноша почти проигнорировал негромкий стук.

— Томас? — робкий, испуганный голос раздался через замочную скважину.

— Жанна! — заорал он. — Открой дверь!

— Я не могу, твой отец забрал ключ. Боже мой, что произошло с вами обоими?

«*Мы только сняли наши маски*», — подумал Томас. Впервые в нашей жизни. Он встал на колени перед замочной скважиной.

— Жанна, ты должна мне помочь, — заклинал он. — Убийства продолжаются!

Муслин прошуршала по двери, как будто бы Жанна сползла по двери и села.

— Ты хочешь вернуться обратно в дикий край? Один?

— Я должен!

— Ты знаешь, что ты сейчас делаешь? Ты навсегда себя губишь! И они найдут тебя в Гефаудане! В конечном итоге ты окажешься в тюрьме.

— Если ты — фаворитка короля, то сможешь замолвить за меня доброе слово. А теперь помоги мне, чёрт возьми! — он нашёл портрет Катерины Англейд и сунул его под дверь. — Как ты не понимаешь? Это могла быть Изабелла — одной из остальных девушек. Это продолжается, и она просит моей помощи! — когда Томас не получил никакого ответа, то забарабанил кулаками на друга по двери.

— Жанна! — он почти кричал. — Пожалуйста! Ты можешь этого не понимать, но помоги мне ради нашей дружбы!

Прошла вечность, прежде чем она ответила приглушённым голосом.

— Как?

— Отвлеки слугу снаружи! Я вылезу в окно! Торопись!

Не дожидаясь её ответа, он бросился назад в комнату. Раздался безобразный звук, когда юноша оборвал две длинные шторы и связал их вместе узлом в импровизированную веревку. Затем Томас сложил чемодан. Только сейчас он заметил, что при себе у него всё ещё было ожерелье матери. Не задумываясь, юноша запихнул его в карман брюк для своего побега. Он уже хотел положить драгоценность на стол. Однако трезвая благоразумная часть его уже просчитывала, сколько стоит рубин. Томас бросил взгляд на портрет своей матери, который висел над секретером. Казалось, что она понимающе ему улыбается. Художник изобразил женщину с ожерельем.

— Простите меня, *маман*, — тихо сказал он, и снова спрятал украшение.

Минутой позже, Томас услышал, как Жанна что-то кричит на улице дворецкому.

— Месье Аувраю нехорошо! О, Боже, он что-то с собой сделал! Быстрее, нам нужен доктор! — Жанна, на самом деле, была великолепной актрисой.

Томас пригнулся, и когда выглянул на улицу в следующий раз, слуга уже, действительно, исчез. На лестнице загремели шаги. Не долго думая, он запрыгнул на подоконник и передвигался, повиснув на руках. Ему стало плохо и закружилась голова, когда мужчина посмотрел вниз. Затем Томас начал карабкаться вверх.

— Помогите! — умоляла кого-то Жанна. — Быстро идите в дом! Иначе он умрёт!

Томас достиг края крыши. Теперь он увидел, что было целью Жанны: она отвлекла кучера свадебной кареты и теперь вела за собой лошадей за поводья, чтобы разместить повозку на улице прямо под Томасом. Девушка отчаянно ему кивала. В это мгновение он любил её всем сердцем. Мужчина бросил свой чемодан на улицу и набросил конец самодельной верёвки на выступ. Это всё ещё было безумием, но ему действительно удалось спуститься на верёвке до следующего эркера (*прим. пер.: выступающая за плоскость фасада часть помещения, часть комнаты, выступающая из основного пространства, обычно он оснащен окном, несколькими окнами либо имеет остекление по всему периметру*). Но потом, когда он достиг этой точки, где не мог ни за что держаться, Томаса одолел страх. Неожиданно всё появилось снова: руки Армана, которые отпустили его. Попытка найти опору ногами, его пальцы, которые судорожно сжимались вокруг запястий брата. Взгляд через плечо, собственное дыхание, которое громко шумело в его ушах, и детский ботинок, который упал вниз, и ударился о мостовую внутреннего двора.

«Перестань!» — сказал он себе. — «Все кончено!»

Затем Томас глубоко вздохнул, собрал всё свое мужество и отпустил веревку.

Он знал, что столкновение будет сильным, но это был новый вид боли. Тонкая древесина дробилась и трещала, когда Томас как метеор ударился о крышу кареты. Ткань разорвалась, когда мужчина, тяжело дыша, приземлился на сиденье под градом

лакированных осколков и зеркал. Карета отскочила вверх и вниз, или это просто было головокружение. На него сыпались разорванная свадебная декорация, ленты и цветы. Лошадь заржала и стучала копытами по скрипящей древесине. Томас в растерянности поднялся, но, казалось, его руки и ноги едва слушались. Сквозь дыру, которую он оставил в крыше кареты, мужчина мог видеть своего отца, стоящего у окна.

Шарль Аувай растерянно разглядывал сына внизу. Томас слышал его крик как будто издалека. Он кинулся к двери кареты и чуть не упал на пути, но в то же самое мгновение Жанна открыла дверцу. Пока он, пошатываясь на подогнувшихся коленях, выбирался из кареты, то краем глаза видел, как к нему подбегает взбешённый кучер. Жанна среагировала быстрее, чем он. В одно мгновение она была возле чемодана, оторвала его от земли и бросила кучеру под ноги. Мужчина споткнулся и упал, но для Томаса поклажа была уже вне досягаемости. Жанна сжала кулаки, повернулась к Томасу, и наполовину в отчаянии, наполовину со смехом, закричала:

— Беги!

Часть 4

БЕЛЛА

«Месье, ужас, который посетил Гефаудан на протяжении года, и от которого, как мы полагали, были освобождены, возвратился. Это могло бы быть потому, что бестия пережила выстрелы. Или мы ошиблись, когда поверили, что она была одним из убитых животных. Если чудовище было убито, то новая бестия точно такого же вида, очевидно, заняла её место...»

Этьен Лафонт месье де л'Афердю в Версаль

«Месье, я получил ваше письмо. Вы старались проинформировать меня, в том числе о том, что после отъезда наших охотников несколько человек были атакованы волками. Если эти животные чинят вам такие препятствия, то необходимо, чтобы вы положили конец этому злу как можно скорее. В надежде на то, что охота и использование волчьих приманок согласно методу, который я вам сообщил, вскоре к этому приведёт, чтобы уничтожить этих опасных животных; остаюсь»

Месье де л'Афердю Этьену Лафонту в Гефаудан

Глава 31

ЖАН БЛАН

Между тем, Этьен Лафонт ненавидел каждый день в отдельности, в которые он должен был посещать города и деревни, чтобы выслушивать крестьян, граждан и продавцов. В то время, пока д'Апхер с охотниками гонялись за химерой, его заданием было успокаивать людей и держать их в узде. И день ото дня это становилось труднее. Также и сегодня, когда он занял кабинет в Польяк. В утренние часы люди уже толпились в канцелярию адвоката, который предоставил ему в распоряжение офис и писаря.

В комнату вошёл богатырь с руками как лопаты. Крестьянин с вежливым, сдержанным видом держал свою шляпу в руках, и вообще не укладывался в ауру подавляемого гнева, которая его окружала. Конечно, он предпочёл бы кулаки. Этьену Лафонту снова бросилось в

глаза, насколько похожи друг на друга бывают люди, если их охватывало беспомощное отчаяние; те же самые складки на лбу, те же самые поджатые губы, та же сутулость, тот же самый гнев во взгляде.

Снаружи раздался стук копыт. Краем глаза Лафонт увидел спешившегося всадника. Вероятно, следующий в очереди.

— Меня зовут Йозеф Хугон, — представился богатырь. — Из Пепинет. Я говорю за людей там. И мы должны сообщить об этом. Два дня назад мы нашли несколько разорванных животных на обочине заброшенной дороги, молодую косулю и двух зайцев. Только разорванных, не съеденных. Как будто бы бестия была в бешенстве и убивала всех без разбора, кто попадался на пути.

— Вы уверены, что это была бестия?

— Кто это должен быть иначе?

Лафонт воздержался от указания на лисиц, рысей или волков. Люди видели только бестию, независимо от того, что случилось.

— Где точно это было?

Перо секретаря скрипело по бумаге, пока крестьянин точно описывал место.

Лафонт избегал взгляда крестьянина, пока делала вид, что перебирал документы. При этом он быстро выглянул в окно. Всадник всё ещё был там. Лафонт осмысливал его внешность: загорелый, немного спутанные волосы, чёрная мягкая шляпа из фетра, которая бросала тень на лицо, и слишком большая куртка. Парень прислонился к стене, по-видимому, спокойно, но нетерпение излучалось из него как жар. Поразительно часто он оглядывался по сторонам. *«Как ловкий делец, который готов убежать в любой момент»*, — подумал Лафонт. — *«Чего парень ждёт? Если это проситель, почему он не входит?»*

— ... все же, вы знаете: маленький Андре Гугон, — сказал крестьянин. — Из Ноцайроллес, мальчик по двум линиям был со мной в родстве.

Лафонт нетерпеливо кивнул.

— Мои соболезнования, мы рассматриваем такие случаи. В этой местности уже расставлены новые капканы.

— Охотников и капканов у нас было достаточно! — прорычал крестьянин. — Они ничем не помогли. Люди боятся, месье! В деревнях поля больше не обрабатываются, потому что никто больше не смеет выйти. Если так будет продолжаться, урожай пропадёт и наступит голод. Даже продавцы и путешественники уже избегают наши края. Сыроварни и ткацкие цеха больше не отпускают товар. И даже король бросил нас на произвол судьбы. Что с нами будет?

— Успокойтесь! — сказал Лафонт. Излучать уверенность сегодня стоило ему больших сил. — Никто не бросил вас на произвол судьбы. Господа делают всё, что знают. Скоро всему наступит конец.

«И эти заверения, к сожалению, будут также неверны, если я отобью тысячу поклонов».

— Я просто говорю, месье Лафонт, — горячился крестьянин. — Если король уже не хочет нам помогать, он, по крайней мере, всё же, должен позволить нам носить оружие! И если король не хочет, то есть наши господа, которые должны нам его дать. Как иначе мы должны охранять наших детей? — он осознал, что это было громко сказано, и опустил голову.

Лафонт сделал писарю знак, чтобы тот не записывал это последнее предложение. И

фермер, казалось, очень обрадовался.

— Я очень хорошо тебя понимаю, — по-деловому ответил Лафонт, но так любезно, что крестьянин перестал теревить шляпу. — Спасибо за твоё замечание с животными, Йозеф. Смотри в оба и дальше. И скажи об этом своим людям. Ищите браконьеров, а также незнакомцев, которые бродят в лесу или появляются в деревне. Важна каждая деталь! Докладывать сразу — и мне лично! Я должен знать всё о каждом незнакомце.

— Конечно, месье, — бормотал крестьянин. Потом шаркающими шагами он вышел, преследуемый секретарём, который нёс почту. Половицы скрипнули, дверь захлопнулась, а затем Лафонт на несколько мгновений остался один.

Он снял очки и потёр усталые глаза. Не ясный, болезненно красный цвет пульсировал за его закрытыми веками. *«Дать вам оружие. Мы не можем сделать что-то ещё более опасное»*. Даже здесь, в пустой комнате, он мог чувствовать напряжение в народе как надвигающуюся грозу.

— Новые письма, — Лафонт только услышал, как секретарь уронил перед ним на стол стопку писем и газет. Он неохотно снова надел очки и посмотрел на рассыпавшуюся стопку. Конечно, ничего не было отсортировано. *«Если для адвокатов есть ад, то это контора, в которой я обречён управлять шепеляющим болваном, и это на веки вечные плохая новость»*.

— Как часто я должен говорить, что ненавижу этот беспорядок! — сказал он клерку. И быстро сортировал письма сам: по церковным приходам, и по известным и неизвестным отправителям. Должно быть, почтовый мешок был не плотным и дырявым, и промок по дороге в одну из ранних летних гроз, так как бумага была влажной и закручивалась. Парижская газета была полностью промокнутой. Только одно письмо было сухое с разборчивым почерком. Очевидно, его сунули в руку почтовому курьеру только недавно. Некий Жан Блан написал: *«Этьену Лафонту — пожалуйста, только в его руки!»*

Лафонт насторожился. Жан Блан как Жан-ла-Бланк? Но ни одного человека в этом мире не звали «змеяд». На ум ему пришёл Томас Аувай, он рассказал студенту об этой хищной птице. Странно, что именно теперь Лафонт подумал о молодом вспыльчивом человеке. *«Теперь он ничего не услышит о звере. Цензура в Париже работает отлично»*. Ему не нужно было перелистывать газету, чтобы убедиться в том, что там не было ни одного сообщения об убийстве. *«Бестия мертва, да здравствует король»*, — горько подумал он.

Мужчина как раз хотел открыть письмо этого Жана Блана, как уже вошёл следующий посетитель. День будет долгий. Только под вечер последний крестьянин оставил Лафонта с его столом, заваленным жалобами и сердобольными историями.

Этьен Лафонт изнурённо посмотрел из окна. Незнакомый парень всё ещё стоял у стены. Его лошадь нервно дёргала поводья и била передним копытом о землю. Весь полдень и вторую половину дня он наблюдал за конторой.

— Кто это там снаружи? — спросил Лафонт писаря.

— Имени я не знаю, но он шатается здесь вокруг ещё с утра. Когда я получал до полудня доставленную для вас почту, то дал мне для вас письмо. Оно там, которое не промокло.

Лафонт поднялся. Он был рад, что может покинуть душную контору.

— Эй! — крикнул он мужчине в шляпе вдалеке. — У тебя есть что сказать или ты только глазеешь? — он почти ожидал, что человек убежит. Однако, тот, кажется, ждал только Лафонта. Пружинистым толчком парень оттолкнулся от стены и подошёл к нему.

— А я уже подумал, что вы никогда не прочитаете моё письмо! — ответил он. — Я

должен вам кое-что рассказать.

Одним движением парень сорвал фетровую шляпу. Послеполуденное солнце осветило лицо.

Ещё секунду назад Лафонт поклялся бы, что его больше уже не поразит никто и ничто. Однако теперь он открыл рот. *«Этого не может быть. Он не смеет!»*

Но сомнений не было. Перед ним стоял Томас Ауврай. Или кто-то, кто был на него очень похож.

— Вы знаете, что я должен арестовать вас, Ауврай! — прикрикнул он на Томаса. — Вы забыли, что сказал маркиз д'Апхер? После того, как вы ступите на эту землю, ваша жизнь на свободе закончится.

— Во-первых, по этой причине я не выпускаю мою лошадь с глаз, — ответил Томас. — Я хотел действовать наверняка, что ещё смогу убежать, если вы захотите арестовать меня. И во-вторых, в последнее время я — Жан, что не является слишком уж необычным именем, — он изобразил ироничный поклон. — Я могу полагаться на то, что вы выслушаете меня и не позовете стражу?

— Вы не соблюдаете обязательства и ещё также ставите условия? — прикрикнул на него Лафонт. Было гораздо проще злиться, чем радовался тому, что он снова видит молодую упрямую голову. Томас слегка качнулся, и Лафонту только сейчас бросилось в глаза, что молодой человек совершенно истощён. — Я соглашусь с вами, что моя контора — это нейтральное место на следующие полчаса. Привяжите вашу лошадь во дворе.

Не поворачиваясь ещё раз к Томасу, синдик возвратился в кабинет.

— Зайдите! — приказал Лафонт писарю. — У меня беседа с... месье Бланом — одним. И чтобы никто нам не мешал! Ах, вы ждёте... Принесите мне чашку кофе и булочку. Потом постучите и ждите снаружи.

Писаря насторожил этот странный заказ, но он убрался восвояси.

Несколькими минутами позже Томас вошёл так осторожно, как будто боялся, что вернётся в тюрьму. Только когда он удостоверился, что они были совершенно одни, то облегчённо вздохнул.

«Стал недоверчивым», — подумал Лафонт. — *«Лучше поздно, чем никогда»*.

Томас не сел, а стянул коричневый парик из конского волоса с головы и судорожно провёл по волосам. Они были коротко острижены на ширину пальца, вероятно, он боялся, что его белокурые волосы выдадут его. Эта маскировка действительно была превосходной. Парень напоминал здесь вчерашнего бледного студента как волкодав болонку. Томас загорел и стал сильнее, черты его лица заострились, и давали некоторое представление о печали и горе. В целом, он выглядел повзрослевшим и более уверенным, и поневоле восхищал Лафонта. Только голубые глаза Томаса казались не изменившимися, по-прежнему что-то вопрошающе неотложное лежало в его глазах.

— Вы прочитали моё письмо? — выпалил он. — Я не мог, конечно, вдаваться в подробности, но вы, наверняка, зачитали...

Лафонт заставил его жестом замолчать и сел за письменный стол.

— Я предпочитаю устные слова написанным. Расскажите, что вы здесь делаете? Почему, чёрт возьми, вы занялись переодеванием... Возвращаетесь как бродяга и ещё под чужим именем?

— Я узнал в Париже, что зверь далеко не убит!

— Ну, тогда вы, пожалуй, единственный. Король вычеркнул нас из своей карты.

— Это было более или менее случайно. Но это всё-таки происходит? Сколько было жертв после того, как мы уехали?

Этьен Лафонт вздохнул. Для него это было поражением, назвать цифру.

— Тринадцать нападений в этом году, — ответил он хриплым голосом. — Большинство в апреле, и в мае четыре. Каухемар по-прежнему сидит в тюрьме, но не имеет с убийствами ничего общего — он только сумасшедший. Он не разговаривает, а только рычит как волк. Мы всё-таки узнали кто он: крестьянин из Ле-Хубак. Его зовут Ален Буле. Его внучка была первой жертвой бестии.

— Никакой ни англичанин, — выдохнул Томас. — Это соответствует моему наблюдению! — теперь Лафонт узнал юношу, который побледнел при виде мертвецов в госпитале. Он нервно облизнул губы и начал рассказывать.

Хорошо, что Лафонт сел. И с каждым предложением у него было чувство, что груз на его плечах становится тяжелее. *«Хоть мне Томас и нравится»*, — подумал он, — *«но он — проклятье»*.

— И? — закончил Томас. — Что вы об этом думаете?

— Всякий раз, когда вы появляетесь, появляются новые неприятности, думаю я! — сказал сухо Лафонт. — И здесь больше проблем, чем может выдержать наша провинция. Мы можем только молиться, чтобы ваше предположение оказалось ошибочным.

Томас был искренне поражён.

— Как вы можете говорить такое! — он подошёл к столу, и Лафонт уже подумал, что его кулак опустится на дубовую поверхность. Даже движения Томаса были больше не контролируемы, как никогда. *«Или, может быть, это только было причиной того, что он больше не цепляется за папку для рисунков, когда станет держать её как щит между собой и миром»*.

В этот момент, к счастью, постучал секретарь. Томас обернулся.

— Не горячитесь! — сказал Лафонт. — Это не кавалерия, которая арестует вас. Сядьте. Вы выглядите совершенно умирающим от голода. Когда вы что-нибудь ели последний раз?

Томас сильно качал головой.

— Это неважно, важно...

— Чёрт возьми, сядьте, наконец! Они всё равно падают!

В конце концов, Томас повиновался. Лафонт пошёл к двери, принял маленький поднос с чашкой и белым хлебом с изюмом, и поставил всё перед гостем.

— Пейте! — приказал он. — Я не могу использовать полумёртвых осведомителей, которые только сумбурно лепечут. И потом мы спокойно поговорим.

Было хорошо увидеть, как на самом деле мальчик успокоился. Он скривил рот, когда глотнул глоток горячего питья, но заметно расслабился.

Лафонт сделал глубокий вдох.

— Хорошо, теперь с самого начала. Вы думаете — это ирландский волкодав?

— Подкупает сходство. И кто может позволить себе таких собак, если не дворяне? Или англичане, которые привезли таких дрессированных собак во Францию. Впрочем, тогда нужно было искать собак в корабельных списках.

— То, что было не так.

Томас кивнул.

— Тогда ещё лучше подходит моё второе соображение. Во время путешествия я размышлял много времени, и кое-что бросилось мне в глаза: один из королевских

проводников собак однажды объяснил, что если щадить охотничьих собак, то у них отрастают ногти длиной почти в палец. После сезона охоты они короткие и отточенные. Ну, зверь, вернее звери — имеют длинные когти. Никакого чуда: убийца выпускает их всего только несколько дней или недель из их укрытия, и то, только для того, чтобы охотиться один или два раза по его команде. Следовательно, они должны быть спрятаны недалеко от места преступления. Итак, убийца находится — или убийцы находятся — среди нас. Может быть звери размещены в замке? При этой мысли мне в голову пришёл месье Эрик. Он просто одержим собачьими боями.

— Вы подозреваете де Морангьеза, — пробормотал Лафонт.

Томас серьёзно кивнул:

— Помните: тогда, когда мы были в госпитале, вы появились не вместе с месье Эриком, чтобы рассмотреть мертвецов. Ваша лошадь не переходила болото вброд, но шерсть лошади Эрика была в тине, и была очень потной, как после долгой поездки верхом. Побег росянки, которые растут только на болотах, приклеились к копытам лошади. И только несколькими часами раньше женщина погибла в болотистой лесистой местности. Я искал следующие совпадения и, по меньшей мере, в случаях, о которых я знаю, Эрик всегда находился рядом. Катерина Англейд, например, в утро её смерти молодые графы отправились на охоту.

— Только это ничего не доказывает.

— Нет, но кто мог так хорошо надолго спрятать двух или нескольких бестий? Кто знал о любом времени запланированной охоты? Может быть, база находится в замке Бессет. Вероятно, об этом знают даже несколько графов или другие графские сыновья участвуют в охоте на людей.

Лафонт резко втянул воздух.

— Это утверждение может привести вас на виселицу, что вам, надеюсь, понятно?

— Но что, если я прав? Дворянин не может убивать!

«Безнадежный идеалист», — подумал Лафонт. Но адвокат в нём сразу же начал, как часовой механизм, искать зацепки и доказательства. И, к сожалению, доводы Томасы в этот раз не прозвучали как ошибочные. Лафонт вспомнил о необузданности месье Эрика, его деспотизме и жестокости по отношению к людям и животным. Неожиданно ему на ум пришло сообщение рыжего бородатого драгуна Барбароссы. Мужчина дал показания под протокол, что он слышал, как графские сыновья смеялись над охотниками из Нормандии.

Что Эрик ещё там говорил? *«Что бестия весело проведёт с ними время»*. И потом взгляд, которым Эрик осматривал мертвецов в госпитале — восхищённо и без сочувствия. *«Если Эрик был причастен к преступлениям, то это также бы объяснило, почему он никогда не нападал на аристократа или другое высокопоставленное лицо. Волки не убивают себе подобных. И несколько мёртвых девочек пастушков интересуют короля только тогда, когда репутация Франции находится под угрозой. После того, как волк из Шаз был застрелен, ни один человек больше не заинтересован в бестии и убийца свирепствовал»*. Жестокая логика.

— Вы должны следить за Эриком, — решительно сказал Томас. — Нанять людей, которые преследуют его по дорогам. Расставить караульных, шпионить, когда он покидает охотничий лагерь или замок. Вы должны послать в замок подставных лиц, которые в подвалах и подземельях отыщут собачьи логова.

— Только потом тайное расследование попадёт под сомнение. Вы понимаете, сколько

это стоит? — бормотал Лафонт больше самому себе. — Это сложно, я должен объяснить любой вопрос. И для этого я должен информировать графов, по крайней мере, д'Апхера, но он слишком тесно дружит с семьёй де Морангез...

Томас вскочил. Он выглядел так, как будто у него лопнуло терпение. Мужчина вытащил из сумки кожаный мешочек и нащупал в нем что-то: красивую золотую цепь с рубинами, в которой, однако, два отсутствовали.

— Тогда возьмите сейчас, чтобы заплатить людям! — крикнул Томас. — Это должно остановиться!

Можно было только радоваться, что Томас не принадлежал к крестьянам. Он был бы способен сразу организовать восстание.

— Я не решаюсь спрашивать Томас, откуда вы это взяли. Пожалуйста, скажите мне, что эта цепочка действительно принадлежит вам, и вы не выманили это украшение у каких-нибудь путешественников.

На мгновение он действительно испугался, что Томас утвердительно кивнёт. «Ну, интересно, что теперь я могу доверить ему все».

— Она принадлежала моей матери, — ответил Томас звонким голосом. — Я продал два рубина, которые потратил на путешествие и лошадей. Это была довольно длинная дорога от Парижа сюда, я избегал главных дорог, на тот случай, если меня ищут.

— Ищут вас? О, Господи, что вы только сделали?

Томас махнул рукой.

— Длинная история.

— Мне была бы также интересна короткая злободневная версия.

— Я оставил перед алтарём графскую дочь с её родственниками и моего оскорблённого отца, и подвёл месье де Буффона; и также потерял мою стипендию в Академии. И если, когда я вернусь, меня не убьют на дуэли, то меня ждёт *lettre de cachet* (прим. пер.: королевский приказ о заточении в тюрьму). Но до этого я найду бестию!

«Неудивительно, что каждый раз, когда я встречаю его, у меня начинает болеть голова», — в ужасе думал Лафонт.

— Вы с открытыми глазами испортили вашу карьеру и вашу жизнь? Я думал, что история Жана-ле-Блана научила вас учитывать все последствия, прежде чем действовать.

— О, я многому научился, — ответил Томас так серьёзно, что стал выглядеть ещё старше. — Прежде всего, это: иногда есть только один выбор, если вы не хотите продаться. И только один шанс, если речь идёт о жизни и смерти. Итак, вы можете мне помочь или нет? Мы поймаем зверя?

— Я не могу взять вас к себе в услужение. Вас могут узнать.

— Я знаю! Не беспокойтесь обо мне, я справлюсь. Но мне нужна ваша поддержка. И вам моя, если вы хотите тайно вести следствие. Потому что так вам будет удобно.

— Что вы планируете?

Томас упёрся руками в письменный стол и наклонился вперед. Его голубые глаза пылали как самая жаркая часть пламени.

— Поговорю с Каухемаром! — сказал тихо, но так настойчиво, что у Лафонта против его воли по спине пробежала дрожь.

— Поговорите? Вы не вытащите из него ни слова. И почему вы вообще этого хотите? Этот человек был ошибочным следом, он вам не поможет.

Томас улыбнулся.

— Возможно, это просто зависит от того, чтобы задавать ему правильные вопросы. И кто может видеть глазами безумца лучше, чем я?

Этьен Лафонт почти чувствовал, как внутри него пришли в движение шестерёнки из догадок и интуиций, как всегда, когда он чувствовал, что кто-то лгал или что-то скрывал. *«Томас знает больше, чем говорит!»* На мгновение у синдика мелькнула мысль взять его под стражу. Но потом он пришёл к выводу, что это больше навредит, чем поможет.

— Я не могу послать переодетого Ауврая в тюрьму Сог. Каухемар всё ещё строго охраняется. Вы должны удостоверить свою личность, я не могу колдовать документы.

— У меня есть документы! — горячился Томас. — Выданные на моё новое имя.

— Поддельные документы, ага. Позвольте спросить: купленные за рубины, которые вы украли у вашей матери?

Томас поморщился с кривой улыбкой на лице.

— Именно так, месье. И в Париже можно купить всё: поддельное завещание, документы, новое имя, и если потребуется, даже новую душу. Ну, да, она — единственное, что я ещё могу потерять.

Лафонт растерянно качал головой.

И, конечно же, вспыльчивый юноша понял этот жест неправильно.

— Вы ничем не рискуете! — яростно кричал он. — Сообщение вам прислал Жан Блан. Если я провалюсь, вы скажете, что никогда меня не видели и не знали, кто я. Ну, вы пустите меня в тюрьму к мужчине или нет?

«Ну, по меньшей мере, это не могло быть более невероятным. И я как раз участвую в преступных махинациях!» — ему стоило больших усилий протянуть руку к перу и бумаге.

Томас заморожено следил за тем, как Лафонт писал и запечатывал письмо.

— Только идите послезавтра, завтра городской консул Сог встречается с некоторыми *господами*, вас могут узнать. Растолкните моё письмо некоему Арфелю. Он управляющий тюрьмы. Он оставит вас с ним на полчаса.

Томасу стало так легко, что он побледнел.

— Спасибо! Вы не пожалеете!

Лафонт поймал себя на том, что хотел ответить на улыбку Томаса, но, к счастью, по-прежнему ещё владел собой.

— В этом, — сухо сказал он, — я сомневаюсь. Что вы планируете сейчас?

— Буду искать себе жильё. Возможно, в одной из хижин, в которых останавливаются *погонщики* мулов. И послушаю вокруг.

— Не делайте глупостей и сразу мне сообщайте. И никаких геройств по своему усмотрению, вы поняли?

Томас кивнул и схватил свою шляпу. Однако не решился её надевать. На мгновение синдик вспомнил того типа, который сжимал края шляпы, жестом фермера. Видимо, у него было что-то ещё на уме.

Лафонт откинулся назад и сложил вместе кончики пальцев. Он, как всегда, оказался прав.

— Ах, да, и впрочем... — сказал Томас через некоторое время. — Как дела... у сестры месье д'Апхера?

— У мадемуазель всё хорошо.

Лицо Томаса озарилось так, как будто он получил откровение. И неожиданно Этьен Лафонт вспомнил картину: обоих молодых людей и как они танцевали менуэт на празднике

д'Апхера, видимо, стараясь не смотреть друг на друга. Теперь он почти сам смеялся над собой. «Ты уже так застрял в своих параграфах и всех несчастьях, что забыл, что молодые люди сами стремятся в самой темноте подняться к свету?» Если это действительное предположение, то сразу становится понятной чрезмерная ярость маркиза д'Апхер к юноше. И теперь ему также понятно, почему Томас был изгнан из объятий графской дочери и из Версаля: бестия — да, но также ещё и кое-что другое. «Идеалист, вне закона, одной ногой в тюрьме и влюбился в д'Апхер», — думал Лафонт, покачивая головой. — «Если это не идеальное сочетание для светского самоубийцы!»

Поэтому он вложил всю свою строгость в следующие слова:

— Томас, я говорю вам по-хорошему. Ни в коем случае не разговаривайте с мадемуазель! Вы молоды и вам нравится смотреть на это по-другому, но речь здесь идёт не о сердечных делах, а о жизни многих людей. Вы нужны мне на свободе, понимаете? Если д'Апхер вас узнает, даже я не смогу вам помочь. Итак: вы дадите мне слово, что отдадите своё сердце полностью этому делу? — он протянул ему руку.

Томас был совершенно захвачен врасплох и поэтому покраснел. Но он был достаточно умён, чтобы не разрушить всё заверениями и отрицаниями. Вместо этого юноша кивнул и отрезал:

— Я не стану разговаривать с Изабеллой. И я обхожу стороной д'Апхер.

Потом он взял письмо для тюремщика и засунул себе в карман куртки кусок хлеба с изюмом. Юноша кивнул Лафонту на прощание, и выбежал. Он оставил свою цепь на столе. Этьен вздохнул, положил её в свою кожаную сумку и отыскал письмо Томаса. В нём были несколько поспешных строк: «Выгляните в окно» и рисунок гинетты. «Теперь я знаю, где мы её найдем», — стояло там же. «Вероятно, не в Англии, а здесь!»

«Что за расточительство», — подумал Лафонт, и покачал головой. — «Такой талантливый, пронизательный сыщик, и строит своё будущее таким безнадежным способом». В целях безопасности он ещё раз посмотрел на дверь, но потом позволил себе мгновение радости, от того, что Томас снова был рядом с ним.

Глава 32

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ

Вопреки начинающемуся лету, в монастыре Сен-Жульен-Де-Шаз чувствовалась прохлада. Но Изабелла всё равно всегда оставляла открытым окно своей комнаты. Несколько недель, которые девушка уже здесь провела, она снова и снова вспоминала, как отец забрал её отсюда несколько лет назад, чтобы отвезти в замок де Бескве. Его седые волосы показались ей тогда в отблеске света как серебряная корона. Аристид д'Апхер освободил дочь из тесноты этих стен.

Сегодня она чувствовала себя отправленной Жан-Жозефом назад в своё детство в монастыре. Изабелла снова чувствовала себя дикой горной девочкой, которая не имела ничего общего с монахинями, которые жили по строгим правилам святого Бенедикта.

Брат, кажется, полностью предоставил её семье де Морангез, у графини была полная свобода действий решать, где Изабелле находиться. У неё не было здесь ни служанки, ни слуг. Мадам де Морангез даже устроила так, чтобы во время трапезы она сидела отдельно от других девушек. Это как раз не нарушало созерцание и покаяние. Но, в действительности, и это Изабелла хорошо знала, дело было в её крестьянском происхождении, быть чёрной

овцой среди благородных белых овечек Бога.

Она занимала ту же комнату, что и в детстве. В тот же цвет были побелены и стены, но когда Изабелла проводила по определённому месту за своей кроватью, то могла почувствовать углубление, которое выцарапала почти шесть лет назад тайно своим кулоном с крестом в штукатурке: изогнутые волшебные знаки и извилистые листья. Днём она знала, что вопреки всему была всё ещё дочерью Аристиды, но ночами её посещала тёмная тень тёмного отца. Она вспоминала Жана Хастеля и его откровенную любовь к Терезе, которая превратила разочарование в горечь. Изабелла думала о его грубости по отношению к Бастьену и его властолюбию. В такие моменты она могла утешаться только воспоминаниями о Томасе.

Через узкое окно на её книгу псалмов падал солнечный луч. Скоро начнётся месса в часовне на берегу реки. Она погрузилась обратно в стихи, когда услышала слабую далекую мелодию. Девушка подняла голову. Её сердце было быстрее, чем ум, оно барабанило в неудержимой радости, пока Изабелла уговаривала себя, что не права и, должно быть, ошиблась. Но там, снаружи, по воздуху действительно летела песня Адриена, становясь громче со стуком копыт.

Книга упала с колен Изабеллы, когда она вскочила, но девушка не подняла её, а бросилась к окну. Из своей кельи девушка могла видеть крутые склоны, которые обрамляли зелёную, плодотворную долину реки Алье. Террасы, обнесённые каменной стеной, круто уходили вниз к посевным площадям для ржи и овощей. И дальше внизу, по широкой дороге от реки прибыл транспортный конвой и остановился перед боковыми монастырскими воротами. Он состоял из ослов и коренастых лошадей, которые были нагружены корзинками. Несколько монахинь поспешили наружу и принимали товары: бочонок вина для причастия, обёрнутые в платки головки сыра, кружевную ткань и холсты. Разгружали пятеро мужчин, а в стороне, недалеко, стоял кто-то с винтовкой на спине. Он медленно удалялся от группы, пока не достиг тени здания. Его взгляд блуждал в поисках по двору, а потом он снова засвистел.

Изабелла быстро достала своё рукоделие и выставила его из окна, размахивая готовой алтарной тканью как флагом. Адриен сразу обратил внимание. Песня умолкла, а он задрал голову вверх к ней. Изабелла указала ему на сад при монастыре, и тот коротко кивнул.

В три шага она была у двери и выбежала наружу. У неё было преимущество чёрной овцы не следовать за стадом, и девушка, стараясь быть незамеченной, бросилась вниз по лестнице и проскользнула мимо кухни. Всё же, как раз, когда Изабелла поворачивала за угол, то почти наскочила на монахиню, которая выходила из кухни.

— Девочка, куда ты идёшь?

К счастью, это была сестра Клер. Изабелле нравилась старая монахиня ещё тогда, когда она была ребёнком, у той было доброе сердце. Ей было тяжело обманывать женщину, но потом девушка решила, что причина для посещения сада не будет ложью.

— Я хотела перед мессой выйти в сад.

— Кто тебя послал?

— Никто. Но вдоль стены рядом с грядками с зеленью цветут дикие орхидеи. Моя мать любила эти цветы, и я хочу положить их ей на могилу.

— Ты всё ещё не научилась спрашивать разрешение. Но это не твоя вина, — Изабелла спросила себя, были причина в её происхождении или монахиня сказала это только потому, что её отправили сюда из-за ошибки. — Хорошо, тогда иди, но поторопись. Я тебя не

видела.

— Спасибо! — сказала Изабелла.

Она чувствовала, как монахиня смотрела ей вслед и должна была себя сдерживать, чтобы не побежать. Никто не обратил на неё внимания, когда она прокралась в тени здания и метнулась в сад. С неё спала монастырская прохлада, Изабеллу окружили аромат шалфея, жужжание пчёл и стрекотание цикад. Девушка добежала до западного конца сада, который лучше всего был защищён от любопытных взглядов. Там, между кустов лаванды, Адриен уже удобно лежал, опираясь на локоть и с веточкой лаванды во рту. Никогда ещё Изабелла не была так счастлива его видеть.

— Как дела? — тихо спросила она.

— У меня всё хорошо, мадемуазель, но как идут дела у вас? Они ведь не захотят до конца ваших дней тыкать вас носом в Библию? Было бы очень жаль!

Он подмигнул ей и вместе с тем рассмешил. Как всегда, когда Изабелла говорила с Адриеном, исчезала вся тяжесть и уступила место сверкающей настоящей надежде.

— Ты отправил письмо в Версаль?

К её бесконечному облегчению, он кивнул.

— Две недели назад, только он в отъезде.

— И что ты здесь делаешь?

Мужчина скривил рот и вздохнул.

— Мне срочно нужны деньги, поэтому я двинусь сейчас с арендованной лошадью и партией груза. Это не самая худшая работа.

— Эрик недостаточно тебе платит?

Очевидно, это был ошибочный вопрос, потому что тот помрачнел. Изабелла почти испугалась, насколько он показался ей чужим.

— Месье Эрик не платит. Он только берёт. И всегда именно то, в чём больше всего нуждаются. И при этом ухмыляется.

Даже не спрашивая дальше, она могла представить, что произошло. Эрик выгнал Адриена, конечно же, из-за какой-то ерунды, и скорее всего, не заплатив ему остальные деньги. Адриен вытащил веточку лаванды изо рта и задумчиво вертел её указательным и большим пальцами.

— *Val pas l'aiga que beu!* — бормотал он. — *Никчёмный парень.* Вы, в самом деле, должны выйти за него?

Они сидели рядом. В такие моменты Изабелла ощущала, что в присутствии Адриена она уже больше не была графской дочерью.

— Почему ты так думаешь?

Адриен пожал плечами.

— Только так. Месье Эрик постоянно говорит о том, что в конечном итоге вас получит. Недавно он говорил другим молодым господам, что вы будете не первой монахиней, которая окажется в его кровати.

Изабелла намеревалась больше не злиться на Эрика, но теперь лучше всего его ударила бы.

«*Picapebre!*» — подумала она. — «*Злобный болтун!*»

— Почему он так вами одержим? — поинтересовался Адриен. — Это он, не так ли?

Изабелла сглотнула. Не часто кто-то так непосредственно говорил с ней.

— Вероятно, то, что однажды, много лет назад, я его отлупила, — Изабелла улыбнулась

недоверчивому лицу Адриена. — Так и есть! Мне было десять, и отец взял меня с собой к мадам де Морангез в Ле Бессет. Эрик был в гостях и назвал меня чёрной ведьмой. Ну, тогда я была на голову выше него и легко обижалась.

Адриен одобрительно поднял брови.

— С удовольствием бы на это посмотрел! Держу пари, с тех пор никто не давал ему отпор. Но теперь я понимаю. Он не оставит вас в покое, мадемуазель. Такие люди как он, как бойцовские собаки. Они никогда не отпускают, когда раздражены, и скорее погибнут сами.

Изабелла вздрогнула. «*Эрик меня не получит*», — успокаивала она себя. — «*Мадам де Морангез позаботится об этом. Тот факт, что меня родила Хастель, защищает меня от моего наихудшего врага, кто бы мог подумать?*» Это был один из тех редких моментов, в которые она чувствовала себя в монастыре в безопасности и охраняемой.

— Я должна идти, — сказала она вместо ответа. — Спасибо, что отправил письмо.

С его улыбкой вернулась и лёгкость. Шрам в уголке рта стал светлее под натянутой кожей. Изабелла вспомнила о том, что он остался от ранения на войне. Об этом ей рассказывал Томас. И поняла, что потеряет не только друга, с которым она здесь и сейчас говорила, а вероятно, последнего человека, который был близок Томасу.

— Ну, пока, мадемуазель. Берегите себя! — он поднялся и отряхнул с брюк летнюю пыль. Теперь он стоял перед ней, только на расстоянии вытянутой руки.

— Адриен?

Он поднял голову. В солнечном свете его темные локоны проблескивали почти каштаново-красным цветом. В этот момент Изабелла подумала о светлых волосах Томаса и о его голубовато-серых глазах, которые смотрели также вопросительно, как у Адриена.

— Завтра я еду в Ле Бессет и оттуда в монастырь Сен-Флур, — тихо сказала она. — Вероятно... мы увидимся издалека.

— Надеюсь, что это так, — решительно ответил он. — А если нет: я всегда буду свистеть, когда буду проходить мимо замка или монастыря.

Вдали раздался церковный колокольный звон. Она ещё не могла позволить Адриену идти. «*Наверное, Мари его целовала*», — подумала она. — «*Также как и я Томаса. Тогда наши детские мечты осуществились, у нее был тёмный принц, у меня светлый, даже если и на короткое время*».

— Ты помнишь, когда видел Мари последний раз, Адриен? Она была счастлива?

— Она танцевала, — тихо ответил он и подошёл к ней. — Ну, мадемуазель.

Изабелла не сопротивлялась, когда мужчина почтительно и осторожно обхватил её. Он напевал танцевальную мелодию, которую она так хорошо знала, как часто Тереза с Мари и с ней танцевала в спальне, когда мужчин не было дома? Казалось, прошли столетия. Адриен качался под звуки колокола, подстраиваясь к наступательному звучанию. Это был странный магический момент, Изабелла закрыла глаза и представила, что это был Томас, который держал её в объятиях. Колокола зазвонили громче, напоминая о выполнении обязательств. Изабелла сбилась с такта и остановилась. Мягко, но твёрдо она освободилась из объятий Адриена.

— Тогда Мари определённо была счастлива, — сказала она.

Глава 33

СЛАДКАЯ МЕЛОДИЯ

Сообщения о последних нападениях были такими ужасными, лето было таким безоблачным, как будто сама природа хотела победить страх красотой. Томас удивлялся самому себе, что для него это было как возвращение домой. Запах буковых и еловых деревьев, жужжание насекомых на горных лугах окутывали его. Тёмные розы, идеальные гвоздики сменяли жёлтые купальницы с вкраплениями цветущего мака.

Для него было облегчением узнать, что Лафонт на его стороне. И не раз юноша повторял сухие слова синдика в своей памяти: «*Мадемуазель в порядке*». *Мадемуазель* — Изабелла была не замужем. Неважно, что он обещал Лафонту. Томас должен был увидеть её, хотя бы издалека. Но сначала путь вёл его в Сог.

У корзинщика, который жил на полпути в Поляк, он даже узнал кое-что о Бастьене. Мужчина знал почти всех *погонщиков* мулов, они часто останавливались у него, чтобы переночевать, чинить транспортные корзины или покупать новые.

— Бастьен Хастель? — ответил он на вопрос Томаса, — насколько я знаю, сейчас он живёт где-то в горах. С тех пор как его братья и отец вернулись из тюрьмы, Хастель сам не свой. Чисто стервятник, что там должно было произойти! Гостиница закрыта, хозяйка переехала к своей сестре в Веле.

Д'Апхер на самом деле отпустил Хастель из тюрьмы. Теперь он живо мог представить себе, что Бастьен предпочитал держаться от своей семьи подальше. «*Я убежал из своего отцовского дома дальше, чем он*».

— Бастьен ещё работает погонщиком мулов?

— Он совершает лишь редкие поездки. Чаще всего ходит на охоту. Графы хорошо платят за каждого волка и за бестию намного больше.

На следующий день Томас присоединился к конвою, который двигался в Сог. Даже на расстоянии он мог увидеть кавалькаду оседланных лошадей на площади перед церковью и больницей. По-видимому, преобладало ожидание перемен.

— Что-то случилось? — спросил старший *погонщик* мулов монаха, который как раз пересекал церковную площадь.

— Разве ты не слышал? — недовольно ответил брат. — Прошлой ночью зверь напал на женщину здесь, недалеко от деревни Ла-Роше. Поэтому сегодня снова происходит охота.

Дворяне в городе, только этого не хватало! Томас сразу спрятался между телами мулов. Из-под полей шляпы он решился только быстро взглянуть на площадь, и нырнул за поклажу позади следующего мула. Как раз из дома городского консула поспешными шагами быстро вышел Лафонт и взлетел на свою лошадь.

Томас помогал разгружать животных во дворе госпиталя. Только когда отзвучал стук копыт, и он мог быть уверен, что группа охотников скрылась, юноша взял свою лошадь за повод и пошёл подальше от центральных улиц в поисках квартиры. Мужчина послал его куда-то на подобии аренды конюшни, в заброшенной ферме на окраине, где путешественники часто оставляли временно своих лошадей. Однако квартира оказалась занятой, во дворе стояли несколько ослов, кроме того, несколько вьючных лошадей, которые ждали, чтобы их загрузили. Несколько парней выносили туго набитые мешки из конюшни и складывали их во дворе.

Лошадь Томаса потянула поводья и укусила осла за загривок. Осёл повернулся, лягнул, и Томас попытался руками разъединить животных.

— Эй! — один из парней резко остановился. Томас рассчитывал, что тот станет его сейчас ругать глупыми словами. Но парень просто бросил мешок на землю и подбежал к нему. — Разрази меня, дьявол! — разнеслось эхом от стен домов. — Это ты на самом деле?

Томас был слишком напуган, чтобы ответить. *«Из всех людей в этом мире я просто встречаюсь с ним, и как раз здесь!»*

Но Адриен был уже возле него.

— *Томе!* — кричал он и громко смеялся. — Какого чёрта тебя снова гонит к нам в Гефаудан?

Остальные мужчины посмотрели на них. Адриен без лишних слов взял у Томаса вожжи и повёл его лошадь подальше в тень стены.

— Ну, ты и выбрал себе ценную клячу, — издевался он. — И что с тобой произошло? Некоторые тёмные и седеют с годами, ты же наоборот.

— А ты? Что ты делаешь у погонщиков ослов? Разве ты не должен быть на охоте с Эриком?

Адриен пренебрежительно сплюнул.

— Эта проклятая *сволочь!* Я слишком часто не раз противоречил ему из-за собак, и он дал мне пинка. Ну, и чтобы мои сёстры и мать не умерли с голода, я должен доставать деньги. А ты не выглядишь так, как будто можешь позволить себе карету. Что с тобой случилось?

Томас лихорадочно думал. Было и без того поздно выдумывать новую историю, поэтому он немного изменил правду.

— У меня были трудности в Версале, и я должен был бежать, чтобы не попасть в тюрьму. Поэтому меня теперь зовут Жан, понял? Никто не должен знать, что я здесь. Мне нужно попасть в Монпелье.

Адриен округлил глаза.

— Что ты сделал?

— Сорвал свою свадьбу.

Адриен выглядел так, как будто бы это был он, и тут же разразится смехом.

— Мой Бог, женщина была такой безобразной? — вскричал он. — Ну, теперь и на самом деле, чёрт меня побери! Похоже, что мы теперь и братья по темнице, да? — он засмеялся и крепко обнял Томаса. Несмотря на все опасности, мужчина просто радовался тому, что снова видит своего друга.

— Пошли, я дам тебе вина, — сказал Адриен. — Мы отправляемся только в час.

Немного позже Томас сидел на окраине города и смотрел вниз в долину. Он и Адриен передавали друг другу кожаный мешок для питья, наполненный кисловатым вином. Его всё ещё пронизывал страх. Всё-таки Адриен был проводником собак Эрика. Но, вероятно, это был знак свыше, что он встретил его.

— Где теперь Эрик? — осторожно спросил он.

Адриен сделал пренебрежительный жест.

— На охоте, где иначе? С собаками, которые ему всё хуже повинуются. Ну, да, у него их только три. Одна от него убежала, и Думиаса он подарил для собачьих боёв одному из этих благородных тупиц. Я хотел бы забрать его себе, если бы даже заплатил за него, но... — Ему не надо было заканчивать предложение. Томас только кивал.

Адриен сделал глубокий глоток.

— Настоящий позор, — прорычал он. — У этого мерзавца как раз следует отобрать то,

что больше всего тревожит его — гнилое чёрное сердце.

Томас рассматривал своего друга со стороны. Он изменился. В его лице была какая-то грубая горечь, но, вероятно, это была игра света.

«*Знает ли он о бестиях?*» На мгновение Томас колебался, что окажется на тонком льду, но потом подумал о том, насколько Адриен ненавидел Эрика.

— У Эрика есть собственные другие собаки? — спросил он. — В замке Бессет? Или в Сент-Альбан?

— Боже упаси!

— Откуда ты знаешь, что у него никого нет? Ты уже бывал в подвалах его замков?

— Нет, никогда, что мне там делать? Красть вино? Нет, я был на кухне и в конюшне. Там наш брат относится к другим полезным животным, — он засмеялся, но прозвучало это не особенно весело.

— Ты должен был научить собак только тому, чтобы они повиновались Эрику? — спросил Томас. — И чтобы они выслеживали дичь?

— Ясно, это же охотничьи собаки. Когда они были маленькими, я позволял им тренироваться на моих кроликах и на лисьей шкуре, которую привязывал на верёвку позади лошади.

Он вздохнул и повертел мешочек для питья в своих руках, погружившись в свои мысли. Затем Адриен вернул его Томасу.

— Ну, дело прошлое. Ты остаёшься здесь в Сог или возвращаешься назад в Ла Бессет?

— Посмотрим. Зачем?

— Ну, да, в *«Белой Корове»* ты больше не устроишься. Трактир закрыт. Ты, наверное, слышал, что случилось с Хастель. Бастьен стал отшельником и охотится для месье Лафонта, вчера он промахнулся в бестию.

— Он встретил животное?

— Выстрел слышали и другие, но потом животное снова исчезло в подлеске. Некоторые говорят, что он только подстрелил одну лисицу и теперь вне себя.

«*Естественно, что трусу не верят*», — подумал Томас. — «*Это всё ещё старая игра*».

— Обещаешь, что станешь держать рот на замке, если я скажу тебе кое-что? — спросил Адриен через некоторое время.

— Мы же братья по темнице, не так ли?

Адриен прикусил нижнюю губу.

— Иногда мне кажется, что бестия — только вымысел, — сказал тот едва слышно.

Томас надеялся, что его друг не заметит, как его пальцы впились в мох на стене.

— Почему ты так думаешь?

Адриен провел тыльной стороной ладони по своему лбу.

— Считаю меня сумасшедшим, но всё это полностью подходит Эрику. Жестокость ко многим девушкам, которые стали жертвами бестии, он держал их перед смертью на прицеле. Всегда говорил о том, что сможет их иметь. Ты никогда не замечал, что он чаще всего находился поблизости, когда это происходило? А что, если это не животное? Во всяком случае, я никогда ещё его не видел.

— Ты всё-таки принимал участие в охоте.

Адриен энергично покачал головой.

— Только пару раз и только тогда, когда другие благородные охотники сопровождали верхом. Но Эрик часто путешествует один, — он неуверенно засмеялся. — Ну, да, наверное,

я вижу призраков, потому что ненавижу парня как чуму. Забудь, что я сказал!

«Я наверняка не забуду», — подумал Томас.

— Куда идёт ваш караван?

— Только назад в Ле Бессет. По пути мы доставляем сушёного лосося из Алье. Поставки стали дорогими, потому что большинство мужчин вынуждены сопровождать эскорт охотников на зверя.

— Где я найду тебя завтра или послезавтра?

— Когда я буду в Ле Бессет — у старой вдовы Паулет. Это не красивое зрелище, старая развалина, но добрая душа. Она знает мою мать и бесплатно даёт мне комнату.

Из дома напротив вышла женщина с красивым кошачьим лицом. В руках она несла корзину, полную яиц. Не глядя на Адриена и Томаса, она прошла через ворота и пошла вниз по улице к городу. Адриен осмотрел её с ног до головы и потом многозначительно толкнул Томаса. Он тихо просвистел несколько тактов песни, которая показалась Томасу знакомой. Женщина остановилась и осмотрела себя. Она слегка улыбнулась, но потом заметила, что Адриен был не один, и пошла дальше с высоко поднятой головой.

— Поймать мух на мед, и женщин на песни, — шепнул Адриен Томасу. — Это была Луиза Фулир. Самая красивая женщина в Сог. И замужем за болваном.

— Не думаешь, что ты наставишь рога? — спросил насмешливо Томас. Адриен не смог сдержать ухмылку.

— Ну, я с женами, ты с монахинями. Как считаешь, кто из нас двоих будет жарче гореть в аду?

— Как это понимать?

— Это означает: одна черноволосая красотка несколько недель назад хорошо заплатила мне за то, чтобы я отправил тебе почтой письмо. Теперь я себя спрашиваю, что должна была написать тебе графская дочь. Кроме того, та, которую так неожиданно отправили в монастырь. Ты тогда давал ей не уроки рисования? Во всяком случае, три дня назад, она не выглядела беременной, и выглядела приличнее, чем ты в этом наряде.

Томас почувствовал, как кровь отлила от его лица. Изабелла обратилась к Адриену? Теперь он вспомнил, что тогда объяснил ей, что Адриен его знакомый. «Надо надеяться, это не было ошибкой». И одновременно в нём был другой голос, который был растерян и абсолютно возбуждён. «Она писала мне! Она всё ещё думает обо мне!»

— Полагаю, ты проглотил свой язык, — ухмыльнулся Адриен.

— Было бы лучше, если бы ты проглотил свой.

Адриен поднял руки, как будто хотел сдать ся.

— Я только подумал, что ты обрадуешься, что у неё всё идёт хорошо. Даже если теперь она, к сожалению, зачахнет в монастыре.

— Где она? — слова вырвались прежде, чем он смог их сдержать.

— Прямо сейчас? Вероятно, в Ле Бессет. Но потом она отправится дальше в монастырь под Сен-Флур

«И вместе с этим Изабелла удалена от меня дальше, чем прежде». Голос разума говорил ему, что Изабелла была, по крайней мере, перед зверем в безопасности, и что он даже не мог думать о том, чтобы установить с ней контакт. Но тот импульсивный Томас, который выпрыгнул из окна, чтобы сбежать от Клер, был совсем другого мнения. «Дать о себе знать!» — подумал он. — «Она должна знать, что я здесь!»

— Адриен, ты можешь взять с собой для неё сообщение в Ле Бессет?

Его друг ухмыльнулся так широко, как будто бы выиграл в карты.

— Зависит от обстоятельств. К тому же, братья по темнице платят за такую услугу.

— Я дам тебе деньги.

Адриен звонко засмеялся.

— Это была шутка, *Томе!* Чёрт возьми, должно быть, дела у тебя плохи, — он спрыгнул со стены. — Дай мне несколько монет, если я должен буду кого-нибудь подмазать. И если будешь в Ле Бессет, принесишь мне!

Глава 34

ЛО ЛОП

Управляющий тюрьмой заставил его ждать почти два часа в кабинете, прежде чем, наконец, решил выполнить указание Лафонта. Чем ниже спускался Томас за охранником по лестнице, тем сильнее становилась его тревога. В противоположность бывшей тюрьме, в которой он отсидел своё время, та тюрьма прямо-таки была господским домом. Здесь, внизу, было сыро и тесно, и пахло плесенью. Пламя масляного светильника почти затухало во влажном испарении.

Смотритель остановился перед дверью.

— Не подходите слишком близко, — объяснил он, открывая дверь. — Этот сумасшедший — бешеный пёс, даже однажды укусил в руку смотрителя.

Дверь протащила по соломе, а затем Томас вошёл в прямоугольную камеру. Дверь закрылась. Каухемар даже не поднял голову. Он сидел, наклонившись вперёд, опираясь локтями на колени. Было слышно только его тихое, прерывистое дыхание. Гранитные ступени служили ему скамейкой и местом для сна, где на кольцо была прикреплена цепь. На её последнее звено были привешены ещё две, которые свисали с ножных кандалов Каухемара. Его волосы были теперь коротко пострижены, но Томас узнал бы старика сразу и в любом месте. *«И последний раз, когда я стоял напротив него, я тоже носил кандалы»*, — подумал он с щекотливым чувством.

— Ален Буле? — тихо спросил он. Мужчина не реагировал. Можно было слышать только шум его дыхания. Томас осторожно подошёл на один шаг, только один, затем пригнулся, чтобы посмотреть мужчине в лицо. Его глаза были закрыты. Это могло быть из-за чадающего пламени лампы, но казалось, что мужчина *нюхал* воздух раздувающимися крыльями носа.

— Каухемар? — громче сказал ему Томас.

Человек резко подпрыгнул вверх как пружина. Томас испуганно отшатнулся, споткнулся и упал. Он слышал лязг зубов и как ногти царапали камень. Цепь натянулась и задрезжала. Рывок сбил мужчину с ног. В воздухе взметнулись пыль и грязь. Они сидели на соломе друг напротив друга и тяжело дышали. Каухемар неподвижно на четвереньках, как готовый к прыжку хищник. Глубоко посаженные, чёрные, как у жука глаза, и такие невыразительные, как будто бы мужчина не находился больше в своём теле, были неподвижно направлены на Томаса. *«И я вообразил, что смогу увидеть его глазами? Ну, во всяком случае, мой отец держал бы меня среди таких же психов как Каухемар»*.

Томас отползал назад до тех пор, пока не прислонился спиной к стене. Ему потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. И ещё несколько долгих секунд, пока он не решился обратиться к этому существу.

— Мы виделись в лесу, — произнёс он, запинаясь. — И однажды в тюрьме. Помнишь? — он осторожно стянул с головы парик. Теперь, с короткими волосами, Томас чувствовал себя как отражение мужчины.

Каухемар узнал его. Вся его поза показывала это, и нетерпеливое выражение лица. Дрожащими пальцами Томас вытащил рисунки, которые подготовил. Это не была более тонкая бумага из Версаля, но он сделал всё возможное, чтобы вдохнуть на грубой основе жизнь в чёрного волка Каухемара: гордое и прекрасное дикое животное, который долгое время был на поляне наблюдателем. Томас осторожно подвинул картину в сторону мужчины.

— Он был прекрасен, чёрный король волков, — тихо сказал он. — Ты нуждался в нём и хотел защитить его, обезвреживая ловушки?

Каухемар медлил, но, наконец, после долгого времени, перевёл взгляд. старик оставался в застывшей позе, но Томасу показалось, что он увидел небольшое движение, возможно, удивление, а может быть, признание. Юноша осторожно взял второй портрет и положил его рядом с волком. Каухемар рядом с волком. Они стояли рядом как хозяин и собака. Каухемар был изображён как воин, полный достоинства и отважный, с сияющими волосами вокруг головы и мрачным взглядом. Так же, как он, вероятно, видел себя сам. По крайней мере, Томас надеялся, что найдёт дорогу к сердцу мужчины при таком изображении.

— Волк был ранен во время охоты в заднюю ногу, — продолжил он медленно и отчётливо. — Ты заботился о нём, и зверь доверял тебе и следовал за тобой, — впервые мужчина немного выпрямился.

«Он, в самом деле, понимает меня!»

— Они говорят, что твой волк был зверем. Поэтому они убили его. Но это был не он. Я знаю, что это не может быть он. Он был не виновен. Так же, как другие волки. Так же, как ты.

Каухемар снова застыл. Затем, когда прошла вечность, он слегка кивнул. Его взгляд упал на портрет волка.

— *Mon Lop.*

Даже, несмотря на то, что его голос был похож на рычание, Томас услышал окситанские слова. *«Мой волк»*.

Камень упал с его сердца. *«Он говорит со мной!»*

— Но бестия совершает убийства дальше. Ты видел её. И ты охотился на неё, не правда ли, Каухемар?

Мужчина вздрогнул и отполз назад, обхватил руками колени, как будто хотел удержать сам себя. Он что-то шептал, но Томас не понимал. Ему не оставалось ничего другого, кроме как приблизиться.

— *Que?* — спросил он мужчину. *«Что?»*

Мужчина откашлялся с рычанием глубоко в его горле.

— Каухемар — *Non!* *«Нет!»*

— Тебя зовут не Каухемар?

Покачивание головой. *«Так звался убийца, и Изабелла правильно запомнила!»*

— Хорошо, как я должен называть тебя? Алан?

Ответом было пренебрежительное сопение.

— Больше никаких имен.

Томас чуть не издал триумфальный крик. Он отвечал!

Парень достал третье изображение — знак, который мужчина царапал на коре деревьев. — Ты был рядом с убитыми и оставлял знак. Почему?

Что-то мучительное пересекло озабоченные черты, и на несколько мгновений в них появилось что-то волчье.

— Для *Lo Lora*. Волчьего Бога. Он наказывает за наши прегрешения.

— Так бестия — это... Бог Волков? — настаивал на своём Томас.

Мужчина скривил лицо, выпятил подбородок и согнул спину.

— У волков дикая, чистая душа! — выпалил он. — Они хорошие! Хорошие!

Томас почти увидел, что старик мог в любой момент закрыться, отвернуться и замолчать.

«*Смотри его глазами*», — приказал он себе. — «*Очевидно, что этот мужчина так сильно любит волков, что хочет спасти их любой ценой*».

— Да. Они хорошие, — убедительно сказал он. — Поэтому я здесь. Я хочу доказать, что они не совершали убийства. Потому что волки не нападают на людей.

Мужчина, который однажды был крестьянином Аленом Буле, резко поднял голову.

— Только иногда, — прошептал он. — Однажды в большой голод. Сорок лет назад. Люди уничтожили всю дичь, для волков не было никакой пищи. И на войне, на поле боя, или когда чума и могилы недостаточно глубокие. Тогда, да, они поедают наше мясо. Если очень сильный голод, мужчины на войне, а на полях только женщины и дети. Но только от голода и никогда от жестокости. Только если они в неистовой ярости и с пеной у пасти, потому что одержимы дьяволом, они бросаются на человека. Иначе нет. Мы — не добыча, мы бродим в вертикальном положении как другие охотники. Мы стоим на задних ногах как медведи. Они боятся медведей.

— И поэтому твой волк не мог быть бестией.

— Волки не убивают волков. Но люди убивают людей. Солдаты крадут души волков и... превращаются. В человека-волка. Смертоносные и дикие как волки, но жестокие как люди. Никакого сочувствия. *Это* — я, — он стукнул себя кулаком в грудь.

— Ты был солдатом. И наполовину человек, на половину волк? Без сочувствия к тем, кого убил? — и хотя при этом он сам себе казался жестоким, Томас попытался наудачу найти связь с убийствами. — И ты веришь, что твоя внучка, Жанна Буле, которая первой пала как жертва бестии, была тоже убита таким... человеком-волком?

Станный, подавляемый, жалобный звук проник из горла мужчины. Он крепко зажмурил глаза и оскалил зубы. Юноша снова почувствовал жуткий взгляд. «*Как будто он снова проваливался обратно в образ волка, чтобы забыть то, что он испытал в образе человека*», — подумал Томас с состраданием.

Он уже испугался, что Ален Буле теперь окончательно умолкнет, но мужчина боролся с собой и, наконец, к нему вернулось человеческое лицо.

— Это был *Lo Lop*! — казалось, что он с трудом произносил каждое отдельное слово. — Он приходит... в нашем образе. Как те, кем мы были на войне. И берёт у нас то, что мы взяли на войне у других. Он убивает как наёмник. Зуб за зуб. Одна жертва всегда хочет другую. И что вы делаете? *Batuda* — охоту облавой! Убивать больше, убивать своих детей ради мести. Он злится. Я иду к мертвецам и зову его изображением знака, жертвую феям и матронам зуб волка и прошу их успокоить его. Я спасаю его детей от засад и яда, чтобы он был милостив и больше не нападал на нас. Там, где мой знак, он никогда больше не убивает, — и снова его грубый голос надломился. Чёрные глаза отвернулись.

Томас достал картину, о которой, собственно, шла речь. С тревогой на сердце он положил её на землю между собой и Аленом Буле. Он показывал Изабеллу в кругу каштановых деревьев, лежащую на земле, как будто бы девушка спала, только один ботинок на ноге, а другая нога босая, как описала она сама. Томас дорисовал ещё на небе луну. Пелиссе, натертое воском *пальто*, было расстелено вокруг Изабеллы как после падения.

Томасу пришлось сглотнуть, так сухо было в его горле, когда он проговорил:

— Ты тоже был на той поляне. И встретил девушку и *его*?

Мужчина медленно возвращался как издалека. Он долго рассматривал место действия, и в его чёрных глазах загоралась искра страха.

«*Пожалуйста!*» — мысленно умолял Томас. — «*Ты единственный, кто знает, что произошло с Изабеллой*».

И затем, наконец, мужчина медленно кивнул.

— Видел, — пробормотал он. — Её и его.

В зеркало Изабелла больше не смотрела уже долгое время, каждый раз она наталкивалась взглядом на бледную, юную девушку, короткие волосы которой лежали как шапка из чёрной шерсти вокруг её головы. Она почти была рада тому, что смогла одеть утром одежду послушницы, капот с длинным платком, который падал ей на спину и, по меньшей мере, возвращал иллюзию длинных волос. Но для путешествий мадам де Морангез позволила ей простую коричневую амазонку, которая включала в себя треуголку и вуаль. Между тем, она находила неуместным носить корсаж вместо просторного широкого костюма. В сумке на пояске под юбками Изабелла носила ещё одну тайну — письма, которые писала длинными зимними ночами Томасу. Вероятно, ей удалось бы провезти их в монастырскую келью.

Дорога от замка Бессет до монастыря была длинной. Хотя они ехали уже два часа, но проехали только лишь короткую часть пути. Мадам де Морангез была слаба и болезненна, и спокойно ехала верхом на лошади, которая, казалось, была старше, чем она сама. Процессия производила впечатление движущейся колонны. Сейчас она сопровождалась, в том числе Эриком, до первого охотничьего лагеря у подножия Мон-Муше (*прим. пер.: гора во Франции*), где они сделают привал. Группу охватило нетерпение от звучащих вдалеке призывов. Там готовились к следующей охоте. Говорили, что вчера бестию обнаружили. Изабелла чувствовала, как Эрик наблюдает за ней со своей лошади с немой злобой.

«*Ну, это последний раз, когда ты видишь меня не в костюме монахини*», — думала она с упрямым удовлетворением. Изабелла знала, что вчера был спор между Эриком и её тётёй. Трудно было услышать, шла ли там речь о ней, но мадам строго защищала запрет на брак, который вынес Жан-Жозеф д'Апхер своей сестре. И она упорно отказывалась вступить в переговоры с Эриком.

«*Если бы Эрик знал, что связь со мной разбавит благородную кровь де Морангез*», — думала Изабелла. Она так мало любила мадам де Морангез, но всё же чувствовала благодарность и уважение к её лояльности, и скрытности даже по отношению к собственной семье. И восхищалась её хрупкой старушечьей волей, чтобы лично сопроводить свою протезе в большой монастырь, за много миль от дома.

Изабелла избежала взгляда Эрика и поправила кожаное крепление винтовки, которое было прикреплено к её седлу. Даже мадам де Морангез знала, что Изабелла умела стрелять лучше некоторых других охотников, и приказала ей, чтобы она взяла с собой в путешествие

ружьё. Так как путь проходил среди охотничьей территории бестии, это было чрезвычайно умным решением.

Изабелла блуждала взглядом по зелени на краю каменистой дороги. Уже долгое время она ловила себя на том, что высматривала Адриена. Отчаянно девушка внимательно прислушивалась, в надежде услышать ещё раз песню, как последний признак жизни, прежде чем за ней хлопнутся монастырские ворота как крышка гроба. Также теперь она стремилась воспринимать в себя каждую деталь, каждый запах, каждый тихий звук леса, чтобы позже этим жить. Несколько выстрелов раздались совсем близко, и крик где-то в горах. Изабелла едва смогла подавить желание побежать. Эрик сделал знак, все придержали своих лошадей и остановились. В подлеске затрещали ветки, когда оттуда вышел мужчина и направил на них винтовку.

— Мы загнали несколько волков. И собаки взяли след.

— Как далеко ещё до лагеря? — спросил Эрик.

— Ещё полмили, месье.

Перспектива передышки торопила даже мадам де Морангез. Изабелле полегчало от того, что она, наконец, могла пришпорить лошадь. Лошадь под ней напрягла свои мышцы, когда понеслась рысью в гору, между елей и вдоль буков. И затем, Изабелла не могла дольше сопротивляться. Она перешла в галоп и пролетала над каменистой землей. Девушка слышала окрик Эрика, когда обогнала обоз, затем он догнал её и мчался рядом с ней. Но даже это окупало её чувство, чтобы почувствовать ветер в лицо.

Лагерь был не более чем огромной палаткой в долине между густым лесом и неровными, каменистыми холмами. По воздуху развеялся пороховой дым, несколько слуг заботились о потных лошадях. Изабелла неохотно остановила свою кобылу.

— Винтовка тебе идёт, Красавица! — крикнул он ей. — Лучше чем безобразный наряд монахинь!

— Каждый может быть оружием для себя, чтобы держать зверей всех видов на расстоянии, — ответила Изабелла с приветливой улыбкой. Теперь было действительно приятно видеть, как он был в ярости. Один из мужчин помог мадам де Морангез с лошадью. Эрик мог только лишь безучастно смотреть, как Изабелла сама соскользнула с седла. Она взяла своё ружье и перекинула ремень через плечо.

— Удачи на охоте, — сказала она. Эрик настолько сильно стиснул зубы, что выступили его челюстные мышцы. Он поклонился кивком головы, дал знак своим людям и безмолвно помчался прочь.

Изабелла вздохнула и повела свою лошадь к деревянной постройке возле палатки.

— Мадемуазель? — в подлеске стоял погонщик с палкой, пожилой человек с водянистыми глазами. Должно быть, пришёл из леса. Он осторожно и со значением наблюдал оттуда за мадам де Морангез и Изабеллой, а затем шагнул ближе к голове лошади.

— Это для вас, — шепнул он ей. — Я должен отдать это вам, чтобы никто не видел.

Он раскрыл ладонь. Там лежал маленький предмет, обернутый в клочок бумаги и зашнурованный длинным стеблем травы. *Письмо*. За одну секунду корсет показался ей слишком узким, чтобы дышать. Изабелла поспешно взяла предмет. Тот был очень лёгкий. Она молниеносно сунула его в рукав.

— Кто тебе это дал?

— Какой-то парень. Только что. Там, позади, — погонщик ткнул пальцем через плечо.

«*Адриен здесь! Совсем рядом!»* Изабелла пальцами вытащила монету, которую вжала мужчине в мозолистую руку. Затем она волей-неволей должна была идти в палатку. Мадам де Морангез лежала больше, чем сидела в кожаном кресле. Она закрыла глаза и выглядела настолько истощённой, что вызывала у Изабеллы небольшое сожаление. Девушка принесла старой даме бокал воды и опустила занавес, чтобы её глаза могли отдохнуть. Наконец, в никем не замеченный момент, она смогла под защитой занавеса вытащить из рукава письмо Адриена.

Изабелла дёрнула за траву и маленькая бандероль распалась. Это был кусочек отточенного угольного карандаша и отросток незабудки, наполовину высохшей и покрытой краской от угля. Уголь также окрасил рисунок, но всё ещё можно было рассмотреть. Никаких слов, никакой подписи, но рисунок был как поцелуй. Томас изобразил башню. На самом верху, в окне башни, с острыми фронтонами, сидела белая кошка и, кажется, подмигивала ей. У подножия башни стоял некто, не принц, а путешественник с дорожным посохом и в чёрной шляпе. Осанку она узнала бы сразу среди тысяч. Он поднял голову к кошке. На глазах девушки выступили слёзы, ей пришлось закрыть рот рукой, чтобы не всхлипнуть. «*Томас вернулся! Это он отдал сообщение погонщику? Может быть, он сейчас наблюдает за лагерем?»*

Её рука дрожала, когда она снова заворачивала карандаш в рисунок и засовывала обратно в рукав. Конечно, он не мог позволить себе быть замеченным в лагере, а также и поблизости у замка.

Мадам де Морангез опустила голову на своё плечо. Она задремала. Изабелла вышла с обратной стороны палатки и осмотрелась. Ей повезло. Мужчина, который охранял обратную сторону, сидел на поваленном дереве, отвернувшись от неё, и налаживал ударный кремниевый замок на своём ружье. Она подобрала свои юбки и затем беззвучно проскользнула наружу.

— Я проснулся, — бормотал Ален Буле. — В хижине отшельника. Волк был обеспокоен. Что-то пробежало мимо хижины, и шерсть моего волка поднялась, и затем он выбежал наружу и исчез в лесу. Убежал. Но я знал, что он придёт.

Томас невольно вздрогнул. Казалось, в тюремной камере становилось холоднее. Перед собой он увидел хижину, разрушенный колодец. Там прятался Ален, чтобы заботиться о волке.

— И потом?

— Потом раздался крик, — сказал Ален глухим голосом. — Такой же, как кричала моя Жанна. Я думал, что Бог простил меня, но знал, что он не простит, никогда! Он оставил нам для мести большого волка.

— Ты услышал крик, и потом?

— Я пополз оттуда — по склону на четвереньках. Там было рычание, и девушка кричала и боролась. После войны я поклялся никогда не брать пистолет, но тогда я взял камень. Но потом крик прекратился. И затем я увидел, как она лежит на земле, бестия стояла рядом с ней, как демон на четырех ногах с хлещущим чёртовым хвостом. Она повернула голову, и я увидел её глаза. Они светились в лунном свете. Я закрыл свое лицо руками и бросился на землю. Я молился Деве и матронам, и Сидоне, хозяйке леса, покровительнице девушек. Я на коленях умолял *Lo Lora*, чтобы он пощадил эту кровь, лежа лбом на земле, я безмолвно умолял.

Старик задыхался и успокоился только через некоторое время, и затем тише продолжил:
— И *Lo Lor* пел для меня и шептал, это было одновременно и рычание и человеческий голос. Когда я решился посмотреть вверх, *Lo Lor* преобразился. И ушёл прочь как человек на двух ногах.

«*Он пел для меня*». Слова неприятно касались Томаса, как липкая сеть. Он не знал, почему ему сразу вспомнилась маленькая Камилла, как она сидела ночью на стене сада в ночной сорочке.

— А потом? — прошептал он. — Женщина была ещё жива.

Ален Буле кивал.

— Он услышал мою просьбу. Эту он пощадил. Она не могла говорить и была ранена в шею и в лицо, но она разглядывала меня, когда снова засыпала. Я поднял её на свое плечо и отнёс к замку, где бы её нашли, — его голос был только шёпотом.

— Этот человек здесь? — это был последний портрет. Изображение Эрика рядом с волкодавом.

Ален покачал головой.

— У него много образов, — бормотал он. — Такой как этот здесь, — он поцарапал ногтем по собаке. — Но ночью он оборачивает его в образ человека.

Томас едва мог скрыть своё разочарование. Снова никаких однозначных доказательств.

— И... песня? — спросил он.

Изабелла услышала тихий свист в тоже время, что выстрелы и собачий лай, которые донёс до неё юго-западный ветер. Облавная охота, очевидно, передвигалась в гору, дальше от охотничьего лагеря. Итак, загнанные животные бежали в горы. Изабелла крепче схватила своё ружьё и прислушалась. Свист был тихий и звучал вдалеке. Но она думала, что узнает отрывок песни Адриена, последовательность звуков, предчувствие мелодии. В подлеске послышался шорох шагов. Она оглянулась назад через плечо. Сквозь зелень девушка ещё могла рассмотреть светлый материал палатки. И снова она услышала удаляющийся, манящий тихий свист.

«*Итак, это Адриен*», — подумала она. Девушка была поражена от того, что разочаровалась отсутствием Томаса. «*Но если все же, это последний шанс увидеть его вновь. А что я теряю?*»

Изабелла подчинилась и пошла дальше, взведя курок заряженного оружия. Справа от нее круто взмыла ввысь скальная стена, но под ней она натолкнулась на дорогу, часто используемую людьми. Надломленные ветви и взбороненная земля показывали, что кто-то ездил здесь в последнее время. Она отважилась продолжить путь и, наконец, обогнула скалу.

Никакого Томаса, вместо этого маленький дом. Покрытый мхом, с заколоченными гвоздями ставнями, вероятно, когда-то это было жилище лесорубов или хижина отшельника. Её сердце дрогнуло, когда снова раздался свист. На этот раз он был монотонный, без мелодии, как будто певец должен был постоянно вдыхать воздух. Казалось, что он исходил из дома.

Снаружи слышались шаги. Очевидно, надзиратель находился поблизости, и гремел тяжелой связкой ключей.

— Песня! — настаивал Томас.

— Я следовал за ней после смерти Жанны, — глухое бормотание Алана едва ли можно

было понять. — Его следам. От убийства к убийству. От моего дома в Ле-Хубак. И потом, в Шабаноль, где умерла бедная Анне Танавель, там я поговорил кое с кем: старуха Анне, слепая *меме*. Она слышала меня, хотя я и скрывался. И рассказала мне о своей Анне. Была такой же жизнерадостной, как и моя Жанна. Бабушка рассказывала, что её девочка потеряла своё сердце. Была обручена с одним, забыл его имя. Бабушка также слышала мужчину-волка в ту зимнюю ночь, когда умерла её внучка. Она выбежала, когда слышала крики. Но не могла помочь своей внучке, но наверху, на горе *меме* слышала песню. Она говорила, он насвистывал это для неё, чтобы она узнала его. Так старуха узнала, что это не Бог, который поражает нас этим испытанием. И когда я снова слышал песню, то понял, он также предупреждал меня. Он насмехается над нами при помощи детской потешки. Поэтому предостерегает нас.

Алан ударил руками по своему лицу, качаясь вперед и назад. Лучше всего Томас бы сейчас схватил его за руки и потянул их вниз, но он всё ещё остерегался слишком близко приближаться к мужчине.

— *Никто не знает моё имя*, — повторил Ален без мелодии. Потом неожиданно его грубый голос стал хныкающим.

В камере рядом можно было услышать какой-то грохот, мужчина причитал и зритель отвечал грубым басом. Ален вздрогнул и согнулся, как будто бы какая-то неведомая сила заставила его вернуться назад на четвереньки, в облик волка, в котором он укрылся.

«*Не сейчас!*» — в отчаянии думал Томас. — «*Не сейчас!*»

Тихий монотонный звук неожиданно умолк, когда Изабелла появилась у дома. Она почти прошептала имя Томаса, но что-то её остановило, предчувствие того, что в хижине стало слишком тихо, как будто бы всё перестало там дышать. С винтовкой в руках, она на цыпочках скользнула к окну. Ставня была разбита, там зияла узкая щель. Изабелла осторожно осмотрелась оттуда по сторонам.

Пыль танцевала в немногочисленных тонких лучах света, которые падали в комнату через щели и дыры в стенах. На гнилых балках лежала серая пелена паутины. И там, на земле, в тёмном углу двигалось что-то призрачное. Существо подняло голову. Слабый луч света упал на глаз. Тёмный зрачок, окруженный горящим красным цветом радужки, обрамлённый тёмной косматой шерстью. Блеснули белым цветом клыки, и последовавшее затем угрожающее рычание заставило пробежать холодок по спине Изабеллы.

За секунду она поняла, что слышала не человеческий свист, а высокий свистящий визг животного, и прицелилась. «*Бестия ранена*», — подумала она. — «*Её подстрелили, и здесь она спряталась*». Казалось, что щрамы веревками стягивают ей горло. Но в то время, когда одна её часть всё ещё была неподвижной от ужаса, другая часть действовала трезво и обдуманно. Она толкнула ствол через щель в окне и прицелилась твёрдой рукой — прямо между глаз бестии.

Томас вскочил и схватил мужчину за тонкие запястья, дёргая его на колени.

— Оставайся здесь, Ален! — заклинал он его. — Что за песня? — запах пропитанной потом кожи, почти лишил его дыхания. Только теперь, в непосредственной близости, Томас понял, что Ален вовсе не жалобно стонал, а пел в свои руки.

Затем он остановился и поднял голову.

— Теперь я снова знаю, — старик сказал это так деловито, как будто вёл до этого совсем другой разговор. — Бартанд. Так звали парня, с которым была обручена Анне, — и когда шаги зрителя ненадолго затихли перед дверью, он спел несколько строк мелодии, которую Томас знал слишком хорошо. — *Avoit mis, avoit mis dans sa cervelle, que Ricdin — Ricdon je t'appelle* (прим. пер.: *запомни, запомни этот звук, Рикдин-Рикдон меня зовут*).

Мысль зажглась как предупреждающая искра. «Как животное может закрыть за собой дверь?» Но в ту секунду, когда она поняла, что упустила что-то существенное, ее поразил сильный удар куском гнилого дерева изнутри, как будто кто-то со всей силы врезал по оконным ставням. Ставни раскололись, ствол ружья, который теперь был зажат в зазубрине, рванули у неё из рук, кто-то схватил ружьё изнутри. Прежде чем она смогла среагировать, приклад отскочил высоко на древесину и ударил ее по щеке. Изабелла качнулась в сторону и упала. Плотные стоящие деревья, скалы и дом выполняли перед ней покачивающийся сумасшедший танец. И в чёрном окне проёме вместе с ними танцевало лицо. Она хорошо его знала. И это был не Томас.

Глава 35

В ЗАМКЕ ЗВЕРЯ

Когда девушка вернулась в сознание из смутной, пульсирующей темноты, то погрузилась в другую черноту, Изабелла знала, что она никогда снова не забудет: слова, с помощью которых искала потерянные фрагменты своей жизни. Вечер в лесу, в который она заблудилась: сопение бестии в затылок, огромная тень и затем челюсти как тиски. Глаза бестии над ней, и расплывчатое лицо как таинственное двойное изображение. Теперь она знала, кто вытащил монстра обратно. И вспомнила о том, каким утомительно бесконечным было дыхание и каким холодным, и всё же таким жарким, на её коже. Она снова слышала шёпот в своем ухе:

— В следующий раз я убью тебя. Так что держись подальше от Каухемара!

Кровь ударила ей в голову, когда она судорожно пыталась перевести дыхание от охватившей её паники. Когда Изабелла захотела открыть глаза, то заметила, что матерчатая ткань плотно намотана на её голову. В висках стучало, щёки сводило, Кляп из ткани во рту напоминал по вкусу мыло, кидая её туда-сюда в удушливый кокон из ткани и тепла. Искушая судьбу, она попыталась вытянуть вперёд руки, чтобы наступить ногой, но поняла, что была связана, как коза на рынке скота.

Девушка дёрнула за путы и почувствовала в рукаве угольный карандаш. Ей удалось вытряхнуть его наружу, и она ухватила его пальцами. Горькая паника стихла и снова освободила место для мыслей. «Он здесь, Томас здесь, и они будут меня искать. Конечно, они давно заметили, что я исчезла из лагеря...»

Но, к сожалению, Изабелла не слышала ни одного выстрела, ни голоса, только очень далеко, приглушённо сквозь ткань, что-то вроде журчания.

Её голова всё ещё гудела от удара приклада винтовки, и теперь Изабелла знала, где была пленена: она лежала втиснутая в большую корзину, и качалась на верёвках на выючном животном, которое её несло. Собственный вес вжал девушку обратно в корзину, выючное животное поднималось на крутую часть горы, корзина дёрнулась, когда животное споткнулось и качнулось. Послышалось визжание. «Бestia! Он перенес её из хижины!»

Она задрожала и представила себе, что та лежит в другой корзине, может быть, немного на расстоянии вытянутой руки.

Прошла вечность, прежде чем выючное животное остановилось. Изабелла испуганно втянула воздух, когда упала, корзину опустили на землю. После девушка почувствовала, несмотря на матерчатую прокладку юбки, как её тащили по скале. С бешено бьющимся пульсом Изабелла внимательно слушала. Копыта стучали, что-то протащили мимо неё. Древесина билась о камни. Прошла вечность, во время которой Изабелла ещё раз пыталась освободиться, рука схватила её за талию и вытащила из корзины. Давление пут ослабло, она смогла вытянуть ноги и подняться. Юбки снова расправились и, наконец, свежий прохладный лесной воздух устремился ей в легкие.

— Поднимайся, — сказал шепчущий голос ей в ухо, который снова поднял в ней панику. Теперь оковы также ослабели вокруг лодыжек, и Изабелла с трудом встала на ноги. Поскольку девушка уже двинулась вперёд, то шаг за шагом ощупью искала дорогу, в гору онемевшими покалывающими конечностями. Брызги воды ударили ей в лицо, журчание было звуком небольшого водопада. Она лихорадочно обдумывала, где находилась. Изабелла не могла бы сказать, как долго уже ехала с похитителем. Во всяком случае, дорога вела высоко вверх, здесь наверху пахло елями и пихтами, должно быть, они были в верхних областях Мон-Мошет. Но в горах имелось слишком много водных потоков, чтобы она смогла догадаться, куда он точно её отнёс.

— Теперь я сниму тебе путы с рук. Делай точно, что я говорю, иначе ты сорвёшься. Один ошибочный шаг...

В качестве доказательства он наступил на камень, и Изабелла могла услышать, как тот отскакивал от базальта в глубине. Теперь девушка покрылась потом. Она сглотнула и кивнула в знак того, что поняла.

Затем её руки также освободились от верёвки, и Изабелла почувствовала холодный, плоский металл на своей шее. До сих пор было легко быть благоразумной, но теперь её колени подогнулись, и она чуть не присела.

«Оставайся спокойной!» — приказала Изабелла себе. — «Он мог бы убить тебя, но этого не сделал. Вероятно, всё-таки есть шанс, может быть...»

— Стягивай толстую верхнюю одежду, — сказал мужчина ей. — И длинные юбки!

Изабелле казалось, что она как будто бы издалека наблюдала за другой Изабеллой, как она дрожащими пальцами развязывает ленты и выskalъзывает из *манто*.

Тяжёлая нижняя юбка также упала с её бёдер, и ещё следующая, более тонкая, из светлого полотна. Она могла бы заплакать, когда он взял у неё поясную сумку со всеми письмами Томаса. Наконец, Изабелла осталась только лишь в своём корсаже, и доходящей до икр нижней юбке, всё ещё сжимая в руке мел и бумажные полоски. Он не снял с её глаз повязку, но положил на плечо свою руку и толкнул немного вправо, пока она не ударилась о влажное дерево.

— Ты высоко поднимешься. И не трогай повязку на глазах.

У неё не было другого выбора.

Изабелла протянула руку и нащупала неровную скользкую стену и перед ней грубо сколоченную лестницу из ветвей. Дрожа, она поднималась вверх, ступенька за ступенькой. Он был невыносимо близко позади нее, чтобы защитить от падения, его колено натолкнулось на её подколенную впадину — это была близость, которая раньше внушала ей доверие, и вызывала отвращение прямо сейчас. Одно мгновение Изабелла подумала пнуть

его в надежде на то, что тот упадёт в глубину, но затем она отвергла эту идею. «*Он ожидает попытки побега. И у него есть нож*».

Ее пальцы снова натолкнулись на выступ каменной стены, Изабелла пошатнулась и искала опору, и сквозь волосы угольный карандаш скользнул у неё из руки. Ей удалось его удержать, но бумага упорхнула. Изабелла молилась, чтобы её мучитель не увидел, как она поспешно нарисовала знак на скале. И всем сердцем девушка умоляла, что бы он быстро не стёрся. Потом она потянулась дальше.

Изабелла не могла сказать, как долго искала дорогу в неровных выступах и грубом камне. Вокруг было эхо, и постоянно шумела вода. Неожиданно девушка действительно его почувствовала: запах. В тысячу раз сильнее, чем в её воспоминаниях, едкий и невыносимый. Шерсть! Собачий питомник. И дыхание с высунутым языком. Похититель, кажется, почувствовал, что она напряглась, и как встал дыбом каждый волосок на её руках.

— Не вздумай кричать, когда я выгашу у тебя кляп! — сказал он тихо, но угрожающе. — Мои животные надрессированы на крик. Они тогда сразу бросаются на человека, прежде всего, если достаточно голодны. До тех пор, пока ты спокойна, они ничего тебе не сделают.

«*Это происходит не со мной*», — кричало в её голове. — «*Это сон. Только сон*». Но теперь ещё и другое чувство присоединилось к страху — бесконечное разочарование, растерянность и жгучее возмущение.

Он потянул её в сторону и в следующее мгновение рот Изабеллы был свободен от кляпа.

— Почему ты делаешь это со мной? — она едва осмеливалась шептать, но не могла промолчать. — Наша дружба никогда для тебя ничего не стоила?

— Если бы это было так, то ты сейчас была бы мертва, — рявкнул он на неё так грубо, что девушка вздрогнула. Изабелла никогда не слышала в его голосе так много ярости.

— И на поляне возле Ле Бессет тебе повезло, что кобель был не один на дороге. Он прикончил бы тебя, графская доченька, так или иначе.

— Я чуть не умерла!

— В этом ты была виновата сама, — его голос дрожал от с трудом подавляемого гнева. — Ты думаешь, я мог позволить себе мёртвую дворянку? Я видел, как лошадь сбросила тебя и оставила позади, и как ты осталась лежать. Кобыла пробежала перед нами. Я хотел оставить тебя одну и уйти, но ты подбежала прямо к тому дереву, за которым я стоял. И, конечно, тебе обязательно понадобилось кричать. Тогда кобель побежал мимо меня.

«*И ты не виновата!*» Было почти облегчением, почувствовать, наконец, рядом с ужасным бессилием, гнев.

— Почему ты это делаешь? — выпалила она. — Все эти люди, ты, что — монстр? Мари доверяла тебе. И...

Нож так резко и плотно прижался к пульсирующей жилке на её шее, что она замолчала.

— Не говори здесь о Мари! — прорычал он.

Мужчина часто дышал. Его рука дрожала, и Изабелла поняла, что он не только зол, но также раздражён и рассержен. «*Я спутала ему планы! Я не могу его провоцировать!*»

Канат задевал лодыжку. Он снова её связал. Изабелла попыталась сопротивляться, но на шее был нож, чуть выше шрама. Картина отца, Аристиды д'Апхера, появилась за её сомкнутыми веками в пульсирующей темноте. Истории, которые он рассказывал ей у костра и уроки для воина, которые упоминал: авантюрные отчёты о победах и военные хитрости

ловкого бойца. *«Начинай с маленьких шагов, ищи самое маленькое преимущество и используй его»*, — она слышала его глубокий, немного хриплый голос. — *«Если ты сдашься — ты проиграешь. Но пока ты дышишь, надежда есть всегда»*. Аристид гордился дочерью, которая охотилась лучше, чем мужчины и жадно впитывала каждую его историю. Но теперь его совет просто звучал бесполезно и попусту.

Похититель протиснулся позади девушки, более ощутимый, чем слышимый, и прижал руки Изабеллы у неё за спиной. *«Как будто я его добыча»*, — подумала она с отчаянием. Но в то же самое мгновение инстинктивно кое-что сделала, что Изабелла уже давно выучила, играя с Мари и деревенскими детьми, когда они все были грабителями и героями, которые ловили злодеев и привязывали их к деревьям бечёвками от коров. Как и тогда, Изабелла сжала обе руки в кулаки так, чтобы её запястья были затянuty крест-накрест. Она осторожно напрягла свои плечи и откинулась назад, согнув руки в локтях. И как это было тогда, девушка сказала себе: *«Говори! Отвлеки его!»*

— Твоё... животное сильно ранено? — тихо спросила она.

— Не так тяжело, чтобы оно не смогло бежать или укусить.

Изабелла держалась так плотно к нему, как могла, когда он стягивал верёвку. Мужчина закрепил по-походному последний узел и прижал девушку к земле. Повязку с неё он не снимал.

Тишина была пугающей. В мыслях она видела его перед собой, с ножом руке, лихорадочно обдумывающего, что с ней делать. Её судьба висела на волоске. *«Что бы сейчас сделал Томас?»* — подумала она и сама себе дала ответ: — *«Разговаривать о том, что для него важно, чтобы отвлечь и успокоить»*.

— Что... это за животное такое? Оно особенное. Я никогда ещё не видела ничего подобного. Это не волк.

— Нет. Но в нём течёт кровь волка. Поэтому ты не услышишь лай. Сука одичала и убежала. Я должен был подстрелить её, но мне потребовалось два дня, чтобы её выследить.

— Ты ранил своё собственное животное?

— Оно не слушалось, — сухо пояснил он. — Я принёс его туда обратно. Оно мне не нужно, если охотится без меня. Когда-то оно последует сюда ещё раз.

Изабелла сглотнула. *«Говори дальше!»*

— Где... ты достал его?

— Первая с войны, — его слова едва можно было понять. — Рыжая была собакой, какой ты никогда ещё не видела. Принадлежала наёмнику, который заработал себе состояние на ставках на собачьих боях. А иногда он брал рыжую на поле боя. Она быладрессирована опрокидывать врага и перекусывать ему горло. Он показал мне, как дрессировать этих собак для нападения и борьбы и как защитить их от травм. Он пал в бою, и я забрал рыжую. Она была беременной, возможно, от волка. Сбежавшие ночью на поле битвы. Поэтому двое здесь — метисы.

«Так их две!»

— А где... эта рыжая?

«Она бродит где-то вокруг?»

— Умерла. В мае прошлого года, — донеслось глухо из темноты. Теперь Изабелла вспомнила о встрече с Эриком ранним вечером, когда она хотела к Мари. Графские сыновья рассказали ей, что подстрелили бестию, и та едва ли выживет.

— Она и в самом деле не выжила, — утвердительно сказала она.

— Нет, она могла спрятаться только в одном моём убежище, — послышался приглушённый ответ. — Когда я выслеживал её позже с кобелем, она попала мне в руки.

В его голосе была скорбь. И это было также опасно, как и гнев. Искажённый взгляд в пропасть, в тёмный мир, куда она не хотела смотреть даже в кошмарных снах.

— Это война сделала тебя таким жестоким? — прошептала она.

— Жестоким? — он насмешливо рассмеялся. — Война научила меня тому, чтобы я был настоящим. Она сделала меня Каухемаром! — было что-то восторженное в интонации, как будто это опьяняло его самого.

У неё снова по спине пробежал холодок. Девушка не понимала всего этого. Этот ужас не подходил лицу, которое она знала, не к человеку. *«Я совсем не знаю его! Совсем не знаю!»* — подумала она.

— Почему ты печалишься больше о собаке, а не о Мари? — прошептала Изабелла. — Как ты можешь забыть всё, что было? Это никогда ничего не значило? Ты никогда не любил её? — она сразу пожалела об этой фразе. Он так быстро оказался возле неё, что Изабелла не слышала его приближения. Мужчина схватил девушку своей рукой за затылок немного крепче.

— Она значила для меня всё! — прошипел он. — Я пролил слёз больше, чем эти лицемеры в деревне. И это не было моим долгом! Она вышла посреди ночи. Я хотел помочь ей, но появился слишком поздно.

«Не его долг?» Изабелле никогда ещё не было так холодно, как теперь.

— Слишком поздно? — спросила она.

Хватка вокруг затылка усилилась.

— Ты не должна осуждать меня! Было слишком поздно! — это прозвучало как команда.

Так говорил кто-то, кто хотел оправдать свои собственные действия. Он хотел верить, что лучше это знал.

«Это было не поздно! Он был рядом с ней и ещё мог бы ей помочь! Он просто позволил ей погибнуть в воде? Или... даже убил, потому что она обнаружила его преступления?» Изабелла могла, но не хотела даже спрашивать дальше.

Рука освободила её, его шаги удалились.

— Что ты планируешь?

— Это тебя не касается. Я привязал обоих. Если ты не сдвинешься, они не смогут достать тебя.

— Ты не можешь оставить меня здесь с собаками!

— Спой им, если они станут беспокойными, так я всегда успокаиваю их после нападения. Детские песни они любят больше всего, — он рассмеялся тихо и так надменно, что ещё больше стал для неё чужим. — Ну, да, вероятно, всё же нет. Иногда их привлекает именно пение. И молись, чтобы я вернулся с кормом, прежде чем они станут слишком голодными. Не то, чтобы в конечном итоге они перегрызли свои тонкие веревки, чтобы достать до тебя!

Изабелла не знала, что было хуже — песня о Рикдин-Рикдоне, насмешливый напев о её беспомощности, или уединенность, в которой она осталась, как отзвучавшая вдалеке песня. Девушка осторожно скользила, насколько это возможно, спиной по стене. Уже это движение было воспринято с угрожающим рычанием. Её кожу покалывало, как будто бы взгляд бестии проходил по ней как кончики клыков. Хотя глаза Изабеллы были завязаны, она никогда не видела яснее, чем сейчас. Время сказки закончилось. *«Проснись, Белла!»* —

думала она. — «Такова действительность. Принцы превращаются в чудовища и никогда наоборот».

Песня Адриена разносилась в голове Томаса в такт ударов копыт, а также негромкий печальный детский голос Камиллы.

«— Что ты делаешь здесь на улице, Камилла?

— Я жду принца Рикдин-Рикдона.

— Принца не существует.

— Но я слышала песню! Он всегда меня ей будит! Он также пел ее для меня позавчера ночью, когда ушла Мари».

«Женщины слетаются на песни, как на мёд», — прибавил, ухмыляясь Адриен.

И теперь он как раз был, наверное, рядом с Изабеллой, потому что Томас послал его к ней! При мысли о них, каждое его размышление было там, и он гнал лошадь так, будто бы впереди него на несколько миль был дьявол.

Поездка показалась ему протяжённостью в сто лет, пока, наконец, в поле зрения, не показался Ле Бессет. Томас натянул поглубже шляпу на лицо и занялся поиском. Деревня у подножия замка мадам де Морангез состояла только из нескольких домов. Вдова Паулет жила в отдалении на опушке леса в заросшем травой в ведьмином домике с низкой крышей, на нескольких гордо выступающих «куриных ножках».

Томас уговаривал себя сохранять холодной голову и ждать Лафонта, чтобы наблюдать издалека за арестом, чтобы никто из людей Лафонта не узнал его. Но теперь он больше не мог сдерживаться. Юноша спрыгнул с лошади и затарабанил по двери.

Вдова была скрючена, как корешок, и у неё не было во рту зубов. И она была настолько глуха, что Томасу пришлось кричать, прежде чем та поняла, что ему нужен был Адриен.

— А ты кто? — прохрипела она.

— Жан Блан, — крикнул он. — Друг Адриена из... Сог.

Она недоверчиво прищурила глаза.

— Говоришь совсем не так как в Сог.

— Всё в порядке, — донеслось слева. — Я его знаю. Привет, Жан!

Ухмылка Адриена была усталой, волосы прилипли к его лбу. Рубашка была пропитана потом, как будто он совершил долгий поход.

— Так, ага, — вдова Паулет совсем не выглядела так, как будто доверяла Томасу, и что она могла бы его вышвырнуть. Бормоча что-то непонятное, женщина снова удалилась в дом, но вслед за этим, недоверчивое сморщенное лицо появилось в окне.

— Не обижайся на неё за это, — сказал Адриен. — По ней не скажешь, но она — золотая душа. Пойдём со мной, я только из поездки и ещё не разгрузился.

За домом стояла чёрная лошадь с поклажей, которую Томас уже видел в Сог. Она была покрыта пылью и с каждого бока свисала большая транспортная корзина. Адриен отстегнул корзины и уронил их на траву, затем взял ружьё и прислонил его к стене дома под открытым окном. Из одной корзины он достал сумку с хлебом и предложил кусок Томасу.

Несмотря на это, у Томаса теперь было плохое предчувствие. Щедрость Адриена и его доброта создавали ему трудности. Ошибся ли он? Тайком он ещё надеялся. Но, к сожалению, всё достаточно говорило о том, что парень прав. Томасу пришлось подумать об ужасно

изувеченных мертвецах, чтобы снова образумиться. Он покачал головой и отказался от хлеба.

— Мадемуазель д'Апхер получила моё сообщение?

— Не от меня. Я дал твой маленький подарок парню, который лучше к ней пробьётся. Сегодня она с мадам де Морангез путешествует верхом. Ну, пылающее сердце, она уходит от тебя в монастырь!

Томасу стало легче, по крайней мере, от того, что его худшие опасения не оправдались. Всё-таки теперь в стенах монастыря Изабелла будет в безопасности, по возможности, дальше от Адриена и Эрика.

Адриен подмигнул ему и указал на чёрное чернильное пятно на коленях брюк Томаса.

— Ты подрался на дуэли с писарем?

Томас заставил себя весело усмехнуться. Чернила капнули ему на бриджи, когда он уронил чернильницу, когда так нервно писал час назад в канцелярии, где сидел только один секретарь, записку Лафонту. Тем временем, синдик, конечно, был уже по дороге сюда.

— Ну, дровосек получает заработанные деньги с синяками, а я от написания любовных писем чёрные штаны и пальцы. А кому твоё сердце принадлежит в настоящее время? Самой прекрасной даме в Сог или ещё парочке других? Ты каждой поёшь песню о *Рикдин-Рикдоне*?

Глаза Адриена засветились так, как будто бы Томас только что простодушно пошутил.

— Понятно, что девочки любят сказки, потому что им нравится сама мысль о том, что можно обмануть дьявола. Я им только об этом напоминаю. Оттуда до греха лишь небольшой шаг.

— А Анне Танавель тоже любила твою песню?

Адриен наморщил лоб.

— Кто рассказал тебе об Анне?

— Кое-кто говорит в Сог, что ты был с ней обручён.

Адриен неожиданного для него рассмеялся.

— Ты должен бы лучше знать меня, *Томе*. Я говорю о свадьбе, как другие о дойке коров. Девушки любят это слышать, и иногда я получаю их на сене. Но я никогда ещё не сговаривался ни с одним отцом, ни с отцом Анне. Я всегда вовремя уходил. Я никогда ни с кем не был обручен.

— Тогда ты мошенник.

Улыбка на лице Адриена пропала.

— Эй! Осторожнее с тем, что говоришь!

— Это не правда? Как ты называешь кого-то, кто ложью заманивает девушек в кровать?

Адриен сощурил глаза.

— Я почти забыл, откуда ты появился, — сказал он угрожающим тоном. — Господин в бегах от своих преследователей, но он по-прежнему осуждает крестьян, да? Но я вот что тебе скажу, версальский сахарок: посмотрим, где он останется. Ты не имеешь никакого понятия, какого это — быть никем. Даже если я хочу одного: как такой бедняга как я должен кадрить женщин? Денег, которые я получаю, едва хватает на моих сестёр и мать. Ты думаешь, кто-то заключит меня в объятия как зятя? Ну, я знаю, что попаду за это в ад, но некоторые девушки поцелуют тебя, только если ты хочешь жениться, вот такая жизнь. Также ещё научись этому: оставайся порядочным и одиноким или пой песню, которую хотят слышать все.

— И уж тем более грустно, что ты, кажется, не был убит зверем как Анне?

Адриен сразу принял выжидательную позу.

— Это была печальная история, — растягивал он слова. — Я узнал об этом только через несколько недель.

— Когда ты уже тайком ухаживал за Мари Хастель? Её маленькая сестра даже называет тебя принцем *Рикдин-Рикдон*.

Адриен скрестил руки. Теперь не было никаких следов дружелюбного парня. «*В любое мгновение он перегрызёт мне горло*».

Позади них раздался звук лошадиного галопа. Выражение лица Адриена помрачнело ещё больше.

«*Больше никаких слов!*» — укорял Томас сам себя. — «*Подожди до прибытия сюда Лафонта*». Но когда он подумал о Мари и о том, как они танцевали друг с другом, то просто не мог по-другому.

— Ты никогда не рассказывал мне, что посещал её.

— Это преступление? — отрезал Адриен. — Это никого не касается. Ты знаешь, что её братья подумали бы об этом.

Это было первое признание.

— Странно уже то, что обе твои девушки погибли, — резко ответил Томас. — И оба раза ты находился поблизости. Камилла говорит, что ты был у Мари в ту ночь, когда она умерла. Это и в самом деле был несчастный случай?

Адриен открыл рот.

— А, теперь я понимаю, где собака зарыта! Ты хочешь приписать это мне! Ты — собачий кусок дерьма, мерзкий шпик из Версаля, поэтому ты здесь!

— Я хочу только знать, чему ты на самом деле обучил собак Эрика. Становиться припадении на задние ноги? Чтобы они были выше тех людей, которым по команде расцарапывают лицо, прежде чем собьют их с ног?

Адриен возмущённо покачал головой и пошёл в обратном направлении.

— Вы охотились вместе? — продолжил дальше Томас. — Или каждый с собакой сам для себя? Вы поэтому рассорились? В любом случае, ты хорошо ввёл меня в заблуждение своими подозрениями против Эрика, Адриен.

— Адриен Бартауд? — в накалившейся атмосфере голос Лафонта казался отрезвляющим, как холодный ливень. Томас бросил короткий взгляд через плечо. Лафонт уже спешил и в сопровождении двух вооружённых мужчин заходил во двор.

— Ты пожалеешь об этом, — прорычал Адриен. С этими словами он был у двери и вбежал в дом.

— Эй! — крикнул один из мужчин. — Остановись!

Томас устремился следом, пересёк комнату и добрался до узкой двери, через которую Адриен как раз хотел убежать. Он схватил парня за куртку и потянул назад. Шов разорвался и затем Адриен умелым захватом вывернул ему руку. В следующее мгновение он ускользнул от Томаса как угорь, разбежался через комнату и проворно выскочил через открытое окно в лес. Томас высоко взлетел и на лету ударился лбом в кастет. Невероятно большой, очень твёрдый кулак, который просто свалил его на землю.

Когда в следующий раз Томас был в состоянии об этом подумать, у него в носу была пыль, и он увидел рядом два носка ботинок. Юноша со стоном перевернулся на спину. Перед ним возвышался Лафонт, и слева позади него стояла мрачная уродливая вдова Паулет. Своими тонкими руками она схватилась за сковородку, сам вид которой вызывал у Томаса тупую пульсацию позади лба, воскрешая к жизни.

— Просто появился здесь и напал на парня! — причитала она. — Арестуйте его! Он бродяга! Я знаю Адриена с тех пор, как тот был ребенком! Он порядочный, месье! Порядочный! — с этими словами она удивительно быстро вышла.

Снаружи донёлся окрик. Томас поднялся и потёр свой лоб.

— Ну, вы недооцениваете наших женщин, месье Блан, — сухо заметил Лафонт и протянул ему руку. — Я прибыл так быстро, как смог.

Томас покачиваясь, поднялся на ноги.

— Спасибо, — пробормотал он. — Я и в самом деле считаю, что Адриен участвует в преступлениях. Конечно, как сообщник Эрика.

— Да, насколько я смог прочитать ваши поспешные каракули, это звучит очень убедительно. И как вы только умудрились выманить единственное благоразумное слово у Алена Буле? Теперь мы должны только удерживаться от того, чтобы вы бросались на каждого подозреваемого как ужасная неистовая собака. Разве мы не договорились, что вы оставите подвиги нам?

Теперь его такие холодные глаза сверкали от с трудом сдерживаемого гнева.

Томас опустил голову.

— Да, — пробормотал он. — Это... было не умно.

— Однако нет! — огрызнулся Лафонт. — Ну, да, но учитывая обстоятельства, возможно, у вас не выдержали нервы.

«Обстоятельства?»

— Вы что-нибудь узнали о месье Эрике? — спросил он.

— Ещё не особенно много. Но всё-таки мы знаем, что тайных псарен в замке Бессет нет. Из замка в Сент-Альбане я ещё получаю сообщение. Мы ведём за Эриком слежку, что не просто, потому что нуждаемся в каждом мужчине для поиска. Вы, конечно же, будете в этом участвовать.

— Поиске? Что вы имеете в виду?

Вид того, как Лафон поднял брови, не предполагал ничего хорошего.

— Вы совсем об этом не слышали? Поиск мадемуазель д'Апхер. Она была в охотничьем лагере у подножия Мон-Муше, и сегодня в полдень бесследно оттуда исчезла.

Удар сковородой и вполтину не был так плох. Лицо Томаса побледнело, у него закружилась голова. Как сквозь вату он слышал, как в комнату ступил один из помощников Лафонта и крикнул, что Адриен ускользнул в лес. Раздавались указания, но Томас просто стоял и не мог этого понять *«И я послал к ней Адриена!»*

Что ещё вчера Адриен говорил Томасу? *«Нужно было отнять у Эрика то, что больше всего лежит в его черном, прогнившем сердце».*

Глава 36

ЛЕ НУАЗЭТ

Пожалуй, вряд ли это можно было бы назвать деревней, раньше там были только три дома, но, возможно, ещё несколько лежали разбросанными недалеко от густого хвойного леса вне поля зрения. Если бы Томас не знал, что должен был обратить внимание на орешник на склоне, то, наверное, проехал бы мимо посёлка. Усики ежевики и кусты разрастались по стенам как розы в замке спящей красавицы. Мужество покинуло его. Было видно, что здесь никто не жил. Кричали только несколько сорок.

Без особой надежды он искал дом, который ему указала Изабелла. Это был маленький, самый крайний справа. Над перекрытием висела маленькая ветхая деревянная табличка. По ней можно было ещё даже угадать изображение Мадонны.

Томас привязал свою лошадь, перелез через стену колючей ежевики, со всей силы распахнул дверь, и остановился в каморке прямо у разрушенной печи. Внизу в долине уже было сумрачно, здесь наверху, напротив, через дверь падали последние красные лучи заходящего солнца, позволяя пыли ткать золотой пух. Его сердце сжалось. Казалось, здесь всё ещё отдавалось эхом, детство Изабеллы. Он понимал, почему она охотно вспоминала о Ле Нуазэт. Дом был таким маленьким — это было домашнее, приветливое место.

У стены, на перекошенном от влаги сундуке, лежали покрывала, которые также служили кроватью. В камине хворост ждал, чтобы его зажгли, поленья сложены в углу, где были расположены две транспортные корзины и бело-коричневый мешок из козьей шерсти. Томас был так рад, что хотел выкрикнуть крик триумфа. Итак, он сделал правильный вывод: Бастьен уединился здесь! И это выглядело так, как будто он вышел пару минут назад и вернется в любой момент.

Томас опустился рядом с сундуком у стены и положил винтовку рядом с собой. *«Отдохну несколько мгновений»*, — подумал он и закрыл глаза. После нескольких часов путешествий с поисковиками в горном лесу в горах, его ноги болели. Только сейчас он заметил, как сильно был истощён. Только его мысли кружились дальше. Перед ним предстал Аллен Буле, мертвецы, которые окружали его плотнее, чем когда-либо, и снова с мучительным чувством: Изабелла.

«Как же ты мог так слепо доверять Адриену?» На этот раз это был не Арман, который ругал его, это был он сам.

Вопреки всему он, должно быть, заснул. Что-то холодное разбудило его от кошмарного сна, в котором Томас догонял Изабеллу, не сходя с места. Холод сжал его грудь, и когда он очнулся, его пальцы сомкнулись вокруг ствола винтовки. Юноша испуганно открыл глаза — перед ним в лунном свете выделялся чёрный контур.

— Что ты здесь ищешь? — прозвучал резкий шёпот, судя по всему, Бастьена. Дуло ружья ещё крепче прижалось к его груди.

— Бастьен? Это я! Томас!

Рука грубо схватила его за подбородок и повернула к окну.

— Аувай? — ружье опустилось. Однако друг не потрудился приветствовать его полюбезнее.

— Слава Богу, что я нашёл тебя, — сказал Томас. — Ты слышал, что произошло с Изабеллой?

— Конечно, — прорычал Бастьен. — И что ты потерял в чужих домах? Если ты дотронулся до моих вещей, я переломаяю тебе пальцы!

— Что? Нет! — возмущённо воскликнул Томас. — Какого черта ты так сердишься?

Ответом было недоброжелательное сопение.

— Чего ты ожидаешь? Что я брошусь тебе на шею после того, как ты бросил меня на произвол судьбы? Просто исчез без слов с лица земли. А потом ты появляешься здесь через несколько месяцев, вероятно, только потому, что тебе что-то от меня нужно?

Ну, по крайней мере, это был разочарованный, озлобленный Бастьен, которого он знал.

— Ладно, отойди от сундука, — обратился он к Томасу. — Мне нужно моё огниво.

— Даже если ты мне сейчас не поверишь. Я никогда бы тебя не бросил! — энергично сказал Томас. — Маркиз д'Апхер посадил меня в тюрьму, и выслал из области. Я не мог ни с кем попрощаться. Теперь я должен изображать другого, чтобы вообще быть здесь. Слушай, Бастьен, если Изабеллу ещё можно спасти, если уже не слишком поздно, то это можешь только ты! Ты ориентируешься здесь как никто другой. Мы должны отправиться немедленно.

— Ох. Теперь тебе приходит в голову, что вы должны искать? — он быстро вернулся. — Как ты думаешь, откуда я сейчас пришёл?

Томас слышал, как Бастьен роется в сундуке. Что-то с грохотом упало на землю.

— И даже если мы снова отправляемся. Ты веришь, что у меня глаза совы, и я могу искать среди ночи?

Это правда. Томас, должно быть, давно утомлённо спал, уже была глубокая ночь.

Железо ударило о камень, и первая искра осветила корпус печи. Томас был поражён, когда Бастьен осторожно подул на угли и огонь осветил его лицо. Его друг таинственно изменился в течение долгих месяцев. Его щёки впали, он был не брит, полностью заросший спутанными волосами.

— Мы искали ещё в лесу с факелами, — сказал Бастьен. — И я не верю, что она сидит где-нибудь под ёлкой и ждёт нас. Если бы она могла, то давно бы уже прибежала к следующему лагерю, — его голос звучал сдавленно, он прикусил нижнюю губу. И внутри Томаса снова вспыхнул страх за Изабеллу.

Бастьен суетливо достал хлеб и сыр из сложенного платка и начал нарезать и то, и другое. Его движения были беспокойными и нервными. В свете огня камина Томас также мог теперь рассмотреть, что тот принёс двух кроликов. Петли ловушек всё ещё были вокруг их шей.

— И, кроме того... — Бастьен неожиданно закричал на него. — Кто ты такой, чтобы просто приходить ко мне и давать приказы?

— Я ничего не хочу тебе приказывать! Я прошу у тебя помощи для Изабеллы. Как друг.

— Друг! — пренебрежительно прозвучало, но Томас слишком отчётливо различил лишь на слух разочарование и одиночество.

— Это должно быть сложно для тебя, — тихо сказал Томас. — Она была тебе как сестра.

Бастьен поражённо поднял голову.

— Я знаю, ты не можешь говорить об этом. Но она рассказала мне, что долго жила у вас. Она говорила мне, что ты и она, и Мари были как...

— Прекрати! — теперь голос Бастьена дрожал. — Если ты появился, чтобы повернуть нож в моей ране, ты можешь снова исчезнуть!

«Он потерял все», — подумал Томас. — «Мари, остальную семью, и теперь также девушку, которая стояла следующей рядом с его сестрой».

— Мне... очень жаль, Бастьен.

«И ты даже не представляешь, насколько. Если бы я никогда не видел фамильные портреты д'Апхер!»

— Мы найдем её! Я знаю, кто ответственен за исчезновение Изабеллы!

— О чём ты говоришь? — Бастьен снова сделал паузу и протянул левую руку к рукоятке ножа.

— Я говорю об Адриене Бастанде. Он — чудовище! Он совершает убийства с

прирученными волкодавами. Мы должны выследить его, тогда мы найдём, вероятно, надо надеяться Изабеллу.

«Если она еще жива». Снова сейчас у него на душе стало плохо.

— Адриен? Этот голодный слуга собак? Этот болван никогда не был достаточно ловким в этой жизни для чего-то в этом роде!

— К сожалению, — Томас начал рассказывать об Анне Танавель, о мужчине, которого он считал Каухемаром, о песне и о бегстве Адриена. Бастьен слушал неподвижно, только вид того, как он пытался сжать правый кулак, показывал, что тот чувствовал.

— Ты подстрелил этого зверя, — продолжил Томас. — Что это было?

— Я едва ли видел то, что было в сумраке. Оно было большим и имело мощную челюсть. Я выстрелил. След происходил, бесспорно, от бестии. Только никто не хочет верить, что я её застрелил.

— Я верю тебе! Я всегда в это верил, ты уже об этом забыл?

Лед между ними, кажется, дал несколько маленьких трещин.

— И что ты хочешь теперь делать? — спросил Бастьен.

— Найти Адриена. Я уверен, у него в горах где-то есть убежище для себя, и возможно, для собак. Место выбрано удачно, много проточной воды, и рельеф осложняет ищейкам взять след. Верхом здесь передвигаться плохо. Ты здесь ориентируешься? Здесь можно где-нибудь спрятаться?

Бастьен пожал плечами и пристально задумчиво смотрел в огонь.

— Повсюду и нигде. Здесь есть масса покинутых домов. Но там, в настоящее время никто не живет, так как из-за бестии, естественно, никто не осмеливается пасти своих коров в одиночку.

Томас вскочил.

— Хорошо, теперь мы обобщем хижину...

Бастьен схватил его за куртку и снова потянул обратно на землю.

— В горах ты тут же можешь прыгнуть в пропасть. И, тем не менее, мы поможем Изабелле как никто другой лучше. Мы отдохнём и выступим через час или два, перед восходом солнца, станет немного светлее, по крайней мере. Мы найдём подлеца!

«Мы». Томас уже почти забыл, как это хорошо ощущалось — иметь друга как Бастьен. И как никогда ему стало ясно, как сильно он скучал по нему в Версале.

— Спасибо, Бастьен!

Его друг едва кивнул, и это было так, как если бы они снова пожали друг другу руки.

— И ты все равно хочешь идти на поиски? — Бастьен указал на ружьё Томаса. Пока юноша спал, он перенёс его вне пределов досягаемости и прислонил рядом с сундуком. — Ты действительно готов стрелять? Я ни с кем не пойду на такую охоту, где испытывают страх и ружьё выбрасывают, потому что не хотят ранить или убить.

— Убить Адриена? Я надеюсь, что до этого не дойдет.

Бастьен махнул рукой.

— Надежда для мечтателей! И мы здесь не на охоте на кролика, речь идёт об убийце. Ты будешь стрелять или нет? *Он* не станет медлить, я обещаю. Так что?

Он схватил винтовку и сунул её в руку Томасу. Томас закрыл глаза и увидел перед собой Изабеллу. Не сердитую, как в последний день их встречи, а на празднике д'Апхера, где она повернулась к нему у окна в зелёном платье. Напоминание об этой картине толкнуло его к одному из мёртвых, и от мучительного сердцебиения казалось, что перед ним лежит убитая

Изабелла, как несколько недель назад бедная Катерина. Его руки плотно сомкнулись вокруг приклада и ствола.

— Да, — сказал он тихо.

— Хорошо, — на лице Бастьена впервые появилось что-то вроде усмешки. На мгновение они снова оба были друзьями, которые выстояли на охоте вместе на поляне.

— Не волнуйся. Это не так тяжело, как кажется тебе сейчас. Если идёт речь о жизни и смерти, быстро всему учишься и даже к этому привыкаешь. Через несколько дней на поле боя я уже забыл, что раньше не убил ни одного.

Томас был вынужден подумать об Алене Буле.

— Это так? На войне? — тихо спросил он. — Я слышал только рассказы о горе и долге.

Бастьен качал головой.

— Я не страдал. Напротив, на войне у меня впервые в моей жизни был шанс. Там речь идёт только о победителе и побеждённых. И здесь я был впервые победителем. Если замечаешь, что превосходишь противника, тогда это как опьянение. Лишь лава в венах, и ты находишься далеко от всего. Только сам в себе. Ты можешь всё, ты — всё. Это безумие.

Томас вздрогнул от взгляда Бастьена: выражение его лица резко изменилось. Он выглядел почти... очарованно. Томас слышал о солдатах, которые любили свое ремесло. Должно быть, его друг один из них.

— Как ты можешь так говорить об убийстве? Это ужасно и бесчеловечно.

Бастьен засмеялся.

— Неужели? Тогда представь, что Адриен мог бы сделать с Изабеллой, и скажи это снова. Более того, Бог стоял рядом со мной на поле боя, в противном случае я был бы мёртв, поэтому вероятно то, что происходит на войне, правильно. Прекрати говорить, как бумажный задира, Ауврай. Ты точно знаешь, о чём я говорю, потому что ты больше похож на меня, чем ты признаешь. Страдание, одиночество и предательство — это была твоя жизнь. И будем честными: ты когда-нибудь хотел иметь власть? Силу, которая позволяла бы не оскорблять тебя, но и давать настоящий отпор? Власть отстаивающая тебя всегда и везде?

Беда была в том, что где-то в нем самом этот вопрос нашёл отклик. *«Как часто я представлял ребёнком, как тихаю Армана в пучину?»*

— Может быть, — неохотно признался он.

Бастьен кивал.

— Ну вот. Тогда мы, в любом случае, понимаем друг друга. Если не победишь ты, Адриен победит тебя. У тебя есть выбор. И теперь отдыхай, нам понадобятся наши силы.

Изабелла не могла поверить, что, в конце концов, задремала в этой чёрной пещере. Но она на самом деле уснула от усталости, присев напротив скалы. Её затылок онемел, руки и плечи затекли, а запястья ныли. Небольшой свободы действий, которую она выиграла, не хватало, чтобы совсем снять путы. Собаки реагировали на каждое движение. Но когда сейчас она бесконечно осторожно распрямилась, они оставались странно молчаливыми. Всплески были повсюду, девушка также внимательно прислушивалась, но не слышала рычания и никаких движений. *«Наконец они спят!»*

Теперь Изабелла бодрствовала. В лихорадочной поспешности она начала ослаблять оковы, выворачивалась, поднимала локти, и на самом деле ей удалось через некоторое время расширить одну из петель. Она дёргала до тех пор, пока, наконец, не смогла вытащить одну руку из петли. Так быстро, как смогла, Изабелла стащила с глаз повязку и открыла глаза.

Эйфория, от которой ее бросало то в жар, то в озноб, стихла сразу же и заставила застыть, оставив одно отчаяние и горький привкус разочарования. *«Как мне здесь что-то выяснить?»* Снова только чернота, ещё насыщеннее, чем мрак её кошмаров. Никогда раньше ей так не хотелось укрыться в руках Томаса.

Девушка с трудом поднялась на ноги, почувствовала отвесные стены, которые не предполагали никакой опоры для лазанья. Но натолкнулась на маленький ручеёк, который стекал сверху по стене. Изабелла поймала его и жадно пила. Это невыразимо хорошо, отведав влагу и утолив жажду. Затем она искала дальше. Изабелла оказалась в ловушке в тупике тоннеля. И так, ей нужно было избежать собак. Уже при мысли, чтобы подойти к ним, ей стало дурно от страха. Слишком хорошо она помнила покойницу, которую охраняли драгуны.

«Святая Богородица, помоги мне!» — умоляла она. — *«Не позволяй мне так закончить!»*

Молча, пальцами ног, она на ощупь разведывала впереди каждую выемку в скале. Потом одна из собак со стоном перевернулась. Шерсть коснулась подъёма ее ноги, вес перекатился на ногу. Девушке пришлось прижать руку ко рту, чтобы не закричать. *«Все время они были ко мне так близко?»* Собака снова задвигалась. Изабелла могла чувствовать, как играют мышцы под её шкурой. Она покрылась потом. *«Господи, заставь ее спать дальше!»* Но молитву не услышали. Когти царапнули, когда животное вскочило и бросилось с глухим, пыхтящим рычанием на своей веревке. Однако Изабелла уже убежала и снова прижалась спиной к стене своей тюремной камеры.

Томас проснулся от сердцебиения и открыл глаза. Юноша вообразил, что мертвецы нашёптывали ему кое-что, что он не понимал. Когда Томас переворачивался на другой бок на своем жёстком топчане, то замечал, что был один. Первое, смутное предчувствие света проникало в комнату, это было еще перед восходом солнца, никакие птицы не пели. Винтовка Бастьена отсутствовала, только оружие Томаса прислонялось к сундуку.

Он вскочил и осмотрелся. Огонь был засыпан тёмно-серым песком. Но корзины и сумка из меха были еще здесь! И теперь Томас слышал, что Бастьен был снаружи: шаги были перед домом. Он вздохнул. *«Неужели я действительно поверил, что он оставил меня?»*

Томас вскочил и схватил свою куртку, потом нашёл свою сумку с порохом и боеприпасами и сел на сундук, чтобы зарядить ружьё. Когда он наклонился вперед, ему бросилось в глаза то, что между сундуком и стеной была щель. Там лежал предмет, покрытый сухой корочкой грязи. Томас слышал грохот, когда вчера Бастьен принёс огниво. Наверное, этот предмет упал тогда за сундук? Томас передвинулся и, упираясь руками, заглянул туда. Ботинок. Но не сабо, которые носили крестьяне. Несмотря на корку грязи, он смог рассмотреть, что это был кожаный дамский ботинок. Но только когда юноша ударил им по сундуку, и грязь упала, он понял. *«Чёрный зашнурованный ботинок с красным каблуком!»* Точно такой же один Изабелла потеряла, когда упала с лошади. Томас напрасно искал его на каштановой поляне. Он наморщил лоб. Бастьен нашёл его на поляне. Но почему взял его с собой?

Томас снова осторожно отложил ботинок и повернулся с неприятным чувством, что здесь что-то не так. Он пристально смотрел на корзины. *«Не будь смешным»*, — сказал он себе. — *«Бастьен не имеет с ним ничего общего. Это не логично и, кроме того, он никогда не сделал бы Изабелле ничего такого»*. На том же самом дыхании юноша поднялся.

Казалось, что ноги сами по себе понесли его к корзинам. Томас открыл первую, и нашел там только смятую ткань коричневого цвета, вероятно, в которую Бастьен заворачивал товары. Он устыдился того, что ему стало легче. *«Чего ты ожидал, идиот?»* — укорил он себя. — *«Что тебе навстречу выпрыгнет собака?»* Однако он также раскрыл сумку из меха и быстро заглянул внутрь. Там была одежда. Грубые перчатки, толстый материал и... шкура? Серого цвета и жёсткая, пересечённая чёрными полосами — шкура кабана. Ничего необычного. Ему пришлось заставить себя посмотреть также в другую корзину. Опять же, только сваленная ткань на дне корзины. Однако на краю лежал плоский мешок ткани странной формы. Она была пришита к ткани пояса. Насколько он знал, только дамы носили такие пояса-мешки под юбками.

Теперь сердце всё-таки забилося быстрее. Он погладил её и почувствовал что-то угловатое и плоское. Томас быстро взглянул через плечо и затем достал сумку. Она была открыта, водопад листков рассыпался, к счастью, в корзинку, а не на землю. Они были сложены, минимум штук двадцать, без адресов и печатей. Томас схватил один из документов и развернул его. И хотя еще было сумрачно, он сразу узнал почерк.

«Я так часто проклинала тебя, но потом поймала себя на том, что проклиная только затем, чтобы иметь повод думать о тебе. Я говорю себе, что ненавижу тебя за то, что ты узнал о моей семье, но ты сказал правду, ничего больше. Мне бесконечно не хватает Мари, но по тебе, Томас, я скучаю еще больше».

Он с трудом дышал, и ему пришлось опереться на стену. Томас не знал, как долго смотрел на бумагу с чувством бесконечного падения. *«Этого не может быть, это не Бастьен!»* Было странно, что он всё ещё пытался найти оправдания и извинения. Но одновременно в его голове кружилась тысяча воспоминаний. Сцены в таверне, спор между сыновьями Хастель, вспыльчивость Бастьена, его обиженная вспыльчивость и частое отсутствие, если он разъезжал с мулами. *«Есть ли лучшее объяснение того, почему он проходил вблизи мест преступлений и отсутствовал днями?»* Заботился ли он тогда о своих бестиях? Кормил ли он собак в эти дни между нападениями кроликами и другой мелкой дичью, которую ловил в засадах?

К двери приближались шаги. Томас засунул письма в рубашку, захлопнул корзину и вернулся назад. Как раз, когда он схватил свою винтовку, появился Бастьен.

— Ты уже не спишь, Ауврай! Тогда мы можем выдвигаться.

Безобидная ухмылка Бастьена нанесла ему холодный удар. Он не знал, что разочарование может гореть в груди, как боль, так сильно, что перехватывало и затрудняло дыхание. *«Люди видят только то, что позволяет им видеть их сердце!»* Только теперь он понял эту горькую фразу Терезы Хастель во всем его значении.

— Где ты сейчас был? — его голос был грубый, к горлу подступил комок.

Бастьен пожал плечами.

— Я услышал хождение вокруг дома. Я там быстро проверил, но это была лишь лиса.

Следующая мысль поразила Томаса как удар. *«Он забрал своих бестий?»*

— Что случилось? — спросил озабоченно Бастьен. — Ты побелел так, как будто тебе приглянулся мел. Наверное, подумал, что я оставил тебя здесь? Не волнуйся, это не мой стиль, Ауврай, — приветливость в его голосе была невыносимой.

«Твой стиль?» — подумал Томас с дрожью. Его взгляд невольно скользнул к ножу,

который висел в кожаном чехле на поясе Бастьена. «Он разрезал им бедным людям горло?» Только сейчас ему стало дурно. То, что все еще стало хуже: это не озверевший человек-волк, не чудовище, как полагал Ален Буле. Это был друг, с которым он смеялся и которому доверял, жизнь которого он понимал так хорошо, как будто бы вытерпел ту же боль. «Смотреть глазами зверя», — подумал он. — «Мечтай дальше, Ауврай».

— Ничего не произошло, — Томас удивился, что мог спокойно ответить.

— Хорошо, тогда пошли! — Бастьен повернулся назад и покинул домик. Томас схватил винтовку. Оставалось небольшое время на размышление. Но одно было ясно: он не мог совершать ту же ошибку как с Адриеном и преследовать цель только с Бастьеном. Впервые он видел Бастьена как того, кем он был много лет: солдатом, который мог бороться и прицеливаться точно. Даже с парализованной рукой он превосходил Томаса, если дело дойдёт до крайности, и если перед домом его не поджидают животные.

Дрожащими руками Томас подготовил оружие к стрельбе, позволяя пороху струиться из мешочка в ствол, и уплотняя пороховой заряд, туго набивая зернышки пороха шомполом, затем взвел затвор. Он начал нерешительно двигаться, шагнул на порог, ожидая, что одна из собак прыгнет ему навстречу.

К его бескрайнему облегчению, там все еще был только Бастьен. Ни разу не повернувшись, он медленно шел по дороге, которая вела вдоль крутого склона выше. И только теперь, когда медленно отпустил первый шок, Томаса неожиданно захлестнула ярость. Бастьен по-прежнему поворачивался к нему спиной.

Томас как будто смотрел сам на себя со стороны, когда поднимал ружье. В своей другой жизни он не подумал бы даже мечтать о том, чтобы кого-то обидеть. Но здесь была совсем другая жизнь, острее и более жестокая, чем он мог себе представить. «Победители и проигравшие», — с горечью подумал он. — «Ранить его в ноги, и он не сможет уйти, и ты одолеешь его. И будь быстрым, он достаточно близко, что даже ты поразитишь его!»

Бастьен остановился и медленно повернулся. Теперь в его улыбке больше не было ничего приветливого. Томас как будто увидел перед собой незнакомца, только случайно напоминающего Бастьена. И, как ни странно, он тоже выглядел разочарованным.

— Я так и полагал, что ты не мог не оставить свои пальцы на моих вещах!

Он не сделал ни одного движения, чтобы схватить ружье, которое висело на ремне через плечо. Но его взгляд был ледяным.

— Стреляй, если посмеешь! — сказал он. — Но тогда ты никогда не узнаешь, где она.

Томас никогда еще не ненавидел кого-то так страстно и внезапно. Его палец дернулся на спусковом крючке и в первый раз он испытал на собственной шкуре, что может действительно заставить людей нажать на спусковой крючок. Ему понадобилось безграничное усилие, чтобы опустить ствол.

Бастьен сочувственно улыбнулся.

— Ты — трус, — сказал он.

— Это ты трус, — прошипел Томас. — Ты убиваешь именно как одиночка. Ты научился этому на войне? Ты нападал в деревнях на слабых и беззащитных, чтобы почувствовать себя сильным?

Искра досады сверкала в глазах Бастьена, но Томас не думал прекращать.

— Здесь это были не солдаты, а беззащитные девочки и мальчики, маленькие дети, которых ты убил! — кричал он. — Как ты мог с ними так поступить! При этом ты должен подумать, о твоих маленьких сестрах и о Мари.

Бастьен медленно качал головой.

— Одно не имеет ничего общего с другим, — отвечал он хриплым, сдавленным голосом. — Дети пастухи и пастушки, они просто оказались рядом в нужное время. Они были частью целого, и все подошло.

— Что изменилось?

— Это то, что я сказал тебе вчера. Лава в крови, и все станет по-другому.

Томас пренебрежительно рассмеялся.

— Власть, да? Если ты так зол на свою судьбу и мир, почему бы тебе не поднять руку на тех, кто сделал твою жизнь трудной? Они, по крайней мере, были бы достойными противниками!

Бастьен скрестил руки.

— Пьер и Антуан? Или мой так называемый отец? Я делаю это достаточно часто, можешь мне поверить. Но моя мать любит их. Я не смог бы причинить ей боль. Это, конечно, разбило бы ей сердце.

— Ах, так ты любишь свою мать? И ты убиваешь других людей? — теперь Томас почти кричал.

Бастьен гневно поджал губы и покачал головой.

— Я действительно думал, что ты бы это понял. Это... охота! Иногда я беру одного из зверей из укрытия и затем брожу вокруг в поисках. Если я ничего не нахожу, то я отпускаю собаку бегать и сам по себе охочусь на барсука или оленя. Но, возможно, я смогу увидеть ребенка на пастбище. Он не знает и не видит меня, но я вижу ребенка, из своего укрытия я наблюдаю за ним. И затем что-то во мне происходит. Все получает новый смысл. Я — лишь худший кошмар, Я — Каухемар, так я назывался на поле боя.

«И кто дал тебе имя?» — думал Томас. — «Женщины и дети, деревни которых ты ограбил с наемниками?» Давно не было ему зябко от отвращения и ужаса. Он чувствовал, как его руки становились тяжелыми под весом винтовки, но не опускал оружие ни на миллиметр.

— Все остальное перестанет существовать, — продолжал Бастьен. — Я больше не инвалид Бастьен, которым меня все считают, а буду тем, кто я действительно — могущественный. Я господствую над жизнью и смертью. Только жертва этого не знает. Иногда я смотрю на неё довольно долго, прежде чем начинаю.

Томас сглотнул и продвинул палец плотнее на спусковой крючок.

— И тогда наступает мгновение, в которое я решаю отпустить собаку. Мой немой знак и она бросается. Я смотрю, как она сбивает с ног добычу. И тогда, когда добыча лежит на земле, ничего больше не задерживает меня. Это мой мир, Томас. Мир Каухемара!

Его глаза светились тёмным очарованием. Томас как будто видел в них злодеяния, театр теней, бесчисленное количество жизней, которые уничтожил Каухемар.

— Это волшебное чувство, — продолжил Бастьен почти благоговейно.

— Но это люди, которых ты убиваешь! Люди, а не добыча!

Бастьен засмеялся, и на этот раз это был разочарованный смех, почти сострадательный.

— Ты все еще не понимаешь этого, да? Естественно, я вижу людей! Все же, я — не чудовище. У меня есть уважение к людям, многие даже любезны ко мне. Но как только я становлюсь Каухемаром, все меняется. В этот момент я вступаю в другой мир. Даже шумы звенят там иначе.

— Песни тоже?

Бастьен пожал плечами.

— Собаки любят их, я успокаиваю их иногда ими, если мы с готовой добычей. Мари знала их так много и пела их как ребенок. Если я насвистываю их, я думаю о ней. Больше всего она любила песню о Рикдин-Рикдоне, — при этих словах его голос стал мягким от горя.

Томас поежился. *«Может ли убийца на самом деле чувствовать любовь? Скорбь?»* Казалось, что так. Может быть, он поэтому перестал убивать несколько месяцев? Потому что печалился о Мари?

— Мари слышала эту песню ночью, когда умерла, — тихо сказал он. — Ты пел это своей собаке, и она увидела, так? Поэтому она должна была умереть?

Бастьен побледнел.

— *Она* насвистывала песню! И этим привлекла мою собаку! — с трудом сказал он. — Я собирался отвезти ее в один из тайников. На этот раз время было в обрез, охотники были совсем близко. Со мной была сука, и она не была на поводке, слышала свист и убежала от меня. Я догонял. И тогда девочка неожиданно там появилась. Сначала я подумал, это незнакомец, но потом... — Он с трудом сглотнул и умолк. Это был тот момент осознания, в который разорвалась последняя связь между Бастьеном и Томасом. Если он причинил что-то своей сестре, тогда...

— Где Изабелла? — кричал он. — Что ты с ней сделал?

Бастьен не отвечал. Молниеносно он двинул левой рукой свою винтовку вперед. Томас больше не размышлял, он рванул вверх свое ружье и со всей силы нажал на курок. Оно щелкнуло, когда кремль стукнул по запалу. Затем была тишина.

— Первое солдатское правило, — заметил Бастьен, оставаясь невозмутимым. — Оно гласит: никогда не выпускай свое оружие из рук!

Томас только почувствовал, как инстинктивно отталкивается и отскакивает в сторону, а затем в его ушах взорвался выстрел. Юноша споткнулся в прыжке, его ноги подкосились, он упал, покатился по каменистому склону вниз, и перевернулся. Камни и трава взметнулись вокруг словно стена. Издалека раздался второй выстрел и как будто кто-то закричал. Вьющиеся растения царапали его по рукам, а затем он так сильно ударился ребрами о ствол, что потемнело в глазах. Мир остановился, пока он задыхался. *«Я должен идти!»* Но еще несколько секунд он не мог передвигаться.

Как сквозь туман он увидел, как по траве по склону горы вниз скользит ружье. Еще один крик, а затем раздался стук копыт. Томас перевернулся на колени и встал на ноги. В его носу все еще был запах сгоревшего пороха, но, как ни странно, он нигде не чувствовал боль. Юноша ошеломленно осматривал себя. Никакого ранения, никакой крови. Снова прозвучал выстрел, еще более удаленно. Теперь юноша, спотыкаясь, побежал в гору, подобрав на ходу оружие Бастьена. Оно было всё ещё заряжено. *«Значит, стрелял кто-то другой».*

Лошадь Томаса больше не стояла рядом с домом, вздыбленная земля свидетельствовала о том, что с места взяли галоп. Капли крови висели на траве, значит, кто-то должен был быть ранен. Вдали стучал глухой топот копыт. Томас схватил ружье крепче и побежал.

Ему не нужно было долго искать. Уже через несколько минут он увидел вдалеке, как мужчина широкими шагами спускался с изрезанной ущельями и покрытой густым лесом возвышенности.

— Адриен! — парень поднял голову и на минуту Томас мог бы поклясться, что он станет в него целиться. Но Адриен не поднял винтовку, а побежал.

— Ты застрелил его? — крикнул ему Томас. — Откуда ты появился так неожиданно...

Он не пошел дальше. Адриен оказался рядом с ним, и почти в то же момент Томас оказался на земле от удара кулака в челюсть.

— На тот случай, если ты это забудешь снова, — кричал на него Адриен. — Я могу быть мошенником, лгуном и бабником! Но убийцей до сих пор не был!

На одном дыхании он схватил Томаса за руку и потащил его обратно на ноги. У Томаса гудел череп. «*Это то, что я заслужил*», — думал он удрученно.

— Этот чертов ублюдок! — прошипел Адриен. — Я подстрелил его в плечо, но он все-таки смог уехать на твоей лошади. Я не успел с перезарядкой. Теперь он уже далеко.

— Откуда... откуда ты пришел?

— Уже забыл? — к нему вернулось плохое настроение. — Из-за тебя я должен следить, чтобы они не посадили меня в тюрьму. Но я хотел лично поблагодарить тебя, — он сплюнул. — Пока поисковики рыщут повсюду, я должен был прятаться, но сразу подумал, что ты будешь искать *погонщика*. Когда я раньше проходил по лесу, то обнаружил его мулов, они привязаны к одной из руин вверх по склону. Вероятно, это должно было отвлекать от того, что он здесь, в доме, но я увидел твою лошадь. Когда я хотел подойти ближе, он как раз выходил из дома. С мешком пороха и ведром. Оно показалось мне испанским, но я никогда до этого и не доверял парню. И как я был прав! Он снял затвор из сошки (*прим. пер.: или подсóшник; или двунóга, подставка (упор) для огнестрельного оружия*) с винтовкой. А потом еще и опорожнил мешок пороха и наполнил темным песком из ведра и снова отнес все обратно. Затем он вышел, зарядил свое ружье и стал ждать, ходил взад и вперед и как будто думал. Ну, остальное ты знаешь. Сначала я думал прострелить ему винтовку, прежде чем он нападет на тебя.

— Спасибо! — тихо сказал Томас. — Я сожалею из-за подозрений, Адриен. Я думал, потому что Мари...

Адриен только слегка кивнул.

— Я мог бы поклясться, что это Эрик, — прорычал он. — Давай, мы должны позвать охотников. Они располагаются немного ниже по долине. В конце концов, он истекает кровью, ищйки найдут его в любом случае.

Глава 37

КРОВЬ Д'АПХЕРА

Адриен пошел вперед, вскинул на плечо сумку из козлиной кожи Бастьена и приготовил ружье к выстрелу. При каждом шорохе они останавливались и напряженно высматривали собак Бастьена. Томасу все еще было зябко от мысли о том, что Адриен и он нашли еще в корзинах. Под тканью, которая при более близком рассмотрении, оказалась женской одеждой, были канаты, треуголка и вуаль, которую носила Изабелла, чтобы прикрывать свои шрамы на шее. Затем он вспомнил о своей первой встрече с Бастьеном — тогда, в Сог, когда *погонщик* мулов привез к госпиталю в одной из корзин мертвеца — наконец-то, он смог собрать воедино то, что могло тогда произойти.

Он связал Изабеллу и увез в одной из корзин. И, наверное, корзины были объяснением того, как могли магическим образом собаки появляться и исчезать. Ни у кого не было подозрений в отношении *погонщика* мулов. Пока охотники пугали в лесу волков, Бастьен мог совершенно спокойно переносить бестий в корзинах с места происшествия. «*Как часто он,*

вероятно, провозил через деревню после убийства одну свою бестию на хребте мула? И никто не знал, что у него с собой была смерть. И я еще удивлялся, почему даже его собственная дворняга не любила и избегала его!»

Он мог бы надавать себе пощечин за то, что не догадался об этом раньше. *«Ведь на одежде Изабеллы не было крови»*. Это было единственное, что позволяло ему надеяться, что Изабелла еще жива.

Он был настолько погружен в мысли, что почти натолкнулся на неровную импровизированную лестницу. Она возвышалась из невысокой скрытой каменной стены. Лесорубы оставили здесь несколько своих инструментов. Томас также обнаружил стопку свежеспиленного дерева и два пустых ведра с длинными канатами.

Тем временем начали петь птицы. Адриен искал дорогу, которая вела под гору у небольшого водопада. Рядом с водопадом, который падал с маленького плато в ущелье, изрезанная ущельями скальная стена вела ее выше. Томасу бросилось в глаза белое, почти прямоугольное перо, которое прилипло к мокрому выступу.

— Уже не за горами, — кричал Адриен. — Поисковая команда, наверное, уже снова на ногах.

Томас торопился догнать его. Все же, что-то его беспокоило и заставляло снова и снова поворачиваться к водопаду, до тех пор, пока он не исчез из вида и можно было слышать только лишь шум воды.

«Вода». Бастьен использовал проточную воду, чтобы сбить ищеек со следа. Но это не было тем, что заставило его остановиться через несколько минут. *«Перо»*. Оно было слишком прямоугольным. Почти как...

— Адриен? — крикнул он. — Я должен вернуться к водопаду и кое-что рассмотреть. Не жди меня! Я догоню.

Не дожидаясь ответа, Томас повернулся и снова полез в гору. Прошла вечность, пока мужчина достиг плато. Ему пришлось пройти по узкому краю, который головокружительно высоко поднимался вдоль бездны, когда он был совсем рядом с выступом. То, что юноша посчитал белым пером, все еще было приклеено на мокрой стене. И когда он подошел туда и присмотрелся, его пронзил шок: это была полоска бумаги.

На которой были изображены башня, белый кот и странник. Вдруг он увидел и услышал все удивительно отчетливо. И, наконец, также вспомнил то, о чем рассказал ему Бастьен, когда они еще были друзьями.

«Тогда я часто ходил в горы в одиночку, к водопаду. И там я с широко открытыми глазами мечтал. И во мне был мир, который принадлежал только мне. Я начал ходить туда каждый раз, когда мог. Там я хорошо себя чувствовал, все было отлично, я был сильным и властелином моих братьев. Это место, в котором я непобедим».

Томас выпрямился. *«Где-то здесь»*, — подумал он. Это должна быть пещера или укрытие. Бумага могла упасть сверху. Или Изабелла оставила её на тропинке, а ветер принес к воде. Его взгляд бродил вокруг, и он заметил еще вторую неприметную тропинку по ту сторону водопада. Она вела наверх в горы между плотно стоящими соснами.

Лафонт знал, что сегодня представлял собой странное зрелище: под одной рукой у него была свернутая шкура кабана, под другой пятнистая сумка из козьего меха. Снаружи перед

палаткой стояли Адриен Бартанд и Жан Хастель, которые были частью поисковой партии и позволяли Лафонту суетливо это вносить. Взгляд Хастеля помрачнел, когда молодой граф прошел мимо него. Д'Апхер игнорировал седого мужчину и вошел в палатку, не удостоив того взгляда. В этот момент Лафонт обрадовался, что отнял у хозяина трактира винтовку. С тех пор как д'Апхер выслал жену трактирщика в Веле, Хастель едва ли мог скрывать свою злобу против графа.

Жан-Жозеф д'Апхер выглядел так, как будто этой ночью не смыкал глаз. Он был бледным, со следами беспокойства о своей сестре. Разумеется, никто точно не знал ничего подобного о господах. Возможно, ему представлялось, что д'Апхер и к тому же, дворянка, впервые могла стать жертвой бестии, гораздо больше основывалось на том факте, что она была ему близка.

— У вас есть новости? Ее нашли? Она еще жива?

— Мы этого не знаем, — спокойно ответил Лафонт. — Но у нас есть не только след, но, в конце концов, это бестия. И мало времени.

Граф резко втянул носом воздух, но естественно, овладел собой. Он знаком приказал двум мужчинам перед палаткой, чтобы они удалились. Только когда мужчина смог остаться с Лафонтом с глазу на глаз, заговорил свободно.

— Кто это? — проговорил он.

— Бастьен Хастель.

Он также мог бы поручиться графу, что его сестра будет найдена мертвой. Тот стал белым как полотно и стиснул зубы. На мгновение Лафонт испугался, что граф потеряет выдержку.

— Вы уверены?

— У меня нет никаких сомнений, — Лафонт отложил свои собственные объяснения. Он слово в слово повторил то, что передал ему Адриен Бартанд от Томаса. — Как вы можете увидеть, мой осведомитель Жан Блан привел также вещественное доказательство. Он нашел эту шляпу в хижине Хастель в Ле Нуазэт.

Лафонт открыл сумку и достал помятую треуголку и вуаль.

— Я уверен, ее горничная подтвердит, что они принадлежат мадемуазель.

— Кто мне скажет, что мы можем доверять этому Жану Блану? Возможно, он сам является преступником и хочет отвести от себя подозрения?

— Я даю вам слово, — энергично ответил Лафонт. — Я уже давно, очень давно сотрудничаю с месье Бланом. Иногда он слишком горяч и действует не слишком умно, но у него есть замечательное чутье. Что также подтверждают вещественные доказательства, отнятые им у преступника, — он вытащил тяжелую шкуру кабана и развернул ее. Теперь было видно, что это приспособление, которое было снабжено кожаными поясами, с помощью которых ее можно было закрепить на теле как покров. — Для того, чтобы преступник защищал своих собак, прежде всего, если он позволяет им свободно бегать, что, очевидно, он иногда делает. Неудивительно, что наши ищейки были сбиты с толку множеством различных следов и поэтому бежали в пустоту. Может быть, он накладывал её намеренно. Шкура не спасет ноги и голову от пуль и пик, но она защищает грудь и шею от очень серьезных ран. И от некоторых пуль, которые были выпущены с дальнего расстояния, удерживает их в безопасности от всех. Неудивительно, что люди думали, что это было неуязвимое волшебное животное с двойной шкурой. Адриен Бартанд думает, что мы должны начать искать в водотоках, и начать с маленького водопада в миле отсюда. Он также принес

куртку Бастьена Хастеля, чтобы собаки могли взять его след. Кроме того, Хастель был ранен и истекает кровью, что облегчает дело, — Лафонт откашлялся. Теперь начиналась щекотливая часть. — Как вы видите, убийца действовал с интеллектом одного из д'Апхер.

Граф выглядел так, как будто кто-то ударил его в живот. Лафонт пожалел его. В этот момент он был просто растерянным, абсолютно истощенным молодым человеком, для которого бремя его семьи стало слишком тяжелым. Конечно, он точно знал, на что намекал Лафонт. Но синдик сохранял невозмутимость и продолжил свое объяснение.

— Простите мою откровенность, но, по меньшей мере, в Бескве это не секрет, что ваш отец с кормилицей вашей сестры родили бастарда.

Было заметно, насколько чувствительно встретила фраза, которую Томас написал ему на клочке бумаги и вдвойне подчеркнул. Молодой граф поджал губы. В нем медленно поднималась ярость.

— Почему это именно Хастель? — кричал он. — А потом еще и это? Это не может быть!

— К сожалению, это так. И, месье, я могу представить собственную оценку дела?

Д'Апхер кивнул.

— Плохо вот что: убийцей является Хастель, но в его жилах течет благородная кровь д'Апхер. Вы... знаете, что это значит.

Д'Апхер горько засмеялся.

— О, да. Это распространится по всей провинции. И в конце это будет больше не Хастель, который совершал убийства, а д'Апхер. — Он провел пальцами по волосам. — Я устал, месье Лафонт. — выпалил он. — Я страдаю за прегрешения моего отца. Как долго еще Бог будет наказывать меня за это?

«Ну, в первую очередь, Бог наказал бедных людей, которые должны были умереть», — подумал про себя Лафонт. Но он редко видел, чтобы аристократ позволил себе такой момент слабости перед свидетелем.

— Я хорошо понимаю вашу ситуацию, — сказал синдик дипломатично. — И я знаю, что вы хороший, справедливый *господин* и делаете все для вашей страны и для тех, кто вам доверен. Мы согласны с тем, что этот кошмар, наконец-то, должен закончиться. И мы знаем, что никто не должен узнать, кто это был в действительности.

— И Хастель будет молчать? — насмешливо ответил граф. — Кто еще знает об этом?

— Только люди, которым есть что терять. И я гарантирую вам мое молчание. Потому что у меня нет интереса в том, чтобы в провинцию ворвались беспорядки. Месье Хастель будет молчать, потому что убийца носит его имя. Является он кровным сыном или нет — он также сорвет часть семьи Хастель в пропасть. И, возможно, вы гарантируете себе его лояльность дополнительно тем, если позволите Терезе Хастель вернуться к семье. И я могу позволить еще одно предположение? Никто не ориентируется в горах лучше, чем Жан Хастель. Он был там егерем и приложит все силы, чтобы найти Бастьена. Он намекнул, что знает некоторые места, куда обычно Бастьен удалялся ребенком. И знает, что делал Бастьен. И это тоже не тайна, что он ненавидит этого сына как раз из-за крови д'Апхер. Окажитесь великодушным и дайте Хастель ваше слово, что позаботитесь о том, чтобы имя его семьи было не запятнано, и отправьте его по следу. Если Бастьен должен встретить пулю и, к сожалению, мы не можем исключить этого, ибо добровольно это вряд ли получится, тогда вы совершенно сделаете из этого несчастный случай на охоте и оправдаете стрелка. И мы уьем собак Бастьена и представим одну как бестию. Для того чтобы ваша репутация была

восстановлена. Народ будет возносить вас, так как вы избавили его от этого ига, что не был в состоянии сделать даже король.

Граф поднялся с таким трудом, как будто должен был нести всю тяжесть мира.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Пришлите ко мне Хастеля, я поговорю с ним с глазу на глаз. Тем временем соберите проводников собак, и позовите несколько достойных доверия и молчаливых охотников. И тогда мы раз и навсегда положим конец бестии.

Лафонт поклонился. Однако прежде чем он вышел из палатки, граф позвал его обратно еще раз.

— Чего вы на самом деле хотите за свое молчание, месье Лафонт? — спросил он. — Вы первый адвокат, который в одиночку собрался на благое дело.

— О, теперь, когда вы заговорили об этом, только мелочь, своего рода карт-бланш, — сказал Лафонт с подчеркнутой скромностью. — Для Жана Блана.

— Почему? Что он сделал, что я должен прощать его?

Лафонт позволил себе легкую улыбку.

— Вы это поймете, когда его увидите.

Глава 38

КОЛЬЦО ПРИНЦЕССЫ

Изабелла уже давно не знала, как долго пристально смотрела в темноту своих кошмарных снов, боязливо внимательно прислушиваясь, пока бесконечно осторожно разведывала свою тюрьму. Кончиками пальцев она нащупывала только бесконечно крутые стены и землю, на которых лежал ни один этаж. Даже не было найдено ни одного камня. Ее единственным оружием, если так можно было назвать, был канат. Но это не так сильно помогло бы ей с собаками. И где ей пришлось бы пройти, если она хотела убежать. Одна из собак безостановочно беспокойно бегала туда-сюда как зверь в клетке зверинца. А один раз Изабелла слышала, как другие пили воду.

И теперь, понемногу, черное окрашивалось во что-то неясное, прорисовывая немного темное, как будто откуда-то падало немного света. Выходило солнце? Проникая в пещеру сверху?

Это не было достаточно ярким, чтобы она могла что-нибудь увидеть. Но все-таки, девушка могла почувствовать, что по ту сторону каменного сужения, в котором сидела на корточках, было большое помещение. Невредимая бестия передвигалась там как голодная, ловкая тень с каждой минутой беспокойнее. Другое животное, кажется, все время пристально смотрело в ее направлении, как будто бы могло видеть в темноте. У Изабеллы на спине встали дыбом все волоски, когда кобель с хрипящим звуком снова бросился на канат.

«Я совсем не должна кричать. Они могут почувствовать, что я боюсь», — подумала Изабелла, пока ее сердце снова начало неистовствовать. Но фактом также было то, что проникающий в пещеру намек на яркость, был проблеском надежды. Ведь она могла бы догадаться, куда ей бежать. И как будто бы Богоматерь, которой девушка теперь молилась, послала ей знак, свет стал немного светлее. Глаза одной из бестий сверкнули и снова погасли. Она должна была проскользнуть мимо животных, но как?

«Что бы сделал Аристид д'Анхер?» Изабелла сразу это поняла. «Он бы использовал слабости своих врагов! Теми средствами, которые как раз находятся у него». В правой руке она все еще держала остатки угольного карандаша, слишком много которого уже было

растерто у нее в руке. Изабелла спрятала уголь и поспешно связала конец веревки в узел. Если она этим размахнется, то у нее будет оружие. По крайней мере, узел очень чувствительно поразит морду собаки. Шум когтей по камням неожиданно стих. И теперь она тоже это заметила: это был не свет снаружи, а факел. Шаги! Теперь раненая собака тоже вскочила, обе дернулись влево и выли как щенки, которые радовались своему хозяину. «*Или кормежке*».

Сосновый лес был ошибочным следом. Томас не обнаружил убежище, а также на краю скалистой дороги не мог найти пещеру. Итак, он возвратился с проклятиями к водопаду. Ничего другого, пожалуй, не оставалось, как ждать Лафонта и Адриена с их ищейками. Снизу отсюда он полагал, что слышит уже лай. Томас хотел пойти навстречу охотникам, все же, сначала зачерпнул обеими руками воду, которую жадно выпил. Когда он наклонил голову назад, кое-что бросилось ему в глаза у водопада. Солнце светило сквозь завесу капель, и позволяла догадываться, что скала начиналась не сразу за ней.

Томас выпрямился. Не было ли это эхом? Потребовалось много мужества, чтобы продолжать идти по узкому плато, еще ближе к пропасти. Но там он был вознагражден: узкий каменистый путь, немного больше, чем скалистая кромка, проходил за водопадом! Там выступал камень, который маячил как балкон над водой, предлагая недолгую остановку. Томас, балансируя, положил руку на скалу. Ухватился за каменный балкон и посмотрел вверх — и тут он должен был быть очень осторожным, чтобы не потерять равновесие. Высоко над его головой в стене было черное отверстие, которое выглядело как клякса.

Этого, естественно, не могло быть, это было слишком высоко наверху, никто не мог туда попасть. И все же. Томас положил голову на бок и зажмурил глаза. Потом он на ощупь подошел еще ближе, все еще в страхе сползая. И это был знак! Когда юноша, наконец, смог понять, что тот собой представлял, то предпочел обрадоваться. У Изабеллы было мало времени. Но буквы, которые она неразборчиво писала углем на скале, все же можно было разобрать:

«*d'An*»

«*Но как она туда поднялась?*» теперь он забыл об осторожности, и отклонялся назад еще больше, пока не смог заметить далеко наверху каменный навес. Там была расщелина, наполовину скрытая под висящими лишайниками. «*Достаточно большая для человека!*»

Отблески огня приближались, на стенах плясали тени. В тот момент, когда собаки отвлеклись, Изабелла пустилась бежать. Она скользнула вправо между собаками и стеной в большее помещение. Кобель резко развернулся и тут же отскочил вперед, как стальная пружина. Он впился зубами в подол ее одежды. Толчок почти сбил с ног. Изабелла рванулась, повернулась кругом и освободилась от веревки. Кобель не завыл, он только рычал, потому что узел со всей силы отлетел вниз ему на морду, на мгновение он растерянно дернулся назад и покачал головой. Изабелла со всей силы бросилась вправо. Когда она побежала, разорвалась ткань.

«*Прочь от Бастьена!*»

Томас почти упал, так быстро он лез вверх по головокружительной пропасти. При каждом его движении, ружье билось о бедро, как будто поторапливало его. Задыхаясь, он достиг вершины лестницы. Мужчина подтянулся на руках на грубом камне, когда, наконец, достиг края расщелины. Теперь он видел, как Бастьен носил с собой собак:: один устремленный вверх выступ скалы был гладко отполирован, как будто она служила полиспасом (*прим. пер.: натягиваемая многими верёвками или канатами таль, грузоподъемное устройство, состоящее из собранных в подвижную и неподвижную обоймы блоков, последовательно огибаемых канатом или цепью, и предназначенное для выигрыша в силе или в скорости*). И в расщелине были спрятаны достаточно прочные свернутая веревка и старая изношенная корзина, в которой можно было поднять наверх собаку. Если собаки были хорошо обучены, то он мог позвать их в корзину сверху.

Томас полз дальше и оказался на животе в одном узком месте, которое вскоре стало шире. Неожиданно собственное дыхание прозвучало в его ушах громче, чем раньше. Он поднялся на ноги и побежал, сторбившись.

Перед Изабеллой простирался узкий, изрезанный расщелинами, скалистый проход. Она спотыкалась и бежала дальше. Девушка едва чувствовала, что поцарапала ступни на грунте. «*Это безумие*», — предостерегал отчаянный голос в ее голове. — «*Он натравит на меня собак. У меня нет шанса*».

Изабелла бросила затравленный взгляд через плечо и чуть не заплакала. Бастьен. Он как раз огибал угол с факелом в руке и покачивался. Он еще не добрался до собак и не видел, что она убежала. В отблесках факела, в искаженном от ярости лице больше не было ничего от смеющегося мальчика прошедших лет. Но в доли секунды Изабелла обнаружила еще кое-что. Он истекал кровью! Он был ранен в правое плечо, возможно, это огнестрельная рана? Пока она бежала дальше, в ней вспыхнула надежда. «*Они напали на его след!*»

Её дыхание стучало в ушах как гром. Ход вел в гору и разветвлялся. Она побежала направо наугад, туда, где, кажется, было светлее.

— Белла! — яростный крик Бастьена заставил ее споткнуться. Голос отражался от стен. Слезы застилали глаза Изабеллы. Она уже чувствовала, как бестии преследовали ее огромными прыжками.

Коридор неожиданно привел в звездообразное, изрезанное расщелинами помещение. Откуда-то гораздо выше падали одна или две тонкие нити света вглубь пещеры. Но не было никакого выхода. Она сидела в засаде. «*Оружие!*» — кричало все в ней. — «*Какой-нибудь камень!*» Изабелла споткнулась и тяжело упала на руки и колени, подползла дальше в расщелину, которая была шириной не больше руки, и отчаянно ощупывала рыхлую горную породу. В тот же момент, когда девушка бросила испуганный взгляд вверх, отблеск факела затопил звездообразную пещеру. Изабелла задрожала и поползла дальше в расщелину. В мерцающем свете ее взгляд упал на крошечный косой выступ. Он выглядел как складка на темно-сером материале. И на нем лежало... «*кольцо?*»

Узнавание преследовало Изабеллу трепетным ледяным проблеском в груди. В единственном взмахе ресниц время повернулось вспять, год за годом, до другого лета.

Тогда она тоже была босиком и стояла рядом с Мари возле глубокой расщелины. Эту скалу они называли «*башней принцессы*». Каждая из них держала в руке двумя пальцами кольцо. Кольца сделала им Тереза и высекла на них волшебные знаки, которые должны были защищать Изабеллу и Мари в лесу. Кольца были из ясеня. Тогда Мари и она переигрывали

сказку про белую кошку, и Белла закрывала глаза и представляла себе, что у подножия башни стоял ее принц. В знак того, что он может вернуться, она бросила ему кольцо, которое в ее фантазии сверкало алмазами и рубинами, и вслушивалась в его падение.

«Я здесь! Рядом с источником, всего в миле от Ле Нуазэт!» — Изабелла загнанно смотрела вверх. Колодец терялся в темноте. *«Но когда кольцо исчезло в скалистой расщелине, оно долго гроыхало и появилось тут, внизу».*

«Безысходности нет, моя красавица», — услышала она голос своего отца. — *«Только обходы, которые нужно находить».*

Изабелла не могла вспомнить, через какое время очнулась из своей задумчивости и была в отключке. В следующий раз, когда девушка могла снова ясно мыслить, она была уже прижата над землей спиной и руками к стене, упиравшись спиной в следующую, выдерживая огромное напряжение и отползая вверх — проделывая трюк, как пастушки, которым иногда приходилось подниматься на сильно пересеченной местности с крутыми склонами скал, чтобы спасти ягненка. Как издалека она слышала проклятья Бастьена и как к скале бегут собаки. Изабелла взглянула вниз и мгновенно испугалась, что потеряет все свои силы. Бастьен не снял с нее белье, и она стояла на его стороне в свете факела. Плечо суки было покрыто корками засохшей крови и ее глаза пылали голодом.

Мышцы Изабеллы невыносимо горели, но она удвоила свои усилия. Кобель достиг колодца первым, и мощным рывком взлетел вверх. Зубы клацнули в воздухе, но Изабелла была уже вне его досягаемости. Бастьен снова проклинал и ругал собак, а затем бросился к колодцу и поднял факел.

Удаленный мужской рев эхом разносился до перехода, куда в настоящее время устремился Томас. Он отскочил назад и прижался к стене, тяжело дыша, приготовив ружье к стрельбе. Затем он пошел осторожно, в любое время готовый к нападению. В один из этих странных моментов, когда юноша ждал, чтобы посмотреть в мстительное лицо Каухемара или рычащий облик большой собаки, он смутно вспоминал свою жизнь на шахматной доске. Единственными угрозами там были припадки бешенства де Буффона и наихудшая судьба в браке. Это было почти смешно.

Томас вздрогнул, когда услышал женский крик. *«Она еще жива!»* Но его облегчение сразу растаяло. *«Он направил на Изабеллу собак!»*

Томас повернул за угол и побежал на голос Бастьена и рычание. Терпкий собачий запах ударил ему в нос и в свете пропитанного смолой куста ткани, которая упала вниз с факелом, навстречу ему разверзлась темная пропасть души Бастьена: рядом с ручейком, который снабжал собак водой, лежали бесчисленные останки трупов кроликов, длинные кости с глубокими следами зубов и нижние человеческие челюсти.

Крик вырвался из ее губ сам по себе, и дал ей силы бороться дальше. Жар лизал ей ноги, но Изабелла уже достигла небольшого выступа. Позади нее отвлевался крутой, покатый ход. Изабелла дрожащими руками прокладывала себе путь на наклонном склоне и ползла на четвереньках. *«В безопасности!»*

— Это тебе никак не поможет! — кричал ей вслед Бастьен.

Изабелла не могла ничего больше воспринимать, кроме освещенности, которая становилась все сильнее, чем дальше она пробиралась вперед. *«Выход есть»,* — сказала она себе. — *«Мне нужно только следовать по пути кольца».* И в то же время другой частью

своего сознания она хотела узнать, что думал Бастьен. Позади нее все стихло, она больше не слышала криков и проклятий, только собственное сердцебиение и пыхтение, и затем, дальше впереди, журчание и капание воды. И свет! Проход закончился так внезапно, что она ухватила рукой пустоту и почти упала. Перед ней на расстоянии вытянутой руки была зияющая пропасть. И слишком высоко расщелина, которая вела далеко вверх. Только чтобы добраться до нее, Изабелла должна была прыгнуть в высоту в три раза выше, чем могла. Кольцо упало оттуда вниз, прокатилось по краю наклонной шахты и дальше до звездообразной пещеры.

Паника грозила начаться снова. *«Я застряла под землей как в могиле».*

По крайней мере, каменная поверхность простиралась на другую сторону пропасти.

Изабелла с трудом поднялась на ноги, хотя могла только стоять, согнувшись, но девушка напрягла каждую мышцу своего тела и преодолела расселину прыжком. Вокруг нее капало, водопад брал начало где-то здесь. Посыпалась галька и внезапно отовсюду затрещало. Рядом послышались шаги и царапанье. Стены пещеры отдавали эхом, звуки, казалось, исходили с обеих сторон.

От ужаса Изабелла с трудом задышала. *«Он здесь! Он пошел другой дорогой!»* Факельный свет и отражение воды разбудили скалу к жизни и отбрасывали искаженные контуры бестии на стену. Согнувшись пополам, она побежала по крутому склону! *«Это где-то слева».* Оттуда появился свет от огня. Изабелла побежала вправо и с леденящим ужасом поняла, почему Бастьен разместил факел на другой стороне. Дорога к ней вела в противоположном направлении. *«Он сознательно ввел меня в заблуждение с факелом!»*

Как будто бы Изабелла могла использовать это еще как оружие, она достала веревку.

Бастьен не говорил ни слова, а безмолвно ждал как скрывающийся хищник. Его нож сверкнул, но он не нападал, а кружил вокруг нее, пока она не встала спиной к скале

— Нет! Бастьен! — ее слабый голос смешался с журчанием воды. В полумраке на этой стороне пещеры его лицо омрачилось и исказилось, может быть от боли, потому что рана кровоточила сильнее. Вероятно, он все же не чувствовал рану, так гневно мужчина выглядел. *«Он — Каухемар. И ничего, что я ему скажу, меня не спасет».*

Его рука с травмированными пальцами дернулась вверх, подавая немую команду. Только краем глаза Изабелла увидела, как внизу в тени вскочила одна из бестий, разбежалась и забиралась по крутой скале высоко на плато.

Где-то внутри нее была Белла, которая кричала в агонии. Но к ее собственному удивлению, там еще существовала совсем другая девочка. Та, которая в этот момент решила выжить.

«Выведи из себя противника», — шептал ей голос Аристида. — *«Захвати его врасплох, сделай то, что он никак не ожидает!»*

«Его правая рука парализована», — мелькнуло у нее в голове. — *«И если он хочет ухватиться левой, то должен опустить нож».*

Изабелла подскочила, оттолкнулась так сильно, как могла и прыгнула. Она еще увидела, как он пораженно округлил глаза, замешательство в выражении его лица, сверканье ножа, который девушка чуть-чуть не задела, узел веревки ударил Бастьена не по рукам и лезвию, а по глазам. Он закричал.

Сила удара лишила ее дыхания. Своим плечом Изабелла ударилась в его грудь, они оба упали, покатались, соскальзывая. Затем ее колено натолкнулось на пустоту. Она вцепилась руками в грунтовую поверхность и увидела, как Каухемар скользнул через край. Но не

выпустил нож. Когда мужчина неожиданно это понял, то было уже поздно: своей правой рукой он беспомощно пытался найти опору на выступе, но тяжесть падения унесла его через край, и он исчез в глубине. Его крик неожиданно умолк, удар стих. А затем грохот, очень громкий, как канонада, разорвал каждую ее мысль. Когда Изабелла ошеломленно моргнула, то вдохнула терпкий дым пороха и бестия лежала рядом с ней как скрюченная кукла.

— Белла!

В первое мгновение ей показалось, что она видит Каухемара, в тумане из порохового дыма. Он стоял на скалистом выступе в двух метрах от нее. Ошеломленно девушка отметила, что у него был другой вид. Когда он прыгнул вперед и протянул ей руку, Изабелла узнала белокурые короткие волосы.

— Белла, прыгай!

И снова это была сдержанная девушка, которая немедленно среагировала. Изабелла вскочила и заметила второе животное.

— Томас! Рядом с тобой! — ее собственный крик резко прозвучал в ушах. Он обернулся. Как раз вовремя. Собака прыгнула на него. Томас вскрикнул, схватил винтовку за ствол и снял ее. Прикладом винтовки он ударил животное по голове и плечам, дотянулся до него ногами и отбросил в сторону. Собака кувыркнулась, скользнула вниз по крутому склону и упала в воду.

Изабелла разбежалась и прыгнула. Это был смертельно бледный Томас, в руки которого она попала. Они упали на землю, в обнимку и дрожали.

— Белла! — шептал Томас. — О, мой Бог, Белла! — его руки были ледяные, он обхватил ими ее лицо, и покрывал поцелуями лоб, глаза и ее губы. Потом он так сильно прижал девушку к себе, что она едва могла дышать.

Изабелла спрятала свое лицо в изгибе его шеи и, крепко обнимая, чувствовала бешеный пульс.

— Ты здесь! — бормотала она. И потом, также растерянно: — я убила Бастьена!

— Ты жива! — нежно ответил Томас.

Когда он ее поднял, Изабелла бросила взгляд в пропасть. Факел застрял между двумя камнями и высвечивал неровные тени. Каухемар лежал, вытянувшись на скале, ногами в воде, которая постепенно окрашивалась в красный цвет. Плескались волны, немного дальше справа из воды вылез кобель, встряхнулся и исчез из поля зрения прежде, чем Томас вскинул ружье.

Изабелла схватила его за руку.

— Не трать патроны! Нам нужно найти ручей, там раньше была шахта.

Изабелла схватила его за руку, и он последовал за ней и шумом воды, который становился все громче. Снова и снова Томас оглядывался в поисках бестии, он думал, что слышит ее, но она не появлялась.

— Ты это слышишь? — шептала ему Изабелла, затаив дыхание. Действительно, вдалеке эхом от стен отдавались удары, которые с их приближением становились громче. Они вместе поднимались, помогая друг другу на выступах и в бурлящей воде. Наконец, они достигли чего-то, что выглядело как заскорузлый люк. Засов был новый. «Здесь у Каухемара был проход», — подумал Томас. В тот же самый момент раздался оглушительный треск. Дерево раскололось, люк распахнулся и в то же время Томас услышал позади скрежет по камням. Затем сразу на лицо им упал яркий солнечный свет. Томас толкнул Изабеллу

вперед. Рука схватила ее и потянула наверх, и потом Томас ухватился за руку. Секундой позже в нос ему ударили еловый и пихтовый ароматы. Ослепленные светом, он и Изабелла, пошатываясь, двинулись дальше на несколько шагов и упали на колени, крепко обнявшись.

Жан Хастель поднял свое ружье и целился в разбитый люк. Оттуда вырвалась бестия и остановилась с вздыбившейся шкурой. Она зарычала, когда увидела направленную на нее винтовку Хастеля. Впервые Томас смог увидеть животное при дневном освещении. Оно было похоже на волкодава — ужасное, с широким черепом и лохматой шкурой. Широкая черная полоса тянулась по его спине. Хвост был длинный и темный, на его конце белело белое пятно, длинные ноги были красновато-палевого цвета, мощные лапы с длинными когтями. И все же, одновременно оно походило и на волка: плотный мех на холке, стоящие острые уши, дикость и агрессивность в красно-коричневых глазах.

Томас слышал выстрел как будто издалека. Животное упало и осталось неподвижно лежать. Пороховое облако дрейфовало между деревьями и рассеивалось. Хастель опустил ружье. Это было ружье, украшенное розами, которое много лет назад подарил ему граф. Его шаги хрустели по гравию, когда он подошел к Изабелле и Томасу.

— Я знал, что должен искать здесь, — пробормотал он. — Бастьен всегда убегал к ручью. Я не думал, что старая шахта все еще есть, пока не услышал выстрел, который был как будто из-под земли.

С этими словами он снял свою куртку и подал ее Томасу. Тот накинул ее вокруг плеч Изабеллы. Она дрожала, несмотря на летнее солнце.

— *Mercés* — спасибо, — тихо сказала Изабелла, однако, при этом рассматривала Жана Хастель.

Хастель только кивнул, но уклонился от взгляда Изабеллы.

— Где он? — обратился он к Томасу.

— Он мертв! Лежит в пещере!

Изабелла вскочила. Она потеряла свои глаза и обратилась к Томасу.

— Отведи меня домой, — тихо сказала девушка.

Глава 39

ДОЧЬ АРИСТИДА

Они взяли лошадь Хастель, которая была привязана поблизости. Томас не знал сам, почему, но он просто поехал верхом в гору в направлении Ле Нуазэт, как предполагал. Изабелла сидела за ним, прижавшись к его спине, и обвивая руками так крепко, как будто он ее последняя остановка перед пропастью, в которую она все еще могла бы упасть. Они не говорили ни слова, пока лошадь поднималась в гору. Когда они услышали вдалеке голоса охотников, которые были на пути к Хастель и убитой бестии, Томас направил лошадь через подлесок.

Он успокоился, когда в поле его зрения появился орешник.

Томас остановил лошадь перед домиком. Изабелла опустилась со спины лошади и сделала последние шаги самостоятельно. Девушка робко подошла к порогу, назад к своей старой жизни.

Когда у Томаса успокоилось сердце, и он немного позже подошел к двери, то нашел Изабеллу в комнате. Она ходила вокруг и проводила кончиками пальцев по закоптившимся камням. У Томаса запершило в горле, когда он увидел ее такой. Короткие волосы делали

Изабеллу одновременно хрупкой и стойкой. Больше ничего не скрывало ее шрам. И никогда еще она не казалось Томасу красивее. Страх за нее снова поднялся в нем, хотя бояться было нечего. Все же, в самом дальнем уголке своей души он знал, что она всегда будет там, каждой совершенно темной ночью, в каждом воспоминании лица Бастьена. *«Но Белла жива»*, — думал он. И сейчас благодарил всех черных Мадонн, фей и духов леса, и всех святых, которых знал.

Изабелла остановилась перед дорожными корзинами. Ее плечи выпрямились, как будто она должна была набраться смелости, потом девушка вытащила свою одежду и очень тщательно собрала вместе все письма. Наконец, она повернулась к Томасу. Он ожидал увидеть ее грустной, но Изабелла была только серьезной.

— Вот, они были для тебя, и по-прежнему твои. И, — она сглотнула и тихо добавила: — чтобы не происходило, Томас, они не будут последними.

Он не думал, что сможет быть просто счастлив после всех пережитых ужасов и страха. Это была самая прекрасная фраза, которую Изабелла могла сказать, и в тысячу раз больше, чем он мог себе представить. Томас взял письма и засунул их себе под куртку.

— А теперь помоги мне, Каухемар останется здесь, Томас! Я не хочу вспоминать о нем, если я вспомню о Ле Нуазэт. Это место принадлежит Мари и мне!

Теперь он вздрогнул от сомнительности из ее уст. Томас подошел к ней и взял за руки, утешая, провел тыльной стороной кисти руки по ее щеке, в бесконечно ценном мгновении близости.

— Почему он стал таким? — прошептала она.

Томас откашлялся.

— Я не знаю. Я думаю, что его душа одичала в детстве как в джунглях. Там был только победитель, и это был он.

«И он был прав в том, что сказал обо мне. Некоторое время мы действительно были похожи друг на друга. До тех пор, пока я не убежал в своих мирах на чужие континенты, а он в свой собственный, жестокий мир».

— Я знаю, он был моим братом, — тихо сказала она. — И оба отца не были добры к нему, ни родной отец, ни мой. Но это были Жан и Пьер, а также Антуан, которые загнали его дальше в джунгли, я права?

— Это не оправдывает его, Белла.

— Я знаю, — просто сказала она. — Я просто пытаюсь понять.

Томас перенес пожитки Бастьена вне пределов видимости дома, корзины, содержимое сундука и даже поленья, которые нарубил Бастьен. Когда он снова возвратился, Изабелла опять оделась и стояла перед камином. Это было почти шоком, увидеть еще раз ее преобразование: теперь Изабелла была босой графиней в коричневой охотничьей одежде. Она как раз стянула с мизинца небольшое деревянное кольцо и аккуратно положила его в золу и темный песок очага, как будто похоронила там. Жест выглядел как прощание, и Томас очень хорошо понимал, что это было гораздо большее. Перед ним стояла дочь Аристида д'Апхера, в покое и просветлении, которые не оставляли сомнений в том, к чему она принадлежит.

Снаружи заржала лошадь, залаяли собаки. Шаги и голоса приближались. В помещение упала тень, когда на пороге появился маркиз д'Апхер. В другой день и в другое время Томасу было бы неудобно, но сейчас он просто поклонился и выжидал. Юноша больше ничего не боялся. И он, конечно, не будет мечтать о мертвецах в Гефаудане.

— Жан Блан, я предполагаю, — только заметил д'Апхер.

— К вашим услугам, *мой господин*.

Д'Апхер долго рассматривал его, потом, наконец, кивнул.

— Во-первых, оставьте мою сестру и меня одних и доставьте месье Лафонту срочное сообщение.

Томас глубоко вздохнул. «*Итак, все еще его сестру*». Он мучительно чувствовал, что были вещи, которые никогда не изменятся. «*Только в сказке принцесса выходит замуж за нищего*». Это ощущалось так, как будто он потерял ее во второй раз, но потом он почувствовал письма Изабеллы под своей рубашкой. Мужчина поклонился и вышел.

Перед домом его ждал Адриен, с винтовкой через плечо, с одной из собак д'Апхера сбоку.

— Синдик не может ждать, *Томе*, и два писаря уже точат свои перья. Вы убили его! Рассказывай уже все, наконец!

— Позже, — пробормотал Томас.

Его друг неохотно кивнул. Бок о бок они безмолвно пошли к лагерю.

— Адриен? — спросил Томас через некоторое время. — Что собственно произошло ночью, когда умерла Мари? Ты все же был у нее?

Адриен кусал свою нижнюю губу, но потом, он, кажется, пнул себя.

— Мы поспорили, потому что я был ревнивым идиотом. Я оставил ее стоять в саду, когда дворняга побежала за мной через луг. Когда я оказался на склоне, то насвистывал песню. Не знаю, что на меня нашло, но думаю, я просто хотел ее рассердить. Я оставил там собаку, и сам вернулся в охотничий лагерь так быстро, как только смог. Вообще-то я слышал вдалеке лай собаки, но ничего об этом не подумал. Я никогда бы не предположил, что она побежит на склон, — он вздохнул. — Если бы я не пошел к ней, мари не встретила бы Бастьена и была бы жива.

«*Так много разновидностей вины*», — подумал Томас. — «*И каждый носит свою*».

— Пожалуй, только матроны это знают, — ответил он.

— Ты знаешь, как только я появился в лагере, мне уже было жаль, — продолжил Адриен. — Мари была плохой обманщицей, как только я остыл, то мне стало понятно, что у нее с парнем не было совсем ничего. Ну, моя желчь закипает быстрее, чем у женщин. Поверишь ли ты в это или нет, но я действительно любил ее больше, чем многих других.

В этот раз Томас воздержался от комментария о бабнике.

— И к кому ты ревновал?

Адриен пожал плечами.

— О, какой-то жалкий балбес из города. Он пытался танцевать с ней *бурре* и забыл, что я — лучший танцор в Гефаудане!

Часть 5

КОНЕЦ

«— *Как дела, сын короля?* — спросила белая кошка. — *Ты снова возвратился без короны.*

Принц отвечал:

— *Благодаря твоей доброте, я смог получить ее, но я убежден, что это причиняет королю, моему отцу, больше горя расстаться с ней, чем мне доставило бы удовольствие*

владеть ею.

— Ничего страшного, — ответила она. — Я и дальше помогу тебе, и так как ты должен продемонстрировать прекрасную девушку твоему отцу, я найду тебе ту, которая заслуживает приз».

Из сказки «Белая кошка»
Мари-Катарина д'Аульне

Глава 40

ЧАС МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ

Томас наблюдал из дрожек (*прим.: наёмный экипаж*), как мимо него проплывал город. Во многих местах снежный покров был такой свежий, как будто у Парижа был жилет, неприкосновенный для прегрешений и жадности. Сонная и туманная испарениями Сена протекала в своем каменном русле. Продавцы, которые у мостов продавали газеты и жареные каштаны, замерзли так же, как и голуби, которые, нахохлившись, сидели на арках и подоконниках.

Томас откинулся назад, закрыл глаза, и почувствовал покалывающее чувство ожидания, а также налет страха. «*Что будет после всего этого времени?*» Он сунул руку в карман и в сотый раз за день провел рукой по письму, как будто должен был удостовериться, что не спит.

— Мой Бог, ты опять не спал сегодня ночью? — спросила Жанна.

Томас снова открыл глаза.

— Ты ведь знаешь, я отвык от сна в Гефаудане.

Жанна засмеялась.

— Для таких людей как ты, есть одно слово — ненормальный.

Утепленный ватой материал зашуршал, когда она уселась поудобнее. Ее кринолин прижался к ногам Томаса. Попытка Жанны втиснуть себя в подбитом мехом пальто с широкими юбками в тесные дрожки, равнялась проекту втиснуть павлина в клетку канарейки.

— У меня все еще кружится голова, когда я вспоминаю, как ты прыгнул на карету, — продолжила она. — Ты действительно мог бы вернуться в тюрьму.

— Ну, к счастью, у меня есть друзья с хорошими связями. Я никогда бы не подумал, что мой отец и дядя Клер послушают дю Барри.

— Да, дю Барри является художником, когда речь заходит о получении людей, чтобы сделать что-то или не делать. И он перестает быть самой лучшей лошадью в конюшне, — Жанна заговорщицки ему подмигнула. — По крайней мере, до тех пор, пока это преимущество моих обещаний. Таким образом, мы используем преимущества и таланты других людей для наших собственных целей.

«*Здесь в Париже это естественный порядок*», — думал Томас. — «*Кто знает, изменится ли он когда-нибудь, даже если Вольтер и другие философы желают что-то совсем другое для Франции*». Вероятно, его отец, Шарль Ауврай, был все же умнее в этом отношении, чем думал Томас два года назад тогда, на карнавале дю Барри.

— Как у него дела, Жанна?

— У твоего отца? Не так уж плохо. Ходят слухи, что он собирается жениться. Богатая вдова, которая находится в родстве с министром финансов лично, должно быть, совсем

восхищена им. Ну, я боюсь, что как наследника, тебя, должно быть, спишут окончательно. Женщины с влиянием стоят дорого, как ты знаешь,

Определенно, никто не понял бы из придворного общества, почему Томас радовался этому сообщению. *«Жизнь продвигается для него дальше. Шарль Ауврай идет своей дорогой. Как я полагаю».*

На краю парка Тюильри дрожки остановились. Томас первым спрыгнул в снег и подал Жанне руку. Но когда она поскользнулась на обледенелой подножке, он взял её легко вокруг талии и опустил вниз. Кучер, старый, почти беззубый мужчина, кивнул им благосклонно.

— Язвительный, но галантный супруг, мадам.

— О, он должен быть галантен, после того, что натворил, — строго отвечала Жанна. — Его отец лишил его наследства из-за игровых долгов. Он всегда ставит все на карту, — она театрально вздыхала. — Теперь я должна буду танцевать из-за денег в каком-либо кабаке, чтобы наши дети не умерли с голоду! Да, Томас Ауврай, не смотри на меня с таким возмущением, каждый должен знать, какой ты ужасный муж!

С этими словами она прошуршала мимо озадаченного кучера и большими шагами направилась в Тюильри-палас. И, конечно, она сегодня не думала о деньгах, поэтому Томас со вздохом открыл свой бумажник и отсчитал монеты.

— Ну, игроки всегда платят, запомни! — проинформировал его кучер.

Томас торопился догнать Жанну. Он предложил ей руку, и они вместе пошли через обширные сады. Вдали можно было увидеть дворец. Прежде чем был построен Версаль, это здание, с его выступающими флигелями, являлось городским дворцом французских королей. Сегодня парижские граждане использовали сад дворца для променада, здесь демонстрировали свои семьи, свои завоевания и даже новых собак. По дороге болтали и мимоходом приветствовали кивком. Томасу казалось, как будто бы гуляющие передвигались как шахматные фигуры на точно предназначенных путях на огромной игровой доске. Геометрически расположенные грядки и деревья, и точно размеченные дороги усиливали это впечатление. На головах статуй восседали меховые шапки из свежее-выпавшего снега.

Единственное, что нарушало порядок, были вороны. Крылья бились, снег взлетал, когда стаи черных птиц поднимались в воздух. Их хриплые крики заглушали призывы продавцов и стук карет.

Картина его первой встречи с Изабеллой в дневном освещении сверкала перед Томасом. *«Девушка ворон».*

— Почему ты улыбаешься? — хотела знать Жанна.

— Я думал только утром в конюшне, — отвечал он. — *Mas fa bèl brieu.*

Жанна закатила глаза.

— Ты отучишься когда-нибудь говорить на этом деревенском языке?

— Это окситанский, Жанна. Я только что сказал: но это было давно.

— Видимо не так давно, что ты не можешь выкинуть девушку из головы. Я все равно не понимаю, как ты мог влюбиться в твою провинциальную принцессу и так развалиться. Ну, да, ты всегда хочешь недостижимого, — она вытянула шею в сторону дамы, которая одна гуляла по дорожке. — Что я все-таки должна высматривать после плохо загримированного провинциала, который одет по моде позапрошлого сезона?

Но Томас едва ли слышал колкость, а следовал взглядом за каретой, которая проезжала как раз поблизости и остановилась на краю широкой дороги. Внезапно он остановился, и озадаченная Жанна споткнулась. Тогда она также посмотрела на повозку.

— Это она?

Но Томас не мог ответить, он просто стоял с теплым ливнем в груди из радости и страха. «*Это и в самом деле она?*»

Кучер спрыгнул с козел и раскрыл дверь. Наружу выбилась красная ткань, и рука в светлой перчатке ухватилась за правую руку кучера. И колени Томаса подогнулись. «*Изабелла!*»

— О, теперь я вижу и действительно понимаю, — прошептала ему Жанна.

Настороженно и немного потерянно Изабелла стояла в геометрии сада и оглядывалась в поисках. Среди украшенных дам, она явилась Томасу как волшебница, которая забрела сюда из дикого леса. «*Принцесса зима*», — подумал он. — «*Черный, белый и красный*». На фоне снега ее лицо выглядело еще темнее, одежда светилась огненно-красным. В драгоценные секунды, когда она еще не обнаружила Томаса, Изабелла принадлежала только ему — округлость ее щек, изгиб спины и как она смущенно заправляла за ухо свои волосы. Угольный карандаш, который он всегда носил при себе, уже ждал того, чтобы позже увековечить девушку на бумаге. За полгода с момента их прощания, ее волосы отрасли, но все еще не были достаточно длинными для прически. Ветер трепал белый меховой воротник, который окружал ее подбородок. Бессознательным жестом она взяла себя рукой за шею, как будто должна была позаботиться о том, чтобы шрамы оставались скрытыми.

В этот самый момент Изабелла обнаружила Томаса. Первые пару секунд они смотрели друг на друга удивленно и немного испуганно, затем сияющая улыбка превратила даму в его Беллу.

— Томас! — крикнула она ему.

— Иди спокойно, — шепнула ему Жанна. — Я найду своего будущего мужа одна, — но, конечно, она не могла удержаться от того, чтобы поцеловать его в щеку, прежде чем отпустила его руку.

Было не приличным бегать как сумасшедшему по саду, но Томас не обращал внимания на взгляды людей.

Тысячу раз он с беспокойством спрашивал себя, как это будет: станут ли они чужими по прошествии долгого времени, но теперь она дала ему ответ. Девушка не ждала, а бежала навстречу ему, и обняла своими руками за шею, когда он держал ее в своих объятиях, задыхающийся и счастливый, как тогда в замке, в ночном сумраке коридора.

— Я так скучала по тебе! — шептала она ему в ухо. Он высоко поднял ее, кружил и тем самым распугивал ворон, которые улетали прочь, возмущенно каркая. Над парком звучал смех Изабеллы. Только когда группа гуляющих, откашлявшись, покачала головой, он отпустил ее. Изабелла взяла его под руку, и они присоединились к благовоспитанной веренице и гуляли в направлении дворца. И как будто этот жест испугал *Томе* и *Беллу*, неожиданно они были более смущены, более нерешительны, почти немного незнакомцы, которые должны найти общий язык.

— Как надолго ты сможешь остаться? — спросил Томас.

— Не долго. Как только стемнеет, я должна буду вернуться. Вечеринка у моей двоюродной бабушки... Мать, графиня. Как гостья из провинции, в которой бушевала bestия, меня будут демонстрировать повсюду. Я — редкость, с тех пор как горничная передала, что я могу спать только со светом от свечи. Я останусь до карнавального праздника в Париже.

Итак, еще почти два месяца! Это звучало как обещание.

— Лафонт передает тебе привет, — говорила дальше Изабелла. — И также другие.

— Что делают Адриен и Жан Хастель?

— Адриен хорошо это принял, мой брат нанял его псарем (*прим. пер.: слуга на псарне, ухаживающий за собаками и участвующий в охоте*). Он снова влюблен в девушку. Он говорит, что в этот раз серьезно, наверное. А Жан Хастель — вокруг него стало тихо. Он разочарован тем, что король так немилостиво его принял.

Томас слишком хорошо помнил, как трактирщик с одним из слуг графа д'Апхер хотел представить королю «верную» бестию. Это был разгар лета, только несколько недель после смерти Бастьена. Плохо подготовленное животное уже плохо пахло, когда хозяин таверны прибыл с ним в Версаль. Затем Жан Хастель и лакей д'Апхера были незамедлительно отосланы в Гефаудан с несколькими ливрами вознаграждения.

— В конце концов, за все это время было доказано, что это было за животное — никакого Хастеля, а также никакого д'Апхер, — сказала Изабелла. — И речь шла только о Жан-Жозефе. И не смотря ни на что, даже Хастель теперь рад, что дело может бытьем пораста.

«Хастель». Даже в присутствии Томаса она не обозначила трактирщика как своего отца, и Томас знал, что она никогда не сделает это. Со временем правда будет исчезать.

«У нас всегда есть выбор», — думал он. — «Я решил на то, чтобы покинуть моего отца. И Изабелла решила, что останется дочерью Аристида, кельта».

— А ты, Томас? Как у тебя дела в Париже? Твой отец помирился с тобой?

— Нет. И я также полагаю, что он не будет никогда этого делать, для этого я разочаровал его слишком глубоко. Ты видишь перед собой неимущего мужчину и больше не состоятельного наследника мануфактуры перчаток и еще гораздо меньшую надежду академии.

Он так часто репетировал ночами этот разговор, и, тем не менее, удивился тому, что мог произнести теперь эту правду так свободно.

— А что с графом, с племянницей которого ты должен был сочетаться браком? — спрашивала дальше осторожно Изабелла. — Я слышала, что дело рассматривалось даже судом?

— Ну, на Версаль я теперь могу теперь только позволить себе смотреть. И это, конечно же, продлится еще два три года, пока я не выплачу компенсацию за разорванную помолвку и подготовительные расходы к свадьбе. Не говоря уже о разоренной карете моего отца. По ночам я работаю как писарь и рисую для газет, чтобы заработать деньги. Мне повезло, что твой брат заменил мне два рубина в ожерелье матери, иначе все прошло бы не так снисходительно.

— И ты также потерял свою стипендию в Академии и больше не ассистент де Буффона?

Томас кивнул. Ему все еще было нелегко это вспоминать. Но больше не имелось никаких отговорок, никаких покрывал и масок. «Было так, как было».

— Этого можно было ожидать, что де Треминс задействует все свои контакты, чтобы после всего лишит меня карьеры в Академии. И у де Буффона не было выбора, в конце концов, я просто убежал и бросил на произвол судьбы все свои задания. Он не мог бы оправдывать мои занятия дальше. Теперь он уже нашел замену — другого студента, который также хорошо рисует.

— Ты не опечален? — тихо спросила она.

Томас бы солгал, если бы утверждал, что это не создает ему трудности. Но когда

Изабелла схватила его тверже за руку, он в очередной раз понял, что можно быть и грустным, и счастливым одновременно.

— Мы расстаемся со старыми мечтами и находим новые, — ответил он через некоторое время. — Лафонт очень заступился за меня. Я получил его рекомендательное письмо, которое скреплялось печатью епископа Менде. Епископ использовал лиц, занимающих высокие должности в Париже и в полицейском министерстве. Если повезет, то с этой рекомендацией я получу место на полицейской службе. И если я себя зарекомендую, кто знает, куда меня это приведет, — теперь он занервничал. Вопрос, что он снова и снова задавал себе в течение нескольких месяцев каждую бессонную ночь, был на языке. Но прямо спрашивать он не смел. — Может быть, я никогда не буду видеть Новый Свет. Но есть здесь во Франции нечто гораздо более ценное, что стоит ждать. Так или иначе... я надеюсь.

Изабелла не отвечала ему, она даже не повернула голову, когда он вопросительно посмотрел на нее со стороны. И в течение нескольких секунд она показалась ему такой далекой, что он отчаялся, несмотря на их близость.

Рядом с одной из художественно постриженных изгородей остановилась группа гуляющих. Жанна и дю Барри, две дамы из парижского полусвета и полный мужчина, вероятно, брат дю Барри. Он как раз склонился к коричнево-белой охотничьей собаке, которую вел на веревке рядом с собой и отпустил ее. Маленькая ручная собака, которая была на руках у одной из дам, начала лаять и трепыхаться, до тех пор, пока женщина, наконец, тоже не поставила ее в снег. В парке, в окружении обузданной природы, на снегу буйствовали две нервные собаки, гонялись друг за другом вокруг изгороди и дороги, лаяли и рычали.

Томас и Изабелла остановилась. Бок о бок они наблюдали за игрой, лишь отражение бестии Каухемара, и все же достаточно тревожно.

Спутницы дю Барри засмеялись и заплодировали, когда болонка вильнула в сторону и этим запутала собаку. *«Насколько острой может быть грань между игрой и жестокой реальностью»*, — подумал Томас. И он опять содрогнулась при мысли, которая часто преследовала его сегодня в сновидениях. — *«Что, если бы я не встретил собаку?»*

Изабелла приблизилась еще ближе к нему, ее криолин прижался к его лодыжкам. И хотя девушка не принадлежала ему, он обнял своей рукой ее за талию и притянул к себе.

Над парком стемнело, зажглись первые лампы.

— Час между собакой и волком, — тихо сказал Изабелла. Томас знал, что они оба думали об одном и том же. Он вспомнил грубоватый стиль Бастьена, его ухмылку, его преданность и его уязвимость. Вид того, как он пытался сжимать руку в кулак, когда был обижен, и факт того, что они были друзья. Но в то же время появилось другое лицо — Каухемара, жестокого, бестии, человека, чьи глаза были лихорадочными, с голодным блеском, когда он говорил об убийстве.

— Тереза знает? — спросил Томас.

Изабелла качала головой.

— Она знает только версию о несчастье на охоте. Она очень печалится. Но, вероятно, возвратится однажды в Ла-Бессер. Я думаю, Жан Хастель желает, чтобы они были снова мужем и женой, вопреки всему.

«Мы хотим себе так много», — подумал Томас. Он украдкой наблюдал за Изабеллой со стороны. Снежинки легли кружевной завесой на ее волосы. Она казалась взрослой, серьезной.

Рядом с живой изгородью Жанна гладила ручную собаку и высоко подняла ее. Группа гуляла дальше и исчезала из их поля зрения. Только смех Жанны до сих пор доносился к ним.

— Кто эта блондинка? — хотела узнать Изабелла. — Ты хорошо ее знаешь? Она целовала тебя только что, как будто бы хотела указать мне, кому ты принадлежишь.

Хотя Изабелла стремилась это скрыть, слова прозвучали почти рассержено. Он почти улыбнулся.

— Она — подруга, ее зовут Жанна. Один из мужчин — это ее жених, через несколько недель она назовется мадам дю Барри. Я многим ей обязан. Она умная женщина, и определенно они однажды заживут во дворце.

— А мы?

Это прозвучало вскользь к сказанному, и Томасу понадобилось пару раз вдохнуть, чтобы понять этот образ Изабеллы и ответить ей. «Мы». Теперь последний остаток печали также распался в пепел. И хотя слова Изабеллы были только обещанием между любящими, и никаким разрешением графа д'Апхер, Томас все же был абсолютно бессознательно счастлив. Лучше всего он бы схватил ее на руки и сильно расцеловал. Ему стоило большого самообладания, чтобы просто ответить.

— Не во дворце, я боюсь. Даже не в городской резиденции. Но, может быть, когда-нибудь... в городском доме?

Изабелла улыбнулась ему со стороны.

— В Париже?

— Где ты захочешь, Белла. Разумеется, это была бы скромная жизнь. Никаких хрустальных люстр, никаких дорогих шелковых вечерних платьев, никакого огромного количества прислуги...

— Но мы были бы счастливы, или нет?

— Были бы, — сказал Томас от всего сердца. Даже сегодня он не мог сказать, когда ее рука нашла его руку. Они пошли дальше, так хорошо знакомые, как если бы были парой. Это был бесконечно прекрасный сон. Но, конечно, реальность вернула его обратно.

— Ты думаешь, твой... брат позволит?

— Я не знаю, — сказала она серьезно. — Это не так, что Жан-Жозеф не любит тебя, Томас. И он должен мне кое-что. Но ты знаешь, занимает много времени, чтобы изменить положение вещей.

Томас вздохнул.

— Да, и он был бы, пожалуй, плохим *господином*, если бы отдал тебя мне. Даже если у меня была бы действительно хорошая должность в полиции через один, два года: ты бы потеряла свой титул и свои привилегии, как только бы вышла замуж за простолюдина.

— Это верно. С другой стороны... если меня сказки чему-то и научили, то только одному: некоторые вещи стоит ждать. Мне не нужна большая прислуга, а вести домашнее хозяйство я научилась у Хастель. И я многое получила бы в обмен на свои привилегии. Никаких хрустальных люстр, но в обмен на это мужчину, который рисковал даже в логове чудовища, чтобы спасти мою жизнь. Никакого титула, но кого-то рядом, кто рискнул из-за меня тюрьмой и потерей любви отца. Никаких дорогих шелковых вечерних платьев, но вместо этого две руки, которые будут держать меня в темноте, если мне присниться кошмар. И... — она потянула его с дорожки, в снег, за живую изгородь, где они были одни в течение нескольких секунд, — у меня будет мужчина, который любит меня и который целует меня

каждый раз, когда я этого хочу!

Томас рассмеялся. В ее лисьих глазах отражались облака на зимнем небе, и рот Изабеллы был так заманчиво близок, что он не мог сопротивляться. Неожиданно его затопило нежностью.

— Моя Белла, — прошептал он. И хотя это было неразумно и абсолютно безрассудно, Томас взял ее лицо своими руками и поцеловал. Ее рот имел вкус дикости и леса, это был поцелуй волшебниц, и первая тайна, которая принадлежала в Париже только им обоим.

Послесловие

ПО СЛЕДАМ ЧУДОВИЩА

Между 1765 и 1767 годами похожее на волка животное чинило кровавую расправу в области сегодняшних Овернь и Гефаудана. 19 июля 1767 года Жан Хастель убил животное, которое можно было идентифицировать по форме зубов и анатомическим данным как помесь волка и собаки. Серия убийств прекратилась. Но могло ли на самом деле животное убивать так много людей и также многих из них обезглавливать, на сегодняшний день ставится под сомнение. Современные охотники на бестий, такие как Жан Рихард, Эрик Мацель и Бернард Соулир изучали архивы Пюи, Менде и Монпелье, чтобы выяснить, кем или чем в действительности был зверь. В журнале «Gazette de la Bête», основанной Жаном Рихардом, самые последние результаты исследований представляются каждый год.

«*Si t'es pas sage, la Bête va venir te manger!*» — «Если ты не благоразумна, то придет бестия и съест тебя!» Многие жители в «области зверя» слышали это выражение в детстве, например, журналист и исследователь чудовища Жан Клод Боуррет. Кем или чем в действительности была бестия, до сих пор неясно, и возможно поэтому, уже почти двести пятьдесят лет французы вспоминают чудовище.

Исследователь Андрэ Аубацак полагает, что это могут быть только люди, возможно, солдаты, которые вернулись после Семилетней войны и путешествовали через провинции: «я спросил мясника. Обезглавленные жертвы не могут приписываться бестии. Для того чтобы отрезать голову, нужна сила, интеллект и... инструмент».

Мари-Хелена Соубиран пишет о комбинации факторов и преступников: животное, один или несколько убийц и скрытые убийства детей. Очень увлекательно читать Роджера Оулионса, «*Новеллы, разоблачающие организованную преступность*», с его очень показательными фотографическими противопоставлениями животных нашего времени и исторических портретов бестий. У заядлого охотника имеются аргументы для его специального утверждения, подкупающие отличными аргументами и соображениями, некоторые из которых я переложила в уста моему молодому сыщику Томасу Аувраю. Тезисы Бернарда Соулира — это доказательство помеси волка. Как охотник он экспериментировал с черным порохом и ружьем той эпохи и произвел баллистическое расследование этих случаев.

Другие исследователи, как, например, историк Жан Марк Морикуе, полагают, что речь просто шла о нападениях нескольких волков. Ведь как бы ни были редки нападения волков на людей — они все же бывают. В то время популяция волков была очень большой, по статистике они встречались гораздо чаще, чем сейчас. Одним словом: в наличии есть факты, но они остаются неоднозначными, слишком редкими, слишком общими, чем можно было бы воссоздать преступление без пробелов. Кроме того, сообщения о бестии той эпохи — чаще

всего субъективное истолкование развития событий.

И здесь мы уже попадаем в темную зону: факт или фикция? Например, часто находят указания на то, что девятнадцатилетний Антуан Хастель, сын убийцы бестий, был убийцей сам. Он будто бы был на Семилетней войне, путешествовал в Африку и отвечал за дворянский зверинец и зоопарк. Однако, никаких данных, подтверждающих это, не существует, и тем больше литературных вариантов, которые позже были растолкованы как факты на различных подмостках и в некоторых специальных книгах.

Легендарное сообщение Жака Портфе также принадлежит к «уткам». Мальчику пришлось защищаться от зверя, и поэтому он был отмечен королем. Позже он пошел в армию. Пока история достоверная. Письмо, которое он якобы написал несколькими годами позже, представляет бестию как существо, которое поднялось на две ноги как человек, что тянет за собой умозрительное заключение об убийце, одетом в волчью шкуру, и конечно излюбленный в наше время волк-оборотень подкрепил это доказательство. Это письмо берет свое начало от фантазии писателя. Было увлекательно и поучительно добираться до сути по этим «сказкам» и следовать по ошибочным следам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net